АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ДВЕ ВИЗАНТИЙСКИЕ ХРОНИКИ X ВЕКА

ПСАМАФИЙСКАЯ ХРОНИКА

ИОАНН КАМЕНИАТА

ВЗЯТИЕ ФЕССАЛОНИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1959

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ТОМА

доктор исторических наук
М. Я. Сюзюмов

Светлой памяти
Дмитрия Ефимовича
Михневича

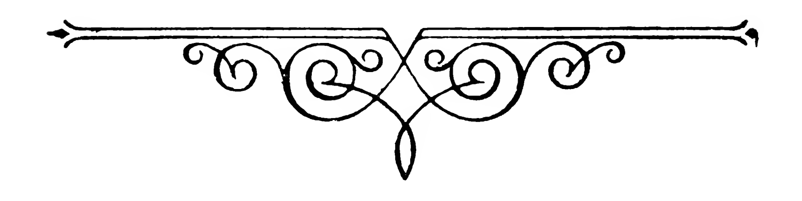
ОТ РЕДАКЦИИ

В этой книге публикуются сочинения двух византийских историков первой половины X в. Одно из них, опубликованное в подлиннике под названием «Житие Евфимия» (Vita Euthymii), написано неизвестным монахом Псамафийского монастыря в Константинополе и потому издается под условным названием «Псамафийской хроники». Автор другого исторического труда — клирик и кувуклисий Иоанн Камениата. Его сочинение «Взятие Фессалоники» рассказывает о нападении арабов на Фессалонику — один из крупнейших городов Византийской империи. Произведение Иоанна Камениаты содержит ценнейшие сведения о внутренней жизни города, о занятиях населения, о торговле фессалоникийцев с окрестными славянами.

Оба памятника интересны не только как исторические источники, содержащие нередко уникальные сведения о внутренней и внешней политике Византийского государства, но и как произведения средневековой литературы, отражающие идеологию далекого прошлого и знакомящие с жизнью, бытом и воззрениями давних поколений.

Ни то, ни другое произведение до сих пор не издавалось в переводе на русский язык.

ПСАМАФИЙСКАЯ ХРОНИКА

ПРЕДИСЛОВИЕ,
ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИЙ
А. П. КАЖДАНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1888 г. немецкий филолог Карл де Боор опубликовал совершенно неизвестное ранее сочинение, посвященное истории Византии конца IX — начала X в. Оно было издано по единственной греческой рукописи, обнаруженной незадолго до того проф. Г. Гиршфельдом среди остатков монастырской библиотеки на одном из островков озера Эгердир (в южной части Малой Азии, к западу от города Конья) и купленной им для Берлинской библиотеки (Berol. gr. № 55). Рукопись была сильно повреждена, не имела ни начала, ни конца, изобиловала описками, кое-где отсутствовали листы; названия не было, и де Боор издал ее под условным наименованием «Житие Евфимия» [1]. В настоящее время, насколько нам известно, эта рукопись утеряна.

Изданное де Боором сочинение излагает историю Византии с момента смерти императора Василия I (867—886) до первых лет правления малолетнего Константина VII (913—959); иными словами, оно повествует о правлении Льва VI (886—912), затрагивая также некоторые события кратковременного царствования его брата Александра (912—913). По содержанию эта рукопись значительно отличается от обычного жития. Х. М. Лопарев совершенно правильно оценил этот памятник, видя в нем не житие святого, а историческое повествование о событиях, в которых константинопольскому патриарху Евфи-

---

[1] VE. Издание де Боора было положено в основу нашего перевода. См. также конъектуры Н. Веиса в Πρακτικὰ τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν. τ. 19, 1944, σελ. 105—136. Когда наша рукопись уже находилась в издательстве, вышло в свет новое издание, подготовленное П. Карлин-Хейтер и снабженное английским переводом. В меру сил мы постарались использовать и это издание. Помимо литературы, указанной Д. Моравчиком (Gy. Moravcsik, *Byzantinoturcica,* Berlin, 1958, Bd. I, S. 563), см.: Н. Г. Попов, *К византийской истории X века,* Летопись Ист.-филол. об-ва при Новоросс. ун-те, т. IV, ч. 2, 1894.

мию (907—912) отведена довольно большая роль[2]. Поэтому мы будем называть ее далее не «Житием Евфимия», а анонимной хроникой; это название — также, конечно, условное — все-таки ближе к характеру рукописи, нежели предложенное де Боором.

Рубеж IX—X веков был переломным периодом в социальной и политической истории Византийской империи.

Византийская империя была в это время аграрной страной; старые римские муниципии пришли в упадок, товарное производство сократилось, чеканка монеты значительно уменьшилась. Лишь несколько городов (прежде всего Константинополь и в значительно меньшей степени Фессалоника, Эфес и Аморий) продолжали оставаться крупными по тем временам экономическими центрами, значение их определялось по преимуществу посреднической торговлей с арабскими, болгарскими и итальянскими купцами.

Основной ячейкой византийского общества была сельская община, члены которой совместно владели землей, хотя каждая семья обособленно возделывала собственные участки и имела право на их продажу (по преимуществу в пределах самой общины). Крестьяне-общинники платили большие государственные налоги, несли разнообразные повинности и поставляли солдат-стратиотов в армию византийских императоров.

Прочность общинных связей замедляла процесс выделения вотчинников и превращения свободного крестьянства в феодально-зависимое; слой феодальных вотчинников — светских и духовных — был в это время еще незначительным.

В VIII—IX вв. господствующее положение в стране занимала феодальная, по преимуществу столичная, знать. Она получала в виде жалованья и всевозможных подачек львиную долю прибавочного продукта византийских крестьян, поступавшего в казну в виде прямых налогов, имела доходы от константинопольской торговли и шелкоткацкого производства, владела землями, на которых эксплуатировала труд рабов, наемных работников, арендаторов. Эта столичная знать не замкнулась в узкий круг связанных родством аристократов, передававших по наследству свои титулы, но порой охотно принимала в свои ряды и наиболее энергичных выходцев из простолюдинов. Даже среди императоров IX в. было немало людей, происходивших из крестьян или городской бедноты.

---

[2] Х. М. Лопарев, *Греческие жития святых VIII и IX вв. Опыт классификации*, Пг., 1914, стр. 203. — Следует учитывать также, что патриарх Евфимий никогда не считался святым православной церкви.

Иначе говоря, знатность определялась в это время не только родовитостью, но и способностями к военному делу.

В этих условиях процесс феодализации принял своеобразный характер: императоры в интересах столичной знати стремились отнять у крестьян свободу перехода и возложить на них обязанность уплачивать налоги за пустующие земли соседей. Централизованный натиск на крестьянство привел к обострению классовой борьбы, которая достигла наивысшего подъема в IX в. (восстание под руководством Фомы Славянина, восстание павликиан). Однако крестьянское движение потерпело неудачу, и реакционная политика императора Василия I (867—886) закрепила победу знати.

Разгром крестьянских движений ослабил византийскую общину и содействовал росту феодальной вотчины. С конца IX в. все большее влияние в стране приобретают феодальные магнаты, владевшие значительными земельными угодьями в провинциях; именно с этого времени на страницах византийских хроник начинают упоминаться имена таких крупных феодальных фамилий, как Аргиры, Дуки, Фоки, Куркуасы. Феодалы, крупные и мелкие, стремятся расширить свои владения, захватывая земли крестьян и стратиотов, превращая их самих в лично зависимых людей, в собственных пáриков. Разгром крестьянских движений IX в. положил начало массовому разорению и закабалению византийских земледельцев.

В то же время (с конца IX в.) начинается заметное оживление ремесла и торговли; возрождаются старые и появляются новые византийские города, открываются местные ярмарки, увеличивается товарность производства, денежное обращение становится более интенсивным. Это привело к ослаблению экономической монополии Константинополя — с X в. шелкоткацкое производство постепенно переходит в города Пелопоннеса и Беотии, а торговля с окрестными странами сосредоточивается в Херсоне, Фессалонике, Трапезунде, Арце и других центрах. Жители провинциальных городов стремятся добиться некоторой политической автономии, нередко поднимая восстания против императорской власти.

Экономические и социальные перемены, естественно, отразились на структуре господствующего класса Византийской империи. Позиции столичной знати пошатнулись; это объясняется тем, что разорение и закабаление крестьянства уменьшало число налогоплательщиков и как следствие этого — доходы государства; потеря Константинополем монопольного положения также содействовала ослаблению столичной знати. Наоборот, слой феодальных вотчинников все более крепнет.

С конца IX и особенно в X в. в самом господствующем классе происходит ожесточенная борьба между столичной чиновной знатью и провинциальной аристократией; столичная знать берет под свою «защиту» сельскую общину и, увеличивая подати и повинности, налагаемые на крестьян, стремится запретить передачу общинных угодий вотчинникам. В то же время провинциальные феодалы начинают активно бороться за власть, причем некоторые претендуют даже на императорский престол.

Политическая борьба находит отражение в борьбе церковной. Представители церковной знати, тесно связанные с провинциальной аристократией, — такие, как Фотий и его ученик Николай Мистик, — разрабатывают основы нового идеологического учения в соответствии с интересами феодальной знати. В учении Фотия, крупнейшего политического деятеля, богослова и ученого второй половины IX в., мы можем выделить две основные стороны: страстную полемику, направленную против демократического мировоззрения павликиан, и осуждение податной системы, своекорыстия чиновничества и даже самодержавия византийских императоров. Такая точка зрения выражала интересы растущей и крепнущей феодальной знати провинций.

Фотиане встретили сопротивление со стороны части духовенства и особенно монашества, отстаивавшего интересы столичной знати. Вся вторая половина IX в. была заполнена острой борьбой церкви, во время которой Фотий был дважды возведен и дважды низведен с патриаршего престола. Эта борьба осложнялась вмешательством римских пап, стремившихся использовать ее для укрепления собственной власти, и политикой императоров, искавших поддержки папства в борьбе с арабами.

Ослабление экономической мощи столичной знати, укрепление позиций провинциальных феодалов и усиление эксплуатации крестьян сопровождались ухудшением внешнеполитического положения империи: Василий I был последним императором, которому удавалось вести успешные войны с помощью старого ополчения стратиотов. Разорение крестьянства крайне затрудняло набор ополчения: у стратиотов не было средств, чтобы приобрести коня и вооружение, нередко несколько хозяйств складывались и выставляли одного воина. Да и сами стратиоты неохотно шли на войну и подчас откупались от похода. Не удивительно, что со второй половины правления Василия I Византия терпит одно поражение за другим, а к 902 г. окончательно теряет свои владения в Сицилии. В 904 г. арабский флот под командованием Льва Триполийского после не-

долгой осады захватил второй город империи — Фессалонику; в 907 г. Константинополь капитулировал перед русским флотом; в начале 912 г. возле Хиоса византийский адмирал Имерий был наголову разбит арабами; в 913 г. началось наступление болгар, завершившееся их грандиозной победой у Ахелоя в 917 г. Все это показало непригодность стратиотского ополчения в сложившихся условиях. К середине X в. постепенно создается иной тип войска — феодальная дружина тяжело вооруженных всадников-катафрактов, обеспечившая военные успехи Никифора II Фоки (963—969) и Иоанна I Цимисхия (969—976).

Таким образом, рубеж IX—X столетий был переломным периодом в развитии византийского феодализма и ознаменовался упорной политической и идеологической борьбой.

Источники для изучения политической и идеологической борьбы в Византии на рубеже IX—X вв. крайне скудны. Единственным известным до 1888 г. нарративным памятником, освещающим события этого времени, была хроника Симеона Логофета, сохранившаяся в нескольких изводах (один из них называется хроникой псевдо-Симеона), однако эти изводы лишь незначительно отличаются один от другого. Рассказ хроники Симеона Логофета о событиях конца IX и начала X в. донельзя краток и ни в коей мере не дает оснований для восстановления картины сложной политической борьбы той эпохи. Некоторым дополнением к хронике Симеона Логофета могли бы служить сохранившиеся речи и письма политических деятелей этого времени (Арефы Кесарийского, Льва Хиросфакта, Николая Мистика и др.), но в них освещены лишь отдельные эпизоды. Только случайные, спорадические сведения можно почерпнуть из агиографической литературы, например из «Жития Василия Нового».

В отличие от всех этих разнообразных, но все же неполных памятников анонимная хроника содержит чрезвычайно подробное и довольно последовательное повествование о событиях конца IX и начала X в.

Сведения, которые сообщаются нашей хроникой, приобретают тем большее значение, что автор ее был современником описанных им событий и стоял довольно близко к главному герою рассказа — патриарху Евфимию.

Живость описания событий и знание деталей, имен второстепенных действующих лиц свидетельствуют о том, что он имел возможность многое лично наблюдать, а о многом слышать от очевидцев. В то же время в хронике имеется и непосредственное свидетельство, позволяющее определить некоторые даты жизни анонимного автора; в главе IX он прямо го-

ворит о своей принадлежности к братии Псамафийского монастыря во времена, когда его игуменом был Евфимий (стр. 30_{25}) [3]; события, о которых идет речь в главе IX, относятся примерно к 900 г. Это свидетельство позволяет определить время составления хроники. Если автор ее в 900 г. был уже монахом, он вряд ли мог написать хронику позднее 950 г. Очевидно, хроника была составлена в первой половине X в. и могла быть завершена только после смерти патриарха Евфимия (917), ибо смерть Евфимия описана в этом памятнике; кроме того, в хронике упоминается о примирении сторонников Евфимия и Николая Мистика, состоявшемся в июле 920 г. Таким образом, это сочинение времен Льва VI можно датировать примерно 920—950 гг.

Это анонимное повествование, написанное псамафийским монахом и ставившие в центре политических событий в Константинополе фигуру псамафийского игумена Евфимия, позднее избранного патриархом, с известным основанием может быть названо «Хроникой анонимного монаха Псамафийского монастыря в Константинополе», или, короче, «Псамафийской хроникой».

О себе автор не сообщает никаких сведений, кроме того, что он был монахом Псамафийского монастыря.

Однако «Псамафийская хроника» содержит некоторые данные, позволяющие судить о мировоззрении анонимного хрониста и вместе с тем выяснить социальные и политические воззрения той среды, с которой он был связан.

По своему мировоззрению и политическим убеждениям анонимный историк принадлежал к господствующему классу и враждебно относился к народу. С сочувствием он рассказывает об опасениях Евфимия, который боялся, как бы его враги не напали на него вместе с «бродягами» (μετὰ ἀγυρτῶν λαῶν, стр. 61_{24}); он повествует о том, что после низложения Евфимия «простой народ и бродяги» (δημώδες καὶ ἀγυρτῶδες, стр. 66_{12}) поддерживали его врага— Николая Мистика, изображает сторонников патриарха Мистика «торгашами и поваришками» (стр. 68_{18}).

Господствующий класс Византийской империи состоял из двух основных групп: первая отстаивала интересы византийской знати, сплотившейся вокруг императорского престола (назовем ее условно чиновничеством); вторая выражала требования провинциальной феодальной знати и близкой к ней церковной аристократии; к последней принадлежали такие политиче-

---

[3] Ссылки в предисловии даются на греческий оригинал по изданию К. де Боора.

ские деятели конца IX и начала X в., как упоминаемые в хронике Фотий, Николай Мистик, Лев Хиросфакт.

Попытаемся выяснить, к которой из этих двух групп примыкал анонимный историк.

В начале своего сочинения он назвал те социальные слои, для которых Евфимий был защитником и утешителем. К «отцу», рассказывает он, стекались толпы обиженных Львом VI и особенно его фаворитом Заутцей спальников (китонитов), членов синклита и слуг императора (стр. 4_{22}).

Но если Евфимий и его историк сочувственно относятся к столичной знати, то их отношение к провинциальной феодальной аристократии более сдержанное.

Представителя провинциальных феодалов Андроника Дуку Евфимий прямо называет изменником: «Он с каменным сердцем отверг благие призывы и предался ассириянам, оставив по себе у христиан недобрую славу» (стр. 36_{12}). О его сыне Константине он отзывается не так резко, но все же без всякого сочувствия, хотя Константин был прямым противником злейшего врага Евфимия — Николая Мистика.

Автор хроники проявляет верноподданнические чувства к императорской власти, что особенно ясно видно из слов Евфимия, обращенных к императору Льву: «Мне ничего не хочется, кроме того, чтобы ты управлял подданными в духе справедливости и благочестия» (стр. 3_{26}). Притом из контекста ясно, что справедливость императора должна распространяться не на бедноту и «бродяг», а лишь на членов синклита и вельмож, оскорбленных и обиженных временщиком Заутцей.

Несмотря на многочисленные столкновения между Евфимием и императором Львом, Евфимий и его сторонники относились к императору вполне лояльно. Это особенно отчетливо проявилось в спорах о четвертом браке, когда Евфимий в отличие от патриарха Николая открыто выступил в защиту Льва VI.

«Псамафийская хроника» в основном благожелательно рассказывает о Льве, подробно повествуя, например, о строительстве Псамафийского монастыря по указанию императора, о ночном посещении императором Евфимия в этом монастыре и т. д. Анонимный автор подчеркивает скромность и простоту Льва, его уважение к Евфимию. Если Лев и совершал грешные поступки, то, по мнению автора хроники, виновниками этого были его дурные советчики, подобные Стилиану Заутце; когда же Лев внимал советам Евфимия, он творил одно лишь добро. В отличие от автора «Псамафийской хроники» и Николай Мистик и его учитель Фотий — эти идеологи феодальной

знати и высшего духовенства — очень сдержанно относились к императорской власти и стремились ограничить ее в пользу церкви [4].

Автор хроники с несомненной симпатией относится к патриарху Игнатию (стр. 72_{30}), тогда как Фотий не пользуется сочувствием анонимного историка. Правда, прямых выпадов против Фотия в хронике нет. Он был низложен по воле врага Евфимия — Стилиана Заутцы, и это обстоятельство в какой-то мере примиряло с ним анонимного историка, тем более что время фотианских споров было уже далеко в прошлом. Зато к ученику Фотия патриарху Николаю Мистику автор хроники относится с нескрываемой враждебностью.

В тоне автора чувствуется презрение не только к бедноте, но и к торгово-ремесленным кругам Константинополя. Он, как и его герой, выступает на стороне высшего константинопольского чиновничества, защищая интересы членов синклита. Его отношение к провинциальной знати настороженное, если не сказать враждебное. Хотя резко выраженной антипатии к Фотию в хронике нет, автор гораздо ближе к Игнатию, чем к его просвещенному противнику. Эти политические взгляды отражаются и на мировоззрении анонимного автора, остающегося на почве традиционного церковно-богословского мышления.

Идеологи провинциальной феодальной знати, опираясь на языческие античные традиции, подвергали сомнению некоторые принципы церковно-богословского учения, которые были необходимы прежде всего для идейного оправдания императорского деспотизма. Фотий и его сторонники ставили, хотя и робко, вопрос о свободе разума и критике авторитета [5]. В отличие от них автор «Псамафийской хроники» утверждает, что авторитет выше разума и что тот, кто опирается на собственный разум, близорук и слеп.

---

[4] Николай Мистик утверждал, что епископы выше царей. «Епископы, — писал он в послании болгарскому царю Симеону, — хотя и грешны, все же не имеют в вашем лице судей, но сами являются вашими судьями, коль скоро вы принадлежите к христовой пастве» (Migne, PG, t. CXI, col. 81 A). По словам Николая, император должен был подчиняться законам; следовало повиноваться только тем приказаниям императора, которые справедливы (например, бороться с врагом, заботиться о безопасности своего народа и т. д.). «Но если император, — продолжает Николай Мистик, — по наущению диавола прикажет что-либо противное закону господнему, ему не следует повиноваться [Ibid., col. 200 sq.; В. Сокольский, *О характере и значении Эпанагоги* (ВВ, т. 1, 1894), стр. 36; M. Mitard, *Le pouvoir impérial au temps de Léon VI* («Mélanges Ch. Diehl», vol. I, Paris, 1930), p. 218].

[5] См. об этом подробно: А. П. Каждан, *Социальные и политические взгляды Фотия* («Ежегодник Музея истории религии и атеизма», вып. II, 1958), стр. 107 сл.

Естественно, что церковно-богословское мировоззрение автора «Псамафийской хроники» заставляло его рассматривать исторический процесс как проявление воли божьей: падение нечестивцев вроде Стилиана Заутцы или императора Александра представлялось ему наказанием за грехи. Такое понимание исторической закономерности, обычное в раннем средневековье, не было, однако, общепринятым в византийской литературе X в. В этом случае наш хронист отличается от идеологов провинциальной аристократии, каким был, например, автор первых четырех книг хроники продолжателя Феофана, прославлявший полководцев и с презрением относившийся к столичной знати и торговцам. Продолжатель Феофана видел свою задачу в том, чтобы раскрыть причину исторических явлений: «...Не знаю, — пишет он, — принесло бы кому-нибудь пользу историческое сочинение, не открывающее причин событий» [6]; «Историческая плоть, — говорит он в другом месте,— бессодержательна и пуста, если она лишена причинности событий» [7]. Особенно интересно предложенное им истолкование причин арабской экспансии: если обычно византийские хронисты и агиографы видели в арабах бич божий, карающий византийцев за грехи [8], то продолжатель Феофана объясняет нападение испанских арабов на Крит бедностью страны, в которой они жили, и ростом населения; по его словам, их стесняла численность населения и побуждала нехватка продуктов [9].

Отношение анонимного автора к смерти также соответствует традиционному церковно-богословскому мировоззрению. По его представлениям, смерть — это переход от рабства к свободе (стр. 78_6). Герой «Псамафийской хроники» с радостной душой идет навстречу смерти и горюет лишь оттого, что ему еще неведома его загробная судьба. В отличие от этого в эпосе о Дигенисе Акрите, отражавшем настроения феодальной знати (преимущественно восточных областей империи), совершенно по-иному описывается смерть героя:

---

[6] Theoph. Cont., p. 21_{22}.

[7] Ibid., p. 167_{18}.

[8] Э. Г фон Муральт, *Хронограф Георгия Амартола*, СПб., 1859, стр. 699_{17}.—Очень резко эта точка зрения проводится в известном продолжателю Феофана «Житии сорока двух аморийских мучеников» (изд. В. Васильевский и П. Никитин, «Записки имп. Акад. наук», серия VIII, т. VII, вып. 2, 1905, стр. 64_{32}; ср. также суждение Иоанна Камениаты.— Theoph. Cont., p. 503_{17}).

[9] Theoph. Cont., p. 74_5.— Близкие к этому мысли развивал и Николай Мистик, который подчеркивал, что не состояние церкви (наличие в ней единства или раскола и т. п.) определяет ход исторического процесса, а поступки и ошибки людей (Migne, PG, t. CXI, col. 276 D—277 B).

Врачи со вздохом молвили Василию Акрите:
«О Дигенис, любимый наш, вот смерть твоя приходит,
И никогда оружия ты не поднимешь больше.
Где сила беспредельная, где все твое богатство?
Куда девалось мужество и дерзкая отвага?
Никто, ничто теперь тебе помочь уже не может:
Бессильны руки, некогда свершившие так много,
И ноги, что дорогами далекими ходили.
И близок час — душа твоя уйдет, оставит тело —
Тогда тебя, могучего, в себе замкнет могила» [10].

Здесь автор печалится лишь о радостях земной жизни, с которой расстается его герой. Смерть — это конец жизни, за нею следует мрак могилы.

Итак, мировоззрение автора «Псамафийской хроники» отражает ту ограниченную церковно-богословскую концепцию, которая была характерна для высшего чиновничества и столичной знати в конце IX и начале X в.

Его политические убеждения — идейное оправдание императорского деспотизма, враждебное отношение к народным массам и критическое суждение о виднейших представителях феодальной знати — позволяют нам с некоторым основанием высказать гипотезу о том, что автор «Псамафийской хроники» вышел из среды высшего константинопольского чиновничества. В пользу этой гипотезы можно высказать и еще одно соображение: «Псамафийская хроника» отличается редкой точностью в употреблении терминологии, относящейся к деталям администрации, права, финансов и т. п. Автор всегда приводит соответствующие титулы и термины, не прибегая к описательным выражениям. Наименования византийских должностей: протовестиарий, китонит, паракимомен и пр. — постоянно встречаются в хронике; если авторы IX—X вв. для обозначения командующего флотом пользуются описательным термином ὁ τοῦ βασιλικοῦ στόλου δρουγγάριος [11], то в нашей хронике мы встретим официальное наименование δρουγγάριος τοῦ πλωΐμου; нет в ней и таких неопределенных выражений, как «начальник дрома» [12] и т. п. Автор употребляет глагол ἀναγραφεῖν,

---

[10] *«Трапезундская версия»,* стк. 3151—3160 (C. Sathas et E. Legrand, *Les exploits de Digénis Acritas,* Paris, 1875); ср. также стихи аристократического поэта Христофора Митиленского (первая половина XI в.,) осмеивавшего выскочек из простонародья; он также видел в смерти полное прекращение бытия [Д. Шестаков, *Три поэта византийского Ренессанса* («Ученые записки Казанск. ун-та», т. LXXIII, кн. 7—8, 906), стр. 29 – 30]

[11] Migne, PG, t. CV, col. 516 C.

[12] AASS, Novembris, t. IV, p. 225 E.

имеющий узкоспециальное значение: разыскивать неплательщиков налогов (комментарий к гл. 18, прим. 15). Очень точен он и в обозначении имущественных отношений: он пользуется специальными терминами προάστειον и οἰκοπροάστειον, употребляет восходящие к терминологии купчих грамот выражения χαρτῷα δικαιώματα и ἐξ οἰκείας ἀγορᾶς τὴν κυριότητα ἔχειν.

Эти особенности языка «Псамафийской хроники» получат правильное, на наш взгляд, объяснение, если предположить, что ее автор, прежде чем стать монахом, принадлежал к многочисленному византийскому чиновничеству.

Следует отметить сходство языка и стиля нашей хроники с языком и стилем «Жития патриарха Игнатия», написанного Никитой-Давидом Пафлагонским в конце IX в. Отдельные элементы сходства указаны в комментарии; не входя сейчас в детали, отметим, что к «Житию Игнатия» восходят такие выражения нашей хроники, как «поставить во главе светильника» (в значении — «сделать патриархом») или заимствованное из писания сравнение патриарха, пренебрегающего интересами церкви, с мистием (наемным пастухом), который не печется об овцах. Само по себе сходство двух византийских литературных памятников нельзя считать необычным явлением, однако в данном случае примечательно, что Никита Пафлагонский, как мы узнаем из самой хроники, после 908 г. находился под покровительством патриарха Евфимия и в течение некоторого времени жил в поместье Псамафийского монастыря [13].

Таким образом, мы можем предположить, что анонимный автор вышел из среды византийского чиновничества и, находясь в Псамафийском монастыре, завершил свое образование под руководством Никиты Пафлагонского.

Возникает вопрос, в какой мере эта историческая хроника является достоверным источником, насколько близко к действительности изложены в ней события, какими материалами пользовался автор и т. д.

Вопрос этот исследовали многие ученые (К. де Боор, В. Грюмель, Р Дженкинз и др.); полученные ими результаты могут быть сведены к следующему.

Если большую часть событий автор хроники описывал, очевидно, по памяти (что приводит кое-где к нарушению хронологической последовательности), то в ряде случаев он, видимо, использовал письменные источники. Мы можем отметить

[13] В отличие от этого мы не могли бы отметить существенных элементов сходства между нашей хроникой и, скажем, похвалой патриарху Евфимию, написанной Арефой Кесарийским в 917 г. и повествующей о тех же событиях.

следы источников двух типов: документов (по преимуществу писем) и литературных памятников того времени.

В «Псамафийской хронике» довольно часто цитируются письма участников события: Евфимия, Стилиана Заутцы, Николая Мистика. Возникает вопрос, являются ли эти письма подлинными или это лишь своеобразный литературный прием, который встречается в памятниках IX—X вв.[14]. У нас есть возможность по крайней мере в одном случае определить, насколько близко к подлинному тексту документа переданы эти письма анонимным автором. В хронике приводится текст отречения патриарха Николая Мистика, которое известно по другим источникам (коммент., гл. 14, прим. 3): по мюнхенской греческой рукописи № 277 и по посланию Николая, написанному, видимо, около 920 г. Из сопоставления этих источников ясно, что автор нашей хроники очень точно передал текст отречения Николая, опустив лишь конец[15]. Другого типа источник был использован в рассказе о смерти императора Василия I: это утерянный с тех пор антифотианский памфлет, фрагменты которого сохранились также в хронике псевдо-Симеона.

В ней много вставок, отсутствующих во всех других изводах Симеона Логофета. Значительная часть их содержит резкие нападки на патриарха Фотия. Однако антифотианская направленность этих вставок находится в резком несоответствии с благожелательным в целом отношением к Фотию в первоначальном тексте, почти без изменения сохраненном в хронике псевдо-Симеона. Хроника приводит (как и в других изводах Симеона Логофета) рассказ о мужественном поведении Фотия, который якобы не допустил в церковь императора Василия I, объявив его грабителем и убийцей, недостойным общения с богом[16]. Далее хроники рассказывают о клевете, возведенной на Льва, сына Василия I, епископом Сантаварином, добавляя. что Лев был бы ослеплен, если бы не заступничество Фотия[17].

---

[14] См., например: «*Житие Афанасия Афонского*» («Analecta Bollandiana», vol. XXV, 1906, p. 25 $_{20-27}$), где приведено письмо Никифора Фоки Солунскому «судье»; см. также: «Житие Михаила Синкелла» [Ф. Шмит, *Кахриэ-Джами* («Известия Русского археол. ин-та в Константинополе», т. XI, 1906), стр. 227 $_{17}$].

[15] П. Маас считает, что письмо Арефы Кесарийского, которое анонимный автор приводит в гл. 20 нашей хроники, также является подлинным посланием: он приходит к этому выводу на основании стилистического анализа текста послания Арефы (коммент., гл. 20, прим. 2).

[16] ληστὴν καὶ φονέα ἔλεγεν καὶ ἀνάξιον τῆς θείας κοινωνίας (Theoph. Cont., p. 688 $_{23}$; ср.: Э. Г. фон Муральт, *Хронограф Георгия Амартола*, стр. 754 $_{16}$).

[17] Theoph. Cont., p. 697 $_{19}$; ср. Э. Г. фон Муральт, *Хронограф Георгия Амартола*, стр. 763 $_{17}$.— Эту версию передает и Константин Багрянородный (Theoph. Cont., p. 350 $_{13}$).

Хроника псевдо-Симеона сохраняет эти рассказы, несмотря на их недостоверность. Известны источники, которые отнюдь не приписывают спасение Льва Фотию: в «Житии царицы Феофано», супруги Льва, спасителем Льва оказывается видный придворный Стилиан Заутца [18]. Эта версия, очевидно, более заслуживает доверия, так как Стилиан действительно играл большую роль в первые годы правления Льва VI, Фотий же в самом начале его царствования был отправлен в изгнание.

Весьма вероятно, что первоначальный текст хроники Симеона Логофета, сохраненный во всех изводах, не имел антифотианской тенденции; более того, хроника освещала события в весьма выгодном для Фотия свете. Поэтому все замечания о «тирании» Фотия и т. п. следует рассматривать как позднейшие вставки.

К тому же и чисто формальные соображения позволяют считать эти антифотианские рассуждения вставками: в них встречается иное освещение тех факторов и событий, о которых уже шла речь в первоначальном тексте. Так, говоря о Сантаварине, автор хроники псевдо-Симеона отмечает: «Его Фотий во время своей второй тирании сделал епископом Евхаитов» [19]; автор вставляет эту фразу, имевшую антифотианскую направленность, не замечая, что в первоначальном тексте уже было сказано: «Его Фотий после того сделал архиепископом Евхаитов» [20].

В отдельных случаях начало некоторых «антифотианских» отрывков позволяет сделать заключение, что это позднейшие вставки. Так, подробный рассказ о происхождении и карьере Фотия вводится словами: «Следует кое-что поведать и о Фотии» [21].

Все изложенное позволяет предполагать, что эти вставки были заимствованы автором хроники псевдо-Симеона из какого-то антифотианского памфлета, послужившего в то же время источником (в большей или меньшей степени) и «Житию патриарха Игнатия», написанному Никитой-Давидом Пафлагонским, враждебно относившимся к Фотию. Как предполагал де Боор, этот памфлет был использован и автором «Псамафийской хроники». Действительно, рассказ хроники псевдо-Симеона о кончине императора Василия I, который якобы проклял перед смертью «нечестивого Фотия» и Сантаварина,

---

[18] Ed. Kurtz, *Zwei griechische Texte über die hl. Theophano* («Записки имп. Акад. наук», серия VIII, т. II, вып. 2, 1898), стр. 11 и сл.

[19] Theoph. Cont. p. 693_{18}.

[20] Ibid., p. 692_{21}.

[21] Ibid., p. 668_{15}.

текстуально близок соответствующему повествованию «Псамафийской хроники»:

Theoph Cont., p. 699_{20}	VE., p. 2_{25}	Хронограф Георгия Монаха, изд. Э. Г. Муральта, СПб., 1859, стр. 765_{19}
ἐκ δὲ τοῦ σπαραγμοῦ τοῦ ἐλάφου νοσηλευθεὶς ὁ βασιλεὺς Βασίλειος τελευτᾷ, φάμενος τῷ υἱῷ αὐτοῦ καὶ διαδόχῳ Λέοντι καὶ Στυλιανῷ τῷ ἐπιτρόπῳ τῶν βασιλέως υἱῶν, ὅτι Φώτιος ὁ ἀνίερος καὶ συμμύστης αὐτοῦ Σανταβαρηνὸς τοῦ θεοῦ με μακρύναντες, καὶ ἀλλότριον τῆς δικαίας γνώσεως ποιήσαντες, εἰς τὴν ἴσην μετ' αὐτῶν κόλασιν ἐπεσπάσαντο, καὶ ταῦτα εἰπὼν ἐξέψυξεν, καταλιπὼν Λέοντα καὶ Στέφανον καὶ 'Αλέξανδρος	Στυλιανὸν δὲ... ἐπίτροπον καταλιμπάνει τὴν τῶν ὅλων πραγμάτων διοίκησιν ἐγχειρίσας τῶν τε ἐκκλησιαστικῶν καὶ πολιτικῶν, ἔσχατον πρὸς αὐτόν τε καὶ τοὺς υἱοὺς προσειπὼν αἴ αἴ, ὁ ἐπαοιδίαις καὶ μαγγανείαις τερατοποιὸς Σανταβαρηνὸς τοῦ θεοῦ με μακρύνας καὶ ἀπατηλοῖς καὶ ψευδέσι λόγοις ἐξαπατήσας καὶ ἀλλότριον τῆς δικαίας γνώμης ποιήσας, εἰ μὴ κύριος ἐβοήθησέ μοι, παρὰ μικρὸν εἰς τὴν ἴσην αὐτοῦ κατάκρισιν ἐπεσπάσατος.	ἐκ δὲ τοῦ σπαραγμοῦ νοσηλευθεὶς Βασίλειος τελευτᾷ καταλιπὼν Λέοντα καὶ 'Αλέξανδρον

Текстуальное совпадение обеих хроник подтверждает, **что** рассказ этот восходит к общему источнику; при этом надо полагать, что псевдо-Симеон, автор вообще несамостоятельный, рабски следует за своим источником, тогда как в анонимной хронике псамафийского монаха имеется уже переработанное повествование, несколько отличающееся от антифотианского памфлета.

Мера достоверности исторического источника определяется не только осведомленностью автора, но и тенденциозностью в описании событий и характеристиках действующих лиц. «Псамафийская хроника» — отнюдь не беспристрастный памятник; симпатии и антипатии ее автора определены его политическими воззрениями и принадлежностью к окружению Евфимия.

Враги Евфимия, разумеется, — враги и анонимного автора. Особенно острую ненависть он испытывает к Стилиану Заутце, временщику первых лет правления Льва VI, и к патриарху Николаю Мистику. По словам Евфимия, Заутца убивал, ослеплял, разорял и ссылал людей, опустошал церкви и изгонял священников (стр. 7_{32}); Евфимий обвиняет Заутцу в тайных кознях, в стремлении захватить престол (стр. 7_{20}). С ненавистью говорит автор хроники о Николае: «В числе первых своих благих дел он благословил союз все более впадавшего в безумие императора с девкой, тогда как законную жену его

патриарх, послав своего сакеллария, насильно постриг вместе с ее матерью в женский Месокапильский монастырь, несмотря на то что она долго жаловалась и оплакивала эту несправедливость. Кто изобразит все ужасы, которые произошли за это время? Отлучение епископов и изгнание иерархов, перемещение священников и игуменов, осквернение трупов. Да будет это предано бесславию — мы ведь не слыхали, чтобы так поступали даже иноверцы» (стр. 68_{25}).

Анонимный автор, давая такую характеристику Николаю Мистику, находился в весьма затруднительном положении, ибо по вопросу о четвертом браке императора Льва VI патриарх Николай с точки зрения церковно-канонической занимал более обоснованную позицию, нежели Евфимий, признавший Зою Карбонопсиду законной женой императора. Известно, что Николая украшал «мученический венец» — он был несправедливо низложен и заточен в монастырь. Поэтому автор анонимной хроники очень осторожно касается эпизода низложения Николая, отмечая лишь, что патриарха «с должными почестями» посадили в челн и отвезли в монастырь Галакрины (стр. 46_{30}). Деликатного вопроса об отношении Евфимия к четвертому браку императора Льва он почти не затрагивает, но зато подчеркивает, что Евфимий — после низложения Николая — принял кормило церкви «по божьему решению и с согласия собора» (стр. 54_{20}).

Автору хроники, враждебно настроенному к Николаю, было неловко рассказывать о том, что Заутца — враг Евфимия — расправился с родней Фотия, в том числе с Николаем, которому пришлось поспешно принять постриг в одном из провинциальных монастырей (стр. 6_{1}); вместе с тем он старался высмеять этот поступок Николая, говоря, что патриарх изображал свое бегство как некий подвиг.

Такое пристрастное отношение к политическим деятелям своего времени иной раз заставляет анонимного автора искажать последовательность событий и устанавливать ложные связи между отдельными фактами. Так, неточен рассказ о смерти Феодора Гуцуниата, мужа Зои Заутцы, которая была любовницей императора Льва VI и которую псамафийский монах хочет представить виновницей смерти ее собственного супруга[22]. Неточно, видимо, изложена и последовательность событий, связанных с мятежом Андроника Дуки[23].

Однако, несмотря на односторонность, тенденциозность «Псамафийской хроники», она содержит очень много сведений,

---

[22] Коммент., гл. 7, прим. 13.

[23] Коммент., гл. 11, прим. 7 и гл. 12, прим. 2.

которые подтверждаются другими источниками и, следовательно, оказываются вполне достоверными: таковы рассказы о заговоре Александра (стр. 29_4), о покушении в храме св. Мокия (стр. 35 и сл.), об изгнании Николая Мистика (стр. 46 и сл.), о низложении Евфимия (стр. 61 и сл.), о восстании Константина Дуки (стр. 69 и сл.) и другие. Это позволяет нам с известным доверием отнестись к тем событиям, которые сообщаются только в «Псамафийской хронике» и не отражены в других памятниках. К ним относятся важные подробности о деятельности Стилиана Заутцы, о восстании Андроника Дуки и его связях с патриархом Николаем Мистиком, о «ересиархе» Никите Пафлагонском, о положении на болгаро-византийской границе и некоторые другие факты. Эти сведения, записанные анонимным историком, позволяют нам полнее и точнее представить себе историю политической борьбы в Византии на рубеже IX и X вв. Конечно, приводимые им данные должны тщательно проверяться на основании всех доступных нам материалов.

Являясь важным историческим источником, «Псамафийская хроника» представляет собой и интересный литературный памятник, несколько отличающийся от других современных ему произведений византийской литературы. Разумеется, мы могли бы указать на некоторые черты, роднящие анонимную хронику с житиями святых IX—X вв. Это заметно прежде всего в трактовке образа главного героя — Евфимия, которого автор наделяет типическими чертами агиографического подвижника: он незлобивый пастырь, лишенный всякой хитрости и лукавства (стр. 61_{10}; ср. стр. 62_8 и др.). Подобно другим «святым мужам», Евфимий отличается смирением: ради мира в церкви он готов принять мученическую смерть. «Пусть я буду избит каменьями, сожжен, изгнан, — говорит в хронике Евфимий, обращаясь к митрополитам, — вы только оставайтесь в мире и спокойствии» (стр. 61_{16}). После своего низложения он смиренно переносит побои и в конце концов по своей незлобивости прощает Николая Мистика, виновника всех его несчастий. Евфимий стремится к уединению, много месяцев проводит в келье, смиряя свою и без того немощную плоть суровым постом и молитвой (стр. 17_9). Тем самым автор хроники придерживается основного принципа агиографической литературы — спасение достигается только через смирение и терпение: мученик, сносящий побои и хулу, голод и лишения, приобретает вечную славу.

Некоторые изобразительные приемы «Псамафийской хроники» сходны с обычными приемами агиографии: например, трафаретное сопоставление «святого» с адамантом (стр. 67_{28}),

постоянно повторяющееся в житийных памятниках IX—X вв.[24]; игра слов, построенная на смысловом значении имени собственного (εὐθυμία и Евфимий, Феофилакт и Афилакт — стр. 4_{31} и стр. 39_{21}).

Однако, несмотря на все эти черты агиографического шаблона, оказавшие влияние и на нашу хронику, она в целом значительно отличается от обычного жития. Руководствуясь здравым смыслом, автор свел до минимума элемент сверхъестественного, который характерен для всякого жития: хотя автор «Псамафийской хроники» и наделяет своего героя традиционным свойством — способностью творить чудеса, он ограничивает ее искусством предвещания, снижая до обычной прозорливости.

Автору удалось нарисовать немало образов, быть может, далеких от исторической правды, но тем не менее ярких и отнюдь не трафаретных. Нерешительный и сентиментальный, но вместе с тем вспыльчивый и увлекающийся император Лев, Феофано, страдающая и отвергнутая, дерзкий Стилиан Заутца и некоторые другие действующие лица обрисованы настолько живо, что отчетливо видны их индивидуальные качества; в то же время агиографическая литература ограничивалась, как правило, шаблонным описанием «святого мужа», а авторы исторических сочинений X в. вообще не ставили себе задачей воссоздание индивидуального образа.

Автор «Псамафийской хроники» не стремился к героизированному изображению действующих лиц, характерному для его младших современников — писателей из окружения императора Константина VII Багрянородного: его герои действуют в самой обыденной среде, преследуют самые обыкновенные цели; даже монарх и вельможа оказываются под его пером прежде всего *людьми* с присущими им слабостями.

Итак, в «Псамафийской хронике» описаны события, происходившие в Константинополе на рубеже IX и X вв.; в основе хроники лежат личные наблюдения и рассказы очевидцев, а также некоторые документы и литературные памятники. Несмотря на явную тенденциозность, приводящую к искажению некоторых фактов, «Псамафийская хроника» является первостепенным историческим источником. Анонимный автор, помимо своего желания, рисует произвол и беззаконие, царившие в византийской столице, и вводит нас в душную атмосферу политической борьбы того времени, когда конфискации, ссылки и ослепление были наилучшими средствами доказательства правоты. Он показывает также, к каким необоснованным и

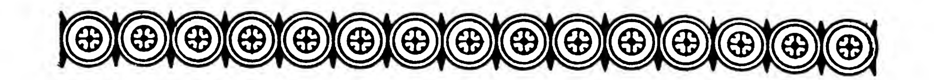
---

[24] Коммент., гл. 20, прим. 2.

сомнительным аргументам прибегали политические деятели начала X в. для защиты своих позиций и сколь легко они меняли убеждения. Ценность «Псамафийской хроники» как исторического источника и состоит в том, что она дает почувствовать реальность давно ушедшего времени.

Анонимная хроника Псамафийского монастыря представляет важный источник для изучения истории политической борьбы в критическую пору византийского государства и является памятником, отражающим идеологию столичной знати первой половины X в. До сего времени это сочинение еще ни разу не переводилось на русский язык. Перевод этого памятника и составление комментария представляли немалые трудности (не все из них, может быть, удалось преодолеть), и мы считаем долгом отметить, что товарищеская помощь коллег— Е. Ч. Скржинской, С. В. Поляковой, Э. Л. Казакевич, А. Я. Сыркина, — а также советы проф. Р. Дженкинза (Кингс-колледж, Лондон) во многом облегчили наш труд.

ХРОНИКА АНОНИМНОГО МОНАХА ПСАМАФИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Глава 1

[О КОНЧИНЕ ИМПЕРАТОРА ВАСИЛИЯ I] [1]

...Стоял месяц август, когда сам царь Василий [2] отправился на охоту во Фракийские области, в окрестности Апамеи и Мелитиады [3]. Здесь он обнаружил стадо оленей и вместе с членами синклита [4] и ловчими устремился на них. Охотники рассеялись в разные стороны, а император стал преследовать вожака стада, огромного и жирного. Он один гнал этого оленя, ибо свита его устала. И вот олень, почувствовав, что преследователь одинок, прекратил бег и устремился на него, пытаясь поразить охотника. Император метнул копье, но напрасно: задержанное рогами оленя, оно упало на землю. Оставшись безоружным, император обратился в бегство; олень стал преследовать его и ударил рогами. Тут-то и оказался пойманным император, ибо олень, поддев его рогами за пояс, сорвал с коня и понес.

Обо всем этом никто ничего не знал, покуда не увидели лошадь без седока. Тогда Стилиан по прозвищу Заутца [5] и протовестиарий Прокопий [6] оповестили всех о случившемся. Люди устремились в разные стороны и с трудом обнаружили оленя, который нес того, кого они искали. Хотя охотники преследовали зверя, стремясь во весь опор, все было тщетным: олень, уходя от них далеко, останавливался, чтобы перевести дух; когда же они пытались приблизиться, он мчался вновь, пока расстояние между ними не увеличивалось. Бессильные догнать его, некоторые из так называемой этерии [7] незаметно отрезали оленю дорогу и, рассыпавшись цепью в окрестных горах, снова криком погнали зверя. В это время один из тех, кого называют фарганами [8], поровнявшись с оленем, обнажил меч и перерубил зацепленный рогами пояс, — император без чувств рухнул на землю.

Придя в себя, он приказал арестовать своего освободителя и расследовать подоплеку этого дерзкого поступка. Император сказал: «Не для того он поднял меч, чтобы спасти меня, а для того, чтобы убить». Он приказал измерить расстояние до того места, откуда олень понес его, и было установлено, что оттуда до Катасиртов [9], где он упал, считая отклонения в разные стороны, 16 миль. После этого, не только не поймав оленя, но даже и не сумев его ранить, они возвратились во дворец, неся израненного императора. У него мучительно болели внутренности, затем началось кровотечение из области желудка, и через девять дней его постигла общая всем людям участь. Он процарствовал 19 лет и передал скипетр своему сыну Льву и Александру *, его брату, хотя и не настроенному по-братски [10]. Их младший брат, Стефан, имел уже духовный сан диакона и был облечен достоинством синкелла [11]. Царь оставил опекуном Стилиана, армянское имя которого было Заутца (он был армянином, родившимся в Македонии, подобно самому императору [12]), поручив ему управление всеми церковными и светскими делами. Перед смертью Василий сказал, обращаясь к Стилиану и сыновьям: «Увы, если бы только господь не спас меня, маг и волшебник Сантаварин, отдалив меня от бога, обманув фальшивыми и лживыми речами и отвратив от праведной веры, обрек бы на осуждение, которое сам он заслужил» [13].

---

* Так в подлиннике.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Глава 2

О ПРАВЛЕНИИ ИМПЕРАТОРА ЛЬВА

Император Лев, взяв в руки бразды правления [1], тотчас же дал Стилиану Заутце титул протомагистра, а немного спустя и василеопатора [2] (было известно, что этот Стилиан наблюдал за управлением государством [3] и заботился обо всем). Вскоре царь, считая недостойным призвать во дворец отца Евфимия, раньше чем он сам его не увидит и не оправдается [4], отправился в храм богоматери в Пиги [5] и пришел к тому, о ком тосковал. Увидев Евфимия и склонив голову к его ногам, Лев коснулся его паллия [6] и, целуя его, пролил на свое порфирное одеяние [7] слезы радости. Поблагодарив Евфимия за силу его святой молитвы, за утешение в тяжелую минуту отчаяния и за ясные предсказания его судьбы, император заявил: «Ты внушал страх видящим и внемлющим» [8].

Отец сказал несколько слов ради спасения его души и, благословив, отпустил его. Император хотел и впредь встречаться с ним и беседовать и понуждал его прийти во дворец. Когда же Евфимий не согласился и обещал явиться лишь после четыредесятницы всечтимого и святого праздника [9], император заговорил о нуждах и устройстве монастыря и просил Евфимия сказать, чего бы ему хотелось. Тот ответил: «Мне ничего не хочется, кроме того, чтобы ты управлял подданными в духе справедливости и благочестия, милостиво и с сочувствием, и постоянно помнил о том, от скольких несчастий избавила тебя десница царя царей. Ведь он еще более станет охранять тебя, если только ты окажешься послушным его заповедям и будешь не только на словах, но и на деле проявлять заботу о божественном благе». Так Евфимий простился с императором и, напутствуя его многими молитвами, с благословением отпустил.

Миролюбивый отец наш Евфимий, испытывая затем множество тягот из-за тех, кто приходил к нему, задумал вместе со своей братией тайно бежать на гору [10]. Тогда-то к нему явился почтеннейший муж, игумен святейшего Студийского монастыря Анатолий [11], умоляя воспрепятствовать отправке к ним в монастырь Сантаварина: ведь был дан приказ заключить его здесь, привезя из Евхаитов [12]. Тот охотно согласился и, тотчас же написав письмо императору, воспрепятствовал

водворению Сантаварина в Студийском монастыре; место его заключения было перенесено из Далматской тюрьмы [13] в Афины, где он по приказу Заутцы был сразу же ослеплен.

Отец Евфимий, удержав почтеннейшего мужа Анатолия у себя на три дня, открыл ему свое намерение бежать. А тот, видя стекавшуюся сюда толпу обиженных на нового императора спальников Василия [14], оскорбленных членов синклита и даже слуг самого императора (проще сказать, все стремились, как в недоступную волнам гавань, к блаженному Евфимию), возрадовался душой, славя бога, ко времени посылающего исполнителей своих заповедей. Ведь Евфимий, сострадая людям, собственноручным письмом успешно примирял их с императором; приходивших к нему он умел — согласно своему имени — от отчаяния привести к радости [15]. Ведь, по слову апостола, для всех он был всем [16]: для обиженных еще более обиженным или обиженным вместе с ними, для огорченных — огорченным вместе с ними и вместе страдающим; иногда же он обливался слезами, убеждая с благодарностью переносить все тяготы. Он был совершенным утешением и отдохновением, ибо для всех он сделался всем. Император же, получая его письма, все исполнял, послушный отцу, как благоразумный сын. Видя это, сказал ему великий среди отцов Анатолий: «Если ты сохранишь с божьей помощью это сочувствие ко всем, то сможешь, оставаясь здесь, удостоиться доли святых наших отцов [17] Если только и дальше будет достаточно сильной и сохранится чистой и от сердца идущей готовность всем оказывать помощь (ведь она выше горы и обширней пустыни), господь примет милость, оказанную тобою людям». Этими и иными словами укрепив Евфимия в его сострадании к людям, Анатолий удалился, простившись с ним.

А Стилиан Заутца распалялся гневом и злобой из-за того, что видел царя постоянно кротким и склонным к добру; поэтому он стал враждебно относиться к Евфимию и старался помешать и противодействовать его просьбам. Конфисковав у многих лиц имущество, он некоторых постриг в монахи и осудил на изгнание; среди них был и бывший друнгарий Лев Катакил [18], приходившийся родственником тогдашнему патриарху Фотию [19]. То же самое он совершил и в отношении других лиц, о которых я хотел бы умолчать. Самого Фотия он сразу же сверг с престола и, отправив его в позорную ссылку, принуждал к отречению [20]; достигнув этого при помощи насилия, он выслал его за пределы столицы в так называемые Иерии [21], приказав содержать в строгом одиночестве. Заутца подверг заключению не только его одного, но поступил так же со всеми его родственниками: лишил их имущества и постриг в мо-

нахи. Поэтому Николай, домочадец[22] Фотия, боясь подобной участи, бежал в монастырь св. Трифона[23], расположенный вблизи от Халкидонской митрополии. Там он в большом страхе поспешил принять пострижение и священную монашескую схиму. Впоследствии император Лев приблизил его, так как они были сотоварищами по учению и названными братьями[24], и, сочтя его пострижение великим подвигом, удостоил должности мистика[25].

Глава 3

О СТОЛКНОВЕНИИ ОТЦА С ЗАУТЦЕЙ

Такое и подобное и еще худшее совершал каждый день Заутца, и отец, слыша об этом, вознегодовал душой и собственноручно написал императору, доводя обо всем до его сведения. А тот, получив письмо, вручил его Заутце и приказал прочитать. Заутца стал защищаться и клятвенно утверждал, что он не совершает ничего дурного или противозаконного. «Если ты действительно поступаешь во всем справедливо и благочестиво, — сказал император, — то пойди и оправдайся перед моим духовным отцом». Заутца согласился и через несколько дней отправился к отцу; увидев его, он сказал: «Не пристало тебе, святой отец, заботиться о врагах императора и защищать их. Ведь твоя святость неопытна и совершенно несведуща в таких делах; тебе кажется, что ты правильно говоришь, однако ты не разузнал как следует об их кознях; исполнись твои просьбы — и ты вызовешь несогласие в государстве и необычайную смуту в городе. Тебе не подобает просить императора о подобных вещах и помогать его врагам». На это отвечал ему отец: «А ты, великий господин, имеющий, как ты говоришь, и опыт, и знания, разве хорошо поступаешь, когда обрекаешь на несчастия и мучения таких же, как ты, людей, добиваясь при этом только удовлетворения своей злобы и гнева?» Заутца возразил: «Да, я поступаю весьма и весьма хорошо».

А отец сказал ему: «Согласно каким же установлениям твое желание, или лучше сказать страсть, становится, по-твоему, столь правильной и благой? Согласно велению закона или учению Евангелия? Или следуя толкованиям апостолов и увещаниям отцов? Ибо всякий, кто намеревается совершать что-либо без них, слеп, незряч и нуждается в поводыре. Таков и ты, великий господин, коли ты опираешься на собственный разум и свой суд». Рассерженный этими словами, Заутца отвечал: «Вы, монахи, бездельники и не занимаетесь не чем дру-

гим, как только поносите нас и клевещете на нас. Поэтому и воображаете вы, что умнее нас, хотя всякий раз, как только приходил час испытания, мы оказывались и благороднее, и выше разумом, нежели вы. Так коли ты монах, и даже святой, как величает тебя император, пребывай в келье и занимайся своими делами, не вмешиваясь в мирские. Удовлетворись же наблюдением за исходом тех событий, которые ты прежде предсказал императору, — нет теперь нужды в том, чтобы ты предсказывал и предвещал, даже если это тебе и захочется».

«Уж не чувствуешь ли ты страха, — отвечал отец, — в своем полном ненависти сердце, что я выставлю у позорного столба тайное твое властолюбие, и поэтому прикрываешься такими речами? Смотри, предсказываю тебе, что никогда ты не осуществишь своих тайных замыслов, и умрешь прежде императора Льва[1]. Ибо святой господь, который защищает императора, низвергнет и уничтожит и тебя, и весь твой род, как это было открыто мне, недостойному».

Отец уже собирался кончить, когда Заутца встал, воскликнув: «О, несчастен тот день, когда я задумал идти сюда! Итак, отец напутствовал нас своими молитвами, и мы уходим». Евфимий же сказал ему кротким голосом: «Раскайся, человече, в том, что ты убивал, ослеплял, разорял, ссылал; прекрати опустошение церквей и изгнание священников, откажись от этой своей дерзости. Неужели ты презираешь неизмеримую доброту, долготерпение и великодушие бога? Не обманись — бог не даст над собой насмехаться, он отмстит». Воскликнул Заутца: «Старче! Тот, кто мог бы тебе иначе ответить, уподобился бы тебе». И с этими словами он тотчас же удалился.

Вернувшись к пославшему его, Заутца сказал: «Где, господин, отыскал все это твой самоуверенный и хвастливый монах?

Если внять его велеречивым рассуждениям, пожалуй, и заключенных в темнице сарацин[2] отошлешь на родину, оделив дарами, а покушающихся на твою жизнь и врагов твоей царственности одаришь блестящими титулами[3] и высшими наградами. Никогда не видывал я такого монаха, о если бы мне его и вовсе не встречать! Не имея в этих делах и малого опыта, он убежден, что хорошо осведомлен во всем и все понимает. Да будет ведомо твоей царственности, он никогда не приобретет смирения — хотя бы в речах — покуда ты не станешь пренебрегать им и не лишишь своего великого расположения. Ибо покуда он защищен твоей любовью, он сохраняет высокомерную гордость».

Император сказал: «Я думаю, что он не таков, как ты говоришь; напротив, он неизменно благочестив и полон смире-

ния, выступая всегда поборником истины и справедливости. Коли ты не знаешь о его делах, послушай, что я расскажу. Евфимий справедливый и святой отец, который изнурил свое тело многими испытаниями и великим подвижничеством и освободил дух от плоти; он всегда говорил мне о грядущем, словно о настоящем, — и безошибочными оказывались сказанные им слова. Поэтому мне и думается, что я не одну только царскую власть имею по его молитвам, но и самую жизнь. Несправедливым кажется мне в счастье оттолкнуть и отвергнуть того, кто дал мне утешение в пещи огненной моих неизмеримых мучений [4], особенно потому, что его молитвы и предсказания, как видишь, воистину осуществились для меня. Поэтому-то я в точности разузнаю обо всем, когда сам увижу его».

Когда наступил праздник преполовения пятидесятницы [5], император посетил храм великомученика Мокия [6]. Призванный им отец заявил, что он не может войти в город из-за множества творимых там беззаконий: «Лучше мне оставаться в излюбленном мною покое, чем говорить имеющим уши, но не слышащим». Император, услышав эти слова, промолчал. Когда же наступило святое вознесение [7], весь синклит да и все молодые [8] явились вместе с царем и новым первосвященником Стефаном [9] в храм богородицы в Пиги, и не только император стал призывать отца Евфимия, но и патриарх, упрекая, посылал за ним, — ведь и он весьма любил его. Евфимий, хотя и против желания, все-таки вышел навстречу им. Узнав о его приходе, царь направился к нему и со слезами стал оправдываться, клятвенно утверждая, что все произошло без его ведома и вопреки его воле. Испросив прощения, император пригласил Евфимия явиться в город, во дворец. Тот не соглашался, и царь едва убедил его разделить с ним трапезу. Когда же во время еды он вновь стал упрашивать Евфимия прийти в город, тот снова отказался, сказав: «Если меня смущает и огорчает то, что я слышу издали о творящейся там несправедливости, то многим больше буду страдать, своими глазами увидев оскорбленных». После этого он пробыл с ними еще немного времени и, простившись, удалился к святому Феодору [10].

Когда император вернулся во дворец, Стилиан Заутца был обеспокоен, не повторил ли отец императору все, что он предсказал Стилиану; поэтому на следующий день, войдя к царю, он сказал: «Я знаю, господин, что этот твой болтливый монах, исполненный самомнения и издавна привыкший лживо предсказывать, сообщил твоей царственности, оговаривая меня, будто я намереваюсь захватить в свои руки управление цар-

ством и с этой целью наделяю своих близких родственников высшими титулами и наградами[11]. Такие речи он говорил и мне, когда я посетил его. Но не прими это за правду, — мне кажется, его дерзость породила эти мысли и облекла словами». Император ответил ему: «Мне он не говорил ничего подобного и ни на что не намекал. Однако да будет тебе ведомо, что, если он что-нибудь предсказал, это непременно свершится, ибо он — муж святой и ясновидящий[12]. И если ты хочешь угодить мне, изволь принять участие в его обращении к богу». Поэтому через несколько дней Заутца явился на поклон к отцу и, поцеловав его в уста, говорил о мире, просил прощения и обещал все исправить. Простившись с отцом и получив напутственное благословение, Заутца вернулся в город и стал много говорить об отце царю.

Глава 4

О ПРИБЫТИИ ОТЦА В ГОРОД ПО ПРОСЬБАМ АВГУСТЫ[1]

В это время благочестивая и христолюбивая императрица Феофано[2], покинув дворец, пребывала во Влахернском храме богородицы[3], предаваясь посту и молитвам; оттуда она отправилась на моление в святой храм в Пиги. Увидев отца Евфимия, она стала просить его явиться в город и умоляла прийти во дворец, отчего, сказала она, произойдут две прекраснейшие вещи: душевное выздоровление императора и помощь несправедливо обиженным. Когда она говорила, слезы потекли у нее из глаз, и этим она убедила величайшего сострадальца явиться во дворец после двух с половиной лет отсутствия[4]. Император вышел за врата, называемые Серебряными[5], и радостно его встретил. Радушно принятый царем и всем священным синклитом и самим почтенным патриархом Стефаном, он оставался там в течение трех дней. Тогда сказал ему первосвященник Стефан: «Почтенный отче! Так как мне еще по отцовскому дару принадлежит должность синкелла[6], я желаю, чтобы ты занял ее вместо меня, ибо ты раб божий и наш духовный отец. Не отвергни, подчинись нашему решению — ведь ты не примешь от этого никакого беспокойства или неприятностей. Право, это благое, незатруднительное и справедливое дело». Когда первосвященник кончил, император, повторив его слова и одобрив его просьбу, заклинал отца согласиться. Убежденный ими, незлобивый Евфимий принял должность синкелла и, пробыв вместе с патриархом в великом храме премудрости божьей[7] еще три дня, простился с ним и оставил храм.

Прошло некоторое время, а отец все не появлялся в горо-

де и, хотя его приглашали часто, откладывал свой приход: тогда царь, постоянно жаждавший его видеть, рассердился и поручил Заутце выяснить, в чем дело. Заутца объявил об этом отцу, а когда тот не внял ему, написал следующее: «Кажется, отче, твоя святость забыла, что ты принял от царя должность и, подобно нам, которые вместе с тобою причислены к священному синклиту, не должен уклоняться от участия в обычных торжественных приемах[8]. Неужели ты, чрезмерно долго пребывая в уединении, глумишься над царской властью, презирая самих императоров? Достаточно, если ты будешь пребывать в уединении в течение одного только великого и святого поста. Разве ты не знаешь слов: „Отдавайте кесарево кесарю, а божье богу"?[9]. Право, лучше тебе ежедневно являться перед царями, вдохновляя их на благие дела, нежели, упорствуя, побуждать к греху. Прощай, почтенный отче. — Наставляющий тебя в этой твоей ошибке».

Прочитав это, отец огорчился и на следующий день явился в город. Тут он обратился к императору с упреком: «Нечего сказать, хорошо вы со мной поступаете, когда во вред богослужению и святой схиме причисляете меня к синклиту и к тому же требуете от меня участия в торжественных приемах. Это ли есть легкое и справедливое дело, как вы утверждали? Знай же, что теперь я ухожу, оставив все. Мне никогда не было нужды в этом, да и не будет».

Добрейший царь, смягчая его любезными словами, сказал: «Отче, если бы мы не сделали так, то не могли бы лицезреть твой честной лик». После царской трапезы Евфимий простился с августой; он обещал являться каждый месяц и с этим удалился в свой монастырь великомученика Феодора.

Случилось так, что император занемог, и отца стали чаще вызывать, чтобы он пребывал вместе с царем; и вновь, после того как он удалялся, за ним поспешно посылали, а иной раз не вовремя, даже в полночь, с факелами и светильниками отправлялись посланцы, неся ключ от городских ворот. Так как император тяготился расстоянием и считал, что нехорошо отцу жить вне города, то сказал Евфимию: «Отче, если твоей святости будет угодно, я передам тебе монастырь св. Сергия[10], чтобы ты, став нашим близким соседом, был с нами неразлучен».

Услышав это, отец воспротивился: «Не пристало мне напоить чужие плоды[11]. Но если уж угодно твоей божественной царственности позаботиться о моем смирении, то повели заново построить монастырь и подарить его мне. Ведь мне не годится вступать в созданное до меня чужими трудами и стараниями и все это разрушать или изменять согласно своим уставам и правилам, — как не захотел бы я, чтобы кто-либо так

поступил со мной. А если есть на то воля твоей царственности, позаботься о сооружении монастыря там, где я живу: ведь в городе невозможно найти место достаточно уединенное»[12]. Император сказал: «Не пристало жить вне города тебе, кого я столь часто призываю; мне хочется, чтобы в городе был монастырь твой, основание которого мы с божьей помощью задумали; пусть он будет недалеко от моря, чтобы мы часто пребывали вместе с тобой и твоей братией. Итак, если бог по твоим честным молитвам дарует нам успех и даст силы[13], мы выполним твое желание и волю». Так договорившись с отцом, или, лучше сказать, достигнув полного согласия, Лев, лучше себя чувствовавший, отпустил Евфимия из дворца.

Когда, покаявшись в своих прегрешениях, по советам и молитве отца император освободился от болезни, он исповедался во Влахернском храме богородицы, возгласив во всеуслышание:

«Как пред страшным судом твоим, господи,
Стоит осужденья достойный»[14],—

и пролил горячие слезы, чем вернул себе духовные и телесные силы. Когда он морем возвращался во дворец и обращал свой взор вокруг, задавая вопрос за вопросом и раздумывая, где бы в городе найти подходящее для монастыря место, удаленное от шума и спокойное, Ваан, первый актер, даже не ожидая конца [его?] речей, сказал ему: «Если, господин, ты хочешь построить монастырь, нет другого места, более пригодного для этого, нежели владение[15] Катакила, близкое[16] Студийскому монастырю, весьма уютное и спокойное».

Глава 5

ОБ УСТРОЙСТВЕ НОВОГО МОНАСТЫРЯ В ПСАМАФИИ[1]

Император немедленно поспешил туда и явился[2] в указанное место. Восхищенный его красотой и тишиной, он тотчас же послал за отцом. Увидев Евфимия и подойдя к обычному благословению[3], он сказал: «Вот, святой отче, с богом и место твоего отдохновения». А тот ответил ему обычным своим выражением: «Да будет воля божья», и прежде всего прошел в церковь для молитвы. В апсиде он нашел такую надпись: «И будет последняя слава дома этого больше первой[4], — говорит господь-вседержитель». Весьма обрадованный этим обстоятельством, он вышел к императору, говоря: «Благо, господин, подчиниться твоим приказаниям и принять твое решение, словно божественное попечение и волю. Ибо сердце царево в руце божьей[5]. А ты прежде часто предпочитал, чтобы наше

ничтожество обдумало и установило название церкви, размеры и план, поэтому-то я и осмеливаюсь просить тебя, чтобы исполнилось пророчество, древле начертанное в этом храме, и ты украсил его блеском мраморных колонн и мозаиками, увеличил и убрал этот храм, носящий имя святых чудотворцев Бессребреников Косьмы и Дамиана, равно как и стоящие по обеим сторонам часовни [6], носящие имена Предтечи и архангела» [7].

Император спросил: «А как же тогда быть с твоим прежним желанием строить храм во имя богоматери и великомученика Климента?» А он отвечал: «Да, я высказал некогда такое желание, но мне любезнее то, что бог, правящий вместе с тобой, вложил тебе в сердце». Так он сказал и весьма обрадованный выбором места многократно благословил императора; затем он отправился в монастырь св. Феодора.

А император, вернувшись во дворец и назначив надзирателей работ [8], тотчас же послал их, приказав начать строительство в соответствии с его распоряжением. Он часто приходил туда и сам руководил строительными работами. Тогда явились к отцу родственники Катакила, рассказали о его ссылке и конфискации имущества Заутцей и о том, как Катакил против воли был пострижен в монахи. «Да и монастырь, который теперь император приготовляет тебе, вместе со всем остальным враги отняли у него, хотя он приобрел право собственности на него путем покупки [9]; так же они поступили и в отношении его проастия [10] на Стене [11], называемого Агафов [12]. Так что, святой отче, если у тебя есть возможность, примири его с императором, и тогда будет принадлежать тебе и его дыхание, и его жизнь. Если только можешь, помоги ему».

Выслушав это, Евфимий собственноручно написал императору: «Льву, благочестивому императору и самодержцу, от ничтожнейшего Евфимия. Ты в полной мере оказывал мне идущее от души и сердца расположение твоей справедливой царственности — не только на словах, но и на деле, как раньше, так и особенно теперь, при строительстве нового Псамафийского монастыря. Поэтому мы должны непрерывно молиться за твою царственность, и когда мы приходим туда, и когда остаемся здесь. Но знаю я, что небезызвестно твоей мудрейшей царственности свидетельство Иоанна Златоуста [13], общего отца нашего, о том, что подобен проливающему кровь любимого сына тот, кто приносит богу дары награбленные, и что отвергнет и презрит господь подобное приношение. Поэтому, если вообще у твоей царственности есть желание порадеть о моем смирении, пусть будет возвращен из ссылки владелец того участка, где ты мне возводишь монастырь, пусть, прими-

рившись с твоей царственностью, он получит за этот участок справедливую плату и передаст грамоты и документы на него [14]. Иначе нам будет невозможно уйти отсюда и переселиться во вновь отстроенный монастырь. Прощай, богохранимый господин!» Император, получив послание и познакомившись с содержанием написанного, сказал в присутствии монаха, принесшего письмо: «И эту просьбу, о святой отче, твой сын исполнит». И тотчас же приказал вернуть Льва Катакила из ссылки [15].

А Стилиан Заутца тяготился этим и в глубине души гневался на святого отца. Однажды, встретив его во дворце, Стилиан сказал: «Не так уж, отче, заботься о врагах императора, не стремись примирить его с ними; это ведь не к лицу тебе, его духовному отцу, пекущемуся о его спасении» [16]. Но Евфимий громко упрекнул Стилиана, что он нарушает христианские заповеди, превращая святую схиму в наказующий меч и давая возможность дурным людям так поступать. «Святой господь, человеколюбец, терпит твою дерзость, но когда-нибудь воздаст». Так сказав, он оставил его и ушел.

Когда все было выполнено по желанию отца, а лучше сказать совершилось по воле божьей, когда устройство храма было завершено и окончились строительные работы, император, благорасположенный к отцу, настоятельно заявил ему, что нужно совершить торжественный вход во храм. А тот ответил ему: «Да будет известно твоей царственности, что праздник обновления [17] по обычаю справляется в этом храме 6 мая, как мы узнали от местных людей. Поэтому, как только придет этот день, мы будем праздновать обновление, двинемся отсюда с литанией [18] и пойдем к церкви. Конечно, и твоя могущественная царственность, и почтенный патриарх будут присутствовать и участвовать в перенесении божьего престола — в меру своих сил». Добрейший царь, согласившись все сделать по его желанию, отправился к новому Псамафийскому монастырю, чтобы все узнать и осмотреть. Одобрив труды и исправив упущения, он вернулся во дворец.

Наступил месяц май, и отец собственноручным посланием уведомил императора о празднике обновления. С вечера призвав всех близко живущих монахов из богородичного монастыря Пиги и из Аврамиева монастыря [19], он провел ночь без сна во всенощных молитвах и славословиях, не прекращая песнопений до рассвета; с неудержимо льющимися слезами призывая посредником мученика Феодора, молил он всемилостивого бога устроить и сохранить невредимым от врагов вновь учрежденный монастырь. Когда появились императорские факельщики, все с литанией двинулись в путь; впереди несли

крест [20], и святое Евангелие указывало им прямые пути; с пением гимнов все пришли во вновь устроенный Псамафийский монастырь и вступили в святой храм Бессребреников. Можно было видеть самодержца [21], вышедшего им навстречу и роняющего на землю слезы радости, ибо он, бодрствуя, ожидал их прихода, призвав избранных студийских монахов и славя бога; был вместе с ним и Стефан, святейший патриарх, хотя и юный возрастом, но совершенный разумом, богобоязненный и добродетельный.

Глава 6

О ПРАЗДНИКЕ ОБНОВЛЕНИЯ МОНАСТЫРЯ И ЦАРСКИХ ПОДАРКАХ ДЛЯ НЕГО

Когда таким образом закончилось освящение божьего храма и все священнодействия, отец не пожелал выйти из храма и разделить трапезу с императором и сказал, что он не покинет храм до истечения сорокадневного срока. Так он и поступил. А император, всем чрезвычайно довольный, удалился во дворец, получив напутственное благословение отца. Почтенный патриарх Стефан участвовал в празднествах три дня в храме вместе с Евфимием и затем [1], простившись с ним, удалился. О тех испытаниях, которые блаженнейший отец наш Евфимий перенес в эти дни, никому не под силу ни рассказать, ни написать [2]. Не употребляя не только вина или масла, но даже фруктов и овощей, довольствовался он едва ли не одними только антидорами [3], которые ежедневно посылал ему иерей, и водою дважды в неделю. На бок он даже и не ложился [4].

Когда же настал сороковой день и окончилась заутреня, он, прежде чем завершить обычную молитву, начал плакать и во всеуслышание говорить, и слова, шедшие из глубины души, выдавали великое умиление: «Благодарю тебя, милосердный господи, щедрый податель благих даров, сострадающий и сострадающий! Кто я такой, недостойный и ничтожнейший среди всех людей, что так обильно изливаешь ты на мое смирение и недостойность твое безмерное милосердие? Умерь поток твоих неисчислимых даяний, удержи безмерные дары! Пусть остановится и не преступит меры щедрое обилие твоего милосердия. Оставь долю благодеяний и для будущей моей жизни. От прегрешений, которые тебе ведомы, спаси меня — не по делам моим, но по милосердию твоему. Эту вновь отстроенную ограду духовных овец твоих укрепи, сохрани неколебимой, сбереги прочной. Пусть не проникнет алчущий крови зверь

к этому малому стаду твоему, но будет отражен могучей десницей твоей, дабы оно сохранялось невредимым и, следуя заветам моего ничтожества, имело опору в твоей всемогущей помощи...»

[*Отсутствует лист*]

...император счел их невинными и так сказал о них: «Некоторые заботятся — они, пожалуй, знают, с каким умыслом — о нашей жизни и ей устанавливают предел, как будто они владеют нашим дыханием, а не находится оно в руках создателя; не знаю, откуда взяли они срок в тридцать три года. Впрочем, „ищите и обрящете" [5] и так далее, и вы удивитесь его проницательности». После этого Заутца досадовал и негодовал и клялся, что не перенесет дерзких речей отца.

Так вот во вновь устроенном Псамафийском монастыре все процветало и царил образцовый порядок и спокойствие, однако не мог враг блага, диавол, перенести это великое распространение и торжество добра и поторопился напасть [на обитель?] и погубить ее своей клеветой. И вместо радости он повергл всех в печаль, и вместо спокойствия посеял смятение и раздор. Вот каково было уготовленное им искушение. Почтеннейшая императрица Феофано, призвав отца во дворец, рассказала ему о гонениях, которым она подверглась. Она сказала, что хочет уйти из дворца и что открыла это императору. «После того как я лишилась моего любимого ребенка [6], мне нет никакой нужды оставаться здесь и терзать себе сердце. И я не прошу ни о чем другом, как о позволении пребывать мне во Влахернском храме св. ковчега [7]. Им на радость я дам книгу пущения [8] — только бы исполнилось мое желание». Отец ответил ей: «Не смей, чадо мое, даже и говорить так. Не годится тебе оставить супруга и стать виновницей его блуда. Разве ты не знаешь слов апостола: „муж не властен над своим телом, но жена его, как и жена не властна над своим телом, но муж" [9]. И если отпустивший свою жену виновен, то и отпустившая своего мужа такому же подлежит наказанию. Неужели ты хочешь сделаться причиной блудодеяний того, кто с юношеских лет был твоим мужем? Не делай этого, чадо мое, убеждаю тебя. Если только ты стремишься к вечному благу, постарайся достойно перенести огорчения и не становись виновницей мужнина греха. Ты ведь понесешь наказание за него перед страшным судилищем господним». Ее убедили уговоры отца, и, получив его благословение и прощение, она никогда больше ничего подобного не говорила.

Глава 7

О СМЕЛОМ РАЗГОВОРЕ ОТЦА ЕВФИМИЯ С ИМПЕРАТОРОМ

Когда отец вошел к императору, тот, встретив его, сказал: «Знаешь ли ты, отче, что августа намерена покинуть нас и удалиться отсюда?» А он ответил: «Что же тому причиной?» И сказал император: «После смерти ее ребенка она это решила». Тут отец возразил: «Не говори — ее ребенка, но скажи — нашего ребенка. Ведь я вижу, что характер речей твоих выдает недовольство и отвращение к ней. Однако не допускай и мысли, чтобы она оставила тебя когда-либо. Ведь ради испытания [твоего?], говорила она мне, что собирается пригрозить тебе этим. И разве не знает твоя царственность, что ежели произойдет недолжное, ты будешь виновен в грехе прелюбодеяния?» Император ответил: «Не я ведь по своему желанию отталкиваю ее. Кроме того, законы и каноны разрешают мне взять другую». Отец возразил ему: «Как ей невозможно, покуда ты жив, соединиться с другим мужчиной, так и тебе нельзя сойтись с другой женщиной».

На это император отвечал, несколько помедлив: «По-видимому, не знает твоя святость, сколько страшного я из-за нее пережил [1]. Придя к блаженному моему отцу [2], она возвела на меня клевету, будто я общался с Зоей, дочерью Заутцы. А каким мой отец себя [показал, послушай. Не внимая оправданиям] [3], ни простым просьбам, тотчас же он выдрал меня за волосы и, бросив на землю, избивал и топтал ногами, покуда я не стал обливаться кровью; Зою же, ни в чем не виновную, против воли приказал выдать замуж [4]. Я ее никогда не забуду, но настанет день [5], когда я смогу выказать ей сострадание».

При этих словах Евфимий изменился в лице и сказал ему: «И впрямь ты питаешь в душе своей это нечестие? Разве ты не знаешь этих слов: «Пей воду из твоих сосудов и из колодцев твоего источника. Пусть будет собственным твоим источник твоей воды и радуйся вместе с женой, данной тебе от юности» [6]. А император ответил: «Все это я хорошо знаю, как известно и твоей святости». Тот сказал ему: «Сего ради большее примешь осуждение» [7]. Император отвечал: «Всем членам синклита известно, что женился я на ней не по своей воле, но из страха перед отцом и испытывая большое огорчение» [8]. На это возразил Евфимий, рассерженный и разгневанный: «Я, чадо мое, забочусь о душевном твоем спасении и боюсь, что бог от тебя отвернется, да и люди тебя осудят, и из-за этого я сержусь и уговариваю, имея благие надежды отвлечь тебя от подобного греха. Если же ты настаиваешь на своем, если помыслы твои таковы, да будет тебе известно, что я не явлюсь сюда

больше и от меня ты ничего не услышишь, покуда не осудишь себя и не раскаешься».

Так сказал он и, не простившись, ушел от царя. Зайдя к императрице Феофано, он объявил ей: «Хочу, чтобы ты знала, чадо мое, что близок день твоего ухода к богу, и нужно тебе пройти трудные испытания, однако сколько ты испытаешь, столько тебе и воздастся. Наступил для тебя час подвига и испытания, и, если ты хочешь сподобиться вечной жизни, радостно и достойно перенеси выпавшее тебе на долю, не будь слабой, не падай духом — и святой господь будет тебе опорой. Итак, чадо мое, будь здорова: здесь ты никогда уже меня не увидишь». А Феофано, заплакав при этих словах, сказала: «Разве ты опять хочешь затвориться в келье и стать недоступным?» У склонного к уединению отца был такой обычай: он на три или четыре месяца, а иногда и на целый год затворялся в келье, и хотя дверь оставалась открытой, он никогда не выходил, пребывая там, пока не истекал установленный срок. Боясь этого, она и просила, чтобы он так не делал. «Ты ведь знаешь, отче, — сказала она, — что нет у меня никого, кроме твоей святости, на кого бы я могла обратить свои взоры, кому бы я раскрыла печаль сердца и от кого получила бы утешение».

Сказав обычные свои слова, Евфимий удалился из дворца. А император, ожесточенный смелыми речами отца, не послал ему обычных подарков, какие отправлял постоянно; постепенно из-за клеветы Заутцы он переменил отношение к Евфимию и лишил его своего расположения.

Немного спустя скончался блаженнейший патриарх Стефан, бывший первосвященником в течение семи лет [9]. Тогда-то Заутца с неслыханным рвением принялся хлопотать, чтобы был избран патриархом близкий ему человек. Ведь он боялся, как бы император не поставил во главе церкви любезного себе Евфимия. Заутца пылал против Евфимия таким гневом, что даже актеров, по обычаю выходивших к императорской трапезе, побуждал говорить против него. Первый актер, по имени Титливакий, не поддался дурному совету, хотя Заутца и посулил ему многое. Другой же, негодяй, звавшийся Лампудием, сказал: «Я такое устрою, что даже имя его всем людям покажется ненавистным и противным». Тогда Заутца ответил ему: «Посмотрю, Лампудий, как ты послужишь мне».

Когда подали на стол, Лампудий стал изрыгать по злобе своего сердца такие подлые поношения на безупречного отца нашего, что сидевшие вместе с императором покраснели, сам же царь в гневе вытолкал Лампудия и прогнал. После окончания трапезы явился Лампудий просить обещанную награду,

Заутца же дал ему, как второму Иуде, 30 сребреников, а с ними он нашел подобие иудиной петли — позорную смерть. Выходя со своими друзьями из дворца через Слоновые ворота, где основана часовня св. мученика Афиногена [10], внезапно он в судорогах упал на землю и тут же у дворца отдал душу, умерев жалкой и ужасной смертью — от кровавого поноса. Всем стало ясно, что вздорная клевета, возведенная на отца, была причиной гибели Лампудия.

Наступил ноябрь, и почтеннейшая императрица Феофано заболела во Влахернском монастыре богоматери; призвав туда отца Евфимия, она рассказала ему все о себе, так что заплакал этот исполненный сочувствия старец и ответил ей: «О почтенная госпожа и владычица моя Феофано, это последние прощальные слова: никогда больше в этой жизни ты не увидишь моего ничтожества. Но если, как я надеюсь, твой голос будет услышан в небесах, вспомни и обо мне» [11]. Почтенная императрица вынула из своего ларца и передала ему священные сосуды, сделанные из яшмы, и покровы к ним, на которых она золотом вышила имя отца. Вместе с этим передала она как приношение покрывало, которым в церкви облекала голову и плечи. Впоследствии император потребовал эти священные сосуды и, дивно украсив их, вновь отослал отцу.

10 ноября почтенная императрица, покинув земной мир, ушла в небесный, к господу [12]. Немного спустя скончался и Феодор Гуцуниат, муж Зои, дочери Заутцы [13]; был слух, что именно она виновна в смерти августы и своего супруга.

Глава 8

О ЗОЕ, ДОЧЕРИ ЗАУТЦЫ, И О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ИЗ-ЗА НЕЕ С ОТЦОМ ЕВФИМИЕМ

И вот отец Зои Стилиан, немедленно приведя ее во дворец, старался женить на ней императора. Став необычайно дерзким, он убеждал царя призвать во дворец отца Евфимия, — чтобы все это произошло с его благословения и одобрения. А Евфимий, весьма гневаясь и негодуя на императора, только закричал на посланцев и отправил их назад, не дав никакого ответа. Василеопатор встретил посланцев и, подучив говорить в своих собственных интересах, возбудил в царе гнев. И император тотчас же приказал посадить Евфимия в челн и против его воли и желания везти во дворец. Когда все это произошло, Евфимий без обычных почестей, даже никем не встреченный, вошел в спальню императора и сказал ему: «Я никогда не перестану говорить истину о том, из-за чего ты на меня разгне-

вался, не перестану называть это нечестием и сущим беззаконием; я молюсь господу, чтобы он как можно скорей отвратил тебя от подобных намерений». Император, успокаивая его и усадив, сказал: «Выслушай, отче, и не говори таких странных вещей. Моя супруга, как ты знаешь, умерла, и мне, как и всякому, следует, согласно словам апостольским, заключить второй брак [1]. Точно так же и она — я имею в виду Зою — пережила то же самое и теперь свободна. Вот что гласят законы и само повеление апостольское — кто же ты такой, чтобы сверх этого выносить решения?»

Но Евфимий стоял на своем, называя этот брак беззаконным и нечестивым. «Никто не воспротивится, если ты женишься на ком-нибудь другом, но только не на ней, уличенной в недобрых делах. Ведь иначе все будут считать правдой то, что говорили о ней». Сказав так, он поднялся и ушел. Рассерженный этим император призывает василеопатора. И когда тот еще больше распалил его гнев, он приказывает немедленно сослать Евфимия в Диомидовский монастырь своего отца Василия [2], что и было сразу же исполнено.

Таким образом, отец наш пребывал в течение двух лет в этом чистом храме, в милом ему уединении. Когда же император известил его, что сожалеет о случившемся, Евфимий не удостоил посланцев ни словом, ни ответом и продолжал называть брак с Зоей [3] беззаконной дерзостью. Услышав это, царь еще более смутился. Однажды он послал протовестиария и приказал перевести отца в палаты [4] своего брата патриарха Стефана и убеждал взять с собою тех учеников, которых он захочет...

[*Отсутствует лист*]

...Кого же ты велишь мне остерегаться?» Евфимий в ответ: «Мне думается, родственников твоих по жене». На это возразил император: «О святой отче, убеждаемся мы, что все мы люди, все человеки и подвержены гневу и ярости. Вот и ты признался, что, неприязненно настроенный к моей супруге, ты ненавидишь и ее родственников. А если бы ты был к ней благорасположен, то, пожалуй, объявил бы ее родню защитниками моей царственности».— «Я ведь, господин,— отвечал отец,— думая о твоем спасении и заботясь о христианах, сказал тебе о том, что открылось моему ничтожеству. А уж ты сам посмотришь, что произойдет».

Не прошло и шести месяцев со смерти Заутцы [5], еще был патриархом во святых Антоний по имени Калей [6], как Зоя лишилась жизни от ужасной болезни и головокружения [7]. Тогда из дома ее отца бежал ничтожнейший юноша, евнух, обязан-

ностью которого было подносить теплую воду, родом агарянин, по имени Самона[8]. Ворвавшись во дворец и разыскав самодержца, он сказал: «Если сегодня же ты не арестуешь родственников моей госпожи, то потеряешь, о господин, не только свое царство, но и самую жизнь»[9].

При этом он указал и на некоторых других придворных, действовавших заодно с заговорщиками. Когда несколько человек было арестовано, они, получив от императора обещание простить их, подтвердили справедливость всего сказанного Самоной. К тому же он показал тайник с большим количеством оружия. За это он сразу же был произведен в кувикулярии[10]. Ему была пожалована и третья часть имущества тех, на кого он донес. Немного спустя Самона был назначен нипсистиарием[11].

Тогда император явился к отцу нашему с мольбой, восклицая: «Прости, святой отче, от беззаботности возникло грешное мое недоверие к тебе», и, проливая слезы, просил о прощении. Евфимий, обратившись к нему с радостными и кроткими словами, достойными слуха царя, даровал ему прощение и отпустил его. А царь сказал: «Не будет твое прощение полным, если не последуешь со мной во дворец». И Евфимий отправился вместе с ним и пробыл там три дня. Тогда император передал ему церковную серебряную утварь, и белейшие церковные одеяния, и дивную книгу в пурпурном переплете, украшенную серебром и золотом[12], которая, он сказал, была его трудами переписана. «Я дарю это для того, чтобы твоя святость и те, кто придет после тебя, никогда меня не забывали». Так, попрощавшись с императором, отец вернулся морем в Псамафийский монастырь. С тех пор и император стал часто появляться в монастыре, нередко неожиданно.

Глава 9

О НЕОЖИДАННОМ ПРИХОДЕ ЦАРЯ В МОНАСТЫРЬ

Решил царь как-то в вечерние часы[1] тайно прийти [в монастырь] и дошел до входа, ибо ворота были открыты; не было слышно обычных приветствий, и потому его появление осталось незамеченным. Собственными руками царь взял колотушку[2] и начал сильно стучать. Отец сидел вместе с братией за ужином, и, когда кончилось обычное чтение, он сказал: «Тот, кто так нещадно стучит,— ктитор»[3]. Когда же остиарий[4] спросил изнутри: «Кто ты и что тебе надо?» — император ответил: «Я из дворца и послан к синкеллу». Отец, извещенный об этом, немедленно велел монаху встретить его и сказать: «Не

погнушайся, господин мой и брат, кто бы ты ни был, войти и отужинать с нашим ничтожеством, затем и объявишь, что тебя к нам привело». Монах пошел и сказал это прежде, чем открыл дверь, но затем, увидев императора, смутился. Тот же, запретив сообщать о своем приходе, вошел неожиданно и у стола приветствовал отца и всю братию. Когда же монахи стали суетиться, он приказал всем сидеть, как и прежде, соблюдая и в его присутствии обычный чин трапезы.

Отец предложил, чтобы император сел обедать с первыми из братии[5], но тот отказался, сказав: «Не следует мирянам быть выше монахов, чтобы не показалось это обидным для отцов». Так как чаши[6] были приготовлены для всех, он отыскал свою. Когда же был подан знак[7], виночерпий возгласил: «Благослови, отче!»—он, взяв кратер[8], подошел к императору, говоря: «Господин, благослови вино». Тот спросил, повернувшись: «Что это?» Ему ответил отец: «Если хочешь пить, господин, дай чашу».— «Очень хочу»,—сказал император. Когда затем красовулий был опорожнен только в его чашу, он сказал отцу: «Такова ли, отче, величина этой чаши, что она целиком вмещает содержимое медного сосуда — ни больше, ни меньше?» А тот отвечал: «Не беспокойся, господин, все получают достаточно»[9].

Затем император спросил: «Вы пьете холодное?» — «Отнюдь нет,— ответил Евфимий,— вот и подносчик теплой воды». Тут император услышал: «Благослови теплую воду», и, обернувшись, сам смешал вино и воду в своей чаше. Так как напиток стал слишком горяч, император оглядывался в ожидании, не нальют ли ему несмешанного. Но отец сказал ему: «Не принято у нас добавлять холодное вино, а каждый сразу смешивает по собственному вкусу: один потеплее, другой похолоднее». Император сказал отцу: «Отныне твой устав будет разрешать щедро вливать холодное вино в горячую воду; я обещаю тебе это и исполню».

Отведав из чаши, он спросил: «Откуда такое вино?» Они же отвечали: «Из произведенного здесь рабами[10] твоими, господин». Тогда он сказал: «О жалкий виноград! Сколько же они ежедневно получают таких медных сосудов». Отец ответил: «Два утром и один вечером, в соответствии с размерами владений»[11]. А император сказал: «Вот, отче, подарю я этому вновь устроенному монастырю владение в Пилиатике[12], принадлежавшее моей покойной жене, к которой ты был враждебно настроен,— подарю, чтобы вы постоянно поминали меня и ее. Я передам это владение по дарственному хрисовулу[13]». Это он и совершил впоследствии.

Немного спустя — новые неприятности, вновь у императора

ссора с отцом. Узнав, что его собственный брат Александр[14] попытался устроить заговор против него, император разлучил его с женой и обрек всяким ветрам[15]. Отец Евфимий непрестанно ходатайствовал, убеждал, призывал пожалеть брата и смилостивиться над несправедливо обиженной женщиной. Так как император не внимал ему, он написал собственноручно следующее послание: «Это говорит тебе господь через меня, ничтожнейшего.— Каким судом судишь, и сам будешь судим, какой мерой меришь, и тебе отмерится»[16]. А царь, прочитав письмо, разорвал и сказал принесшему: «Передай пославшему тебя: — О чем, отче, я, придя к тебе, по своему желанию говорю с тобой, о том и заботься и думай — ибо не хочу я иметь в тебе второго Заутцу, приказывающего и распоряжающегося. Посему — сиди в своей келье и размышляй, но не суйся дальше».

Отец не столько был огорчен этим письмом, сколько обрадован приказанию пребывать в одиночестве в своем монастыре. Наступил святой пост[17], и отец наш не явился во дворец, хотя и призывал его император; так он ответил царю: «Больше, чем когда-либо, ты меня обрадовал, приказав сидеть в уединении и размышлять о своих делах, что я с божьей помощью и выполняю, молясь за тебя и размышляя о своем». Так как его не убедили прийти, император прислал ему свечи и благовония и умолял молиться за него.

Расскажу я нечто достойное простоты и чистосердечия отца. В те времена управлял святейшим Студийским монастырем во святых Аркадий, который настолько был славен благочестием, что сам император благоговел перед величием его добродетели. Этот муж высокой святости относился к отцу нашему Евфимию с такой дружбой и чистой любовью, что они поверяли друг другу свои мысли и чувства. В сыроястное воскресенье[18] упомянутый Аркадий, занятый благочестивыми делами, не явился к отцу, чтобы они, как это было принято, простились друг с другом. Отец же, как и всегда, с вечера помолившись и простившись с братьями, удалился в свою одинокую келью. На следующий день, когда закончился третий час[19], явился названный игумен студийский для того, чтобы навестить, помолиться вместе с отцом и извиниться. Отец же наш любезно принял его: вышел из своей кельи и, встретив его, обнял и стал радостно говорить ему: «Благо, что ты пришел, пастырь духовных агнцев Христа! Воистину принимаю тебя, как самого предтечу»[20]. Они беседовали до шестого часа и, как обычно, наставляли друг друга и побуждали к испытаниям. И сказал ему великий Аркадий: «Так как мы ничего не упустили из установленных правил, то не упустим и упражнения в

скромности»[21]. Он тотчас же приказал ударить в било и после девятого часа купно спеть вечернюю молитву, а также приготовить стол, вино и масло, что и было исполнено. Итак, скромнейшие отцы наши, простившись друг с другом и отдав распоряжения, начали свои подвиги в дни этой святой четыредесятницы. Читанные им в первую неделю гомилии[22] Евфимий, написав собственноручно, дал нам, братии монастыря[23].

Тогда и тело Петра, во святых епископа Гордоринии[24], погребенное вне города в приморской часовне блаженного отца Николая[25], из-за страшного видения Евфимий перенес в город и прославил его и возвеличил в похвальных словах, ибо он точно узнал о его подвигах от его учеников и во время своего переезда из Селевкии[26]. И прославляя многих других, и обновляя в своих гимнах память о святых, он переписывал книги и так провел свое уединение.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Глава 10

О ПРЕДСКАЗАНИИ, ПОЛУЧЕННОМ СВЯТЫМ ОТЦОМ, И О ПОСТИГШЕМ ИМПЕРАТОРА ГОРЕ

Наступил светлый честной праздник благовещения непорочной владычицы нашей присно девы Марии [1], и отец наш справлял его как обыкновенно. Явились к нему и упомянутый отец Аркадий, и Епифаний, муж, отличающийся святостью слов и поступков. При нечестивом Феофиле [2], претерпев заточение, побои, голод, неоднократные ссылки, Епифаний не оставил службы святым отцам Симеонию, славному исповеднику, и Григорию Декаполиту, чудотворцу [3]. Он приходился отцу Евфимию родственником и, пользуясь родственной близостью, часто навещал его. Были здесь многие из монашеского чина и в том числе игумен монастыря св. Диомида. В их присутствии блаженный Аркадий сказал во всеуслышание: «Вот, отче Евфимий, возвещаю я тебе в этот радостный день, что ты будешь патриархом в Константинополе. Открылось мне это прошлой ночью. И если — по воле божьей — это случится, прошу тебя исполнить одно желание, которое я ношу в сердце». Отец сказал ему: «Назови, отче, это желание и, если господь даст силы, знай, что оно исполнится». Аркадий ответил ему: «Прошу я честную главу Предтечи» [4]. А тот сказал: «Сколько я понимаю, просьба свыше моих сил,— но да будет воля божья». И добавил отец: «То, что ты нам возвестил, свято и честно — ясно, что мы этого недостойны. Но ясно также всякому, что то, о чем ты просишь,— сверхсвятое и сверхчестное. А так как от души и сердца идет желание, которое ты нам открыл, и поскольку ты вручаешь мне кормило церкви, то я уверяю твою святость, что по моей воле ты можешь надеяться иметь ее в своем святом монастыре, если только одно мое слово будет услышано. Ничего прежде этого я не скажу и не попрошу. Но как мне думается, отче, если правитель сохранит свое самоуправство и дерзость, он нас, пожалуй, вновь сделает изгнанниками».

Когда почтенные гости, попрощавшись друг с другом, расходились, славный Епифаний сказал отцу наедине: «Да будет тебе известно, владыка Евфимий, что ты сделаешься константинопольским патриархом и что император Лев вновь станет молить у тебя милости и ничего не будет предпринимать про-

тив тебя, а в великий и светлый день святой пасхи он станет весьма угрюмым и печальным и испытает несказанное горе и невыразимое несчастье, так что будет плакать и горевать во время общего праздника. А я отправляюсь в Солунь проститься со св. Димитрием [5] и с тамошними учениками Симеона — отцами моими. А во время обратного пути завершится и моя жизнь». Так простившись с отцом нашим и получив у него благословение для тамошних братьев, пошел он своим путем.

Наступило воскресенье ваий [6], и отец, которого раз и другой призывали царь и патриарх, медлил, ссылаясь на слабость и утомление. Император был весьма рассержен этим и послал к нему своего пинкерна [7] с упреками. А Евфимий открыл ему, что царю грозит великое и несказанное несчастье, и заявил: «Только творя милость и благие дела, освобождая должников и заключенных, ты избежишь грядущего гнева». Выслушав донесение, император сказал: «Видимо, сбегаются к нему какие-то должники, и из-за этого он вновь докучает мне: а я ведь ни с востока, ни с запада не получаю дурной вести [8]. Боюсь я, как бы действительно чего-нибудь не случилось, ибо он всегда говорит истину». И был император в непрестанном волнении.

Когда же наступил святой день воскресения христова [9], супруга императора Евдокия, называемая Вайана [10], умерла родами, доставив печальное зрелище и несказанное горе императору, с которым жила только год. Синклит, сочувствуя самодержцу, превратил этот радостный, светлый день в траурный. Император хотел, чтобы ее отвезли и похоронили в недавно отстроенном по его приказу монастыре св. Лазаря [11], но этому воспротивился святой муж — тамошний игумен Иерофей, который возвратил тело во дворец, не допустив его к монастырским воротам. Поэтому-то на завтра синклит перевез его в храм св. Апостолов [12].

Тогда император просил отца Евфимия прийти во дворец; он приказал своему посланцу передать такие слова: «Вот, отче, мы видим, что исполнилось твое предсказание относительно меня. Так не медли же явиться на погребение, которое совершится завтра». А тот ответил ему: «Святой господь, увещание горюющим и утешение отчаявшимся [13], сам да исцелит печаль твоего сердца, даровав тебе отраду терпения. Не горюй, ведь ты сам навлек на себя все невзгоды, ибо что заслужили, то и получаем мы от того, кто справедливо взвешивает наши дела. Не стремись в светлый и почтеннейший день святого воскресения омрачить тобой управляемый город и заменить плачем и жалобными воплями ясную радость по поводу нашего общего спасения и воскресения. Такой поступок был бы недостойным чистой веры христиан. А ежели хочешь послушать

старого смиренного монаха, предай ее земле в спокойствии — что пользы ей в криках и нестройном плаче провожающих? Даже если все это будет соблюдено — ее все равно погребут в том же самом гробу. Знаю я, что ты слова моего ничтожества почтешь пустой болтовней, но судить будешь позднее».

Император, услышав это известие, несмотря на поздний вечер, тут же написал ему: «Мы видим, сколь полно осуществилось то, что давно было предсказано тобою, и мы благодарим с любовью за то, что ты писал раньше и что теперь открываешь, ибо справедливо наказание и в нас самих причина всего происходящего. Но где же прочитала твоя святость, что в день воскресения господня нельзя хоронить умерших? Я не нашел истины в написанном тобою, кроме как: — За пустую болтовню почтешь мои слова. Так я и поступлю, не послушав того, что ты мне указываешь. Завтра в присутствии синклита я предам ее земле по-царски, как и подобает царице, и объявлю этому многолюдному городу, что умерла Евдокия, царица ромеев,— объявлю, чтобы в жителях города найти себе сострадающих и сочувствующих. Ты же будь здоров, пребывай в своем уединении и молись за меня».

Отец, прочитав это послание, ответил в обычных словах и в следующее воскресенье удалился с шестью братьями в Агафов [14], избегая беспокойства.

Следует знать, что после встречи [15] папы [16] и Стилиана Неокесарийского и объединения всей церкви [17] Антоний, проведя блаженную и славную жизнь, умер в том же году 12 февраля и вместо него кормило церкви принял Николай, в то время мистик [18].

Глава 11

ОБ УДАРЕ, НАНЕСЕННОМ ИМПЕРАТОРУ В ХРАМЕ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА МОКИЯ

Немного спустя наступил праздник преполовения пятидесятницы, и сам император со священным синклитом направился согласно обычаю во всесвятейший храм священномученика Мокия [1]. Прибыв туда, он вошел в храм вместе с патриархом Николаем. Внезапно некий Стилиан, человек безвестный, никому не знакомый, выскочил с амвона на солею [2] и сильно ударил императора по голове палкой. И если бы удар не был смягчен (палка задела за висевшие в этом месте поликандила), император, пожалуй бы, упал мертвым — ведь и от ослабленного удара весь он залился кровью. Всех охватил страх, и из храма стали убегать и члены синклита и служители святого алтаря [3],

так что возле императора не осталось никого, кроме шести человек — все они принадлежали к средней этерии. Один из них по имени Хандарис, опрокинув на землю этого негодяя, тотчас же обнажил меч и спросил: «Ударить, господин?» А он запретил, сказав: «Свяжите его покрепче и стерегите».

В тот день он очень сильно рассердился на патриарха Николая за то, что не остался никто из его клира — ни из служителей святого алтаря, ни сам Николай. Тогда даже Александр, соправитель его и брат, хотя и не испытывавший братских чувств, сделал вид, что хочет броситься вниз с катихумений [4].

Император лечился в Петрионе [5] у моря, а дерзостный Стилиан был предан ужасным пыткам, но не назвал ничего, кроме своего имени, и был сожжен [6]. Тогда император, постигнув предсказания, открытые ему отцом, стал снова искать у него поддержки, и не через кого-либо, но сам пришел, чтобы примириться. Отец радостно принял его раскаяние и даровал прощение. А император убедил его покинуть Агафов и провести три дня во дворце.

Немногим спустя беспокойство охватило город из-за бесчинства Дуки. Он собрал заговорщиков, бежал в город Кавалу, выдерживал осаду в течение шести месяцев и перешел к агарянам [7] Хотя его многократно призывал император, посылая ему хрисовулы, полные страшных клятв, и даже собственные амулеты, он с каменным сердцем отверг эти благие призывы и предался ассириянам [8], оставив по себе у христиан недобрую славу. От этого огорчился и опечалился император, раздумывая, что же делать.

В это время явился некий перебежчик от Дуки и заявил, что у него есть известие для императора. Представ перед императором, он вручил питтакий [9], который Андроник, осажденный в Кавале, получил из царственного града; было у него еще три других. Взяв их в руки, император в раздумье изучал их содержание и почерк. Ему бросился в глаза один, который не только по складу речи, но и по почерку принадлежал патриарху Николаю [10]. Император, узнав руку патриарха, изменился в лице и, дрогнув, приказал прочитать питтакий вслух. Вот что там было сказано: «Славнейший и многодостойный Дука, будущий август [11] Андроник! Убеждаю и упрашиваю тебя: не сдавайся, не подчиняйся людям императора, не доверяй приходящим к тебе: все это обычная ложь — и то, что они говорят, и то, что пишут. Ведь еще гневается на тебя носящий сатанинское имя Самона [12]. Итак, оставайся твердым и свершай дела, достойные твоего имени [13], а город скоро по моим молитвам призовет тебя. В счастье не забудь наше ничтожество. Будь здоров».

При чтении писем, направленных Дуке, были названы имена находившихся в городе лиц; император был изумлен и велел их призвать. Они подтвердили ему все, но он скрыл в себе скорбь и ничего не сказал патриарху. Был ведь тот ему названным братом и сотоварищем по учению.

Однако от патриарха ничего не скрылось: ни поступки, ни слова — некоторые из спальников сообщили ему обо всем. Напуганный этим патриарх сделал вид, что соглашается с императором и помогает во всех задуманных им делах — настолько, что Константина, рожденного Зоей [14], нового императора, он в Великой церкви и принял и крестил своими руками, несмотря на сопротивление Епифания и Лаодикийского [15] и некоторых других митрополитов. Считаясь воспреемником этого юного Константина, отец наш Евфимий присутствовал там, но из-за старости его и слабости плоти приказано было Самоне нести юного императора. Там-то и сказал отцу Евфимию патриарх Николай: «Вот, святой отче, этот ребенок, которого ты видишь,— плод молитвы. Ведь и среди нашего поколения есть люди, воистину рабы божьи. Это мы приказали семи священникам столько же дней пребывать в святом этом и великом храме премудрости божьей и ежедневно приносить в божьем алтаре молитвы, и сделали так, что царь обрел желаемое. И вот мы радуемся вместе с ним, получившим милого сына».

Тогда патриарх, желая еще больше сблизиться с императором (ведь они были связаны цепью своих грехов), стал ежедневно доносить царю все то, что говорили ему митрополиты, и пытался давать советы, и противопоставлял то, что он сказал им, и объяснял, как каждого митрополита он привлечет на свою сторону. И вот он согласился в праздник обновления великого храма во дворце [16] совершить вместе с императором вход [17] и обещал, даже не дожидаясь этого, еще во время праздника преображения господня [18], немедленно принять его [19] в церковь. Это он объявил при многочисленных свидетелях, однако миролюбивейший император, стремившийся к умиротворению церкви, отложил вход, сказав: «Если я не увижу прибывших римских епископов [20], я без них не послушаюсь Вашего разрешения войти во храм». Но патриарх по-прежнему говорил: «Я позволю императору войти, не заботясь ни о ком и не дожидаясь послов ни из Рима, ни с востока». И он показывал книгу, говоря, что она целиком состоит из посланий великого Афанасия [21]. Ссылаясь на нее, он сказал: «Если этот отец, которого остальные отцы называли учителем и наставником, считал, что не подлежит эпитимье третий брак, чего же мне бояться, разрешая четвертый с эпитимьей? Я буду суетным и бесчестнейшим, если допущу какую-нибудь отсрочку, или

стану кого-нибудь слушать, или буду ждать прибытия римлян,— нет, я все равно позволю императору войти в церковь». Так бы все и случилось, если бы некий скверный и злой демон не раздул бы в церкви пламя, о котором речь пойдет ниже.

Глава 12

О СТОЛКНОВЕНИИ ИМПЕРАТОРА С ПАТРИАРХОМ

Вот как оно разгорелось. Говорят, что император Лев сказал некоторым спальникам, которым он доверял: «Никак нельзя не прогнать патриарха с престола — ведь душа моя при нем не успокоится. Как только он допустит меня во храм, я тотчас найду свидетелей, знающих дела мятежного Дуки, и изгоню Николая из церкви, обвинив его в оскорблении моей царственности [1]. Ибо невозможно мне приходить к нему, моему врагу и неприятелю, замышляющему против меня, и у него причащаться пречистых тайн, в то время как я восстаю в глубине сердца и гневаюсь на него. Думаю я, и нападение на меня в храме священномученика Мокия произошло с его ведома. В этом убеждает меня то, что он не приказал никому из клириков наложить руку на злодея и схватить его, но сам убежал вместе с остальными. Наступит день, когда я отомщу за себя!»

Один из слушавших, кого лучше называть Афилактом, чем Феофилактом [2], обо всем сообщил патриарху. А тот втайне стал раздумывать, что же ему делать. Созвав наиболее влиятельных митрополитов, он убедил их подписать клятву (а позднее принудил всех поступить так же) и уговорил противодействовать императору — он, который недавно обещал позаботиться [3] об императоре и принять в церковь. Не скрылось это от императора Льва.

Наступил день рождества спасителя нашего господа-бога Иисуса Христа [4], и все сошлись у церкви вместе со священным синклитом (был и сам император), имея благие надежды, что император будет допущен внутрь храма. Но патриарх, встретив его у царских врат [5], с такими словами обратился к нему: «Пусть твоя царственность в соответствии с обычаем пройдет правой стороной [6], не гневаясь из-за этого; а в праздник богоявления [7] ты войдешь вместе со мной, и я допущу тебя без колебания. Если же ныне ты войдешь насильственно, мы все покинем храм».

Заплакал царь и, оросив слезами святой пол, вернулся, не сказав ни слова, и через правые врата вошел в митаторий. Тогда, призвав некоторых митрополитов, он узнал от них все,

что было ими сказано и подписано. Им он отвечал со стоном из глубины сердца: «Надеюсь на Христа, сына божия, который сошел с небес ради спасения нас грешных. Да сжалится он надо мною, самым грешным из всех, и обнимет, как блудного сына, и вновь примет меня в свою вселенскую апостольскую церковь — благодаря молитвам общего отца нашего патриарха и всего вашего святого сонма». Как раз в это время стали читать святое Евангелие, и стоны императора, проливавшего обильные слезы, заставили слышавших плакать и горевать вместе с ним — и не только синклит, но и самих митрополитов. И он поднялся во дворец, никому ничего более не сказав,— он решил выполнить желание патриарха.

Наступал день богоявления, но патриарх, ссылаясь на приступ слабости, не пришел в навечерие праздника совершить согласно обычаю освящение воды [8]. На другой день император вместе со священным синклитом появился у церкви, добиваясь многократно обещанного ему первосвященником входа. Оправдываясь перед ним, патриарх сказал: «Я бессилен, когда нет согласия митрополитов и особенно первопрестольного Арефы [9]. Если же ты войдешь самовольно, я тотчас же вместе со всеми моими уйду [10] отсюда». Император сказал ему: «Кажется, владыка патриарх, издеваясь над моей царственностью, так говоришь ты и делаешь [11]. Уж не презираешь ли ты нас, ожидая из Сирийской земли мятежника Дуку и надеясь на него?»

Услышав это, патриарх остановился в царских вратах, потеряв дар речи, не в силах ни войти, ни вернуться. Тогда император Лев поступил по-царски: бросившись на землю и долго проплакав, он встал, сказав патриарху: «Войди, владыка, я не помешаю тебе. Из-за неизмеримого множества моих грехов я справедливо и заслуженно страдаю». Сказав это и простившись с патриархом, он повернул в боковые врата, ведущие в митаторий. Члены синклита стали противиться и закричали: «После того, как он пройдет, пройди и ты, словно один из нас», но он мановением руки заставил их замолчать и ушел в митаторий. Там снова призвав митрополитов, он о многом с ними беседовал и после чтения святого Евангелия в волнении прошел во дворец.

Так как патриарх медлил принять приглашение к акувитам [12], император объявил ему: «Приходи, владыка: мы призываем тебя не в церковь, но на сегодняшнюю трапезу, которую ты по обычаю благословляешь». То же он объявил с извинениями и митрополитам; из них первопрестольный Арефа и Епифаний Лаодикийский удалились в гневе, остальные же последовали за патриархом. Позднее, когда они сидели за царским столом, в конце трапезы, император во всеуслышание об-

ратился к патриарху: «Почему, владыка, ты, обещав — не раз и не два, но многократно — допустить меня в церковь, теперь медлишь и откладываешь вопреки собственным словам? Ведь ты сказал мне прежде: — Хотя бы занялись этим Рим и Антиохия, а также Александрия и Иерусалим [13] — никто из них не запретит тебе ни войти во храм, ни причаститься святых тайн. Когда я послал к ним послов [14] и все случившееся со мной изложил патриархам со всей искренностью и в страхе божьем, то узнал я, что они прониклись сожалением, милостью и состраданием, и уже отправились оба посла с местоблюстителями, везя послания, посвященные моему делу. И это доподлинно мне известно из писем тамошних стратигов [15]. Если бы я тебя слушал и выполнял твое желание, разве я не вошел бы в праздничный день обновления Новой церкви [16] в этот храм вместе с тобою? Разве не сам ты тогда приглашал меня и принуждал войти, а я откладывал, говоря: — Вот приедут патриаршие местоблюстители, и тогда, как бог решит и они рассудят, пусть так и будет. Тогда ты перед всем священным синклитом заявил: — Я нашел каноны великого Афанасия, поддерживающие тебя и не препятствующие [снятию эпитимьи?], и я не допущу вмешательства ни Рима, ни патриархов востока, но без дальних слов приму тебя в церковь».

Услышав этакое, митрополиты онемели, да и сам первосвященник не мог ничего сказать. А император в слезах молвил ему: «Побойся бога, владыка! Не твои ли это слова, не ты говорил мне это?» И патриарх ответил: «Но тогда я еще не ведал об упорном сопротивлении братьев и сотоварищей, радеющих о пользе и поддержании матери нашей церкви». А император возразил: «Когда ты повелел, чтобы в Великой церкви семь дней читались молитвы и своими руками благословил чрево моей жены, ты сказал: — Церковь еще более возвеличится и расцветет при рожденном от тебя императоре — и утверждал, что у нее в чреве мальчик. Тогда ты каждый день называл ее невестой, обедая вместе с ней. И вновь, когда ты хотел возродить ребенка святым крещением, ты сообщал мне о речах и даже о мыслях всех митрополитов и учил, каким способом убедить их. А сейчас ты говоришь: — Мы сопротивляемся ради матери нашей церкви. Разве не у меня твои послания против первопрестольного митрополита [17] и епископа Лаодикийского, а также запросы и ответы относительно других престолов? Но об этом из-за великого отвращения я умолчу».

Затем император, встав из-за стола и пригласив епископов во внутренние покои дворца, начал с болью в сердце и в слезах рассказывать о своих непрестанных несчастьях в супружеской жизни. Тут принесли сына, и император давал каждо-

му благословить его, что все и сделали. Взяв его на руки, император, проливая слезы, обратился к нему с анакреонтическими стихами [18], вызвав у слышавших сожаление и слезы. Когда же епископы уходили, он сказал, что ничего у них не просит и ни о чем не умоляет, как только о входе во храм до священной преграды [19].

Некоторые из бывших там митрополитов, слыша слова патриарха, сжалились над рыданиями императора и, движимые сочувствием к нему, обещали позаботиться об этом и допустить его в церковь. Они прислушивались к словам патриарха, который сказал: «Когда все договорятся и позаботятся об этом, тогда и я вместе со всеми позабочусь и допущу императора в церковь». Но покинув дворец и вместе со всеми придя в патриаршие палаты, он заставил митрополитов снова подписать и подтвердить страшными клятвами то, что уже было подписано прежде; он укрепил единение епископов, получив от всех письменные обещания не пренебрегать своими обязанностями, не прегрешать и не отрекаться от своих престолов, но сопротивляться до самого смертного приговора; он убеждал, чтобы все были тверды и верны, не отказывались от церкви, не уступали желанию властителя, но, оставаясь непреклонными, строго соблюдали каноны; тот, кто окажется не столь тверд и не выполнит клятвы, да будет ему анафема от отца и сына и святого духа и да не имеет он с тех пор власти священствовать [20], и да пусть обвинит он себя сам перед этим святым сонмом. Обратившись ко всем с такими словами, патриарх первым поставил подпись и всех отпустил, говоря: «Смотрите, отцы и братья, храните доверенное вам» [21].

Глава 13

О ПРИГЛАШЕНИИ ПАТРИАРХА И МИТРОПОЛИТОВ И ИХ ССЫЛКЕ

Наступил февраль, и император, как обычно, соблюдая память святого Трифона [1], призвал патриарха и виднейших митрополитов. Тот не колебался и не откладывал своего прихода, рассчитывая с помощью хитрых уловок примириться с императором. Но в конце трапезы император сказал патриарху: «Доколе, владыка, задержки? Доколе ложные посулы и пустые обещания? Доколе лживые, тобою вымышленные заботы? Ты дал мне знать, более того, ты сам сказал, чтобы я в праздник обновления Новой церкви пришел и совершил вход вместе с тобою. Но не зная еще воли патриарших престолов и прежде всего заботясь о тебе, я медлил [2], боясь — если говорить тво-

ими же словами — возмущения твоих сотоварищей против тебя. Когда впоследствии и они проявили попечение, ты обещал допустить меня в день преображения господня. Затем, вновь отложив, обещал допустить нас в церковь в праздник рождества христова. И на этот раз оказалась бесплодной наша попытка: ты унизил и опозорил меня у самых царских врат в то время, как все там были — и священный чин, и весь священный синклит. В их присутствии ты извинялся передо мной и обещал допустить меня в день богоявления. Затем, когда и он наступил, ты повел себя так же и даже еще хуже, отвергнув то, что в святом храме изрек твой язык. Какое унижение ты нам причинил, ты и сам знаешь, ибо был при этом. Но тщетно ты придумываешь предлоги[3] и стараешься скрыть от меня свое коварство. Сколь злокозненным ты всегда был, я знаю по годам общего нашего учения. Объясни же мне, как это ты, прежде обещав допустить меня в храм, теперь медлишь и чинишь этому препятствия». Патриарх отвечал: «Я медлю, следуя воле епископов. Вот если бы они дали согласие или, лучше сказать, выразили свое желание, тогда бы и я сам вместе со всеми позаботился о тебе и допустил тебя в храм. А без согласия моих братьев и сотоварищей невозможно допустить тебя». Император возразил ему: «А как быть с недавними донесениями твоей святости о том, чтó каждый из них говорит, и советами, чтò им отвечать? — Это делалось по воле твоих братьев и сотоварищей или ты сам так решил? А когда ты злоумышлял против нашей царственности, побуждая и поощряя вероотступника Дуку[4], — с какими сотоварищами ты дерзнул на столь великое нечестие?» Патриарх стоял, бессильный что-либо возразить. Тогда император обратился ко всем. «Согласно тому, что вы сами вначале мне предложили, я, господа мои и владыки, вручаю мои дела святому собору, и с нетерпением ожидаю местоблюстителей патриарших престолов: ведь и общий наш отец патриарх часто говорил: — Когда прибудут местоблюстители с патриаршими посланиями, никто из нас не станет препятствовать, чтобы ты совершил вход во храм. Но уже пришли от них и сообщили: вот-де они приближаются. И Лев Хиросфакт[5] писал нам, что едут вместе с ним местоблюстители, везущие послания из Антиохии, Александрии и Иерусалима. К тому же и Симеон, достойнейший и почтеннейший наш асикрит[6], написал из Отранто, что он и папские легаты[7] из древнего Рима отправляются в путь, имея с собой послания, содержащие соответствующие предложения[8]. Пусть же все утвердится так, как будет угодно решить мои дела всемилостивому богу и святому собору. Как ваша святость знает, завтра в праздничное утро мы справляем день сретения великого госпо-

да и спасителя нашего Иисуса Христа в святом храме всепетой богородицы во Влахернах [9]. Допустите же меня внутрь храма, до священной преграды, чтобы я стоял и, плача, каялся» [10].

Первым воспротивился патриарх Николай, и только затем и весь сонм митрополитов. Кое-кто, однако, не сочувствовал им, хотя и не осмеливался проявить свое попечение о государе [11]. Император, глядя на них, обливаясь слезами, сказал членам синклита: «Вручая мое дело святому собору, я стану ждать до тех пор, пока он не решит его; так же повелеваю поступить и этим почтенным отцам и владыкам моим — пусть они пребывают вместе со своим патриархом вне столицы и уединенном месте, пока не соберется весь собор и не вынесет свой приговор». Сказав это, он в слезах вышел в свою опочивальню.

Тотчас же слуги вывели митрополитов из дворца, отвели в Фиалу [12] у моря и, посадив на корабли, всех отправили в ссылку, а патриарха, с должными почестями проведя через Вуколеон [13], посадили в челн и отвезли в его монастырь в Галакринах [14]. На четвертый день после изгнания митрополитов император, возвратив тех из них, кто не хотел надолго откладывать его покаяние, сказал: «Вы, господа мои и владыки, знаете, какую чистую любовь и достойное первосвященника почтение я воздавал этому коварному и злобному человеку, а он, как показали события, никогда не переставал покушаться на мою жизнь». Митрополиты обратились к царю с кроткими речами, полагая, что он говорит в гневе и раздражении. Поэтому они сказали: «О господин, когда твоя царственность вновь примирится с патриархом, все обвинения исчезнут, как мираж, и развеются, как паутина». Он же со всем пылом уверял их, клянясь, что его душа при этом патриархе не успокоится. И снова митрополиты заявили: «Когда соберется собор и позаботится о твоем покаянии и о входе во храм, а патриарх не станет больше медлить, что помешает ему вновь получить свой престол?» Царь же сказал им: «Явитесь к нам завтра, и мы сумеем показать вам, что это за человек».

Согласно приказанию императора епископы явились на следующий день, и он принял их во дворцовой церкви и, приготовив животворящее древо [15], призвал перебежчиков от Андроника Дуки. Их было девять благороднейших мужей: два стратига, а остальные протоспафарии [16] — все люди значительные и достойные доверия. Взяв в руки честное и пречистое древо, они заверили, что все обстоит так, как сообщил нотарий [17] Дуки. Они сказали: «Мы сами слышали и видели эти послания в Кавале». Император горевал, слушая это, и готов был при-

казать, чтобы патриарха тут же привезли и подвергли наказанию. Все бы так и исполнилось, если бы митрополиты не удержали императора, говоря: «Достаточно с него и изгнания из церкви. Ведь сказано в писании, что господь никогда не отмстит дважды за одно и то же»[18]. Так они увещевали царя и смирили его великий гнев, а затем, простившись, покинули дворец.

Еще не прошло и пятнадцати дней[19] после изгнания патриарха, как император сообщил ему: «Так как ты отвергаешь решение патриархов, не следуешь каноническому постановлению святого собора относительно моего покаяния[20], но лишь удовлетворяешь свое стремление ко злу, бунтуешь и противишься святым отцам и патриархам, приговаривая каждый день, что ты и вздохнуть не смеешь при моей царственности[21], то пришли нам отречение от престола. Все твои речи мы, не уподобляясь тебе, столь склонному ко гневу, терпеливо переносим и только лишаем тебя престола». А патриарх, прикинувшись больным, заявил, что не может писать, и отпустил под этим предлогом посланца с пустыми руками.

Глава 14

ОБ ОТРЕЧЕНИИ ПАТРИАРХА НИКОЛАЯ

После этого император вновь посылает к Николаю митрополитов и вместе с ними Самону, своего протовестиария[1], чтобы он объявил патриарху следующее: «Я хочу, чтобы ты понял, Николай, что если ты в сей же час не пришлешь мне свое отречение, я, представив священному синклиту и священному чину твое собственноручное послание, открою, что ты виновник гибели многих благородных людей, и обвиню тебя в преступлении против императора. Ведь все знают, что Дука погубил наших соплеменников и единоверцев[2], а ты, святой владыка, побуждал его к этому, как мы со всей очевидностью знаем из твоего собственноручного послания. Мы еще не показали его митрополитам, ибо не уподобляемся мы тебе, чтобы испускать яд, подобно аспиду, и никому не покажем, буде ты отречешься. Итак, или пришли отречение, или явись, чтобы оправдаться в жестокости, которую явно выдает твое письмо».

Тогда патриарх, не зная, как ему поступить, и понимая, что обвинение справедливо, сказал протовестиарию: «Повели, чтобы вошли митрополиты». После взаимных поклонов он спросил, что им нужно. Они сказали, что ничего не знают: «Император ничего нам не сказал, лишь повелел, чтобы мы отправились с протовестиарием». Тогда патриарх воскликнул: «Я-то

знаю, чего вы хотите». С этими словами он достал спрятанное на груди отречение и отдал им, добавив: «Я написал это своей рукой — ведь и вы, и царь знаете мой почерк. Возьмите то, чего добивались, и уходите». Когда митрополиты стали настаивать, говоря, что мол не стоит давать письменное отречение, а нужно оттягивать и упорствовать, патриарх собственноручно отдал его протовестиарию, а Самона принял и вручил императору. Гласило оно следующее[3]: «Так как в неблагоприятных и тяжелых обстоятельствах, постигших божью церковь, стало невозможным попечение о христолюбивом императоре[4], то я отрекаюсь от престола, предпочитая уединение[5] и замкнутую жизнь мирскому непостоянству[6]. Но я не сложу епископского сана[7], где бы мне ни пришлось влачить смиренные дни мои». После долгой беседы с патриархом митрополиты простились с ним и удалились опечаленные[8].

Немногим спустя Николай составил по собственной воле еще одно собственноручное отречение и послал его императору. Оно гласило следующее: «Хотя я обещал с согласия церкви простереть свое попечение о христолюбивом императоре на дела, касающиеся сожительствующей с ним женщины, я вижу великое разногласие среди епископов относительно того, как это решить. Поэтому я отказываюсь от престола, уступая тому, кто может превратить разногласие в единомыслие. А епископский сан[9] и связанные с ним обязанности я принимаю по милости божьей на всю жизнь».

Царь, вручив митрополитам послание, повелел разыскать человека, достойного патриаршего сана. А они все, словно сговорившись, назвали великого Евфимия. Они говорили: «Лучшего, чем он, мы не найдем среди современников. И твоей царственности лучше, чем кому-нибудь известно, что он муж непорочный, святой, украшенный великим совершенством». И император сказал: «Я ценю этого святого схимника, но вместе с тем опасаюсь, ибо он часто противился мне. Однако да будет воля божья. Итак, отправляйтесь в его Псамафийский монастырь и поведайте обо всем, умоляя и упрашивая от нашего имени. Ведь я как-то намекал ему на патриаршество, но он назвал себя непригодным для такого сана. Если же вы получите его согласие, то завтра как можно скорее поспешите ко мне».

И вот митрополиты отправились в Псамафийский монастырь и сообщили Евфимию о своем решении, а он ответил им: «Помилуйте, господа мои владыки, меня, ничтожного, недостойного столь великого и высокого сана; позвольте мне остаться в уединении со здешними моими учениками. Вы бы из вашей среды выбрали достойного и поставили его». Они же воз-

ражали: «Это, святой отче, невозможно — нет, с божьего соизволения мы изберем тебя нашим пастырем и патриархом. Если ты возглавишь церковь, не останется в ней ни вражды, ни борьбы, ни соперничества, но будет она на общее благо единым стадом при едином пастыре». Вновь сказал им отец: «Если вы друг с другом враждуете и не можете подчиняться друг другу, почему бы вам не призвать вашего патриарха?» Они отвечали: «Он в своем самоуправстве и упрямстве [не?] послушался наших уговоров [10] и выдал книгу пущения [11], собственноручно написал отречение, покинув беззащитной вверенную ему церковь, и стал отныне ей чуждым». Евфимий спросил у них: «Кто же распорядился об этом?» Они отвечали: «Его собственная совесть. Ведь если бы он был всей душой расположен к вверенной ему церкви, он не стал бы отрекаться от нее письменно единожды и дважды и трижды — из-за одних только пустых угроз царя. Ради церкви он дал нам письменные заверения и заставил вместе с ним подписаться, говоря: — Если даже мне придется подвергнуться смертельной опасности, церковь, которую вручил мне бог, не брошу и не отрекусь от нее. Вы только будьте тверды и непоколебимы. Хотя именно он наставлял нас таким образом, он первым отступился и в нашем присутствии отверг крест [12], передав собственноручное отречение, хотя мы и противились; однако мы не смогли воспрепятствовать осуществлению его желания». На это отец ответил: «Пусть, святые отцы и владыки мои, бог судит об этом, а нам следует простить ему отречение». И не сказав ничего более, он попрощался с ними и удалился в свою одинокую келью. Они же были поражены его непреклонностью: хотя и долго его просили, все же ушли ни с чем.

На другой день император, встретив их опечаленными, сказал: «Не предрекал ли я, что вам его не убедить? Что же вы о нем думаете?» Они отвечали: «Если твоя царственность не посетит его и не уговорит согласиться, пожалуй, и мы оставим церковь. Ведь никогда мы не видели мужа, подобного ему остротой ума и мягкостью нрава. Кто поведает о приятности и сладости тихого общения с ним? Да что нам долго говорить о достоинствах этого мужа, — прежде всего и в первую очередь нужно добиваться его согласия».

Глава 15

О ТОМ, КАК ПОБУЖДАЛИ ЕВФИМИЯ ИМПЕРАТОР И МИТРОПОЛИТЫ

Император, выслушав митрополитов, на следующий день морем отправился к отцу. Он то упрашивал, уговаривал, мо-

лил и побуждал, то приносил страшные клятвы в священном храме святых Бессребреников, говоря, что, если Евфимий отвергнет предложение и не примет патриаршего сана, у императора не останется надежды на спасение и он будет повергнут в бездну отчаяния. «Забыв страх, я стану творить злые дела и дойду до ереси, и господь бог отступится от души моей, и все мои близкие погибнут от руки твоей». Так говорил он, сердясь и плача. Отец же, видя его смятение, сказал: «Не столь сильно, господин, печалься — это ведь не пристало тебе. Но если слова твои — приказ, выслушай меня терпеливо». А тот отвечал: «Скажи, отче, что ты хочешь». — «Пока патриарх Николай жив и не отстранен от церкви ни по канону, ни по решению собора, невозможно вместо него кого-нибудь другого поставить во главе церкви, ибо это не угодно богу, да и не одобрят ни люди, ни наше ничтожество».

Тогда рассказал ему император обо всем, что произошло между ним и Николаем, поклявшись на своем ковчежце [1], что точно передает их разговор, и добавил: «Заботясь о его интересах, я без скандала получил его отречение, тогда как он заслуживает публичной казни, ибо отважился на столь великое преступление». Сказав так, он дал Евфимию собственноручное отречение патриарха, присланное митрополитам и гласившее следующее: «Так как вы перешли от разногласий и споров, несвойственных епископам божьим, к согласию и любезному единомыслию и потому приняли общее решение относительно христолюбивого императора и сожительствующей с ним женщины [2], я не возражаю против вашего решения, но, ценя мир и согласие, отказываюсь от престола как потому, что я человек и испытал удел человеческий, истомив в течение долгого времени душу в ваших спорах и раздорах, так и будучи не в силах понять, как я, испытывавший добрые чувства преданности к христолюбивому императору, претерпел такое несчастие, что и его огорчил, и он против меня ожесточился [3]. Поэтому, желая спасти себя, а не погрязнуть в делах мирских, я отказываюсь от престола, предпочитая уединенный покой суете житейской» [4].

Прочитав это, Евфимий сказал императору: «Итак, господин, если римский папа и остальные патриархи не окажут тебе попечения, я не послушаюсь твоих слов. Ибо кто я, ничтожнейший среди всех людей, чтобы нарушать постановления канонов и преступать установленное отцами? Если же они позаботятся, и я не стану противиться и медлить. Обещаю это и прошу твою царственность: не огорчайся и не падай духом, но возложи на господа печаль твою, а он все сотворит» [5]. Император ответил: «Так же, отче, и я думаю, этого желаю и

молю об этом. Только ты уж не отступись от церкви». Так, простившись с ним и убедив всю надежду возложить на бога, отец отпустил Льва повеселевшим.

Через несколько дней император с грамотами вновь явился к Евфимию, а вместе с ним и сами местоблюстители. Следовали за императором и его послы: Лев Хиросфакт [6] и Симеон, муж боголюбивый, почтеннейший и во всем достойный удивления. Когда Фессалоника по допущению господа и множеству грехов наших была взята измаилитом по имени Триполитанин [7], намеревавшимся ее разрушить, Симеон был там проездом и своими глазами видел падение Фессалоники. Будучи человеком дальновидным и умным, он отдал арабам подарки, предназначенные для болгар, и в придачу золото [8] и таким способом убедил измаилита не сжигать город и отпустить большую часть пленных. Я сказал об этом для того, чтобы все знали о добродетели и честности этого мужа. Ныне он прибыл из Рима, привезя папских легатов с соборными грамотами, благосклонно относящихся к покаянию императора и сочувственно решавших его дело на соборе. «Нет ведь, — говорили они, — греха, который бы превзошел милосердие господа, как сказано в писании» [9] Так же порешили и прибывшие с грамотами из Антиохии, Иерусалима и Александрии, да и большинство византийских митрополитов [10] постановило и письменно изложило свое решение допустить императора в церковь, подвергнув его эпитимье.

После этого отпали все предлоги и возможности для того, чтобы отец колебался. И вот склоненный, а лучше сказать принужденный просьбами императора и уговорами епископов и самих местоблюстителей,—в особенности римских [11], которые принуждали его и непрестанно повторяли: «Domine [12] Евфимий, послушай нас, помоги церкви», — по божьему решению и с согласия собора он принял кормило власти. Возведенный на престол и поставленный во главе церкви [13], он проявил все добродетели и стал всем настолько приятен и любезен, что не только приверженцы, но и сами его противники радостно его приняли и встали на его сторону; больше того, они предпочли скорее общаться с ним, нежели с теми, кто возражал против покаяния императора. Тем, кто насмехался и порицал его, Евфимий — согласно словам Евангелия: «Любите врагов ваших и добро творите» [14] — раздавал всевозможные подарки, и тем более щедро, чем сильнее человек возводил на него клевету и очернял хулой; поэтому иные стали говорить: «Тот, кто захочет, чтобы новый патриарх облагодетельствовал его, будет бранить первосвященника, презирать и порицать, и так станет одним из его любимцев». Но не думайте, что, одаривая

их, он пренебрегал теми, кто не клеветал на него. Он ведь, будучи столь внимательным к врагам, еще больше заботился о друзьях. Если же император арестовывал и наказывал кого-нибудь из его хулителей, не было в том вины отца; он так смело вступался за них, что возвращал их из ссылки и утишал гнев императора.

Некоторое время спустя, когда повсюду распространилась весть о его безупречной жизни, о его милосердии и любви к ближним, слава его добродетели дошла и до Арефы, Кесарийского предстоятеля, который был в ссылке во фракийских краях[15]. Он захотел повидать Евфимия и побеседовать с ним и решил написать об этом императору. Тот позволил Арефе вернуться в город и поселиться, где ему угодно, и чтобы никто ему ни в чем не препятствовал и его ни в чем не упрекал. Придя в патриаршие палаты, Арефа беседовал с патриархом в течение достаточного времени и после того не захотел с ним расстаться и даже сказал, уходя: «Благословен господь, даровавший нам такого первосвященника, который может исцелять не только тела, но и души». Он пришел во дворец и сказал императору: «Я подчиняюсь, но не ради твоей воли, и возвращаюсь в церковь не в страхе перед твоими угрозами, но почитая добродетель этого мужа и особенно возлюбив его кротость, милосердие и бесхитростность. О, если бы ты прежде поставил его патриархом! Пожалуй, мы с вами примирились бы без взаимных обид». Тогда и Гавриил, предстоятель Анкирской церкви[16], узнав о любви нового патриарха к святому священномученику Клименту, подарил ему священный омофор[17] Климента. Евфимий поместил его в Псамафийском монастыре, в выстроенной им часовне, вместе с останками мученика Агафангела. В день его памяти[18] Евфимий распорядился о положении реликвий[19] и, присутствуя при сем, почтил мученика похвальным словом.

Глава 16

О ФИЛОСОФЕ НИКИТЕ ПАФЛАГОНСКОМ

Некто Павел, человек праведнейший, был в это время сакелларием[1] и игуменом монастыря св. Фоки[2]; происходил он из Пафлагонии. У него был племянник по имени Никита, которого он воспитывал и обучал. Наделенный от бога талантом, он превосходил всех сотоварищей и сверстников; он вращался среди учителей и завоевал себе в царственном граде[3] громкое имя, а слава его дошла до императора. Но Никита, презрев все мирское, разделил имущество между бедными и

учениками и удалился в некое место близ Понта Евксинского, где уединился в жилище, подобном пещере.

Император, желая видеть его возле себя и достойно оценить его знания, спросил о Никите его [4] дядю. Тот сказал, что Никита удалился, но неизвестно, где он. Прошло некоторое время, он был обнаружен, схвачен стратигом Фракии и обвинен в том, что собирался бежать к болгарам [5]; его связанным доставили императору [6]. Царь принял его и стал расспрашивать, зачем он бежал к болгарам. «Если ради их пользы, — сказал он, — то должен был нас известить; а если злоумышлял против нас, соплеменников, то какого же ты слушался закона?» Он отвечал, что и в мыслях у него такого не было. Тут император спросил: «И в том не признаешься, что называл себя Христом?» Никита отверг и это обвинение, клятвенно утверждая, что неповинен. Но так как император настаивал, он сказал: «Пусть это не смущает твою царственность; ведь стоит в писании: — Я сказал: все вы боги и сыны всевышнего» [7].

Император, разгневанный этим, призвал тех, кто привез его, и спросил, где они его отыскали. Когда же узнал, что в Мидии [8], вблизи от болгарской границы, то приказал подвергнуть Никиту бичеванию и заключить в тюрьму, чтобы точно все выяснить. Ведь Никита писал против первосвященника и самого царя в весьма враждебном и оскорбительном тоне. Это сочинение один из его учеников тайно похитил и принес императору. Прочитав, Лев изменился в лице и совершенно потерял самообладание. Назавтра, призвав патриарха со всем святым собором, в присутствии священного синклита он приказал привести Никиту и воскликнул: «Скажи мне, безумец, не против ли общего отца нашего ты писал и всего этого священного собрания? Не против меня ли и моей царственности ты изощрял свое перо? Говори по совести. А если не будешь, я умножу боль твоих ран». Никита отрицал, сказав, что ничего не знает. Тогда разгневанный царь приказал во всеуслышание прочитать его сочинение. После этих слов Никита, видя, что все на него гневаются и негодуют, признал свою вину и раздумывал, что же ему делать. Бывший в то время логофетом Фома [9], присутствовавший там, кивнул Никите, чтобы он припал к ногам императора. Он тотчас же это сделал. Разгневанный император, сурово угрожая ему, приказал заключить его в тюрьму.

Тогда можно было увидеть поступок, соответствовавший величию души патриарха. Ведь вот он сразу же сходит с кресла и бросается к ногам императора, плача, увещевая и умоляя царя, чтобы он пощадил этого человека. Сходит с трона и сам

император и, собственноручно подняв Евфимия, говорит ему: «О владыка, разве ты не слышал, как, издеваясь, оскорбил нас этот безумец, и не только меня, но и твою святость, и всю церковь. Посему невозможно освободить его из моих рук». А патриарх отвечал: «Поэтому-то я, припав к ногам твоим, умоляю твое могущество, чтобы ты даровал прощение этому грешнику ради моего ничтожества». Император отказал, говоря: «Не принято так легко отпускать человека, злоумышлявшего против моей царственности и всего священства. Тем не менее ради твоей мольбы я пренебрегаю направленной против меня хулой — за это он не подвергнется каре. Но оскорбления тебя и церкви не оставлю без наказания».

Многие из присутствовавших со смехом просили патриарха позволить императору отомстить за церковь, особенно сакелларий Павел, дядя Никиты, и Арефа, Кесарийский предстоятель, который говорил, что мятежник был его учеником. Но патриарх заявил императору и всем присутствовавшим: «Если Никите не простят того, что он говорил против меня, я не войду в патриаршие палаты». Тогда и император нехотя даровал свое прощение и, призвав Никиту, принуждал его оставаться во дворце [10], но видя, что тот не хочет, отпустил. Никита же, страшась своих врагов, удалился в проастий Псамафийского монастыря, называемый Агафов, где и пребывал в уединении два года [11].

Тогда император в положенные праздничные дни стоял в церкви у священной преграды и плакал [12].

Глава 17

О ТОМ, КАК ПАТРИАРХ НЕ ДОПУСКАЛ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ЗОИ В ЦЕРКВИ

Немногим спустя члены синклита Имерий [1], бывший тогда друнгарием флота [2], и патрикий Николай — оба родственники Карбонопсиды [3] — спросили патриарха, нельзя ли августу провозгласить в церкви [4]. А тот возразил: «Не суждено этому когда-либо случиться. Мы ведь не можем узаконить грех императора; хотя мы и отнеслись к нему с сочувствием и попечением, но отнюдь не постановили, чтобы с этих пор грех других людей встречал попечение и сочувствие. Поэтому мы и лишили сана священника [5], благословившего этот брак». После этих слов они смолкли рассерженные. Узнал об этом и царь, хотя делал вид, что не знает. И вновь Самона [6] и другие спальники пришли в патриаршие палаты, словно добрые советчики, и повторили речи тех, кто приходил прежде. Так как и они не

добились от патриарха благоприятного решения, царь негодовал и сердился, говоря: «Если мы ему скажем что-либо неприятное, он покинет церковь, и последнее будет хуже первого»[7]. Сама императрица обратилась к Евфимию с посланиями, содержащими слова мольбы, и раз и второй. На первое письмо он ответил, утверждая, что невозможно удовлетворить ее желание, а получив второе, и вовсе промолчал. Тогда, охваченная гневом, она обратилась к нему через одного из своих евнухов: «Разве ты не знаешь, отче, кем ты был прежде и какой чести достиг благодаря мне? Что же ты не провозглашаешь меня в церкви, а чуть ли не поносишь и не издеваешься с презрением надо мной, чей муж — император и самодержец, а сын также багрянородный венценосец[8]? Ты, конечно, знаешь, что я послужила причиной тому, без чего ты бы, пожалуй, не поднялся на патриарший престол. Поэтому поспеши провозгласить меня, как это уже сделал синклит. Не то и ты, подобно твоему предшественнику, раскаешься, но будет раскаянье бесполезным».

Выслушав это, патриарх отвечал ей: «Я получил этот жребий не от людей и не ради людей, но по воле божьей, что неоднократно открывалось мне; по воле и неизреченному провидению бога, отделившего меня от чрева матери моей и по неизведанным своим решениям призвавшего меня к этому жребию, церковь, которую он спас своею кровью, была вручена мне — то ли на мое испытание, то ли для моего осуждения, то ли — если осмелюсь так сказать — от преизбытка его доброты на пользу моей смиренной душе. Я страшусь этого и в страхе дрожу (ибо не знаю, что ждет меня в будущем веке) и никогда не буду внимать говорящим: — Возьми блага твои в жизни твоей[9]. Как же ты осмелилась сказать мне это?! Поразмысли не страшно ли тебе? Не трепещешь ли? Не цепенеешь ли, подумав, кто ты и что ты содеяла? Пожалуй, когда ты увидишь своего сына всеми прославляемым императором с диадемой на голове, ты не будешь возносить молитвы, не восславишь, не возблагодаришь так судившего господа нашего, коль скоро ты в гордыне презираешь церковь, требуя невозможного, возвеличиваясь и возносясь сверх меры. Да будет тебе известно, что никогда в те немногие дни, какие я проведу в церкви, имя твое не будет ни провозглашено ни вписано в священные диптихи[10]. Что же касается того, о чем ты мне писала, делай, как хочешь, а я не стану раскаиваться. Готов я не только сойти с престола, но и быть изгнанным из самого города». Выслушав это, она разгневалась в сердце своем и вскоре объявила ему: «Как твоя святость знает, благословивший нас священник, изведав оковы эпитимий, добивается раз-

решения от них. Итак, поспеши послужить святому императору, и нам, и особенно твоему преемному сыну Константину Багрянородному. Ужели и в этой малой просьбе мы не будем иметь успеха? Тебе ведь дана власть — кого разрешать, а кого и вязать»[11]. А он отвечал ей: «Мой ответ ясен из содержания его повелительного письма. Ибо, как ты сказала, мне дана власть вязать и разрешать, и его, поступившего вопреки канону, я не только связал, но и вовсе лишил сана священника и отстранил от богослужения. Он ведь изгнан, как все знают, и из-за него не затрудняй меня никогда, ибо я не стану тебя слушать...»

[*Потеряна целая тетрадь*]

Глава 18

[ОБ ОСКОРБЛЕНИЯХ, НАНЕСЕННЫХ ПАТРИАРХУ И МИТРОПОЛИТАМ][1]

«...[Когда призовут?] тогд и мы явимся, имея их [?] в руках, и он услышит от нас, чего не ждет». Долго они спорили между собой и обдумывали и, наконец, разделившись на партии, решили сопротивляться. А пастырь, воистину незлобивый и лишенный всякой хитрости и лукавства, говорят, сказал им: «Господа мои, владыки и братья, если из-за меня происходит вся эта смута, угрожающая церкви и вашей святости, пусть уж я, оставив церковь, брошусь в пучину, вы только спасайтесь и примиритесь между собой. Пусть я буду избит каменьями, сожжен, изгнан — вы только оставайтесь в мире и спокойствии».

Тогда сказал ему великий в речах[2] Арефа: «О владыка, если так ты поступишь, ты ото всех услышишь: — Бежал мистий[3], ибо он мистий и не радеет об овцах». А почтенный старец отвечал ему: «Если вы усматриваете пользу в моем пребывании здесь, то я — ради церкви, ради любви к вам — не пощажу и своей жизни. Того, однако, боюсь, — если они нагрянут на нас с нищим народом[4], — как бы мы сами не оказались причиной обрушившихся на нас бед. Однако да будет воля божья».

Так все упорядочив и простившись друг с другом, они разошлись. Не скрылось это от патриарха Николая[5]. И на следующий день, явившись к императору[6], он сказал: «Твои постановления презрел не только Евфимий, но и митрополиты. Они даже не удостоили ответа просьбу твоей царственности относительно грамот об отречении». А тот заявил ему: «Ты

патриарх и знаешь точный смысл канонов: поступай с этими людьми, как хочешь». Услышав эти слова, Николай воспользовался желанными обстоятельствами, и чего он только не придумал, чего не совершил во вред и самому незлобивому отцу Евфимию и его епископам [7]. Тотчас же он приказал послать вооруженных мечами сатрапов, чтобы они привели к нему в катихумении [8] Великой церкви митрополитов, но лишь пятерых. Ведь он опасался иметь дело с большим числом отцов, боясь, что они, получив возможность говорить, выдвинут против него серьезное обвинение. Привели только четверых, а именно: Димитрия Ираклийского, Григория Никомидийского, Гавриила Анкирского (который подарил патриарху Евфимию омофор священномученика Климента) и Илариона Иерапольского, который затем получил шесть пощечин; Петр Сардский [9] бежал и не был найден, хотя его больше других разыскивали; сидя у себя, Николай начал их поносить [10]. Они стали ему решительно противоречить, и тогда он, перестав, велел прочитать то, что сам сочинил. Когда же они возразили и против этого, обличая его во лжи, он в гневе поднялся и, пройдя к императору, сказал: «Эти отрешенные, забыв о своей жизни, говорят вздор о том, что жизнь твоя скоро-де будет пресечена, и твердят мне: — Не слишком заботься об императоре, который скоро погибнет. Станешь ты искать его в будущем году и не найдешь» [11].

Тогда легкомысленнейший император, охваченный гневом, готов был приказать тотчас же избить их и сослать, только один из спальников, как бы побужденный богом, остановил его гнев, сказав: «Не пристало тебе, господин, по словам одной стороны без расследования осуждать другую». Тут царь одумался и отложил наказание. Когда враг увидел, что его желание не осуществилось, он попытался повредить им другим способом и, придя к императору, сказал: «Я знаю, что твоя царственность нуждается в золоте на государственные расходы. Когда я раздумывал над этим, мне пришла в голову одна мысль: осуществив ее, ты сможешь внести в царскую казну [12] до 150 кентинариев» [13]. А царь, обрадовавшись, спросил: «Откуда их взять, скажи нам?» Николай продолжал: «Твоя царственность пошлет подходящих людей для сбора податей. Пусть они, взяв с собою закованных в кандалы митрополитов, отправятся в их области [14], обследуют их и составят опись податей [15] начиная с того времени, как меня свергли с престола, и до сегодняшнего дня. Когда это будет сделано, государство получит значительную помощь». Выслушав его, легкомысленнейший царь приказал немедленно это выполнить. Явились сборщики, всегда готовые притеснять, но нигде не нашли ни

единой золотой монеты. Рукоположенные Евфимием иерархи, раздавшие все беднякам, убедили сборщиков возвратиться, не добившись успеха, хотя те и не хотели, — сами бедняки уверяли их, что ежедневно получали милостыню. Услышав это от облагодетельствованных, посланные ни с чем явились назад, весьма восхваляя почтенных иерархов[16].

Тогда, потерпев неудачу с митрополитами, творец раздоров двинул все войско против незлобивого пастыря. Воссев на судейское кресло[17] во дворце, в колоннаде, называемой Магнавра[18], он приказал, чтобы вместе с ним заседали и некоторые члены синклита. Большинство, зная замыслы Николая, покинуло дворец, остались лишь немногие. Когда он увидел, что приготовленные кресла пусты, а приглашенные медлят, он вместо тех, кого ждали кресла, призвал присутствовавших там людей, прибывших из Сирии, по виду измаилитов[19]. Затем Николай приказал, чтобы предстал Евфимий, божий иерарх, со своими епископами. И он прибыл, нисколько не гневаясь и не сердясь, но невозмутимо стоял, совершенный разумом. А враг его, бросая убийственные взгляды, заявил ему: «Скажи мне, неразумнейший из всех людей, толкователь снов покойного, когда-то царствовавшего Льва, почему ты еще при моей жизни присватался к обрученной со мною церкви и, изгнав меня, внес в нее мерзость?» Евфимий отвечал: «Ты сам и внес в нее мерзость и сам себя изгнал из нее, прислав вместо одного три отречения. И если прикажешь, я скажу и об этой мерзости, и о причине твоего изгнания. Я ведь могу, если бог даст силу, обличить тебя и представить перед лицом твоим твою несправедливость». Ошеломленный этими словами и пораженный его смелостью, Николай кипел гневом и тотчас приказал пригодным для этого служителям тут же, в синедрионе, нарушив порядок, сорвать с него одежды и отлучить от церкви.

Глава 19

ОБ ОТЛУЧЕНИИ ПАТРИАРХА ОТ ЦЕРКВИ И ОБ ОСКОРБЛЕНИИ СВЯТЫНЬ

Тогда можно было увидеть жалостное зрелище, печальнее которого никогда и не бывало. Ведь сорвав с него омофор, они, подобно диким зверям, стали попирать его, презрев изображение креста[1]. Так и всю священную одежду, разорвав в клочья, топтали, не пощадив монашеской мантии. Когда же прислужники увидели, что господин их веселится и радуется этому, они стали рвать Евфимия за бороду, ударами опроки-

нули его наземь и, пока он лежал на полу, били ногами в бок, оплевывали, ударяли кулаками в лицо. В это время судья приказал своим оруженосцам поднять Евфимия, чтобы тот отвечал на его вопросы. Один из его подручных, великан, обладавший огромной телесной силой, Иоанн, по прозвищу Манолимит, стоял, ожидая знака господина, чтобы проявить свое искусство. И вот он нанес Евфимию два удара, и выпали у него два зуба, а затем так стукнул по затылку, что оставил его бездыханным и безмолвным. И упал Евфимий на ступени Магнавры [2].

Если бы не подобрали его достойный муж по имени Петрона, происходивший из Трифиллиев [3], и еще трое других, он бы, пожалуй, лишился жизни в мученическом подвиге. Подняв Евфимия, они вынесли его и едва смогли привести в чувство, плеснув в лицо водой. После этого старец снова хотел пойти на суд, но ему воспрепятствовали знаменитый Трифиллий и бывшие вместе с ним богобоязненные мужи. Но когда они стали горевать и оплакивать то, что произошло, обратился к ним отец с такими словами: «Не огорчайтесь, дети: нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с грядущей славой. Нет ничего приятнее, я думаю, чем с благодарностью принимать все превратности, нет ничего слаще, чем умереть невинным» [4].

И вот снова враг призывает его на борьбу. Однако от бога посланный ему в помощь Трифиллий не позволил Евфимию идти одному, но вошел вместе с ним, благородно и смело обличая врага и возражая ему. И вновь сказал Евфимию судья: «Где теперь твои олимпийские оракулы, прорицания, откровения и бесконечные пророчества, которые ты давал своему защитнику Льву, ныне покойному? Воистину, все преходит, все погибает. Попробуй-ка возразить мне». Евфимий отвечал ему: «Если бы кто-нибудь другой был судьей, а ты находился в числе тяжущихся, я бы с божьей помощью имел силу возражать и противостоять тебе. Но поелику это не так, напомню тебе пророческое слово и ничего больше не скажу: — Доколе нечестивый предо мною... — и дальнейшее» [5]. И хотя многое после того говорил ему враг, он не удостоил его даже единым словом, но пребывал в полном молчании. Тогда тот повелел немедля осудить Евфимия на ссылку в Агафов монастырь, что тут же и было сделано.

После этого владыка Николай вышел из дворца на главную улицу [6] и явился на так называемый Форум [7], чтобы пред всеми показать себя главой патриархии и первым среди епископов. И вот, окружив себя одним простонародьем и нищими [8], он вошел в церковь, чтобы отслужить божественную литур-

гию[9]. Вступив в алтарь божий[10], он прогнал священников, остановил богослужение; сняв священные одежды с престола, приказал вымыть его водой и губками, провозглашая в то же время: «Боже, язычники пришли в наследие твое»[11]; не ведал мудрейший, что тот язычник, кто совершает языческое. Воистину, по делам своим он нашел подходящее пророчество. Затем он приказал возлиять святое миро[12].

Всем, кого новомученик Евфимий на основании обвинений отрешил от священнослужения, он без всякого расследования повелел служить. Тогда пришел к нему священник[13], который бесславно совершил беззаконное благославление императора, и как только стал обвинять Евфимия, тотчас же получил обратно свой сан и священство — за то, что поносил патриарха Евфимия. Но и после всего этого не прекратился великий гнев и мщение врага, и он приказал удавить принадлежавшего Евфимию осленка[14]. Когда помощники Николая стали говорить, что это недостойное деяние, которое принесет ему великий позор, он сказал им: «Что ж! Если вам это не нравится, пусть будет написан и повешен ему на шею питтакий, гласящий, что человек, уличенный в попечении о пище и питье этого осленка, сделается врагом самодержца и императора Александра и безупречного патриарха Николая. Если вина его будет доказана, его подвергнут побоям, остригут, лишат имущества и вышлют из города». О глупость и гневная бесчувственность! Не хватало, чтобы таким образом имена их были выставлены к позорному столбу на злорадство и осмеяние жителей Константинополя. Невинный этот осел скитался повсюду, был нещадно бит, умирая с голода забрел на ипподром, и тогда кто-то из бедняков[15], сжалившись, бежал вместе с ним ночью.

Наступило воскресенье, и Николай, собрав всех своих, предал анафеме, изгнанию и отлучению не только Евфимия, но и всех окружавших патриарха, и тех, кто рукоположил его, и служивших вместе с ним, и им рукоположенных, скрепив это решение ужасными клятвами и собственной подписью. Это было неугодно его близким, однако они, хотя и пытались помешать тому, чтобы это было записано, не отвратили вспышки его мстительности.

Глава 20

О ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОМ АРЕФЕ И БЫВШИХ С НИМ МИТРОПОЛИТАХ

Первопрестольный Арефа был известен не патриарху, а императору того года[1]. И вот Николай попытался подвергнуть

эпитимье и Арефу. А тот объявил ему: «Я не столь велик душой, как патриарх Евфимий, и не столь прочный адамант[2], чтобы все достойно сносить, не возражая. Да будет тебе известно, что ни я, ни единодушный со мною святой собор не признаем и не называем тебя ни первосвященником, ни иереем, никто из нас никогда не станет служить вместе с тобой, ибо прежде ты смутил и потряс божью церковь, затем представил собственноручные отречения, и не раз, и не дважды, но трижды, и все они у нас сохраняются. Что же ты не одобряешь то, как было решено твое дело в соборе? Как только ты не убиваешь, подобно Каину, который захватил Авеля одного в долине?[3] Настанет все-таки день[4], когда вновь запоют лебеди и галки умолкнут[5]. Какими канонами ты руководствовался, когда проник в церковь? Собрание каких иереев подготовило твой вход в храм? Мы ведь знаем, что беспорядочная и отверженная толпа лавочников и поваришек[6], вооруженная палками и дубинами, встала на твою сторону и восстановила в церкви. Тебе, так мыслившему, и надобно было иметь подобных спутников, сопровождавших тебя и посадивших на престол. Раздумывая об этом, разве ты не дрожишь и не боишься, что по-разбойничьи вломился в церковь и все совершил вопреки канонам? Кроме того, отлучаешь епископов и священников, ты, который раньше, нежели всех других, себя отлучил, отторг и отнял от честно́го тела церкви! Но что много говорить? Придет и наш черед говорить в уши слушающих».

Когда патриарх Николай услышал это от референдария[7], он, словно из уважения к добродетели Арефы, на некоторое время притих. Затем в числе первых своих благих дел он благословил союз все более впадавшего в безумие[8] императора с девкой, тогда как законную жену его патриарх, послав своего сакеллария, насильно постриг вместе с ее матерью в женский Месокапильский монастырь[9], несмотря на то что она долго жаловалась и оплакивала эту несправедливость. Кто изобразит все ужасы, которые произошли за это время? Отлучение епископов и изгнание иерархов, перемещение священников и игуменов, осквернение трупов! Да будет это предано бесславию — мы ведь не слыхали, чтобы так поступали даже иноверцы.

Отец же наш Евфимий удалился после многих надругательств не только из церкви, но и из города и сменил почесть первосвященства на философское смирение; снова, предавшись истинно мирной и спокойной жизни, он проводил время в многоразличных подвигах в основанном им Агафовом монастыре. Он ничего другого не говорил, как только: «Да будет воля господня» и «Да будет благословенно имя господне».

Праведник, перенесший такие испытания, он пребывал в постах и молитвах. Однако не следует оставлять без внимания события, которые произошли далее; должно посмотреть, что случилось с нечестивцами, какая гибельная пучина их поглотила.

Император Александр, потеряв мужскую силу [10], обратился к магам, и они довели его до нечестивых поступков. Медные изображения зодиака на ипподроме он облачил в одежды, воскурял им фимиам и освещал поликандилами и тогда-то получил невидимый удар в самой кафисме [11] на ипподроме, точно второй Ирод [12]. Страдавшего от страшных и невыносимых мучений его подняли и внесли во дворец [13].

Глава 21

О СМЕРТИ АЛЕКСАНДРА И ПРИБЫТИИ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ КОНСТАНТИНА ДУКИ

Когда патриарх увидел, что император при смерти, он написал Константину, сыну Андроника Дуки [1], чтобы тот поспешил овладеть городом прежде, чем кто-либо другой захватит царскую власть. На следующий день император, уже умиравший, призвал патриарха и назначил его опекуном царства вместе с магистром Стефаном, магистром Иоанном по прозвищу Элада, ректором Иоанном [2] и Евфимием [3]. В это время Зоя, воспользовавшись обстоятельствами, явилась во дворец, чтобы в последний раз повидаться с умиравшим царем. Тут первосвященник стал раскаиваться, что писал сыну Дуки, и раздумывал, как бы погубить его, когда тот прибудет. Александр же, страдая от гниения и болезни срамных частей, умер постыдной смертью на тринадцатом месяце своего правления [4].

Еще не была совершена церемония третьего дня [5], как явился сын Дуки — Константин и стал показывать всем письмо патриарха. Когда тот, находившийся во дворце, услыхал об этом, он разгневался в сердце своем и стал поднимать и восстанавливать людей против Константина; он носил на руках и показывал в палатах и на площади еще юного самодержца-императора, не переставая побуждать людей сразиться за царя и предать бунтовщика смерти. Все и произошло согласно его желанию, или, лучше сказать, по его приказу. Сперва во вратах Халки [6] был убит патрикием Гаридой сын бунтовщика Григора; затем и самому Константину, отцу его, в то время, как он громко бранил патриарха, воины этерии отсекли голову, воспользовавшись тем, что его конь поскользнулся на ступенях Халки [7]. Я умолчу о том, как гибли другие люди, об уда-

рах, нанесенных палицами и копьями, о виселицах, которые были поставлены повсюду, о множестве умерших от стрел. Что мне много рассказывать? Ведь в тот день из-за великого нечестия [Николая?] погибло 800 человек, как говорили те, кто хоронили мертвецов и потому были хорошо осведомлены [8]. Таковы благие дела безупречного первосвященника.

Иерарх, избавившись от забот, порожденных этой смутой, вооружился против Зои, матери нового самодержца, и, изгнав ее из дворца, заставил всех членов синклита и епископов собственноручно подписать обещание, что они ее отныне не примут, не станут считать царицей, не допустят во дворец и не будут прославлять как императрицу. Но не прошло и четырех месяцев, как он по своей воле привел ее обратно и во дворце постриг, дав ей имя Анна и объявив своей духовной дочерью. Она же, считая принятие монашества нежелательным, притворилась больной и испросила себе мясной еды, каковую иерарх и приказал ей дать в самый день пострижения [9].

Враждебно относясь к своему духовному отцу, она искала подходящий случай, чтобы не только вывести его из дворца, но и изгнать из города. Так как все управление дворцом находилось в его руках, он сделался всем ненавистен — не только чужим, но и тем, кто считался ему близким. Зоя составила против него заговор и приказала его запугать, послав в спальню иерарха 50 человек, грозных своим видом и поведением: они обнажили мечи и толпились в опочивальне. Перепуганный этим, Николай тотчас поднялся с постели и, быстро пройдя через верхние переходы, побежал в церковь, где он не был уже около восьми месяцев [10]. Он пробыл в святом алтаре 22 дня как беглец [11], подолгу молясь каждый день и прося, чтобы духовная дочь разрешила ему вернуться. Она не соглашалась на просьбы Николая, опасаясь его лукавства.

В это время она объявила блаженному Евфимию: «Наша царственность вместе со всем синклитом и через меня вся церковь приглашают тебя снова занять престол. Забудь то, что ты прежде говорил обо мне, возгласи меня вместе с сыном-самодержцем в церкви, и ты получишь престол. Мы ведь не считаем священником того, кто теперь служит, — он убийца и грабитель. Не медли, отче, господин мой и владыка, прийти в твой Псамафийский монастырь, и там мы тебя примем».

Он же ответил ей: «По непостижимым божьим решениям я нашел мой путь, о котором давно мечтал, и не следует мне оставлять его и менять на другой; молюсь я богу, чтобы здесь мне дано было встретить конец жизни. Ты же не старайся с таким рвением, чтобы твое имя было возглашено в этом непрочном и преходящем мире, но лучше позаботься о вечном, беско-

нечном и бессмертном веке. Ты ведь и сама знаешь, что здесь — все тень и сон, все ненадолго является и скоро исчезает. Итак, да не будет у тебя обо мне никакой думы и заботы, и не поноси ты архиерарха, не язви его. И я уговариваю, прошу и умоляю тебя, не тревожь меня по таким делам».

Тотчас же после того как Евфимий таким образом ответил, в Агафов монастырь стали являться толпы епископов и священников, изгнанных Николаем из церкви. Они привозили святому отцу благие, как им казалось, вести. А он решительно заверял их, что это не может произойти: «Ведь если я послушаюсь ваших просьб, то тогда я, пожалуй, буду изгнан с престола, который я больше всего люблю — с престола раскаяния. Ведь я знаю, что вас толкает желание возвратиться в церковь и получить ваши престолы. И вот я свидетельствую вам перед лицом здесь присутствующих ангелов и людей, что вы самим архиерархом будете приняты в церковь и получите свои престолы — только благодарите бога и терпите. Это мне сегодня ночью, когда я молился, открыл господин и владыка мой Игнатий [12], объявивший, что в десятый год правления принявшего теперь скипетр царя будет установлен полный мир и совершенный порядок [13]. А вы, когда это случится, помяните мое ничтожество». Сказав это, он отпустил их.

Глава 22

О ПРИМИРЕНИИ ОБОИХ ПАТРИАРХОВ

Не осталось это неизвестным патриарху Николаю. До сих пор он не переставал строить козни, употребляя все средства, чтобы изгнать отца из Агафова монастыря и сослать в далекие и недоступные места; теперь же, полностью убежденный в его отказе от власти, неоднократно посылал к нему просить примирения и уговаривал открыть ему свои желания. Когда истекли 22 дня после бегства владыки, явилось к нему несколько спальников: они принесли патриарху прощение от Зои (некогда Анны) и потребовали, чтобы он дал письменное обещание возгласить ее в церкви вместе с сыном-императором, благословить ее как августу и никогда без приглашения не приходить во дворец. Скрепив обещания своей подписью, иерарх вышел из святого убежища.

Через некоторое время он пришел в Агафов монастырь, чтобы увидеть своими глазами заключенного там и примириться с ним; он попросил у него прощения за все, хотя кое в чем и поспорил. И вот, побеседовав с ним об установлении прочного мира, он обнял Евфимия и, попрощавшись, ушел. С тех

пор он часто приходил и понуждал отца поведать ему о своих желаниях. Однажды, когда они беседовали, возразил ему блаженный Евфимий: «Я никогда не имел желания, владыка, выступать против тебя. Когда же я начинаю раздумывать, как это у нас случилось, ум и рассудок мои страдают, и я прихожу в ужас; да и ты, если захочешь вспомнить о прежних днях, увидишь, мне кажется, что я часто вместе с тобой выступал на защиту друзей и тебя защищал против твоих обвинителей. Ты сам знаешь, что когда Самона стал непристойно бранить тебя, то я решительно воспрепятствовал, угрожая эпитимьей. Ты знаешь, что когда на тебя пытались возложить ответственность за нападение на императора в храме священномученика Мокия, ты явился в мой Псамафийский монастырь, прося меня быть твоим посредником, — и тогда я, придя во дворец, долго умолял и убеждал императора, который горячо любил и уважал тебя, совершенно не обращать внимания на тех, кто связывает твое имя с этим делом. Не стану говорить о повиновении и благорасположении к тебе самому и к церкви, о чем и ты, владыка, и все твои знают». А Николай отвечал ему: «Мне известны все эти благие твои дела. Но под конец, отче, ты погубил меня и поступил со мной наисквернейшим образом». — «О чем это ты?» — спросил Евфимий. «Ты изгнал меня с престола и занял его».

Тогда Евфимий воскликнул громким голосом: «Господи боже мой! Если я это сделал, если я старался изгнать его с престола, если есть грех этот на руках моих, пусть буду я лишен вечного царствия твоего! Однако ведь всем известно, что я принял власть не по своему желанию, но покорившись настояниям и уговорам царя и всего синклита, более того — по побуждению собственных твоих епископов и по решению патриарших местоблюстителей. Они бы принудили тебя принять ее, если бы своими тремя отречениями ты сам не отделил себя от церкви, которая, осиротев, пребывала в беспорядке. Все упрашивали меня принять заботу о ней, и не только люди мирские, но и самый собор. И я принял бремя первосвященства, подчинившись им во всем: не пренебрег я решениями патриарших престолов и не вверг церковь в смуту. Из-за этого меня постигли величайшие испытания, порожденные ненавистью — слава святому богу, столь обо мне заботившемуся!» — «Но прелюбодейный брак, — вновь сказал Николай, — ведь он противоречит канонам». А Евфимий отвечал ему: «А этот брак, хороший или дурной, произошел в твои дни. Поэтому и священника, который дал бесславное благословение, я, разыскав, связал нерушимыми оковами, как дерзнувшего действовать без решения собора,— ты же, святой владыка, разрешив его

от оков, позволил ему совершать богослужение. Что же я сделал противозаконного, допустив в церковь до священной преграды императора, плачущего и раскаивающегося, наказанного[1] и любящего, да и то по решению патриархов и всего святого собора?» Сказал Николай: «Ведь собор собрался не для установления справедливости, а для отвержения ее». Тогда возразил ему отец: «А собор, созванный тобою в Магнавре, чтобы предать нас незаслуженной смертной казни, разве имел лучших отцов?» Сказал Николай: «Отче, в твоих словах сквозит гнев на нас». А тот ответил: «Отнюдь нет, только ты слушай, что говоришь, и не так уж обвиняй нас, выставляя себя совершенно невинным. Все мы люди и все подвержены греху». После этого он замолчал, ничего больше не добавив, и они, вместе откушав, установили полный мир, и, попрощавшись, расстались[2].

С тех пор в Агафов монастырь стали каждый день приходить многочисленные посланцы из патриарших палат, и патриарх Николай настолько полюбил блаженного Евфимия, что если бы не помешали его решению некоторые митрополиты, он бы, пожалуй, побудил его перейти в Псамафийский монастырь. Они же так ему говорили: «Если ты побудишь его перейти в город, все будут убеждены, что его ужасные страдания были несправедливы и незаслуженны; ведь уж и так — пока он еще живет вне города — все его за них восхваляют и прославляют. Не следует и после смерти привозить его тело в город, ибо он действовал против нас и вопреки канонам». Выслушав это и следуя их желанию, Николай оставил Евфимия в изгнании на пять лет и шесть месяцев.

В июле месяце патриарх Николай отправился в монастырь великомученика Пантелеймона на Стéне[3]. Отец наш Евфимий просил его после окончания праздника прийти к нему и в последний раз проститься. Патриарх, не откладывая, на другой же день пришел к нему. Когда он увидел, что Евфимий болен и едва может говорить, он промолвил: «Скажи, отче, что случилось, скажи что-нибудь». Сделал он это, желая побудить его к речам. А тот сказал: «Не для смуты и раздора затрудняем мы твою святость, владыка, но чтобы увидеть тебя и обсудить с тобою дела мирные и полезные». Патриарх заметил: «Все слова твои для меня дороги: говори же, что ты хочешь». Евфимий ответил: «Ты, владыка, говоришь и правильно говоришь, что я недостойный: да, я таков. Знаешь ведь, что оба мы находимся перед престолом Христа и один он, судья нелицеприятный, ведает достойного и недостойного». Сказав это, он попытался приподняться на ложе и, склонившись, просил прощения. «Итак, я отправляюсь, владыка, — сказал он, — по пути

отцов моих, удаляюсь в иной мир, к царю, который никогда не ошибается».

Тут и патриарх Николай бросился наземь, говоря: «Скорее должен просить прощения я, причинивший тебе много зла по клевете злорадных». И можно было видеть, как долгое время просили они друг у друга прощения. И всех, кто там находился, охватило изумление, так что все они восславили бога, воистину позаботившегося об их делах в своем неизреченном милосердии. Наконец, после того как Николай и Евфимий дали друг другу прощение, они, плача, обнялись в последний раз и и расстались, проливая слезы.

Глава 23

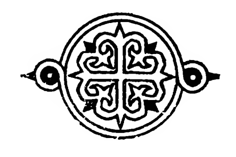
О ПОСЛЕДНЕМ УВЕЩЕВАНИИ ОТЦОВ ПСАМАФИЙСКОГО И АГАФОВА МОНАСТЫРЕЙ

Наступило второе августа, когда справляется память первомученика Стефана [1], и наш во святых отец призвал всех монахов Псамафийского монастыря в Агафов; точно так же он призвал к себе всех находившихся в Агафове монастыре. Он заговорил об устроении обоих монастырей, сказав, что в Псамафийском должно быть 24 брата, посвятивших себя богу и ревностно преданных церкви. «Я убеждаю вас вручать управление по очереди троим, служившим мне, мною избранным. По общему решению братьев после них вы поставите пастырем того, кого бог одобрит и вы захотите. Также повелеваю я, чтобы в Агафовом монастыре было 12 братьев, посвятивших себя богу и ревностно преданных церкви, и чтобы трое, которых указало мое ничтожество, передавали друг другу власть игуменства. А после того как они преставятся, вы поставите экономом [2] одного из псамафийских братьев ваших, чтобы управлялись оба монастыря по одному уставу [3] и канону тем, кто по божьему провидению имеет власть игумена в Псамафийском монастыре, — все это подробно описано в моей рукописи об объединении [4]. Чада мои! Наследие, которое вы от меня получаете, сохраняйте в согласии и братской любви и, сколько у вас есть силы, молите, да не отклониться вам от божеского пути. Итак, молитесь о моем ничтожестве, дабы исполнилось то, чего я горячо желал. Ибо если оно исполнится, я не перестану молить и просить за вас и каждого буду обнимать и принимать. Знайте же, что после моей смерти вы будете пребывать в таком стеснении и нужде, что прикоснетесь даже к самим священным сосудам. Но господь бог пошлет вам помощь свыше, защитит, поддержит и не даст вам почувствовать мое

отсутствие — только не отвергайте заповеди, которую дал вам я, ничтожнейший, и не презрите наследие, которое я в великих испытаниях и трудах скопил для вас». Так сказал отец, и все заплакали; затем он погрузился в беспамятство. Поэтому, пока он лежал молча, они вышли.

На следующий день (это было 4 августа) отец наш Евфимий почувствовал себя изнуренным: начал тяжело дышать, и силы покидали его. Тогда он, понимая, что наступает конец, громко обратился к самому себе: «Итак, ничтожный Евфимий, наступило время твоего отшествия, и приблизился топор, чтобы обрубить твое бесплодное древо. Чего же ты медлишь? Что ты боишься, будучи призванным к нетленности, перейти от рабства к свободе? Ведь в том мире нет ни зависти, ни вражды, ни клеветы, ни полчищ опасных и злых людей. Ты удаляешься к всемилостивому господу. Не отчаивайся [в опасении], не падай духом! Ведь он добр, великодушен, милосерд. Пусть даже ты, ничего не свершив, оказался недостойным своего призвания, все же ты пробыл 75 лет в иноческом чине. И вот ты отправляешься теперь к твоему господу-богу, к владыке, которого любил с младенчества, которому служил с детских лет. Поэтому не медли и не печалься. Ступай, уповая не на дела свои, но на его человеколюбие и милосердие, на несказанное сострадание и беспредельную доброту»[5]. Подозвав своего племянника Василия, он сказал: «Приготовь все для моего погребения, ибо завтра я отправлюсь отсюда в иной мир — так открылось мне». Тогда Василий молвил ему: «Где же ты прикажешь приготовить могилу для твоего тела?» А тот сказал: «В Псамафийском монастыре, возле священного храма Бессребреников, в расположенной с правой стороны часовне Предтечи, рядом с господином моим и владыкой Петром, исповедником и епископом Гордоринии». На это ответил ему Василий: «Патриарх сказал, что неугодно ми[трополитам, чтобы тело твое было перенесено в город][6]

[*Рукопись обрывается*]

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОММЕНТАРИЙ

Гла а 1

[1] Начало рукописи (первые 8 тетрадей) утеряно. Название первой главы условно восстановлено К. де Боором.

[2] Василий I Македонянин — византийский император (867 — 886) (А. А. Васильев, *Лекции по истории Византии*, Пг., 1917, стр. 276 и сл. *A. Vogt, Basile Ier, empereur de Byzance, et la civilisation byzantine,* Paris, 1908; G. Ostrogorsky, *History of the Byzantine state,* Oxford, 1956, p. 207).

[3] Апамея — видимо, Афамея — императорский дворец, расположенный близ Золотых ворот; о нем упоминает писатель начала XIII в. Никита Хониат (Nicetas Choniata, *Historia,* Bonnae, 1835, p. 644_{17}, 660_{10}); по словам Никиты, его можно было видеть из Константинополя (R. Janin, *Constantinople byzantine,* Paris, 1950, p. 405 sq.). Мелитиада идентична Мелантиаде, что на Эгнатиевой дороге; уже в конце IV в. здесь была императорская вилла. Свида, византийский лексикограф конца X в., говорит, что в его время это селение называлось Мелитиада (Suidae, *Lexicon,* s. v. Μελαντιάς). См.: RE, Bd. XV, 1931, Sp. 436; R. Janin, *Constantinople byzantine,* p. 247 sq.

[4] Σύγκλητος, иногда ἡ ἱερὰ σύγκλητος — совет, состоявший из высшей византийской знати (O. A. Ellissen, *Der Senat im oströmischen Reiche,* Göttingen, 1881; Ch. Lécrivain, *Le Sénat romain depuis Dioclétien à Rome et à Constantinople,* Paris, 1888; Aik. A. Christophilopulu, Ἡ σύγκλητος εἰς τὸ Βυζαντινὸν κράτος (Ἐπετηρὶς τοῦ Ἀρχείου τῆς ἱστορίας τοῦ ἑλληνικοῦ δικαίου τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν, τ. II, 1949).

[5] О нем подробно рассказывает хроника в дальнейшем. [Ср. также: N. Adontz, *L'âge et l'origine de l'empereur Basile I* (Byz., vol. VIII, 1933), p. 482 sq.]

[6] Протовестиарий — видный сановник, ведавший ризницей (личным казнохранилищем) императора; он назначался из числа евнухов [Д. Ф. Беляев, *Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям*, кн. I, СПб., 1891, стр. 176 и сл.; J. B. Bury, *The imperial administrative system in the IXth centure,* London, 1911, p. 125; A. E. R. Boak and J. E. Dunlap, *Two studies in later Roman and Byzantine administration,* New York, 1924, p. 246; J. Ebersolt, *Fonctions et dignités du Vestiarum byzantin* («Mélanges Ch. Diehl», vol. I, Paris, 1930), p. 84 sq.; R. Guilland, *Fonctions et dignités des eunuques* (REB, vol. II, 1944), p. 202 sq.]. Протовестиарий сопровождал императора в походах и мог командовать войсками. Константин Багрянородный упоминает другого протовестиария Прокопия (Theoph. Cont., p. 305_5), который был полководцем императора Василия и погиб во время похода в Италию в 880 г. [ср.: Genesius, Bonnae, 1834, p. 116_4; см. А. А. Васильев, *Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии*, СПб., 1902, стр. 88; R. Guilland, *Fonctions et dignités des eunuques,* p. 206 (Однако Р. Гийан не упоминает протовестиария Прокопия нашей хроники)].

[7] Этерия — личная гвардия императора, состоявшая из „варваров“ и возглавлявшаяся этериархом; впервые должность этериарха появляется при императоре Михаиле III (842 — 867) (J. B. Bury, *The imperial administrative system...,* p. 107).

[8] Φαργάνοι (ср. Theoph. Cont., p. 815 $_{14}$) —искаженное название Βάραγγοι варягов, варяжской дружины византийских императоров. Написание Φάραγγοι засвидетельствовано Lavra № 31 $_{30}$ (о „фарангах“ см.: В. Г. Васильевский, *Труды,* т. I, 1908, стр. 219 — 221). Д. Бюри (J. B. Bury, *The imperial administrative system...,* p. 107 f.) считает „фарангов“ выходцами из Ферганы, но это суждение неосновательно.

[9] О Катасиртах во Фракии см. также: Theoph. Cont., p. 390 $_{18}$ и 400 $_{1}$.

[10] Византийская хроника Симеона Логофета называет Льва сыном Михаила III, любовница которого Евдокия Ингерина стала женой Василия (Theoph. Cont., p. 835 $_{4}$); Александра она называет родным сыном Василия (ibid., p. 841 $_{6}$). А. Фохт (A. Vogt, *Basile I* ^{er}*...,* p. 60 sq.) считал одно время это свидетельство достоверным, но позднее отверг его [A. Vogt— I. Hausherr, *Oraison funebre de Basile I par son fils Lèon VI le Sage, Roma,* 1932, p. 10 sq.); см. о них также: Sp. Lambros, *Leo und Alexander als Mitkaiser von Byzanz* (BZ, Bd. IV, 1895), S. 92; (N. Adontz, *L'âge et l'origine de l'empereur Basile I,* p. 503 sq.)] необоснованно считал Александра, родившегося в 870 г., младшим сыном Василия I.

[11] Г. Т. Колиас [G. T. Kolias, Βιογραφικὰ Στεφάνου Α' οἰκουμενικοῦ πατριάρχου („Προσφορὰ εἰς Στ. Κυριακίδην“, Θεσσ. 1953)] на основании эпиграммы Льва Хиросфакта отнес рождение Стефана к 868 г. Синкелл — одна из высших духовных должностей; синкелл играл большую роль при дворе [V. Grumel, *Titulatures de métropolites byzantines. Les métropolites syncelles* (REB, vol. III, 1945), p. 93 sq.]. Ср.: „Стефан, его (т. е. Льва.—*А. К.* брат, был клириком и синкеллом патриарха Фотия, который руководил его воспитанием“ (Theoph. Cont., 353 $_{2}$).

[12] О происхождении Василия I см.: А. А. Васильев, *Происхожден императора Василия Македонянина* (ВВ, т. XII, 1906); N. Adontz, *L'âge et l'origine de l'empereur Basile I,* p. 475 sq. (продолжение статьи см. Byz., vol. IX, 1934, p. 223 sq.); P. G. Der Sahaghian, *Un document arménien de la généalogie de Basile I*^{er} (BZ, Bd. XX, 1911).— Согласно „Житию Евгения“ Василий был родом из Кариополиса в Македонии [N. Bees, *Eine unbeachtete Quelle über die Abstammung des Kaisers Basileios I, des Mazedoniers* («Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher», Bd. IV, 1923), S. 76].

[13] Сантаварин (у Скилицы-Кедрина мы встречаем написание Сандаварин — Cedr., vol. II, p. 248 16-21 — один из ближайших к патриарху Фотию лиц; Фотий поставил его епископом Евхаитов (Migne, PG, t. CV, col. 572 D). Хронист псевдо-Симеон называет его „сыном манихея и манихеем“ (Theoph. Cont., p. 693 $_{10}$). Будучи близок к Василию I в последние годы его жизни, Сантаварин вел интриги против Льва, нелюбимого сына императора. Василий I умер 29 августа 886 г. О его смерти сохранились различные версии в источниках. «Во время царской охоты, — рассказывает псевдо-Симеон, появившийся огромный олень сорвал императора с коня, поддев рогами за пояс. Некто поспешил мечом пересечь пояс и освободил его. После возвращения (во дворец) император обезглавил его, сказав: «Не обнажай меча против царя». Сотрясение, причиненное оленем, вызвало болезнь, и император Василий скончался, сказав своему сыну и наследнику Льву и Стилиану, эпитропу (опекуну. *А. К.*) царских сыновей: «Нечестивый Фотий и колдовавший вместе с ним Сантаварин, удалив меня от бога и сделав чуждым праведной веры, обрекли на наказание, которое заслужили сами». (О текстологической близости рассказа псевдо-Симеона и «Псамафийской хроники» см. предисловие,

стр. 22.) Иную версию смерти Василия мы находим у его внука Константина Багрянородного: «Немного спустя император заболел изнурительной болезнью, вызванной поносом, который начался во время охоты» (Theoph. Cont., p. 351 22). Не упоминает приключения с оленем и «Житие Феофано» (стр. 14 3): «Немного времени спустя великий и благочестивейший император Василий, ослабленный болезнью и старостью, стал приближаться к жизненной развязке. Чувствуя, что близок час, когда его душа устремится к богу, он призывает троих почтенных своих сыновей: Льва и Александра, венценосцев, и Стефана, который вскоре после того был отличен патриаршим чином, и, утешив их праведными и богобоязненными речами, назначает Льва самодержцем и управителем государства, а сонаследником и соправителем — единокровного брата его, Александра». В «Житии Василия Нового» [С. Г. Вилинский, *Житие св. Василия Нового в русской литературе* («Записки Новороссийского университета», вып. 7, 1911), стр. 285[1]] повествуется, что Василию перед смертью явился Михаил III, которого он сверг с престола и убил. «Вижу, — сказал он, — императора Михаила, который стоит перед моими глазами и говорит мне: „Что я тебе сделал и чем оскорбил тебя, что ты так безжалостно напал на меня и убил меня?“» Сохранилось письмо Фотия к болгарскому царю Борису (852—889), где Фотий сообщает о смерти Василия I и о вступлении на престол Льва и Александра; Фотий убеждает Бориса сохранить добрые отношения с империей [B. Laourdas, *A new letter of Photius to Boris* „Ἑλληνικά“, vol. XVIII, 1954), p. 263 f.].

Глава 2

[1] Лев VI родился около 866 г. [A. Vogt, *La jeunesse de Léon le Sage* («Revue historique», vol. CLXXIV, 1934), p. 389 sq., n. 1]; В. Грюмель [V. Grumel, *Notes de chronologie byzantine* (EO, vol. XXXV, 1936), p. 331 sq.] относит его рождение к 19 сентября 866 г. (Ср. G. Ostrogorsky, *History...*, p. 207, n. 1). По-видимому, 6 января 870 г. он был коронован и сделался номинальным соправителем Василия [E. Stein — G. Ostrogorsky, *Die Krönungsordnungen des Zeremonienbuches* (Byz., vol. VII, 1932), S. 196; ср.: A. Vogt, *La jeunesse de Léon le Sage*, p. 401]. Только после смерти Василия он сделался самодержцем (τῆς αὐτοκρατορίας ἐπιλαβόμενος). Ему было тогда около 20 лет. Лев заявил, что не станет продолжать политику, которую проводил его отец. Так, например, труп императора Михаила III, убитого по приказанию Василия, был демонстративно вырыт, положен в саркофаг из кипариса, привезен в Константинополь и погребен с царскими почестями (Theoph. Cont., p. 353 6). О прозвищах Льва — «Мудрый», «Философ» см.: F. Dölger, *Byzanz und die europäische Staatenwelt*, Ettal, 1953, S. 201, A. 13.

[2] Магистр — высший византийский титул (более высокие титулы присваивались только родственникам императора и иноземным государям). Сохранилась печать Стилиана, в которой он именуется магистром и логофетом дрома — чиновником, ведавшим государственной почтой и приемом послов (G. Schlumberger, *Sigillographie de l'empire byzantin*, Paris, 1884 p. 533); магистром назван он и в новеллах императора Льва VI (J. B. Bury, *The imperial administrative system...*, p. 31). В начале X в. в Византии могло быть одновременно несколько магистров, но не более двенадцати (J. B. Bury, *The imperial administrative system...*, p. 31 f.). Среди магистров выделялся первый магистр [этот титул упомянут в „Клиторологии“ Филофея (конец IX в.) (J. B. Bury, *The imperial administrative system...*, p. 175 6)]; титул первого магистра (протомагистра) и был присвоен Стилиану. Василеопатор (буквально: „отец императора“; в нашей хронике

во всех случаях василопатор — βασιλοπάτωρ) — титул, упоминаемый также в „Клиторологии“, где он следует непосредственно за титулом „куропалат“, который жаловали ближайшим родственникам императора (J. B. Bury, *The imperial administrative system*..., p. 146 $_{2}$). Сохранилась другая (более поздняя?) печать Стилиана, где он называет себя „патрикием“ и „отцом императора“ (πατρὶ τοῦ βασιλέως) (V. Laurent, *Collection C. Orghidan,* Paris, 1952, № 42). Встречался и титул „мать императора“ (Theoph. Cont., p. 318 $_{21}$) Византийский писатель X в. Симеон Метафраст в „Житии Арсения“ (его деятельность относится к рубежу IV —V вв.) намекает на существование титула «василеопатор», рассказывая, что император Грациан назначил Арсения членом синклита и повелел ему „быть и называться“ отцом сыновей императора, а также и самого Грациана. Симеон Метафраст в этом случае переносит в прошлое то, что на самом деле относилось к его времени [*„Житие Арсения Великого“* („Записки историко-филол. фак. СПб. ун-та“, ч. I, вып. I, 1899), стр. 6 $_{20-22}$)].

[3] „Император назначил Стилиана Заутцу магистром и логофетом дрома“ (Theoph. Cont., p. 354 $_{9}$). Немного далее (ibid., p. 357_{4}) говорится: „Император Лев дал Заутце титул василеопатора, придумав это название. Он уже был влюблен в его дочь Зою, мужа которой, Феодора Гуниацица (Гуцуниата), отравили ядом“ Назначение Заутцы василеопатором состоялось в 888 — 889 гг. [V. Grumel, *Chronologie des événements du règne de Léon VI* (EO, vol. XXXV, 1936) p. 41], а не около 894 г. как полагал де Боор. Большинство хроник связывает возвышение Заутцы с любовью Льва к его дочери Зое, но уже де Боор (VE, S. 132 f.) указал, что Стилиан занимал высокое положение еще при Василии. „Житие Феофано“ (Ed. Kurtz, *Zwei griechische Texte über die hl. Theophano die Gemahlin Kaisers Leo VI,* СПб., 1898, стр. 11_{16}) называет Стилиана протоспафарием (гл. 13, прим. 15), этериархом (гл. 1, прим. 7) и телохранителем императора (Василия). „Житие Феофано“ также свидетельствует, что Стилиан вскоре после смерти Василия получил титул василеопатора (там же, стр. 14_{17}).

[4] Προσαπολογήσαιτο. Можно перевести также „попросит прощения“. Характер взаимоотношений Евфимия и Льва в это время по хронике неясен (ср.: VE, p. 73 $_{20}$). По мнению П. Карлин-Хейтер, Лев просил прощения за то, что не явился раньше [P. Karlin-Hayter, *Vita S. Euthymii* (Byz., vol. XXV—XXVI—XXVII, 1955—1956—1957), p. 13, n. 2].

[5] Загородный богородичный монастырь Живоносного источника (Πηγή), расположенный за воротами Пиги, вблизи императорского дворца (R. Janin, *La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin,* vol. I, Paris, 1953, p. 232—237). По свидетельству «Жития Иоанна Психаита» монастырь Пиги был многолюден (Х. М. Лопарев, *Греческие жития святых... VIII—IX вв.,* Пг., 1914, стр. 231 и сл.).

[6] Паллий — здесь монашеская мантия.

[7]. Право носить пурпурное (порфирное) одеяние было прерогативой византийских императоров [ср.: W. Sickel, *Das byzantinische Krönungsrecht bis zum 10. Jahrhundert* (BZ, Bd. VII, 1898), S. 513].

[8] Имеется в виду какое-то предсказание Евфимия Льву во время ссоры Льва с отцом-императором (см. об этом гл. 7); по-видимому, об этом шла речь в утерянной части хроники.

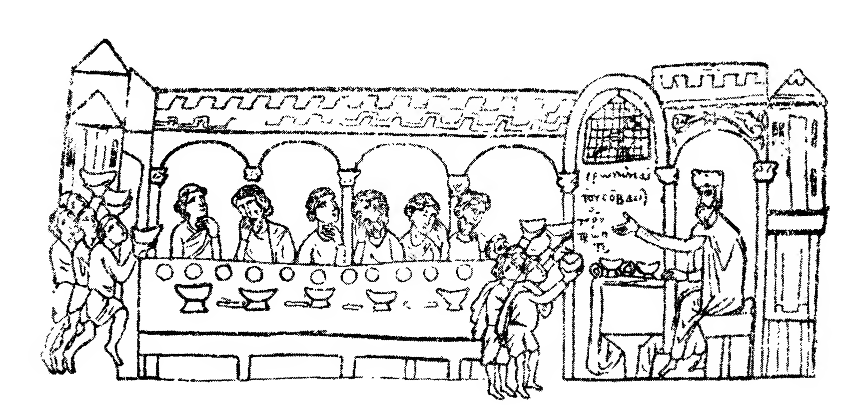
[9] Μετὰ τὴν [τῶν — конъектура де Боора] πανσέπτων καὶ ἁγίων ἑορτῶν τεσσαρακόστην. Четыредесятница — сорокадневный пост, предшествовавший пасхе.

[10] Видимо, на Олимп в Вифинии. Это был один из крупнейших центров византийского монашества. Там Евфимий постригся в монахи, как сообщает Арефа (о нем см.: гл. 12, прим. 9) в похвальном слове Евфимию (А. Пападопуло-Керамевс, *Сборник греческих и латинских памятни-*

ков, касающихся Фотия-патриарха, СПб., 1899—1901, вып. I, стр. 28_5). П. Карлин-Хейтер (P. Karlin-Hayter, *Vita S. Euthymii,* p. 15, п. 2) считает «горой» Афон, но в конце IX в. Афон еще не играл существенной роли.

[11] Анатолий был игуменом известного константинопольского Студийского монастыря при патриархе Антонии Ка[в]лее (см. о нем: гл. 8, прим. 6) и, как свидетельствует «Житие Власия» (AASS, Novembris, t. IV, p. 666 sq.), занимал этот пост при Антонии не менее четырех лет, примерно до 897 г. В 901 г. игуменом был уже Аркадий. В. Грюмель (V Grumel *Chronologie...,* p. 29 sq.) предполагает, что игумен Студийского монастыря Анатолий, упомянутый в рукописи Vat. 1660 (датирована 916 г.), тождествен Анатолию нашей хроники.

[12] Ср.: рассказ Продолжателя Феофана: «Император послал в Евхаиты, чтобы привезти в столицу Феодора Сантаварина. Андрей, доместик схол (командующий войсками восточных фем. — *А. К.*), и магистр Стефан Каламария, которых Сантаварин оклеветал перед Василием, заявили императору, что Фотий и Феодор Сантаварин хотели посадить царем родственника Фотия. Император приказал, чтобы обоих отвели во дворец Пиги и содержали в одиночном заключении. Расследование их дела было поручено магистру Стефану, доместику Андрею, патрикиям Кратеру и Гумеру и Иоанну Агиополиту» (Theoph. Cont., p. 354_{16}). После расследования «император, охваченный неудержимым гневом (ибо ему не удалось найти благовидный предлог для обвинения патриарха), избил Сантаварина и отправил его в ссылку в Афины. Позднее Сантаварин был ослеплен и выслан на Восток. Через много лет император вернул его из изгнания и приказал выдавать ему сигиресий (ренту натурой. — *А. К.*) из [доходов] Новой церкви. Он умер при Константине и его матери Зое» (ibid. p. 356_6 О Зое см.: коммент. гл. 11, рим. 14). Ненависть Льва к Сантаварину в значительной мере объясняется тем, что последний был близок к Василию в период его разлада со Львом. Византийские авторы [Константин Багрянородный и Симеон Логофет (Theoph. Cont., p. 348 sq., 846 sq.)] единодушно утверждают, что Сантаварин оклеветал Льва перед Василием.

Вельможи умоляют Василия I пощадить Льва
(из мадридской рукописи хроники Скилицы).

Несколько отличную версию с рядом интерполяций мы находим у псевдо-Симеона (ibid., p. 697—699). Подробно рассказывает об этом и „Житие Феофано“ (Ed. Kurtz, *Zwei griechische Texte über die hl. Theophano...*, стр. 11, сл.), где особенно ярко показан Стилиан в роли защитника Льва. А. Фохт [A. Vogt, *La jeunesse de Léon le Sage*, p. 420 sq.) связывает попытку Сантаварина оклеветать Льва перед Василием с восстанием Иоанна Куркуаса против императора; Куркуаса он считает родственником Фотия. О распре Василия со Львом упоминает также „Житие Константина Иудея“ (AASS, Novembris IV, p. 648 C), где рассказывается, что Константин, живший в ту пору на Олимпе, покинул монастырь и явился в столицу, чтобы содействовать примирению императора с сыном. Ср. также послание митрополита Стилиана Мапы папе Стефану V (F. Dvornik, *The Photian schism. History and legend*, Cambridge, 1948, p. 242 f.). Впоследствии день 20 июля стал праздником в честь примирения Льва VI с отцом. Сохранилось слово Арефы, произнесенное 20 июля 901 (или 902) г., где прославляется счастливое избавление императора от опасности [R. J. H. Jenkins, B. Laourdas, C. A. Mango, *Nine orations of Arethas* (BZ, Bd. XLVII, 1954), p. 39] и комментарий к этому слову (ibid., p. 17).

[13] Монастырь св. Далмата в Константинополе был расположен в Псамафийском регионе (гл. 5, прим. 1) и нередко служил местом заключения. Так, в 913 г., после подавления восстания Константина Дуки, там был заточен один из руководителей восстания патрикий Константин Элладик (Theoph. Cont., p. 384 7; см. также: R. Janin, *La géographie ecclésiastique...*, p. 88).

[14] Οἱ ἀπὸ τοῦ κοιτῶνος. Они могли быть вместе с тем чиновниками. Об Иоанне, который был ὁ ἐπὶ τοῦ κοιτῶνος и одновременно начальником канцелярии (середина XI в.) — G. Rouillard, *Note prosopographique* (EO vol. XXXII, 1933), p. 444 sq.

[15] В греческом тексте игра слов: εὐθυμία — радость и Εὐθύμιος — Евфимий.

[16] Ср. I Коринф, 9_{22}.

[17] Т. е. «будешь причтен к лику святых».

[18] Никита-Давид Пафлагон в „Житии Игнатия“ (Migne, PG, t. CV, col. 569 D) также упоминает Льва Катакала, который был зятем Фотия и по ходатайству Фотия получил должность друнгария виглы — начальника стражи. По словам Никиты-Давида, Лев Катакал жестоко расправился с игнатианами. Из нашей хроники мы узнаем, что после возвращения из ссылки он был назначен доместиком схол. К. де Боор (VE, S. 140 f.) отождествляет его со Львом Катакалоном, магистром и доместиком схол при Льве VI; войско Льва Катакалона было разбито болгарами при Болгарофигоне, по А. А Васильеву (*«Византиия и арабы»*, стр. 140) — в 893 г., по В. Златарскому (*«История на Българската държава през средните векове»*, т. 1, ч. 2, София, 1927, стр. 317 и сл.) — в 896 г. Ср.: G. Ostrogorsky, *History...*, p. 227. В 902 г. он отвоевал у арабов Феодосиополь (R. J. H. Jenkins, B. Laourdas, C. A. Mango, *Nine orations...*, p. 13 f.). Магистра Льва Катакила, бывшего современником Льва VI, упоминает также Константин Багрянородный (De cerim., p. 456 17). По словам Константина, это был человек благочестивый, но мало знакомый с эллинской образованностью; он кончил жизнь монахом Сигрианского монастыря.

[19] Фотий — выдающийся византийский писатель, дипломат и политический деятель, идеолог феодальной аристократии и высшей церковной знати. В 858 г. после низложения патриарха Игнатия был избран константинопольским патриархом, что послужило поводом к обострению церковно-политической борьбы. Игнатиане, выражавшие интересы кон-

стантинопольского чиновничества и монашества, искали поддержки у пап, тогда как Фотий в интересах феодальной знати осуществлял активную внешнюю политику, которая привела к разрыву с Римом. Император Василий I, стремившийся в начале своего правления к союзу с папством и императором Людовиком II, в 867 г. низложил Фотия и вернул патриаршество Игнатию; однако союз с папством оказался недолговечным. Уже в 70-е годы Фотий был возвращен из ссылки и назначен воспитателем детей императора, а после смерти Игнатия вновь занял патриарший престол (877—886) (Ф. М. Россейкин, *Первое патриаршество патриарха Фотия,* Сергиев Посад, 1915; J. Hergenröther, *Photius, Patriarch von Konstantinopel,* Bd. I—III, Regensburg, 1867—1869; F. Dvornik, *The Photian schism;* F. Dölger, *Byzanz...,* S. 312 f.).

20 Παραίτησις. Папа Стефан V (885—891) в послании к антифотианскому духовенству, в котором сообщалось о низложении патриарха Фотия, писал: «Прочитав письмо императора, мы нашли, что оно весьма отличается от вашего: ведь в нем говорится, что Фотий избрал отшельнический образ жизни и в письменной форме отказался от престола» (J. D. Mansi, *Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio,* Florentia, 1769, t. XVI, p. 420 sq.). Наиболее подробный рассказ об отречении Фотия мы находим в синодике из рукописи Синайского монастыря [Cod. Sinait., № 482 (1117), л. 357 об.—365], где в § 166 читаем: «Фотий на Константинопольском поместном соборе вручил послание об отречении (παραιτήσεως λίβελλον), выдвигая причиной свою глубокую старость и телесную слабость. Вслед за тем иерархом Византии был избран родной брат императора Льва и Александра Стефан» [В. Н. Бенешевич, *Описание греческих рукописей монастыря св. Екатерины на Синае*, т. I, СПб., 1911, стр. 292; V. Grumel, *Les regestes des actes du patriarcat de Constantinople*, vol. I, f. 2, 1936, № 536). И. Хергенрэтер (J. Hergenröther, *Photius...,* Bd. II, S. 691), который еще не имел возможности использовать ни „Псамафийскую хронику“, ни синодик Синайского монастыря, не доверял рассказу о письменном отречении Фотия; теперь, однако, такое скептическое отношение должно быть отвергнуто (ср.: F. Dvornik, *The Photian schism*, p. 247).

Недавно изданное послание папы Стефана V императору Василию I свидетельствует, что преемник Василия в своих действиях против Фотия мог опереться на поддержку папства [V. Grumel, *La lettre du pape Étienne à l'empereur Basile I*er (REB, vol. XI, 1953), p. 136; B. Laourdas, Ἡ ἐπιστολὴ τοῦ Στεφάνου πρὸς τὸν Βασίλειον („Ἑλληνικά“, vol. XIV, 1955)].

В схолии к астрологической рукописи Laur., XXVIII, 34 упомянуто изгнание Фотия (по-видимому, второе) [F. Boll, *Die Verbannung des Photios* (BZ, Bd. VIII, 1899), S. 158]. О внутрицерковной борьбе в это время см. „Житие Иосифа Песнописца“ (А. Пападопуло-Керамевс, *Сборник греческих и латинских памятников*..., вып. 2, стр. 14_{24}).

21 Иерия — местечко на азиатском берегу Пропонтиды, к югу от Халкидона, где находился императорский дворец (R. Janin, *Constantinople byzantine,* p. 147—149, 454).

22 Οἰκογενής. Де Боор (VE, S. 227) рассматривает его как синоним слова συγγενής, „родственник“. Но обычное значение этого слова „рожденный в доме (раб)“, „домочадец“ [см. заметку на рукописи Paris., 2009, где говорится, что она была переписана рукой οἰκογενοῦς οἰκέτου Μιχαήλ (XI в.)— цитируется в предисловии Д. Моравчика к De adm. imp., p. 15]. Николай (853—925) — видный политический деятель начала X в. По свидетельству патриаршего каталога Фишера, он был родом из Италии (τὸ γένος Ἰταλός), учился под руководством Фотия и достиг больших успехов в философии и риторике [F. Fischer, *De patriarcharum Constantinopolitanarum catalogis* («Commentationes philologicae Jenenses», vol. III,

1884), p. 293 1-4]. Сам Николай с глубоким уважением отзывался о Фотии (Migne, PG, t. CXI, col. 365 A).

Многочисленные письма Николая и известия хронистов о его политической деятельности позволяют характеризовать его как выразителя интересов византийской провинциальной знати: в частности, он, подобно Фотию, был сторонником ограничения деспотизма императорской власти. Николай был одним из наиболее просвещенных людей своего времени, знакомым как с греческой, так и с латинской образованностью. Подобно Фотию он поднимался иногда до критики авторитета, утверждая, что исторический процесс определяется деятельностью людей (ibid., col. 276 D — 277 B). [О Николае см. J. Gay, *Le patriarche Nicolas Mystique et son rôle politique* («Mélanges Ch. Diehl», vol. I, Paris, 1930); V Grumel, *Les regestes...*, № 598—624, 630—984; Gy. Moravcsik *Byzantinoturcica*, Bd, I, Berlin, 1958, S. 455 f. и указанную там литературу; G. Every, *The byzantine patriarchate*, 451—1204, London, 1947, p. 140 f.—Очень устарела анонимная статья *„Николай Мистик, патриарх константинопольский (896 — 925)“* („Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе“, ч. XX, М., 1861)].

[23] Этот монастырь был расположен на небольшом мысе полуострова Акрит [R. Janin, *Autour du cap Acritas* (EO, vol. XXVI, 1927), p. 295 sq.].

[24] θετὸν ἀδελφόν. Лев и Николай вместе учились у Фотия.

[25] Секретарь императора. Мистиком императора называет его также псевдо-Симеон (Theoph. Cont., p. 703 16). Это название должности сделалось затем прозвищем Николая. Ф. Дворник (F. Dvornik, *The Photian schism*, p. 249 f.) связывает возвращение Николая Мистика с изменением политики Льва VI; он обращает внимание, в частности, на то, что Сантаварин также был возвращен из ссылки. Отражение новой политики Льва VI Ф. Дворник видит в похвальном слове Льва, произнесенном в честь Василия I в 888 г., где император не только прославлял своего отца, но и с одобрением отзывался о примирении фотиан и игнатиан [IA. Vogt—I. Hausherr, *Oraison funèbre de Basile I...*, Rome, 1932]. О дате этого памятника — N. Adontz, *La portée historique de l'oraison funèbre de Basile I par son fils Léon VI le Sage* (Byz., vol. VIII, 1933), p. 507]. Однако теория Ф. Дворника опирается на очень скудные факты: нельзя забывать, что Стилиан Заутца до самой своей смерти фактически руководил политикой Льва VI, и только в конце IX в. позиции фотиан укрепились; лишь тогда Лев Катакил был назначен доместиком схол (гл. 5, прим. 15); несколько позднее Николай Мистик стал патриархом, а другой ученик Фотия, Арефа,—первопрестольным митрополитом (митрополитом Кесарии) (гл. 12, прим. 9). Дата назначения Николая мистиком, как и дата возвращения Сантаварина (и Льва Катакила) из ссылки, нам неизвестны; на основании же одного только официального заявления Льва VI довольно рискованно делать далеко идущие выводы.

Глава 3

Евфимий намекает на стремление Стилиана захватить царскую власть.

В результате постоянных войн с арабами в Константинополе было много пленных: сохранились записки араба Гарун ибн Яхья, который в конце IX или в начале X в. был привезен в Константинополь [A. Vasiliev, *Harun-ibn-Yahya and his description of Constantinople* («Seminarium Kondakovianum», vol. V, 1932) и комментарий Г Острогорского в том же томе]. Пленники, по-видимому, содержались в тюрьмах: о бичевании тридцати пленных сарацин на ипподроме в царствование Василия I упоминает историк X в. Генесий (Genesius, Bonnae, 1834, p. 118); в параллельном месте (Theoph. Cont., p. 303 10) идет речь о содержав-

шихся в тюрьме преступниках (ср. также: Theoph. Cont. p. 575_{14}). Сохранилось послание Николая Мистика арабскому халифу, где автор стремится доказать, что арабские пленники жили в Византии беспечно и счастливо, в просторных помещениях и имели даже свой храм (εὐκτήριον) для богослужения (Migne, PG, t. CXI, col. 312 D).

3 Λαμπροῖς ἀξιώμασι. 'Αξίωμα в „Клиторологии" Филофея обозначает титул, звание чиновника (например, магистр, патрикий, протоспафарий и т. п.) (J. B. Bury, *The imperial administrative system...*, p. 133_{33}; ср. Cedr., vol. II, p. 379_7).

4 Лев имеет в виду свою размолвку с отцом, который заточил его в тюрьму (см.: гл. 7).

5 Преполовение пятидесятницы — подвижный (преходящий) христианский праздник, приходящийся на середину пятидесятницы, т. е. между пасхой и троицыным днем (иначе день св. духа — пятидесятый день после пасхи). Преполовение пятидесятницы начиналось в среду четвертой недели («недели расслабленного») после пасхи и праздновалось восемь дней. Де Боор ориентировочно датирует эти события 887 г.; в этом случае преполовение пятидесятницы приходилось на 10 мая.

6 Храм св. Мокия — один из известнейших константинопольских храмов. Он был расположен на седьмом (VII) холме, за стеной Константина, несколько севернее улицы, которая вела от форума Аркадия к воротам Пиги (R. Janin, *La géographie ecclésiastique...*, p. 367 sq.).

7 Вознесение — преходящий церковный праздник, который отмечали на сороковой день после пасхи, т. е. 15 дней спустя после преполовения пятидесятницы. В 887 г., к которому де Боор относит эти события, вознесение приходилось на 25 мая.

8 Πάσης ἡλικίας Может быть, имеется в виду гвардия. П. Карлин-Хейтер переводит all ages of the people „все возрасты" (P. Karlin-Hayter, *Vita S. Euthymii*, p. 25).

9 Стефан, младший брат Льва VI, родился в 868 г. (гл. 1, прим. 11). Он был поставлен патриархом после низложения Фотия: по Фохту [A. Vogt, *Note sur la chronologie des patriarches de Constantinople aux XIe et Xe siècles* (EO, vol. XXXII, 1933), p. 276]—25 декабря 887 г., а согласно утверждению Грюмеля (V. Grumel, *Chronologie...*, p. 12)—в декабре 886 г. По одним сведениям, он занимал патриарший престол семь лет (F. Fischer, *De patriarcharum Constantinopolitanarum catalogis*, p. 292_9), а по другим—шесть лет и пять месяцев [E. W. Brooks, *The London catalogue of the patriarchs of Constantinople* (BZ, Bd. VII, 1898), p. 32]; в дополнениях к хронографу Никифора указано, что Стефан был патриархом шесть лет и восемь месяцев (Nicephorus, *Opusula historica*, Lipsiae, 1880, p. 120_{16}). Судя по тому, что Стефан умер в мае 893 г. (гл. 7, прим. 9), мы вправе принять предложенную В. Грюмелем дату.

10 По-видимому, в монастырь св. Феодора, который Р. Жанен (R. Janin, *La géographie ecclésiastique...*, p. 157 sq.) локализует в районе Рисия, на юго-западе от Константинополя. Х. М. Лопарев (*„Греческие жития святых..."*, Пг. 1914, стр. 203) предполагает, что Евфимий жил в этом монастыре.

11 Некоторые сведения о родне Заутцы (οἱ τοῦ Ζαούτζα συγγενεῖς — Theoph. Cont., p. 856_2) содержат также хроника Симеона Логофета и другие, более поздние хроники. Логофет рассказывает о сыне Заутцы, который организовал заговор против Льва VI; он называет его Тцаутца (Theoph. Cont., p. 856_2); в хронике Продолжателя Феофана, передающей тот же рассказ, его имя — Таутца (Ibid., p. 360_{23}) В хронике Скилицы сын Заутцы назван Львом (Cedr., vol. II, p. 257_{19}). Приближенным Льва VI был родственник Заутцы Василий: Скилица прямо на-

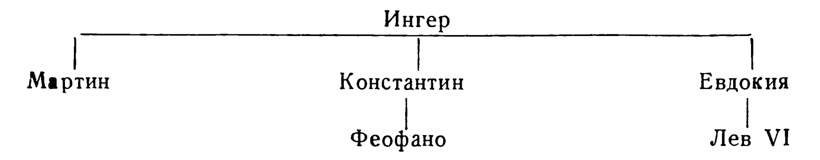
зывает его племянником Заутцы (Cedr., vol. II, p. 258 10), в других хрониках он выступает как племянник Зои (Theoph. Cont., p. 853 3). Его отцом был этериарх Николай (Theoph. Cont., p. 853 1). Этериарха Николая и его сына Парда упоминает хроника Продолжателя Феофана (Theoph. Cont., p. 3617); [в другой хронике (ibid., p. 85610), видимо, ошибочно этериархом назван Пард]; однако было бы рискованно отождествлять обоих Николаев: отец Парда назван верным другом императора, он выступает противником Заутцы.

[12] P. Karlin-Hayter, *Vita S. Euthymii*, p. 27, n. 1.

Глава 4

Августа — официальный титул императрицы (W. Sickel, *Das byzantinische Krönungsrecht...*, S. 521).

[2] Феофано, дочь патрикия Константина, происходила из влиятельного рода Мартинакиев (Ed. Kurtz, *Zwei griechische Texte über die hl. Theophano*, c. 2 10); она, возможно, приходилась близкой родственнице Евдокии Ингерине, матери Льва VI (A. Vogt, *La jeunesse de Léon l Sage*, p. 413). X. M. Лопарев (*„Греческие жития святых...“*, стр. 65) называет ее племянницей Евдокии и строит следующую ее родословную:

Впрочем, сообщение о происхождении Евдокии Ингерины из рода Мартинакиев, сохранившееся только у поздних хронистов (Cedr., vol. II, p. 198 10), Эд. Курц [в комментарии к „Житию Феофано“ (Ed. Kurtz, *Zwei griechische Texte über die hl. Theophano...*, стр. 49)] считает вставкой. По словам „Жития Феофано“ (там же, стр. 57), „царь (Василий — *А. К.*) послал архонтов, сатрапов и экзархов тайной канцелярии по всем городам и провинциям, чтобы разыскать девушку, достойную прекрасного императора Льва“. Были отобраны 12 прекраснейших девушек, среди которых оказалась и Феофано. В Магнаврской палате (пышно украшенное здание в константинопольском Большом дворце, где находилась тронная зала — R. Janin, *Constantinople byzantine*, p. 117 sq.; ср.: гл. 18, прим. 18) царица-мать Евдокия и Василий избрали Феофано невестой Льва. Свадьба была отпразднована зимой 881 / 882 г. (A. Vogt, *La jeunesse de Léon le Sage*, p. 415). После смерти Евдокии Феофано была провозглашена августой и, видимо, имела большое влияние на Василия (см. о ней гл. 7).

[3] Влахерны — район в северной части Константинополя, на берегу Золотого рога (R. Janin, *Constantinople byzantine*, p. 303 sq.). Здесь находилась одна из самых знаменитых константинопольских церквей — храм богородицы, построенный еще в V в. (R. Janin, *La géographie ecclésiastique...*, p. 169 sq.).

[4] Т. е. не позднее начала 886 г., если предположить, что Евфимий был во дворце перед самой смертью Василия I.

[5] По-видимому, имеются в виду ворота Серебряного озера [ἡ ('Αρ)γυρολίμνη], расположенные в северной части крепостной стены, близ Влахернского дворца R. Janin, *Constantinople byzantine*, p. 419).

[6] Из этого следует, что синкелл назначался императором.

[7] Церковь св. Софии (σοφία—премудрость

[8] Это важное свидетельство о том, что члены синклита были обязаны пребывать в Константинополе или часто туда являться.

[9] Марк, 12 $_{17}$.

[10] По-видимому, один из крупнейших столичных монастырей Сергия и Вакха, построенный Юстинианом I в непосредственной близости от императорского дворца (R. Janin, *La géographie ecclésiastique...,* p. 468).

[11] I Коринф., 3_6.

[12] ʽΗσυχώτερον γὰρ ἐν τῇ πόλει εὕρασθαι ἀμήχανον.

Н. П. Попов («*Император Лев VI Мудрый*», М., 1892, стр. 141) переводит: „Ибо невозможно быть безмолвным в городе". Однако он не учитывает, что ἥσυχος в этой же главе применяется для обозначения свойства местности (VE, p. 13 $_{24}$); к тому же εὕρασθαι—это инфинитив аориста среднего(εὑράμην „нашел для себя"), а не страдательного („находился") залога.

[13] Имеется в виду выздоровление Льва.

[14] Полный текст этой покаянной молитвы был включен в сборник молитв, составленный монахом Иоанном Фекарой (около 1300 г.). Он издан по рукописям XVI—XVII вв., в которых имеются незначительные отклонения от текста, приведенного в „Псамафийской хронике"[S. G. Mercati, *Gleichzeitige Hymnen in der byzantinischen Liturgie* (BZ, Bd XVIII, 1909), S. 327 f.; P. Maas, *Literarisches zu der Vita Euthymii* (BZ, Bd XXI, 1912), S. 436].

[15] Οἰκοπροάστειον. Этот редкий термин встречается иногда в качестве синонима κώμη („деревни") [„Пира", XXVI, 15; ср.: П. В. Безобразов, *Патмосская писцовая книга* (ВВ, т. VII, 1900), стр. 74, прим. I]; иногда этим термином обозначают поместье (MM, vol. VI, p. 5_{26}). В нашей хронике—городская усадьба, состоявшая, видимо, из целого комплекса зданий [ср. рассказ Скилицы (Cedr., vol. II, p. 497 $_{10}$) о том, как император Роман III Аргир (1028—1034) купил οἶκος вельможи Триаконтафилла и также превратил его в монастырь].

[16] Πλησιοχωροῦν, ср. также: VE, p. 12. Здесь эти термины не имеют специального значения, как в новеллах императоров X в. (Jus., vol. III, p. 220 $_{26}$) и более поздних актах [например, грамота 1034 г.—L. Petit, W. Regel, *Actes d'Esphigménou* (ВВ, т. XII, 1906), приложение, № I $_{21}$], где термин πλησιασμοῦ δίκαιον (грамота 1375 г.—F. Dölger, *Aus den Schatzkammern des hl. Berges,* München, 1948, № 20 $_3$) означал право близости. [См. о нем П. В. Безобразов, *Рецензия на книги Ж. Тесто и Р. Геньеро* (ВВ, т. VII, 1900), стр. 162 и сл.; А. П. Каждан, *К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв.* (ВВ, т. X, 1956), стр. 52 и сл.]

Глава 5

[1] Район в юго-западной части Константинополя, близ моря и Золотых ворот (R. Janin, *Constantinople byzantine,* p. 384).

[2] Κατειλήφει—буквально: „овладел" (так и P. Karlin-Hayter, *Vita S. Euthymii,* p. 33). Однако этот перевод неточен, так как владения Катакила были конфискованы еще раньше.

[3] Προσκύνησις—это не только „земной поклон", который обычно отдавали императору, но и приветствие, которое сам император воздавал особо почитаемым лицам духовного звания.

[4] Ср.: гл. 17, прим. 7.

[5] Притч., 21_1.

[6] Εὐκτήρια. Текст испорчен; возможно, что здесь, согласуя с φέροντα, следует читать τὰ τῆδε κἀκεῖσε εὐκτήρια, а не родительный множественного, как в рукописи. Де Боор (VE, p. 14) предлагает другую конъектуру: φερόντων. Ср.: P. Karlin-Hayter, *Vita S. Euthymii,* p. 160. О часовне Предтечи см. также гл. 23.

7 R. Janin, *La géographie ecclésiastique...*, p. 122.

8 Τοῖς ἐπιστατεῖν τοῦ ἔργου. Текст испорчен. Может быть, надо читать τοὺς ἐπιστάτας τοῦ ἔργου или τῶν ἔργων, как в „Исходе", 1 $_{11}$? Винительный падеж зависит от причастия προχειρίσας (активного залога!). Конъектура де Боора (VE, p. 15): τοὺς ἐπιστατατεῖν τοῦ ἔργου [ὀφείλοντας] προχειρίσας.

9 Ἐξ οἰκείας ἀγορᾶς τὴν κυριότητα ἔχοντι. Термин κυριότης постоянно встречается в деловых документах [Lavra, № 1$_{25}$; 38$_{29}$; 42$_{58}$ etc.; A. Pertusi, *Nuovi documenti sui benedettini amalfitani dell'Athos* («Aevum», vol. XXVII, 1953) , p. 424$_{20}$].

10 Поместье [G. Ostrogorsky, *Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert* («Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», Bd. XX, 1927), S. 20 f. и особенно F. Dölger, *Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung*, Leipzig — Berlin, 1927, S. 127 f., 137 f.]. М. Я. Сюзюмов в статье „Экономика пригородов византийских крупных городов" (ВВ, т. XI, 1951, стр. 59) считает проастий специфический формой владения— пригородной усадьбой, а „с точки зрения его экономического значения"—„категорией рабовладельческого хозяйства". Однако вряд ли мы можем понимать этот термин так узко, скорее, он обозначал динатское поместье вообще [ср.: А. П. Каждан, *Формирование феодального поместья в Византии X в.* (ВВ., т. XI, 1956), стр. 99 и сл.].

11 Ἐν τῷ Στενῷ. „Стеном" называли Босфор.

12 Προάστειον τοῦ Ἀγαθοῦ упоминается и в других источниках. Ср.: „[император] Александр созвал собор в Магнаврском дворце, приказав привести и Евфимия со Стена, из Агафова" (Theoph. Cont., p. 871 $_{14}$). Об этом соборе см. гл. 18—19.

13 Иоанн Златоуст (приблизительно 347—407 гг.)— один из деятелей церкви (имеется в виду его 52(53) гомилия на Евангелие от Матфея (Joannes Chrysostomus, *Opera omnia,* vol. VII, Parisiis, 1727, p. 537 B).

14 Τὰ χαρτῷα δικαιώματα.

15 Симеон Логофет (Theoph. Cont., p. 855 $_{10}$) сообщает, что после смерти полководца Никифора Фоки Старшего „император Лев назначил доместиком схол Льва Катакила, проживавшего в Равде" Равд—район, прилегавший к Псамафийскому монастырю (ср.: Theoph. Cont., p. 324$_{64}$). Арефа Кесарийский в похвальном слове Евфимию рассказыв ет, что гроб старца был привезен в Равд (А. Пападопуло-Керамевс, *Сборник греческих и латинских памятников...*, вып. 1, стр. 30$_{24}$). Видимо, Катакил получил новое владение недалеко от старого.

16 Σωτηρία имеет двоякое значение: безопасность (так понимает его Заутца) и спасение (духовное) (P. Karlin-Hayter, *Vita S. Euthymii*, p. 37, n. 3).

17 Ἐγκαίνια Празднество в память освящения храма. Об обряде этого празднества см.: Ф. Красносельцев, *Типик церкви св. Софии в Константинополе в IX в.* („Летопись Ист.- филол. об-ва при Новороссийском ун-те", т. II, ч. I, 1892), стр. 207 и сл. [ср.: M. Black, *The festival of Encaenia in the ancient church* («Journal of Ecclesiatical history», vol. V, 1954)].

18 Λιτανεία—молитвословие, употреблявшееся преимущественно во время крестного хода.

19 Р. Жанен (R. Janin, *La géographie ecclésiastique...*, p. 8) считает необходимым разграничить два константинопольских монастыря: Аврамия, местоположение которого неизвестно, и Аврамитов. Богородичный монастырь Аврамитов, как сообщает Константин Багрянородный (De cerim., p. 438 $_{9-12}$ и 501 $_{9-10}$), находился за городской стеной. Р. Жанен (R. Janin, *La géographie ecclésiastique...*, p. 157) полагает, что в нашей хронике речь идет о монастыре Аврамитов, однако в тексте стоит τοῦ

'Αβραμίου. Таким образом, он не проводит свой тезис до конца. Де Боор (VE, S. 155) считает, что πλησιοχωροῦντες (как названы монахи в этом месте) нужно связывать с новым (Псамафийским) монастырем; на этом основании де Боор делает вывод, что он был выстроен вблизи монастырей Пиги и Аврамия. Однако текст хроники свидетельствует, что Евфимий отправлял службу в своем старом монастыре (св. Феодора) и лишь позднее прибыл в Псамафийский монастырь. О близости монастыря св. Феодора к монастырю Пиги можно судить и на основании гл. 3 нашей хроники (VE, p. 9_{5}—$_{29}$). Псамафийский монастырь был, по-видимому, выстроен на берегу Мраморного моря, между церковью св. Эмилиана и Студийским монастырем (A. van Millingen, *Byzantine Constantinople*, London, 1899, p. 264).

О близости Псамафийского монастыря к церкви св. Эмилиана свидетельствует также похвальное слово Арефы Евфимию (А. Пападопуло-Керамевс, *Сборник греческих и латинских памятников...* вып. 1, стр. 30_{25}).

20 Τοῦ τροπαιοφόρου σημείου, т. е. победоносный символ.

21 А. Пападопуло-Керамевс (*Varia graeca sacra,* СПб., 1909, стр. XXVIII и сл.) считает, что изданные им (там же, стр. 213 и сл.) поучения Льва VI были составлены для Псамафийского монастыря Евфимия.

Глава 6

1 Конъектура де Боора.

2 В этом месте, очевидно, сказывается влияние агиографической традиции; авторы житий постоянно подчеркивали, что святые ограничивают себя в пище. Так, св. Власий не ел хлеба и не пил вина (AASS, Novembris IV, p. 664 A); Михаил Синкелл питался одними овощами без соли [Ф. И. Шмит, *Кахриэ—Джами* („Известия Русского Археологического института в Константинополе", т. XI, 1906), стр. 229 $_{33}$); Афанасий Афонский удовлетворялся в течение двух дней маленьким хлебцем [L. Petit, *Vie de S. Athanase l'Athonite* (Analecta Bollandiana, vol. XXV, 1906), p. 16 $_{15}$], а Евфимий Новый —желудями, каштанами и земляникой [L. Petit, *Vie de S. Euthyme le Jeune* («Revue de l'Orient Chrétien», vol. VIII, 1903), p. 184 $_{5}$].

3 Антидор (εὐλογία)— остатки просфоры, из которой вырезались частички для евхаристических даров. Антидоры раздавались верующим в конце литургии как пережиток „трапез любви" в древнехристианских общинах.

4 Ср.: Иезек., 4 $_{4}$.

5 Матф., 7_{7}.

6 Еще когда Лев, обвиненный Сантаварином, находился в заключении, его навещали жена и ребенок (Ed. Kurtz, *Zwei griechische Texte über die hl. Theophano...*, стр. 8_{5}). Ср.: „Другой саркофаг, зеленый, фессалийский, в котором покоится св. Феофано, первая жена блаженного Льва, со своей дочерью Евдокией" (De cerim., p. 643 $_{11}$).

7 Κιβώτιον— ковчег (шкатулка, рака), где хранились мощи. Согласно христианской легенде еще при императоре Аркадии в Константинополь были перенесены ризы (покров) богородицы, положенные для хранения во Влахернский храм. 410 лет спустя император Лев VI приказал открыть ковчег с покровом богородицы, чтобы этими мощами исцелить больную императрицу Зою, дочь Стилиана Заутцы (Migne, PG, t. CXVII, col. 613; ср.: P. Karlin-Hayter, *Vita S. Euthymii,* p. 43, n. 2).

8 Βιβλίον ἀποστασίου, т. е. акт о разводе,—термин, характерный для Септуагинты (Второзак., 24_{1}) и евангелий (Матф. 19_{7}, Марк, 10_{4}). Его

употребляет также Арефа (А. Пападопуло-Керамевс, *Сборник греческих и латинских памятников...*, вып. I, стр. 29_3). Желание Феофано дать развод Льву было вызвано тем, что император сошелся с дочерью Стилиана Заутцы Зоей, с которой он был близок, по-видимому, еще при жизни своего отца (гл. 7).

9 I Коринф., 7_4.

Глава 7

1 Никифор Григора, автор позднего „Слова в честь императрицы Феофано" (Ed. Kurtz, *Zwei griechische Texte über die hl. Theophano...*, стр. 42_{22}), говорит, что Феофано терпеливо сносила неверность мужа; однако в этих словах можно видеть обычный прием панегириста. Вместе с тем Никифор стремился обелить и Льва, рассказывая, что после смерти дочери и обострения болезни жены император стал беспокоиться, как бы ему не умереть бездетным. Он обратился к астрологам, которые предсказали, что он будет иметь сына. Поздний хронист Манасси говорит, что Лев был женат четыре раза, „не побежденный сладострастьем, но желая видеть рожденных ему законных детей" (Constantinus Manasses, *Breviarum historiae metricum*, Bonnae, 1837, vers. 5380 sq.).

2 К Василию I.

3 Конъектура де Боора.

4 См. об этом: F. Dvornik, *The Photian schism*, p. 242.

5 Илиада, VI, 448.

6 Притч. 5_{15-18} (с пропуском).

7 Матф., 23_{14}.

8 Οὐ κατ'οἰκείαν θέλησιν ταύτην ἀγαγέσθαι με, ἀλλὰ δεδοικότα τὸν πατέρα καὶ πάνυ ἀνιώμενον. Х. М. Лопарев (*„Греческие жития святых..."*, стр. 68) переводит: „Боялся отца, совсем удрученного", что бессмысленно. ἀνιώμενον следует отнести к με, а не к πατέρα.

9 Он умер 17 или 18 мая 893 г. (V. Grumel, *Chronologie...*, p. 10). День устанавливается по поминаниям в синодиках (ср.: H. Delehaye, *Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae*, Bruxelles, 1902, p. 694_1, а год— по известию „Жития Феодоры Солунской" о том, что его преемник Антоний Кавлей стал патриархом на следующий год после смерти Феодоры, т. е. в 893 г. [Ed. Kurtz, *Des Klerikers Gregorios Bericht über Leben, Wunderthaten und Translation der hl. Theodora*, („Записки имп. Акад. наук", серия VIII, т. IV, вып. I, 1902), стр. 39_{22}].

10 Возможно, что Слоновые ворота связывали Большой дворец с ипподромом (R. Janin, *Constantinople byzantine*, p. 168). О часовне св. Афиногена других сведений нет (R. Janin, *La géographie ecclésiastique...*, p. 15).

11 О переводе этого места см.: P. Karlin-Hayter, *Vita S. Euthymii*, p. 51, n. 2.

12 И по другим источникам мы знаем о разладе между Львом и Феофано. „Житие Феофано" (Ed. Kurtz, *Zwei griechische Texte über die hl. Theophano...*, стр. 14_{20}) рассказывает, что императрица проводила все время в заботах о спасении души. „Ее постель была покрыта златоткаными коврами, и она ради близких по вечерам делала вид, что ложится на нее. Но как только наступала ночь, она спускалась с постели и ложилась на соломенный матрац и власяницы, разосланные на полу. Время от времени она вставала, простирая руки к небу, вознося хвалу господу и прося о спасении души" (там же, стр. 15_8). Симеон Логофет (Theoph. Cont., p. 360_{18}) так сообщает о последних днях Феофано: „Император отправился в храм Дамиана вместе с Зоей, дочерью Заутцы, и самим Заутцей. Супруги же императора—Феофано—там не было—она пребывала во Влахернском святогробском монастыре в молитвах". Храм Дамиана

находился на европейском берегу Босфора (R. Janin, *Constantinople byzantine,* p. 428 sq.). Византийский писатель Арефа, который первоначально был близок к Фотию и Николаю Мистику (гл. 12, прим. 9), в схолиях к Лукиану осуждает поведение Феофано, считая, что она хотела представить себя святой (ἁγιοποιῶν) [«Scholia in Lucianum», ed. H. Rabe, Lipsiae, 1906, p. 26_{29}. См. конъектуру Эд. Курца к этому месту: Ed. Kurtz, *Kritisches und Exegetisches zu Arethas von Kaisareia* (BZ, Bd. XXIV, XXV, 1923—1925), I, S. 18, A. 2]. Обычно предполагают, что Феофано умерла 10 ноября 893 г. [например, S. Runciman, *The emperor Romanus Lecapenus and his reign,* Cambridge, 1929, p. 40; G. Downey, *The church of all saints (church of st. Theophano) near the church of the Holy Apostles at Constantinople* («Dumbarton Oaks papers», vol. IX—X, 1956)], так как в житии Евфимия рассказ о ее смерти непосредственно следует за рассказом о смерти патриарха Стефана. Однако Грюмель (V. Grumel, *Chronologie...,* p. 21—29) указал, что преемница Феофано Зоя была императрицей в 898—899 гг. и что, следовательно, смерть Феофано надо относить к 10 ноября 897 г. Так считает и Г. Острогорский (G. Ostrogorsky, *History...,* p. 230). С этим В. Грюмель связывает и указание хронистов о том, что Феофано была императрицей в течение 12 лет; он считает, что Феофано стала императрицей после смерти Евдокии Ингерины, а это событие он относит примерно к 885 г. Однако В. Грюмель не учитывает, что согласно „Житию Феофано" (Ed. Kurtz, *Zwei griechische Texte über die hl. Theophano...*, стр. 7_2) Евдокия Ингерина умерла вскоре (οὐ μετὰ πολὺ χρόνον) после свадьбы сына, т. е. около 882—883 г. (ср.: A. Vogt, *La jeunesse de Léon le Sage,* p. 417). Заточение Льва произошло уже после смерти Евдокии. При этом Никифор Григора (Ed. Kurtz, *Zwei griechische Texte über die hl. Theophano...,* стр. 39_{28}) отмечает, что Лев провел в заточении три года, а не три месяца, как засвидетельствовано в хронике Симеона Логофета. К тому же С. Шестаков [*„О рукописях Симеона Логофета"* (ВВ, т. V, 1898), стр. 41] сообщил, что венская рукопись Логофета (Vindob. hist. graec., 37) дает в этом месте также чтение χρόνους γ, т. е. „три года". В таком случае возможно смерть Феофано отнести к 10 ноября 895 г.; в пользу этой даты будут приведены еще некоторые соображения (ср.: гл. 8, прим. 7).

На невозможность принять датировку В. Грюмеля справедливо указал уже греческий историк Г. Колиас [G. T. Kolias. Λόγοι καὶ χρόνος ἐκδόσεως τῆς Νεαρᾶς 109 Λέοντος G τοῦ Σοφοῦ (Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, τ. 23, 1953), σελ. 334], однако из этого заключения он сделал ошибочный вывод, вернувшись к датировке К. де Боора.

[13] Хронисты сообщают о смерти Феодора Гуцуниата в начале рассказа о правлении Льва (Theoph. Cont. p. 352_{19}), до смерти Феофано. Продолжатель Феофана рассказывает (ibid., p. 359_{17-20}), что Заутца предлагал руку своей дочери крупнейшему византийскому полководцу Никифору Фоке Старшему, который отказался от предложения, боясь рассердить императора. Оскорбленный Заутца добился смещения Никифора Фоки с поста доместика схол — он был заменен Львом Катакалоном (Катакилом, гл. 2, прим. 18). Это событие, разумеется, могло быть лишь после смерти Гуцуниата, однако оно было невозможным не только после смерти Феофано, но и в то время, когда царица жила во Влахернском монастыре. А. Грегуар [*H. Grégoire,* La carière du premier Nicéphore Phocas („Προσφορὰ εἰς Στ. Κυριακίδην", Θεσσ. 1953), p. 239] считает, впрочем, сватовство Заутцы выдумкой.

Глава 8

[1] Ср.: Римл., 7_3; I Коринф., $7_{9, 39-40}$; I Тимоф., 5_{14}. Однако всюду идет речь о втором браке вдов.

[2] Монастырь св. Диомида находился у Золотых ворот. Василий I, тогда еще фракийский крестьянин, впервые вошел в Константинополь через Золотые ворота и заночевал у «расположенного вблизи ворот монастыря св. мученика Диомида» (Theoph. Cont., p. 223_{10}). Легенда рассказывает, будто игумен монастыря св. Диомида признал в нем будущего императора. Впоследствии Василий I отстроил монастырь; и действительно, раскопки обнаружили здесь старинное здание, на кирпичах которого встречалась монограмма Василия I, а иной раз — имя Диомида (A. van Millingen, *Byzantine Constantinople,* p. 265). Р. Жанен (R. Janin, *La géographie ecclésiastique*..., p. 101) относит заключение Евфимия в монастырь Диомида к 894—896 гг., однако, учитывая высказанные выше соображения (гл. 7, прим. 12), это событие следует датировать 896—898 гг.

[3] По сообщению хроники Логофета (Theoph. Cont., p. 361_{18-20}) брак Льва VI и Зои Заутцы был освящен дворцовым клириком Синапой, который действовал, по-видимому, против воли патриарха Антония; во всяком случае, Синапа был после этого лишен сана (V. Grumel, *Les regestes*..., № 595).

[4] Οἰκίαι — буквально: «дома».

[5] О дате см. прим. 7.

[6] Антоний Кавлей стал патриархом в августе 893 г. (гл. 7, прим. 9). Дата его смерти является спорной. Terminus post quem для смерти Антония установлен А. Грегуаром по надписи, упоминающей Антония и датированной октябрем 897 г. [H. Grégoire, *La vie de S. Blaise d'Amorium* (Byz., vol. V, 1929—1930), p. 400 sq.]. А. Грегуар принял, что Антоний умер 12 февраля 898 г. (День устанавливается по нашей хронике — см. гл. 10). Каталоги константинопольских патриархов отводят патриаршеству Антония то восемь лет, то два года; В. Грюмель (V. Grumel, *Chronologie*..., p. 8) показал, что это расхождение коренится в палеографической ошибке, возникшей из-за сходства греческих скорописных цифр 8 и 2. Так как Антоний занимал патриарший престол не менее четырех с половиной лет, приходится отвергнуть цифру 2. Определяя время его патриаршества в восемь лет, мы получим традиционную дату смерти Антония — 12 февраля 901 г.

[7] О тяжелой болезни Зои упоминает также синаксарь константинопольской церкви (H. Delehaye, *Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae,* p. 935_{25}). Де Боор считает, что смерть Зои последовала в конце лета 896 г. (ср. F. Dölger, *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches,* Bd I, München-Berlin, 1924, № 535). Однако она упомянута как правительница в «Клиторологии» Филофея, составленном в 899 г. Из «Клиторология» мы можем заключить, что она правила еще в сентябре 899 г. (V. Grumel, *Chronologie*..., p. 19). Это подтверждается и словами нашего автора: «Еще был патриархом Антоний»; смерть Зои, по-видимому, произошла в конце его патриаршества, иначе бы это «еще» (ἔτι) звучало бессмысленно. Видимо, Зоя умерла на рубеже 899 и 900 гг Так как Симеон Логофет (Theoph. Cont., p. 361_{20}) сообщает, что Зоя умерла через год и 8 месяцев после коронования, его надо отнести к началу или середине 898 г. Но из этого еще не следует, что смерть Феофано приходится на 897 г., как предположил В. Грюмель. Дело в том, что между заключением Евфимия в монастырь Диомида и смертью Заутцы прошло более двух лет, а между смертью Заутцы и Зои — полгода. Учитывая, что Евфимий был заточен не сразу после смерти Феофано, мы приходим к выводу, что между смертью Феофано и Зои прошло по меньшей мере три года, т. е. смерть Феофано можно отнести, самое позднее, к 10 ноября 896 г. Если же перерыв между заточением Евфимия и смертью Заутцы был еще бóльшим, смерть Феофано

придется датировать 10 ноября 895 г. Смерть Стилиана Заутцы датируется примерно серединой 899 г. (на полгода раньше Зои).

[8] «Житие Василия Нового» (С. Г. Вилинский, *Житие св. Василия Нового*..., стр. 287₂₇) также называет Самону евнухом, прибавляя, что он был хорош собой. О Самоне см.: R. Janin, *Un arabe ministre à Byzance. Samonas* (EO, vol. XXXIV, 1935); R. H. Jenkins, *The «flight» of Samonas* (Speculum, vol. XXIII, 1948), p. 221 f. Р. Жанен и Р. Дженкинз, следуя де Боору, датируют возвышение Самоны 896 г.

[9] Хроника Симеона Логофета дважды рассказывает о заговорах родни Заутцы против Льва. Первый относится еще ко времени жизни Феофано (Theoph. Cont., p. 360 $_{22}$). О втором (ibid., p. 362 $_{17}$) рассказано следующее: «Чиновник Василий, жаждавший царской власти, любил кувикулярия (прим. 10) Самону. Он дерзнул сказать Самоне: „После смерти Зои, нашей тетки, император возьмет другую жену, а нас уничтожит. Дай мне слово, что ты сохранишь тайну, и я открою тебе то, что мы задумали“ Тот исполнил просьбу и узнал от него обо всем, что было подготовлено. Тогда Самона, явившись к императору, сказал: „Хочу, господин, раскрыть тебе наедине нечто такое, что грозит смертью мне, если я скажу об этом, тебе же — если я промолчу“ И он рассказал императору о заговоре Василия. Император, не будучи вполне убежден его словами, спросил, не подговорил ли кто-нибудь Самону сказать все это. А Самона ответил: „Если хочешь убедиться, пошли, кого пожелаешь, в мою комнату; я спрячу их в тайнике, и они запишут то, что мы с Василием будем говорить. Тогда-то ты убедишься, что в моих словах нет лжи“. Император послал протовестиария Христофора и китонита (спальника) Калокира, которые спрятались в комнате Самоны. Самона же заманил к себе Василия и, дав ему торжественную клятву, вновь попросил подробно рассказать о заговоре и об участниках. Все это Калокир и Христофор слышали и записывали». После этого Василий и другие заговорщики были сосланы. Этот заговор следует датировать примерно 900 г.

[10] Кувикулярий — спальник, придворная должность, которую мог занимать евнух [R. Guilland, *Les titres auliques réservés aux eunuques* (REB, vol. XIII, 1955), p. 52]. Р. Гийан ошибочно датирует назначение Самоны кувикулярием 896 г. (ibid., p. 60).

[11] Нипсистиарий — придворный, ведавший умыванием императора: его обязанностью было подавать императору золотой таз для умывания рук перед выходом из Большого дворца (ibid., p. 50). Р. Гийан не учитывает данных нашей хроники и не отмечает, что Самона был нипсистиарем; данные нашей хроники также противоречат традиционному представлению о том, что должность нипсистиария была ниже, чем должность кувикулярия (ср.: J. B. Bury, *The imperial administrative system*..., p. 122).

[12] Βίβλον πάντερπνον ἐξ ἐνδύματος ὀξέου καὶ διαργύρου καὶ διαχρύσου περικεκοσμημένην. Это почти буквально совпадает с тем, что сказано в „Житии Игнатия“ (Migne, PG, t. CV, col. 540 C): δύο εὑρίσκουσι βιβλία χρυσῷ καὶ ἀργυρῷ σὺν ὀξέσιν (у Миня—σηρικοῖς) ἐνδύμασιν ἔξωθεν κεκοσμημένα, — ср.: Ducange, *Glossarium ad scriptores mediae et imfimae graecitatis*, Lugduni, 1688, s. v. ἔνδυμα.

Глава 9

[1] Иначе говоря, в часы вечерней службы.

[2] Молоток, которым стучали в дверь.

[3] Основатель монастыря, который пользовался определенными правами (κτητορικὸν δίκαιον). В. Ниссен (W. Nissen, *Die Dialaxis des*

Michael Attaleiates, Jena, 1894, S. 54 f.) различает три типа светской власти над монастырем. См. также: В. Марковић, *Ктитори, нихове дужности и права* („Прилози за књижност, језик, историју и фолклор", т. V, 1925); E. Herman, *Ricerche sulle istituzioni monastiche bizantine: typica ktetorika, caristichiari e monasteri «liberi»* («Orientalia christiana periodica», vol. VI, 1940).

4 Привратник.

5 Иной перевод дает П. Карлин-Хейтер (P. Karlin-Hayter, *Vita S. Euthymii*, p. 59): „Со своей стороны отец обратился к первым членам императорской свиты, приглашая присоединиться к его трапезе". Однако неясно, почему она считает οἱ τὰ πρῶτα φέροντες τῷ βασιλεῖ „вельможами"? Из всего контекста гл. 9 видно, что Лев VI пришел в монастырь один. Дательный τῷ βασιλεῖ зависит от глагола προσεφώνει, а дательный τοῖς φέρουσι— от глагола συνδειπνῆσαι (с дательным как раз и означает „обедать вместе с кем-либо").

6 Βαυκάλιον—слово позднее (ср.: ἐν βαυκάλιον οἴνου—А. Дмитриевский, *Описание литургических рукописей*, т. I, Киев, 1895, стр. 355_{25}).

7 Κροῦσμα. Это слово буквально означает „стук": при помощи деревянного била монахов созывали к еде и молитве (ср.: τὸ ξύλον κρουσθῆναι—VE, p. 30_{19}; τρὶς τὸ ξύλον κρουσθήσεται—А. Дмитриевский, *Описание...* стр. 664_{28}).

8 Кратер—обычно сосуд для смешивания вина с водой; византийцы, как и древние греки, пили вино, как правило, разбавленным. Здесь кратер—большой медный сосуд для вина; далее он назван „красовулий".

9 Τοῖς πᾶσιν ἐξ ἴσου παρέχεται. Обычное значение слов ἐξ ἴσου —„поровну". Но ср.: ἴση μαρτυρία—„достаточное свидетельство" (Марк, 14_{56} и $_{59}$).

10 Ἐκ τῶν ὧδε γεωργουμένων δουλικῶν σου. О применении рабского труда в Византии этого времени см.: А. П. Каждан, *Рабы и мистии в Византии IX—XI вв.* („Ученые записки Тульского пед. ин-та", вып. 2, 1951); М. Я. Сюзюмов, *О правовом положении рабов в Византии* („Ученые записки Свердловского пед. ин-та", вып. 11, 1955). Однако мы не можем с уверенностью сказать, что δουλικοί нашей хроники [обычно этот термин употребляется как прилагательное „рабский" (ср.: Migne, PG, t. CV, col. 524 C)] являются рабами, а не зависимыми крестьянами. Во всяком случае термины δουλοπάροικοι, δουλευταί обозначали зависимых крестьян [G. Ostrogorskij, *Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine*, Bruxelles, 1956, p. 50, 69; E. Frances, *Pastorii vlahi din imperiul Bizantin în secolele XIII—XIV* («Studii», t. IX, 1956, № 1), p. 141 и указанную там литературу]. Возможно, наконец, что под „рабами твоими" разумеются монахи. Для понимания слова γεωργούμενος см.: τὸ γεωργούμενον χωρίον παρ' αὐτῶν—В. Мошин, *Акти из светогорских архива* („Споменик", т. XCIX, 1939), стр. 166_4 (Хрисовул Мануила II от 1408 г.).

11 Κατὰ τὴν τοῦ ὅρου παράδοσιν (как предполагал де Боор, вместо рукописного τοῦ ὄρους „горы"). В юридических источниках ὁ ὅρος обычно употребляется во множественном числе: ἡ ὅρων μετάθεσις [см.: Г. П. Беглери, *О терминах* ὅρος, ὁρίκ и ὅρια. (ВВ, т. X, 1903), стр. 610 и сл. Ср.: ὅρους στήσωμεν—Lavra, № 21_9 etc.]. Не следует ли и здесь читать τῶν ὅρων? Παράδοσις—технический термин, обозначающий передачу земельных владений: в грамоте от 1085 г. упоминается τὸ πρακτικὸν τῆς παραδόσεως, в котором были определены границы (ὅρια) между кельями (Lavra, № 40 $_{18-19}$; ср.: εἰς παράδοσιν τούτου — V. Mošin — A. Sovre, *Dodatki k grškim listinam Hilandarja*, Ljubljana, 1948, № 8_{17}). Смысл этих не вполне ясных слов нашей хроники состоит, видимо, в том, что Евфимий жалуется на незначительность переданного монастырю участка. Перевод П. Карлин-Хейтер (P. Karlin-Hayter, *Vita S. Euthymii*, p. 59):

„Согласно традициям горы [Афона]“—невозможен, так как в IX в. константинопольский монастырь не мог следовать традициям Афона.

[12] Πυλιατιxόν. В других источниках это название, насколько нам известно, не засвидетельствовано. Р. Жанен (R. Janin, *La géographie ecclésiastique...,* p. 122) читает ἐν τῷ Πολιτιxῷ.

[13] Διὰ χρυσοβούλλου δωρεᾶς. Хрисовул—торжественная императорская грамота, скрепленная золотой печатью с изображением императора [П. А. Яковенко, *Исследования в области византийских грамот* („Ученые записки Юрьевского ун-та“, 1917), стр. 64 и сл.; F. Dölger, *Byzantinische Diplomatik,* Ettal, 1956, S. 39 f., 82 f.] Ф.Дэльгер (F. Dölger, *Regesten...,* № 535) датировал этот хрисовул 896 г., так как исходил из неверной датировки смерти Зои Заутцы (гл. 8, прим. 7).

[14] Хроника Симеона Логофета ничего не сообщает о заговоре Александра, однако о нем упоминает Арефа в похвальном слове Евфимию: „Александр, хотя злоумышлял против него (Льва.—*А. К.*) и был схвачен, не подвергся за свои замыслы против брата большему наказанию, чем простое заключение под стражу“ (А. Пападопуло-Керамевс, *Сборник греческих и латинских памятников ...,* вып. 1, стр. 32_7). Тот же Арефа в слове, произнесенном 1 марта 901 г., говорил о недовольстве подданных Льва VI. в том числе знати: βραχεῖς γὰρ xαὶ ὅσοι xαλοxἀγϑίᾳ γνῳ., μῃς xοσμούμενο·—R. J. H. Jenkins. B. Laourdas, C. A. Mango, *Nine orations..*- p. 20_{98}) [Конъектура Ж. Даррузе J. Darrouzès, *Corrections à l'édition des Discours d'Aréthas* (BZ, Bd. XLVIII, 1955), p. 1]. Издатели (R. J. H. Jenkins, B. Laourdas, C. A. Mango, *Nine orations...,* p. 5) относят эти слова к заговору родственников Заутцы, но вряд ли стоило о нем вспоминать в 901 г.; скорее здесь имелся в виду загово Александра. Косвенным отражением недовольства знати правительством Льва VI является свидетельство о возбужденном 13 апреля 900ы деле против одного из идеологов византийской аристократии—Ареф Обвинителем выступал тесно связанный со Львом VI Николай Ксиломахерис; судьей был императорский мистик Николай, а также Евфимий и кизикский епископ Христофор; Арефе было предъявлено обвинение в безбожии (R. J. H. Jenkins, B. Laourdas, *Eight letters of Arethas on the fourth marriage of Leo the Wise,* „Ἑλληνιxά“, vol. XIV, 1956, p. 295_{26}, p. 331_{23}; ibid., p. 349).

[15] Ср.: Эфес. 4_{14}.

[16] См.: Матф., 7_2, Марк, 4_{24} и Лука, 6_{38}.

[17] Великий пост состоял из поста четыредесятницы и поста страстной недели, непосредственно предшествующей пасхе (ср.: гл. 2, прим. 9).

[18] Сырная (сыропустная, или сыроястная) неделя — последняя неделя перед четыредесятницей, иначе масляная неделя, или масленица. По церковным обычаям, воскресенье сыропустной недели посвящается подготовке к великому посту: монахи после совместной молитвы, попросив друг у друга прощения, по окончании вечерни часто расходились по своим кельям, а ворота обители запирались. По мнению де Боора, события, о которых здесь идет речь, происходили в 900 г. Сыропустное воскресенье 900 г. было 2 марта, а не 5 февраля, как ошибочно отмечает де Боор (VE, p. 30).

[19] Термином ὧραι, «часы», обозначается особый вид церковной службы, которая состоит из пения псалмов и иных молитвословий; третий час соответствует нашему десятому-двенадцатому часу дня, шестой — первому-третьему часу пополудни, девятый — четвертому-шестому часу дня.

[20] Студийский монастырь, игуменом которого был Аркадий, основан в память Иоанна Крестителя, которого называли Предтечей — предшественником Христа (A. van Millingen, *Byzantine Constantinople,* p. 265).

[21] См. об этом: P. Karlin-Hayter, *Vita S. Euthymii*, p. 63, n. 4.

[22] Гомилии — беседы (проповеди) священников в церкви, содержащие истолкование отдельных мест писания. Первое воскресенье четыредесятницы называлось также неделей православия: в этот день церковь отмечала торжество по случаю восстановления иконопочитания. Возможно, что гомилии Евфимия были посвящены этой теме.

[23] Это важно для установления личности автора нашей хроники. Следовательно, в 900 г. он был монахом Псамафийского монастыря.

[24] Епископия во Фригии.

[25] О часовне св. Николая см.: R. Janin, *La géographie ecclésiastique...*, p. 390.

[26] Арефа в «Похвальном слове Евфимию» называет Селевкию родиной своего героя (А. Пападопуло-Керамевс, *Сборник греческих и латинских памятников...*, вып. 1, стр. 27_{31}).

Глава 10

[1] Непреходящий церковный праздник благовещения отмечался 25 марта.

[2] При Феофиле (829—842) был последний подъем иконоборческого движения[G. Ostrogorsky, *Histtory...*, p. 186; Ch. Diehl, *La légende de l'empereur Theophile* («Seminarium Kondakovianum», vol. IV, 1931)]. Феофил закрывал монастыри, запрещал почитание икон, ограничивал культ святых. Церковная традиция относит ко времени Феофила ряд мученичеств.

[3] Симеоний (ниже он назван Симеоном) и Григорий Декаполит (умер в 842 г.) — церковные деятели времен Феофила. «Житие Григория Декаполита» издал Ф. Дворник (F. Dvornik, *La vie de S. Grégoire le Décapolite et les slaves macédoniens au IX-e siècle*, Paris, 1926). Григория называет родственником Евфимия Арефа (А. Пападопуло-Керамевс. *Сборник греческих и латинских памятников...*, вып. 1, стр. 28_{1}).

[4] Речь идет о мощах, точнее — о «голове Иоанна Крестителя».

[5] Димитрий — легендарный покровитель Фессалоники.

[6] Праздник ваий (буквально: «воскресенье пальмовых ветвей», на Руси — вербное воскресенье; по церковной терминологии — «вход господень во Иерусалим») — последнее воскресенье до пасхи.

[7] Πιγκέρνης — царский виночерпий, высокая придворная должность. В X в. пинкерн назначался из евнухов (R. Guilland, *Fonctions et dignitès...*, p. 188).

[8] Упоминание о благоприятном положении в Византии дает известные основания датировать события. В самом начале 900 г. (до апреля), как сообщает Табари, арабы потерпели серьезное поражение у сирийского города Адана, и правитель Тарса Абу Сабит был взят в плен (А. А. Васильев, *Византия и арабы*, стр. 119). Но уже в 901 г. арабы совершили удачное вторжение на византийскую территорию. Положение в Сицилии осталось благоприятным до лета 900 г., т. е. до того времени, когда там высадился Абу ал-Аббас — (А. А. Васильев, *Византия и арабы*, Приложение, стр. 72). Таким образом, эти события правильно было бы отнести к началу 900 г.

[9] Иначе говоря, пасха.

[10] См. об этом в хронике Логофета: «Император Лев короновал Анну, дочь Зои Заутцы, так как не мог без августы устраивать приемы (κλητόρια). Император выбрал девушку из фемы Опсикий (на западе Малой Азии.— *А. К.*), прекрасную собой, по имени Евдокия. Он женился на ней и короновал ее. Она родила ему мальчика, но сама она и ребенок умерли» (Theoph. Cont., p. 364_{14}). Имя этого умершего в младенчестве сына Льва VI и Евдокии было Василий (De cerim., p. 643_{19}).

Смерть Евдокии де Боор относит, определяя точную дату по упоминанию праздника пасхи, к 20 апреля 900 г. (так и R. Janin, *La géographie ecclésiastique...*, р. 309), так как о смерти Евдокии рассказывается прежде, чем о смерти патриарха Антония (12 февраля 901 г.). А. Грегуар и вслед за ним В. Грюмель (V. Grumel, *Chronologie...*, р. 18 sq.) обратили внимание на то, что о смерти Антония повествуется как о чем-то пропущенном, — значит, смерть Антония предшествовала смерти Евдокии. В. Грюмель датирует смерть Евдокии 12 апреля 901 г. Так как Евдокия царствовала лишь год, ее коронование следует отнести к весне или лету 900 г. Это вполне согласуется с приведенной выше датировкой смерти Зои Заутцы (рубеж 899 и 900 гг.), которая противоречила бы хронологии, принятой де Боором и Р. Жаненом. В то же время принятая В. Грюмелем дата с трудом может быть совмещена с характеристикой положения империи, какую дает Лев VI (см. выше, прим. 8).

Из письма Николая Мистика (Migne, PG, t. CXI, col. 197 D) мы узнаем, что незадолго до третьего брака Лев собирался выдать единственную дочь (Анну) за некоего франка, племянника принцессы Берты, т. е. за Луи Провансальского, будущего императора Людовика III Слепого (J. Gay, *L'Italie méridionale et l'empire byzantin*, Paris, 1904, р. 153 sq.). Ж. Гэй, исходя из принятой де Боором даты третьего брака Льва относит переговоры с Луи Провансальским к 898 г. (ср.: F. Dölger, *Regesten*, № 536). Ту же дату принимает и Г. Колиас [G. T. Kolias, Λόγοι καὶ χρόνος ἐκδόσεως τῆς Νεαρᾶς 109 Λέοντος G τοῦ Σοφοῦ, („Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν", τ. 23, 1953), σελ. 340 ἑξ] Брак Анны и Людовика состоялся около 901 г. [W. Ohnsorge, *Zur Frage der Töchter Kaiser Leons VI* (BZ, Bd. 51, 1958), S. 81].

В одной из константинопольских надписей, датируемых 906—911 гг. упомянута — рядом с императорами Львом, Александром и Константином — Анна [A. M. Schneider, *Mauern und Tore am Goldenen Horn zu Konstantinopel* («Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen», Phil.-hist. Kl., 1950, № 5), S. 98]. Г Колиас отождествил ее с дочерью Зои Заутцы (G. T. Kolias, Λόγοι καὶ χρόνος..., σελ. 344), однако В. Онзорге показал, что в надписи идет речь о другой Анне — дочери Зои Карбонопсиды (W. Ohnsorge, *Zur Frage der Töchter...*, S. 79).

[11] Монастырь св. Лазаря, основанный Василием I и реконструированный Львом VI, находился в восточной части Константинополя, недалеко от храма св. Софии и монастыря св. Георгия (Манганы) (R. Janin, *La géographie ecclésiastique...*, р. 309 sq.; R. J. H. Jenkins, B. Laourdas, C. A. Mango, *Nine orations...*, р. 10, n. 1). Мощи св. Лазаря были вывезены с Кипра и, по-видимому, 17 октября 901 г. помещены в монастыре (ibid., р. 8). Необоснованной следует считать попытку Р. Доллей [R. H. Dolley, *The historical significance of the translation of st. Lazarus from Kypros to Byzantion* (Byz., vol. XIX, 1949)] датировать перенос мощей 912 г. и в связи с этим пересмотреть хронологию событий начала X в.

[12] Церковь св. Апостолов находилась на Месе, главной улице Константинополя, недалеко от стены Константина (A. van Millingen, *Byzantine Constantinople*, р. 29). Константин Багрянородный (De cerim., р. 643_{14-15}) упоминает, что Евдокия Вайана, третья жена Льва VI, была похоронена в храме св. Апостолов; здесь же находились саркофаги Феофано и Зои Заутцы.

[13] I Коринф., 14_3.

[14] Εἰς τοῦ Ἀγαθοῦ. Де Боор (VE, р. 34) предлагает конъектуру εἰς τὴν τοῦ Ἀγαθοῦ (в соответствии с VE, р. 36_4), т. е. в монастырь Агафов, но эта конъектура необоснованна, так как чтение εἰς τοῦ Ἀγαθοῦ засвидетельствовано другими источниками (Theoph. Cont., р. $716_{1 \text{ и } 6}$),

кроме того, естественно было бы ожидать εἰς τὸ τοῦ 'Αγαθοῦ, т. е. в проастий, ибо проастием Агафов назван еще в гл. 16 (VE, p. 58₁₈).

[15] Μετὰ τὴν συνέλευσιν Может быть, "после соглашения"?

[16] В. Грюмель (V. Grumel, *Chronologie...*, p. 14, n. 2) читает «Мапа Стилиан». Стилиан Мапа, архиепископ Неокесарийский, был одним из наиболее ожесточенных противников Фотия. Ср. перевод П. Карлин-Хейтер (P. Karlin-Hayter, *Vita S. Euthymii*, p. 71), где соответствующее место передано так: «После примирения с Мапой, т. е. со Стилианом неокесарийским» (ср.: ibid., p. 168 f.).

[17] Τῆς ἁπάσης ἐκκλησίας ἕνωσις. — Вопрос об упомянутом здесь «объединении всей церкви» недостаточно ясен. Так, неясно идет ли здесь речь об объединении западной и восточной церквей или об объединении боровшихся между собой фотиан и игнатиан. В пользу первого предположения можно было бы привести слова «философа и ритора» Никифора, который в «Житии Антония Кавлея» (А. Пападопуло-Керамевс, *Сборник греческих и латинских памятников...*, вып. 1, стр. 14₈)) писал, что император «через него (Антония) соединил Восток и Запад». Исходя из этого, мы могли бы считать, что в период второго патриаршества Фотия отношения между константинопольской церковью и папским престолом были напряженными, возможно, даже доходившими до разрыва (до второй схизмы), и этот разрыв был ликвидирован при Антонии Кавлее. О напряженности отношений между обеими церквами в это время свидетельствует и недавно изданное послание папы Стефана V императору Василию I (гл. 2, прим. 20).

Однако против этого традиционного представления о второй схизме при Фотии выступил Ф. Дворник, который старался доказать, что второй схизмы не было, что отношения между церквами в период второго патриаршества Фотия оставались дружественными и что, следовательно, при Антонии Кавлее не могло быть примирения константинопольского патриарха с римским папой; по мнению Ф. Дворника, тогда был созван лишь константинопольский поместный собор, оформивший примирение фотиан и игнатиан, во главе которых стоял Стилиан Мапа (F. Dvornik, *The Photian schism*, p. 252—271).

Следует отметить искусственность в истолковании Ф. Дворником прямого свидетельства жития Антония Кавлея; к тому же его выводам противоречит и послание папы Стефана V. Несомненно, при патриархе Антонии произошло примирение игнатиан и фотиан, — об этом упоминает (как о факте недавнем) Арефа в речах, произнесенных в 901—902 гг. На основании этого Р. Дженкинз (R. J. H. Jenkins, B. Laourdas C. A. Mango, *Nine orations...*, p. 4) датировал установление мира в церкви 900—901 гг. Вместе с тем вопрос о примирении вышел за пределы византийской церкви: между папой Иоанном IX (898—900) и Стилианом Мапой шла переписка по этому вопросу (J. D. Mansi, *Sacrorum consiliorum collectio*, t. XVI, p. 455 sq.; ср.: V. Grumel, *Les regestes*.., № 596), Возможно, что эту переписку и имеет в виду наш автор. Об объединении церквей при Льве VI упоминает также De cerim. (p. 739₁₂).

Другая трудность, связанная с этой проблемой, состоит в том, что «Клиторологий» Филофея (J. B. Bury, *The imperial administrative system...*, p. 155₃₅), составленный в 899 г., упоминает о приезде в Константинополь папских легатов: епископа Николая и кардинала Иоанна. П. Маас [P. Maas, *Der Interpolator des Philotheos* (BZ, Bd. XXXIV, 1934), S. 258f.) считал это место «Клиторология» интерполяцией и полагал, что здесь имеется в виду константинопольский собор, состоявшийся в феврале 907 г.) гл. 13, прим. 19). В Грюмель (V. Grumel, *Chronologie...*, p. 13 sq.), полемизируя с П. Маасом, датировал «Объединение церквей» 899 г. и связывали именно с ним соответствующее место «Клиторология».

Таким образом, мы можем считать, что примирение фотиан и игнатиан состоялось в 899 г., что игнатианин Стилиан Мапа получил предварительно согласие папского престола и что, следовательно, это событие можно рассматривать и как примирение фотиан с папством. При этом следует отметить, что именно с этого времени укрепляются политические позиции фотиан (гл. 2, прим. 25).

[18] Согласно патриаршему каталогу Фишера (F. Fischer, *De patriarcharum Constantinopolitanarum catalogis*, p. 292_{16}) это произошло в неделю православия (об этом дне см.: гл. 9, прим. 22), которая в 901 г. приходилась на 1 марта. Сохранилась речь Арефы по поводу избрания Николая патриархом (R. J. H. Jenkins, B. Laourdas, C. A. Mango, *Nine orations...*, p. 17—20), из которой следует, что Николай неохотно принял бразды правления, опасаясь смут в церкви; Арефа называет его „разумнейшим стражем мира" (ibid., p. 18_{27}) и всячески превозносит.

По известию патриарших каталогов, Николай пробыл патриархом шесть лет и был низложен, следовательно, в 907 г. (в феврале, как сообщают хронисты). Далее каталог Фишера свидетельствует, что Николай был восстановлен через пять лет и четыре месяца; действительно, это произошло в мае 912 г. (гл. 18, прим. 5).

В этой связи следует обратиться к посланию Николая Мистика, адресованному римскому папе [по-видимому, Иоанну X (914—929)]. В этом послании (V. Grumel, *Les regestes...*, № 671) Николай просит прислать папских легатов, чтобы «они вместе с нами окончательно осудили мерзость четвертого брака» (Migne, PG. t. CXI, col. 257 B). Это письмо было написано, следовательно, накануне собора 920 г. В этом письме Николай также говорит: «Вот уже девятнадцатый год [χρόνος ἔννατος (καὶ δέκατος — конъектура, так как чтение «девятый» невозможно: в 910 г. Николай еще не был восстановлен)], как мы по ведомым господу причинам были поставлены во главе церкви, откуда затем нас несправедливо изгнали» (Migne, PG, t. CXI, col. 257 A). Если наша конъектура верна, то в 920 г. исполнилось девятнадцать лет со дня избрания Николая патриархом. Следовательно, он действительно был избран в 901 г.

Все это вместе взятое позволяет считать дату смерти Антония и избрания Николая твердо установленной. С. Рэнсимен (S. Runciman, *The emperor Romanus Lecapenus...*, p. 42) датирует избрание Николая 902 г., но это, видимо, опечатка. Р. Браунинг [R. Browning, *The correspondance of a tenth-century byzantine scholar* (Byz., vol. XXIV, 1954), p. 432] относит избрание Николая к 895 г.

Глава 11

О храме св. Мокия см.: гл. 3, прим. 6. Описание торжественной процессии к храму св. Мокия в день преполовения пятидесятницы мы находим у Константина Багрянородного (De cerim., p. 98 sq.). Войдя в притвор, император поднимался через катихумении притвора, διὰ τῶν κατηχουμενίων τοῦ νάρθηκος (De cerim., p. 100_{20}. Об этом термине см. прим. 4) в отведенное для него помещение (китон). Когда приготовления к церемонии были закончены, он снова через катихумении спускался вниз и встречал патриарха. После молитвы «император, взяв за руку патриарха, проходил через неф (центральное помещение храма) и с правой стороны амвона (площадка, на которой во время службы помещались диаконы, чтецы и певцы) входил на солею (прим. 2). Когда они доходили до святых врат (τῶν ἁγίων θυρῶν — в русских церквах они называются «царскими вратами», см.: гл. 12, прим. 5), патриарх вступал в алтарь, император же, помолившись и отдав свечи препозиту — придворному из числа евнухов (см.: J. B. Bury, *The imperial administra-*

tive system..., p. 123 f.), следовал за ним» (De cerim., p. 102_{20}). Рассказ «Псамафийской хроники» полностью соответствует описанию этой процессии у Константина Багрянородного.

[2] Солея — площадка в церкви, которая непосредственно примыкала к алтарю; на ней во время службы находились высокопоставленные лица, не имевшие доступа в алтарь, а также низшие клирики. Рядом с солеей (на одну или две ступени ниже ее) помещался амвон. По словам Симеона Логофета, Лев VI находился в этот момент «вблизи от солеи» (Theoph. Cont., p. 861_{10}).

[3] Οἱ τοῦ ἱεροῦ βήματος — имеется в виду окружение патриарха.

[4] Катихумении — галерея вдоль боковых стен церкви, а иногда (как это было в храме св. Мокия) и вдоль западной стены, напротив алтаря (катихумении притвора). Катихумении обычно находились на возвышении, и подниматься туда нужно было по лестнице: поэтому они назывались также ὑπερῷα „верхние“ (Jus, vol. III, p. 171_3). На катихумениях храма св Софии происходили церковные соборы (R. Janin, *La géographie ecclésiastique...*, p. 476 sq.).

[5] Петрион — регион (район) в Константинополе, на берегу Золотого Рога, вокруг „замка Петриона“, названного так в честь патрикия Петра, крупного вельможи времен Юстиниана I (527—565) (A. van Millingen, *Byzantine Constantinople*, p. 206). Р. Жанен [R. Janin, *Le Petrion de Constantinople* (EO, vol. XXVI, 1937), p. 49] предполагает, что здесь находился перестроенный при Василии I дворец, в котором и проводил время Лев VI В Петрионе сохранилась надпись с упоминанием имен императоров Льва и Александра [C. Mango, *The byzantine inscriptions of Constantinople* («American journal of archaeology», vol. 55, 1951), p. 57]. Это место можно перевести и иначе: «император благополучно достиг Петриона» (P. Karlin-Hayter, *Vita S. Euthymii*, p. 73).

[6] Хроника Симеона Логофета сообщает об этом следующее: «В день преполовения пятидесятницы император совершил торжественное шествие к св. Мокию. Когда он, войдя в храм, находился вблизи от святых врат, некто, быстро сойдя с амвона, ударил его толстой и крепкой палкой по голове. Он бы тут и умер, если бы конец палки по какой-то причине не задел за поликандила, ослабив удар. Когда из головы императора хлынула кровь, начался переполох, и вельможи обратились в бегство. Брат же его Александр, объявив себя больным, не участвовал в шествии, почему и подозревали его в создании этого заговора. Совершивший покушение на императора был схвачен и подвергнут многочисленным пыткам, так как он не назвал ни одного соучастника; под конец ему отсекли руки и ноги и сожгли его на ипподроме. С той поры это шествие отменили.

Некоторое время спустя мудрейший монах Марк, эконом этой церкви, который в великую субботу закончил тетраодий великому Косьме, находясь за трапезой у императора, попросил, чтобы не отменяли это шествие. Когда император отказал, Марк молвил: — Не гневайся и не сердись, государь, коли скажу тебе то, что давно было написано пророком Давидом. Он ведь предсказал: «Все разрушил враг в святилище твоем, и похвалялись ненавидящие тебя в праздник твой» (Псал., 73_{3-4}). Должен ты обладать царством еще в течение 10 лет. Так и произошло: по прошествии десяти лет он умер в тот самый день, когда был ранен» [ἐν ᾗ καὶ ἐπλήγη (Theoph. Cont., p. 365_8)].

Это известие дает основание для определения даты покушения. Лев умер 11 мая 912 г.: естественно было бы ожидать, что покушение произошло в 902 г. Однако возникала трудность, отмеченная де Боором (VE, p. 111): преполовение пятидесятницы в 902 г. приходилось не на 11 мая, а на 21 апреля, тогда как в 903 г. оно действительно имело

место 11 мая. Эту трудность разрешил В. Грюмель (V. Grumel, *Chronologie...*, p. 40 sq.), который показал, что от 903 г. до 912 г. — по византийскому методу счета — прошло десять лет: восемь полных и два неполных. Поэтому он датировал покушение в храме св. Мокия 11 мая 903 г.

Против В. Грюмеля выступил Р. Доллей [R. H. Dolley, *The date of the St. Mokios attempt on the life of the emperor Leon VI* («Mélanges H. Grégoire», vol. II, Bruxelles, 1950), который предложил — вопреки прямому смыслу слов Симеона Логофета — считать десятилетний срок не от покушения, а от беседы императора с экономом Марком; в соответствии с этим он датировал покушение 21 апреля 902 г. С хронологией Р. Доллея трудно согласиться (ср.: R. J. H. Jenkins, B. Laourdas, C. A. Mango, *Nine orations...*, p. 17). Следует обратить внимание и на то, что хроника Логофета сразу же после рассказа о покушении на императора переходит к событиям в Фессалонике в 904 г.

[7] Определение даты восстания Андроника Дуки чрезвычайно затруднительно, так как в наших источниках мы находим противоречивые сообщения об этом. Согласно «Псамафийской хронике» мятеж Андроника завершился еще до низложения патриарха Николая, ибо автор ее вкладывает в уста императора следующие обращенные к патриарху слова: «Уж не презираешь ли ты нас, ожидая из Сирийской земли мятежника Дуку?» (VE, p. 41_6). Иначе говоря, по этой версии к началу 907 г. Дука уже находился у арабов. К тому же анонимный автор рассказывает о восстании Дуки раньше, чем о крещении Константина, сына Льва VI, которое имело место 6 января 906 г. (прим. 14).

Иную версию передает арабский историк Табари; по его словам, Андроник, бежав в Кавалу (близ Конии) и вооружив двести мусульманских пленников, начал переговоры с арабским военачальником Рустамом, который в феврале или марте 907 г. пришел на помощь осажденному Андронику. Византийские войска отступили, и Дука перешел на сторону арабов, приняв ислам. По словам Табари, он прибыл в Багдад в 294 г. хиджры, т. е. между 22 октября 906 и 11 октября 907 г.

Дата, которую мы находим у Табари, прекрасно подтверждается известием Симеона Логофета, который рассказывает, что Андроник перебежал к арабам сразу же после изгнания Николая из церкви (прим. 10), а это имело место в феврале 907 г.

К. де Боор в комментарии к «Псамафийской хронике» (VE, S. 118 f). отдал предпочтение первой версии и датировал начало восстания Андроника концом лета 904 г. Наоборот, А. А. Васильев (*Византия и арабы*, стр. 157 и сл.), следуя арабскому источнику, датировал восстание Дуки 906—907 гг.

Большинство византинистов последовало за де Боором. Ф. Дэльгер (F. Dölger, *Regesten...* № 546) без какой-либо дополнительной аргументации отнес бегство Андроника к арабам к началу 905 г., высказав к тому же гипотезу (впрочем, не опирающемуся на источники), что Лев Хиросфакт около 906 г. передал в Багдаде Андронику письма Льва VI [ср. также V. Grumel, *La révolte d'Andronic Doux sous Léon VI* (EO, vol. XXXVI, 1937, p. 202 sq.); L. Bréhier, *Le monde byzantin,* vol. I, Paris, 1947, p. 144, n. 8)].

Детально исследовал эти события Р. Дженкинз (R. J. H. Jenkins, *The «flight» of Samonas*, p. 224 f.); он связывает восстание Андроника с аристократической оппозицией Льву VI и полагает, что Андроник действовал совместно с Евстафием Аргиром, который в 902 г. сдал арабам сицилийский город Таормину; союзником Евстафия и Андроника он считал Николая Мистика, который в том же 902 г. пытался защищать Евстафия Аргира от предъявленного ему обвинения в измене. В соот-

ветствии с этим Р. Дженкинз стремится максимально приблизить восстание Андроника ко времени измены Евстафия и поэтому датирует это восстание вслед за де Бооом 904 г.

Основной тезис Р. Дженкинза о наличии аристократической оппозиции, несомненно, правилен [ср. также: А. П. Каждан, *Из истории политической борьбы в Византии в начале X века* („Ученые записки Тульского пед. ин-та", вып. 3, 1952), стр. 197 и сл.], однако предложенная им хронология событий порождает ряд противоречий. Самый факт предательства Евстафия в Таормине был недавно поставлен под сомнение [R. H. Dolley, *The lord high admiral Eustrathius Argyros and the betrayal of Taormina to the African arabs in 902* («Studi bizantini e neoellenici»), vol. VII, 1953]. Далее Р. Дженкинз относит бегство Самоны, предшествовавшее восстанию Андроника (прим. 12), ко времени до захвата Фессалоники арабами в июле 904 г., тогда как хроника Логофета повествует о событиях в обратной последовательности; он не учитывает также, что Логофет рассказывает о мятеже Дуки после известия о рождении Константина Багрянородного (Theoph. Cont., p. 370_8), а он родился 17 или 18 мая 905 г. Наконец этой датировке противоречит свидетельство арабских авторов о том, что в ноябре—декабре 904 г. Андроник одержал победу над арабами в битве у Мараша (А. А. Васильев, *Византия и арабы*, стр. 154); эту победу Арефа в письме к дамасскому эмиру называет в числе наиболее крупных успехов византийских войск: по его словам — несомненно, содержавшим преувеличение, — арабы потеряли 18 тыс. человек: ἀλλὰ καὶ ὁ 'Ανδρόνικος, ὅ τε εἰς τὰ μέρη τῆς Ταρσοῦ δεκαοκτὼ χιλιάδας εἰς ἕνα τόπον ἀπεκεφάλισεν — Рукопись ГИМ, № 315, л. 99-об., стк. 26; см. перевод: Н. П. Попов, *Император Лев VI Мудрый*, стр. 302.

Впрочем, использование этого письма затрудняется тем обстоятельством, что в его надписании мы читаем: «Дамасскому эмиру по поручению Романа императора ('Ρωμανοῦ βασιλέως)». Это дало основание считать, что послание дамасскому эмиру было написано уже при Романе Лакапине, по мнению А. Абеля, даже в конце его правления. В соответствии с этим А. Абель приходит к выводу, что автором послания был не Арефа, тогда как А. Грегуар считает, что Андроник, упомянутый в послании, не имеет ничего общего с Андроником Дукой [A. Abel, *Le lettre polémique d'Aréthas à l'émir de Damas* (Byz., vol. XXIV, 1954 (1956), p. 343].

Однако все эти гиперкритические построения вряд ли обоснованы: автор говорит не только о победе Андроника, но и о победе Имерия, имевшей место также в начале X в. (прим. 12), и если это послание было написано в конце правления Романа Лакапина, можно было бы найти более убедительные и более близкие к этому времени примеры: нельзя забывать, что Имерий вскоре после победы потерпел от арабов сокрушительный разгром в начале 912 г., впал в немилость и был сослан в монастырь (гл. 17, прим. 1). Следовательно, позднее 912 г. византийский автор в полемическом послании к арабскому правителю не стал бы ссылаться на победу Имерия как на пример торжества византийского оружия — тем более, что при Романе Лакапине византийцы не раз одерживали победы над своими восточными соседями. Исходя из того, что документ был написан до 912 г., необходимо в надписание внести конъектуру: вместо «Романа императора» нужно читать «императора ромеев» ('Ρωμαίων βασιλέως).

А. Абель пользовался недоступным для нас изданием этого послания: J. Compernass, *Denkmäler der griechischen Volkssprache,* Bonn, 1913, S. 1—9.

Некоторые коррективы в датировку де Боора — Ф. Дэльгера — Р. Дженкинза внес М. Канар, который, также отдавая предпочтение

Письмо Арефы к дамасскому эмиру

(из греческой рукописи № 315, хранящейся в Государственном Историческом музее)

«Псамафийской хронике», отнес начало восстания Андроника к осени 905 г., а поход Рустама датировал мартом 906 г. При этом он высказал предположение, что именно восстание Андроника было причиной прекращения обмена пленниками, который начался в **905 г.**, [M. Canard, *Deux episodes der relations diplomatiques arabo-byzantines au X*[e] *siècle* («Institut français de Damas. Bulletin d'études orientales», t. XIII, 1951), p. 60, n. 1].

Датировка М. Канара снимает, таким образом, те противоречия, которые порождались датировкой де Боора и его последователей; однако она не снимает самого главного возражения. Действительно, де Боор отвергает версию хроники Логофета и Табари, несмотря на то что эти два совершенно независимых друг от друга источника дают точно (до месяца) совпадающую дату. Не будет ли более естественным, отвергнув версию «Псамафийской хроники», принять датировку Логофета и Табари, сторонником которой был А. А. Васильев? Мы знаем, что автор «Псамафийской хроники» иной раз нарушал хронологическую последовательность — видимо, с тенденциозными целями (гл. 7, прим. 13). Возможно, что с подобным искажением мы имеем дело и в данном случае. Датировка А. А. Васильева позволяет нам лучше понять связь между восстанием Андроника Дуки и политической деятельностью Николая Мистика в 906—907 гг., о чем подробно рассказывается в «Псамафийской хронике» (А. П. Каждан, *Из истории политической борьбы...*, стр. 202 и сл.).

В своей более поздней работе Р. Дженкинз также склонялся к тому, чтобы датировать восстание Андроника 906—907 гг., хотя он и отвергал связь между этим восстанием и деятельностью патриарха Николая (R. J. H. Jenkins, B. Laourdas, *Eight letters...*, p. 347).

[8] Имеются в виду арабы. См. предыдущее примечание.

[9] Питтакий — грамота, послание.

[10] Н. П. Попов (*Император Лев VI Мудрый*, стр. 101 и сл.) считает письмо подложным. Однако и хроника Логофета знает о связях между Андроником и Николаем: «Андроник, как только узнал, что Николай изгнан из церкви, со всеми своими перебежал к агарянам, которые тогда выступили против ромеев» (Theoph. Cont., p. 372_{17}). Подлинность питтакия Николая признает и В. Грюмель [V. Grumel, *Les regestes...*, № 601; ср. также: M. Mitard, *Le pouvoir impérial au temps de Léon VI le Sage* («Mélanges Ch. Diehl», vol. I, Paris, 1930), p. 220].

[11] Август — официальный титул византийского императора.

[12] Хроника Логофета рассказывает о бегстве Самоны, который под предлогом посещения монастыря Даматри направился к восточным границам империи, но был задержан сыном Андроника Константином Дукой (Theoph. Cont., p. 369_5). Обстоятельства этого бегства недостаточно ясны; **Р. Дженкинз** (R. J. H. Jenkins, *The «flight» of Samonas*, p. 226 f.) выдвинул гипотезу о том, что бегство это было мнимым и что Самона хотел проникнуть в арабские владения в качестве тайного эмиссара Льва VI. Во всяком случае, после возвращения в Константинополь Самона вскоре вернул себе влиятельное положение при императоре. Дата бегства Самоны определяется исследователями по-разному: де Боор (VE, S. 122) относит его к 903 г., Р. Дженкинз (R. J. H. Jenkins, *The «flight» of Samonas*, p. 227, n. 63) — к июлю 904 г. Следует учитывать, что хроника Логофета сообщает об этом событии между известием о падении Фессалоники (Солуни) (июль 904 г.) и рассказом о рождении Константина Багрянородного (май 905 г.); далее, Самона принимал активное участие в процедуре крещения наследника престола (Theoph. Cont., p. 370_{14}) 6 января 906 г. Так как перед этим он пробыл четыре месяца в заточении (ibid., p. 370_6), его бегство могло произойти не позднее первой половины 905 г.

В свете этих событий становится понятной ненависть Самоны к Дукам: хронисты называют его „неумолимым врагом Андроника“ (Theoph. Cont., p. 371_{23}) и считают, что именно из-за его интриг Андроник не принял участия в битве с арабами, закончившейся победой византийского войска под командованием Имерия. А. А. Васильев (*Византия и арабы*, стр. 160) относит эту битву к 6 октября 906 г.; В. Грюмель [V. Grumel, *Notes chronologiques* (EO, vol. XXXVI, 1937), p. 202 sq.] и Г Острогорский (G. Ostrogorsky, *History*..., p. 229) — к 908 г., а Р. Дженкинз (R. J. H. Jenkins, *The «flight» of Samons,* p. 229f., 235), вопреки указанию хроники („в день св. апостола Фомы“ — Theoph. Cont., p. 372_{8}, т. е. 6 октября; впрочем, память апостола Фомы отмечалась также 30 июня), датировал успехи Имерия началом июля 904 г.

Справедливость датировки А. Васильева подтверждается еще и следующим обстоятельством. Арефа говорит о морской победе Имерия в уже упомянутом послании к дамасскому эмиру (рукопись ГИМ № 315, л. 99-об., стк. 28); так как в этом послании идет речь и о победе Андроника Дуки в битве у Мараша, оно не могло быть написано после измены Андроника, поэтому 908 г. не может считаться датой победы Имерия.

[13] Греческое имя Δοῦξ соответствовало латинскому слову dux, что значит «вождь». Но, может быть, это место следует понимать проще: «достойные твоей славы» (P Karlin-Hayter, *Vita S. Euthymii*, p. 75).

[14] Патриарх Николай Мистик в 32-м письме говорит: «Едва только император потерял третью жену, как сошелся с четвертой» (Migne, PG, t. CXI, col. 196 C). Имя этой любовницы Льва VI было Зоя Карбонопсида (по Симеону Логофету Карбонопсина). Она происходила из знатной семьи: ее брат Феофан был основателем монастыря Мегалу Агру (De adm. imp., p. 98_{77}).

Византийская церковь осуждала не только четвертый, но и третий брак (J. Zhishman, *Das Eherecht der orientalischen Kirche,* Wien, 1864, S. 435 f.), и этот принцип был воспринят византийским правом: император Василий I в Прохироне (IV, 25) совершенно запретил четвертый брак и осудил третий, да и сам Лев VI установил в 90-й новелле, что вступающие в третий брак подлежат наказанию (Jus, vol. III, p. 186_{24}. Новое издание новелл Льва VI: P Noaille — A. Dain, *Les novelles de Léon VI le Sage,* Paris, 1944; см. о них H. Monnier, *Les novelles de Léon le Sage,* Bordeaux, 1923, p. 87 sq.; A. Spulber, *Les novelles de Léon le Sage,* Cernauti, 1934). Поэтому первое время Зоя оставалась невенчаной (Theoph. Cont., p. 366_{10}). В 905 г. 17 или 18 мая [см. V Grumel, *Une date historico-liturgique* (EO, vol. XXXVI, 1937), p. 63]; у нее родился сын, и патриарх Николай первое время отказывался крестить его. В 32-м письме он писал: „Угодно ведь всем епископам и священникам чтобы мы не крестили ребенка“ (Minge, PG, t. CXI, col. 197 A) Если верить Николаю, он согласился на крещение сына Зои, лишь получив обещание Льва, что после крещения тот удалит от себя Зою. Лев. однако, не сделал этого и, наоборот, стал добиваться, чтобы над ним и Зоей было совершено церковное венчание.

Крещение Константина состоялось 6 января 906 г. Автор нашей хроники рассказывает о нем позже, чем о мятеже Андроника Дуки. Таким образом, он либо допускает хронологическую ошибку (мы могли бы даже предположить наличие определенной тенденции, как в истории с Гуцуниатом), либо же совершает несколько неудачный экскурс в прошлое.

В посланиях, написанных после собора 920 г., Николай Мистик неоднократно говорил, что начало смуты из-за четвертого брака было за 15 лет до этого собора (Migne, PG, t. CXI, col. 248 B, 253 A, 256 A), т. е. примерно в 905 г.

[15] Видный церковный деятель начала X в. митрополит Лаодикии.

[16] Имеется в виду Новая церковь (R. Janin, *La géographie ecclésiastique*..., p. 374 sq.), день обновления которой справлялся 1 мая.

[17] Более ясен рассказ хроники Логофета: «Император Лев был обвенчан с Зоей некиим пресвитером Фомой, который за это был отрешен; Лев объявил ее императрицей. В наказание патриарх воспретил императору совершать вход во храм, и он проходил с правой стороны здания в митаторий» [(Theoph. Cont., p. 370_{16}); (см. об этом гл. 12; о митатории — гл. 12, прим. 6)]. Следовательно, Николай Мистик наложил на императора эпитимью, запретив ему торжественную процессию «входа во храм». Подробное описание этой процессии мы находим у Константина Багрянородного (De cerim. p. 14—15) там рассказывается, что патриарх встречал императора в дверях притвора, император же, сняв венец, отвешивал земной поклон перед Евангелием, вынесенным архидиаконом, а затем, поздоровавшись с патриархом, шел вместе с ним до «царских врат» (гл. 12, прим. 5). Когда император вступал в храм, зажигались свечи; наконец, после молитвы патриарха император вместе с ним проходил в алтарь.

По-видимому, церковное наказание не ограничилось только частичной эпитимьей: по свидетельству „Тома единения", составленного в 920 г., „патриарх Николай и митрополиты отлучили (ἀφορίζουσι) императора от церкви" (Jus, vol. III, p. 227_{13}).

Так как Николай Мистик в 32-м письме (Migne, PG, t. CXI, col. 201 A) писал, что римские послы прибыли восемь или девять месяцев спустя после женитьбы императора (μετὰ μῆνα ὄγδοον ἢ ἔννατον τῆς συναφείας τῆς γυναικός), а их прибытие должно быть отнесено приблизительно к февралю 907 г. (гл. 13, прим. 19—20), то женитьба Льва состоялась, видимо, в июне или июле 906 г.

[18] День преображения господня — церковный праздник, который отмечали 6 августа. Таким образом, на первых порах Николай Мистик стоял за скорейшую ликвидацию конфликта: наложив эпитимью в июне или июле, он готов был отпустить грехи Льва уже в начале августа. Обновление Новой церкви праздновалось 1 мая: из контекста видно, что оно должно наступить после преображения, т. е. имеется в виду 1 мая 907 г.

[19] Συγκατέθετο ἀνυπερθέτως ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ τοῦτον εἰσδέξεσθαι — Н. П. Попов („*Император Лев VI Мудрый*", стр. 119) переводит: „невозбранно принимал". Этот перевод неточен как с филологической, так и с логической точки зрения. Ἀνυπερθέτως имеет прежде всего временное значение: „немедленно" (without delay—H. G. Liddle—R. Scott, *A Greek—English lexicon*, s. v.); инфинитив аориста εἰσδέξεσθαι следует переводить совершенным видом. Лев, как мы увидим дальше, не был допущен в церковь, Н. Попов противоречит себе, когда пишет: „Однако Лев отказался воспользоваться этим предложением".

[20] Несколько иначе изложены события в 32-м письме Николая Мистика. По его словам, он предложил императору: «Пусть эта женщина живет пока отдельно от твоей царственности, а тем временем пусть будут приглашены послы из древнего Рима и от других патриарших престолов» (Migne, PG, t. CXI, col. 200 D). Однако Лев обвенчался с Зоей, не дожидаясь послов, после чего патриарх подверг его эпитимье.

[21] Один из виднейших церковных деятелей IV в. (K. Hoss, *Studien über das Schrifttum und die Theologie des Athanasius*, Freiburg i. B., 1899). Р. Дженкинз (R. J. H. Jenkins, B. Laourdas, *Eight letters*..., p. 368) предполагает, что Николай ссылался не на Афанасия, а на Дионисия Александрийского.

Глава 12

[1] Καθοσίωσις — технический термин, соответствующий латинскому crimen laesae majestatis.

[2] Игра слов: по-гречески Θεοφύλακτος — хранимый богом, Ἀφύλακτος — незащищенный.

В «Псамафийской хронике» дважды рассказывается о том, что императору становится известно о связях Николая с Андроником Дукой (см. гл. 11). По мнению анонимного автора, в первом случае Николай, напуганный, начинает во всем содействовать императору и готов даже разрешить ему вход в церковь; во втором же — всеми силами противодействует допущению императора во храм. Так как последовательность событий, изложенных в «Псамафийской хронике», отличается от той, какую мы восстанавливаем на основании арабских источников, хроники Логофета и других памятников, то следует скорее всего признать, что автор «Псамафийской хроники» допустил удвоение сюжета.

На самом деле события развивались следующим образом. В начале 906 г. Николай Мистик не стремился к обострению отношений со Львом VI, поэтому он крестил его сына и готов был довольно либерально отнестись к его браку. Так продолжалось до осени 906 г. — первое столкновение произошло только в декабре 906 г. (прим. 4). Изменение позиции Николая Мистика было обусловлено тем, что осенью 906 г. начался мятеж Андроника Дуки: продление церковного наказания Льва и было одним из проявлений той поддержки, которую патриарх обещал осажденному в Кавале Дуке. В этот момент явился от Дуки перебежчик (τὶς τῶν ἀπὸ τοῦ Δουκὸς πρόσφυξ), который и принес письма Николая. О них-то и сообщил Николаю спальник Феофилакт.

Иначе рассматривает поведение Николая Мистика Р. Дженкинз. По его мнению, Николай до 6 января 907 г. искренне стремился снять эпитимью с императора, однако сопротивление митрополитов препятствовало этому. Наконец, отчаявшись, Николай стал осуществлять ту политику, которую навязали ему митрополиты (R. J. H. Jenkins, B. Laourdas, *Eight letters...*, p. 334, 336 f., 340). Основную роль в мятеже Андроника играли представители провинциальной феодальной знати; Николай Мистик и Лев Хиросфакт, поддерживавшие Андроника и сосланные после мятежа, также защищали интересы этих кругов. Вместе с тем провинциальная аристократия пыталась заигрывать с константинопольским плебсом (А. П. Каждан, *Из истории политической борьбы...*, стр. 201 и сл.).

[3] Οἰκονομεῖν. Прямое значение этого глагола: „управлять, распоряжаться", но начиная с сочинений отцов церкви слово οἰκονομία используется для обозначения деятельности Христа на земле и становится синонимом слова πρόνοια „провидение, попечение, забота" (ср.: P. Karlin-Hayter, *Vita S. Euthymii*, p. 77, n. 1).

[4] Церковный праздник рождества Христова отмечался 25 декабря. Эти события произошли 25 декабря 906 г.

[5] В Византии X в. «царскими вратами» назывались центральные двери из нартекса (притвора) в самый храм, тогда как в русских церквах «царскими вратами» называются центральные двери в иконостасе.

[6] Лев должен был пройти в митаторий — пристройку на южной стороне церкви св. Софии, где обычно императоры отдыхали после службы (J. Labarte, *Le Palais impérial de Constantinople*, Paris, 1861, p. 29). Он проходил туда не через храм, доступ в который был ему запрещен, а через специальное сооружение у южной части церкви св. Софии, так называемый св. Кладезь (Д. Ф. Беляев, *Byzantina*, т. II, стр. 128 и сл.).

[7] Праздник богоявления отмечался 6 января. В хронике идет речь о событиях 6 января 907 г.

[8] Праздник богоявления (иначе крещения) церковь отмечала в память о легендарном крещении Христа; обряд освящения воды (водосвятия) в навечерие перед праздником занимал в его ритуале важное место.

[9] Арефа — крупный церковный и политический деятель начала X столетия, писатель и собиратель древних рукописей [S. B. Kugeas, ʻΟ Καισαρείας ʼΑρέθας. ʼΑθήνησιν. 1913; М. А. Шангин, *Византийские политические деятели первой половины X в.* („Византийский сборник", М.—Л. 1945), стр. 233 и сл.].

Даты рождения и смерти Арефы до сих пор еще не выяснены. Для определения года рождения Арефы первостепенное значение имеет его защитительная речь [М. А. Шангин, *Письма Арефы — новый источник о политических событиях 931—934 гг.* (ВВ, т. I, 1947), стр. 250 и сл.], которую он написал в возрасте 73 лет (стк. 13). М. А. Шангин связал описанные в защитительной речи события с восстанием славян в Пелопоннесе и датировал их 934—935 г. Не ставя сейчас вопроса о правомерности такого отождествления, отметим только, что в новейшей литературе встречаются и другие датировки восстания пелопоннесских славян. Р. Дженкинз, опираясь на данные «Хроники Галаксиди» и «Жития Петра Аргивского» (впрочем, недостаточно определенные), датировал это восстание 921—922 гг. [R. J. H. Jenkins, *The date of the slav revolt in Peloponnese* («Studies in honour of A. M. Friend», Princeton, 1955), p. 206;] Б. Ферьянчич [Б. Ферјанчиħ, *О упаду склависиjана на Пелопонез за време Романа Лакапина* («Зброник радова САН», т. 44, кн. 3, 1955) стр. 46—47] считает, что этих событий не могло быть в 20-е годы, относит их примерно к 930 г., опираясь на «Житие Арсения», митрополита Корфу.

Для решения этого вопроса можно еще привлечь недавно изданное послание Арефы к императорскому секретарю Стефану, где Арефа говорит, что он уже находится на пороге старости (ἐπὶ γήρως οὐδῷ βεβηκώς) (R. J. H. Jenkins, B. Laourdas, *Eight letters*..., p. 325_{28}).

Это послание Р. Дженкинз (ibid., p. 366) датирует концом 906 г.; если же считать, что в письме содержится намек на ссылку Арефы (ibid., p. 324_{1}), ускользнувший от внимания Р. Дженкинза, его придется датировать 907 г. Если принять вслед за М. А. Шангиным, что Арефа родился в 861 г., ему в 906/907 г. было бы около 45 лет, и он вряд ли назвал бы себя стариком; поэтому естественнее было бы отнести год его рождения примерно на десять лет назад, что в общем и соответствует датировке С. Кугеаса — Р. Дженкинза, полученной на основании иных соображений.

Арефа прожил долгую жизнь: в 933 г он был сторонником избрания патриархом Феофилакта, сына Романа Лакапина (М. А. Шангин, *Письма Арефы*..., стр. 238). Возможно, что он был жив еще в 939 г. — скорее всего, по его поручению диакон Стилиан переписал рукопись Иоанна Златоуста (Paris. gr. 781), которая датирована этим годом.

Арефа был одним из ближайших учеников Фотия и, подобно последнему, одним из идеологов византийской аристократии. Вслед за Фотием он проводил разграничение между «справедливой» царской властью и тиранией (R. J. H. Jenkins, B. Laourdas, *Eight letters*.., p. 305_{11}); он осуждал роскошь двора Василия I [J. Bidez, *Arethas de Césarée, éditeur et scholiaste* (Byz., vol. IX, 1934). p. 402], высмеивал Стилиана Заутцу [E. Maass, *Observationes palaeographicae* («Mélanges Graux», Pa 1884), p. 761].

По-видимому, именно эти аристократические симпатии Арефы вызвали недовольство правительства Льва в начале 900 г., когда Арефа был вынужден предстать перед судом. Однако после раскрытия заговора родственников Заутцы правительство Льва VI пошло на уступки

аристократам, и Арефа стал придворным ритором. Он энергично поддерживал кандидатуру Николая Мистика на патриарший престол и в конце 902 г. (вскоре после избрания Николая) стал архиепископом Кесарии в Каппадокии, т. е. первопрестольным митрополитом.

Возможно, что именно Арефу имеет в виду Николай Мистик, когда он в послании № 161, адресованном стратигу Пелопоннеса, говорит, что «возлюбленный его брат и соиерарх, предстоятель Кесарии» обратился к нему с просьбой, которую он всячески поддерживает (Migne, PG, t. CXI, col. 389 B), — другого архиепископа Кесарии во времена Николая не было (если не считать первого года его патриаршества). В таком случае послание Николая надо датировать 902—906 гг. и, может быть, даже точнее: концом этого периода, когда Арефа находился в Греции, где ему была поручена миссия освящения церквей после набега арабов в 904 г. Отмечая, что в начале спора о четвертом браке Арефа, по-видимому, находился в Греции, Р. Дженкинз полагает, что Лев VI сознательно удалил Арефу из Константинополя (R. J. H. Jenkins, B. Laourdas, *Eight letters...*, p. 335). Сохранившиеся письма Арефы, изданные Р. Дженкинзом и В. Лаурдой, свидетельствуют, что он был враждебно настроен против четвертого брака.

[10] Конъектура де Боора: ἔξειμι вместо рукописного ἐξίημι.

[11] Впоследствии в «Томе единения» было сказано, что император лишил патриарха Николая престола, называя его лжецом, который-де клятвенно обещал разрешить императора от эпитимьи, но потом изменил своему слову и намеренно оттягивал его исполнение (Jus, vol. III, p. 228_5).

[12] Γὴν τῶν ἀκουβίτων πρόσκλησιν. Имеется в виду один из залов Большого дворца, так называемый Триклиний девятнадцати акувитов (столов), где устраивались торжественные обеды (Д. Ф. Беляев, *Byzantina,* т. I, стр. 108).

[13] В христианской церкви X в. было пять патриарших престолов: в Константинополе и четырех названных здесь городах. Следовательно, упоминание этих городов означает в данном случае всю христианскую церковь.

[14] В Рим был послан секретарь императора (асикрит) Симеон, а на Восток — патрикий Лев Хиросфакт (см. о них гл. 13, прим. 5 и гл. 15, прим. 8). В 18-м письме Хиросфакт писал императору: „Я везу с собой в город (Константинополь.— *А. К.*) священников из Антиохии и Божьего града (т. е. Иерусалима), которых я пригласил на собор, чтобы разрешить твои дела" [J. Sakkelion, Λέοντος μαγίστρου ἐπιστολαί, („Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἑταιρείας", vol. I, 1884), p. 396_{24}].

[15] Стратиг — глава военного и гражданского управления фемы (области).

[16] См. гл. 11, прим. 16. Вопреки тексту «Псамафийской хроники» и всей хронологии событий, Р. Жанен (R. Janin, *La géographie ecclésiastique...*, p. 375) утверждает, что Николай Мистик запретил Льву VI вход в церковь 1 мая 907 г. Но в мае 907 г. Николай Мистик уже не был патриархом (гл. 13, прим. 20). Судя по началу гл. 13 нашей хроники, летом 906 г. — т. е. до восстания Дуки — Николай Мистик был готов допустить императора в церковь, но Лев сам откладывал разрешение от эпитимьи, рассчитывая придать этому акту большое значение благодаря решению патриарших местоблюстителей (ср.: гл. 11, прим. 18). Одностороннее освещение этих событий дает Н. П. Попов (*«Император Лев VI Мудрый»,* стр. 112—125), который излишне идеализирует Николая.

[17] Имеется в виду Арефа Кесарийский (прим. 9).

[18] Так называемая анакреонтическая метрика была широко распро-

странена в Византии и в светской и в церковной поэзии. В анакреонтической манере писали Фотий, Лев VI, Лев Хиросфакт и многие другие византийские авторы IX—X вв. (RE, Bd. I, 1894, Sp. 2049). В cod. Barberin. 246(310), сохранился список анакреонтических стихотворений Льва, насчитывающий 67 произведений; одно из них посвящено падению Фессалоники в 904 г., другое обращено к мятежнику Андронику, третье представляет собой увещевание его брата, вложенное в уста его собственного сына Константина. Этот список опубликован в «Spicilegium Romanum», IV, 1840, p. XXXVI (P. Maas, *Literarisches zu der Vita...*, S. 436—437).

[19] Священная (алтарная) преграда (иначе — иконостас) — дощатая стена, отделяющая среднюю часть церкви от алтаря; на ней размещались иконы. В алтарной преграде устроены были двери: северные, южные и центральные; последние назывались «святыми вратами». Император, следовательно, просил лишь о том, чтобы его допустили в церковь, но не в алтарь.

[20] В соответствии с конъектурой де Боора вместо первого лица νείην и σχείην читаю третье лицо: φανείη и σχείη.

[21] Возможно, что как раз после этих событий было написано 98-е письмо Николая Мистика, где он говорит о прекращении «скверной распри, что вызвал в божьей церкви этот противозаконный брак, о котором нам лучше бы и не слышать». И далее он пишет: «Мы все, окружающие святой алтарь, полны единодушия и держимся одной мысли. Они просили прощения, мы же с божьего соизволения решились в конце концов (τὸ πέρας) выполнить их просьбу» (Migne, PG, t. CXI, col. 305 C).

О стремлении Николая сплотить в это время своих сторонников свидетельствуют также и его письма, в которых он призывает митрополитов явиться в Константинополь и поддержать патриарха. Таковы, в частности, его послания Григорию Эфескому, которые В. Грюмель датировал 906 г. (V. Grumel, *Les regestes...*, № 604—608).

Глава 13

[1] 1 февраля 907 г.

[2] Τοῦτο ποιῆσαι ἀνελαβόμην — т. е Лев VI сам отложил тогда вход (вопреки Р. Жанену,— ср.: гл. 12, прим. 16).

[3] Προφασίζῃ προφάσεις —поговорка (P. Karlin-Hayter, *Vita S. Euthymii*, p. 90, n. 1).

[4] Эти слова Льва VI можно понять так, что мятеж Дуки и наложение эпитимьи на императора хронологически совпадают (вопреки де Боору).

[5] Χοιροσφαγεύς в рукописи (ср.: гл. 15, прим. 6). Лев Хиросфакт родился около 840 г. и был, по его собственным словам, учеником Фотия (P. Matranga, *Anecdota graeca*, vol. II, 1850, p. 559). При Василии I он занимал пост мистика и получил титул магистра. При Льве VI Хиросфакт стал одним из виднейших византийских дипломатов: он трижды участвовал в посольстве к болгарам и неоднократно ездил в арабские страны [М. А. Шангин, *Византийские политические деятели...*, стр 232 и сл.; Е. Э. Липшиц, *Византийский ученый Лев Математик* (ВВ, т II, 1949), стр. 108 и сл.; G. T. Kolias, *Léon Choerosphactes, magistre, proconsul et patrice*, Athénes, 1939].Лев VI возлагал большие надежды на миссию Льва Хиросфакта на Востоке: из письма спафария Прокопия, адресованного Льву в Багдад, мы узнаем, что за императорским столом только и говорили о Хиросфакте (I.Sakkelion, Λέοντος μαγίστρου ἐπιστολαί], σελ. 409_7). Однако Хиросфакт, как показал уже де Боор, был связан с Андроником Дукой и, видимо, сознательно затягивал приезд патри-

арших местоблюстителей. За это он был отправлен в ссылку (А. П. Каждан, *Из истории политической борьбы...*, стр. 204 и сл.). Позднее он был освобожден, участвовал в мятеже Константина Дуки (гл. 21, прим. 8) летом 913 г.], затем был сослан в Студийский монастырь и умер после 919 г. [Г Острогорски, *Лав Равдух и Лав Хиросфакт* («Зборник радова САН», т. XLIV, кн. 3, 1955), стр. 34 и сл.].

[6] Ср.: гл. 12, прим. 14.

[7] Ἀπὸ τοῦ πάπα τοποτηρητάς (ср.: Migne, PG, t. CV, col. 506 A; 517 C)

[8] Συστατικὴν οἰκονομίαν—буквально: „рекомендуемое решение" (ср.: ἐπιστολαὶ συστατικαί — II Коринф. 3₁: „известительные послания"). Иначе переводит П. Карлин-Хейтер: „послания с согласием на единство" (P. Karlin-Hayter, *Vita S. Euthymii*, p. 93).

[9] Церковный праздник сретения господня отмечали 2 февраля. На торжестве во Влахернском храме богородицы ежегодно присутствовал императорский двор (R. Janin, *La géographie ecclésiastique...*, p. 178).

[10] Выражение „плач" (πρόσκλαυσις) имеет специальное значение „первая степень покаяния"; при этом обычно кающийся находился за пределами церкви (Ducange, *Glossarium...*, s.v.).

[11] По словам «Тома единения», «патриарх Николай и митрополиты отлучили императора от церкви, а некоторые епископы говорили, что нужно сократить отлучение и не растягивать его на большой срок. Но те не послушались» (Jus, vol. III, p. 227₁₃).

[12] Φιάλη, собственно говоря,—„бассейн", но также, видимо, „здани в котором имеется бассейн" (J. Labarte, *Le Palais...*, p. 58). Фиалой также называлась одна из тюрем, которую Р. Жанен (R. Janin, *Constantinople byzantine*, p. 377) отказывается точно локализовать [ср. также: Х. М. Лопарев, *Греческие жития святых.* , стр. 132 и 217; Ph. Kouloulès et R. Guilland, *Voleurs et prisons à Byzance* («Revue des Etudes Grecques», vol. LXI, 1948), p. 128]. Протоспафарий Фиалы рассматривал судебные дела, связанные с преступлениями моряков [De adm. imp., p. 248₅₈; ср.: A. Vogt, *Le protospathaire de la Phiale et la marine byzantine* (EO, vol. XXXIX, 1941—1952), p. 329 sq.]. Фиалой назывались также великолепные дворцовые бани (Theoph. Cont., p. 336₁₃).

[13] Название „Вуколеон" первоначально прилагалось к одному из выходов из Большого дворца, ведущему к морю, а затем распространилось на дворец, расположенный близ этого выхода, на часть берега, находившуюся близ Большого дворца, а позднее (например, у западных хронистов XIII в.) на самый Большой дворец [R. Guilland, *Études sur le Palais du Boukoleon* («Byzantinoslavica», vol. XII, 1951), p. 221]. Во дворце Вуколеон находилась одна из константинопольских тюрем (ibid., p. 222; ср. также: R. Janin, *Constantinople byzantine*, p. 168).

От Большого дворца к гавани вела лестница. Никита Хониат рассказывает, что Ефросинью, жену Алексея III Ангела (1195—1203), изгнанную из дворца, провели по тайному переходу и, посадив в лодку, отвезли в монастырь (Nicetas Choniata, *Historia*, p. 646₁₂). Р Гийан (R. Guilland, *Études sur le Palais du Boukoleon*, p. 222) считает эту лестницу лестницей Вуколеона. Как бы то ни было, эпизод, рассказанный Никитой Хониатом, весьма напоминает известие „Псамафийской хроники" о ссылке Николая Мистика, которое Р Гийан, к сожалению, не использует.

[14] Галакрины были расположены на азиатском берегу Босфора, однако до сих пор не удается точно локализовать их (R. Janin, *Constantinople byzantine*, p. 453). Об этих событиях рассказывает и хроника Симеона Логофета: «[Император и Самона] призвали 1 февраля патриарха Николая и долго умоляли о допущении [императора в церковь]; когда же не смогли убедить, то со званого приема, посадив его в Вуколеоне на маленькую лодку, отвезли в Иерию, откуда он едва до-

брался до Галакрин из-за большого снега» (Theoph. Cont. p. 371 $_1$). В 32-м письме, адресованном папе Анастасию III (911—913), Николай писал: «Так он призвал нас во дворец как бы для того, чтобы вместе отпраздновать и совершить общую трапезу: был ведь праздник св. великомученика Трифона. Посреди трапезы он посадил нас в лодку, без всякого о нас попечения, без одежонки, без кусочка одеяла, без книги, не позволив сопровождать никому из тех, кто бы мог быть в утешение, но лишь двум неграмотным и лишенным языка... О чем еще расскажу? О крепости мороза, о нужде, о насилии стражников? Окружили мечами, луками, щитами, точно врага, а не несчастного патриарха, не позволили видеть ни неба, ни человека и заставили спать на соломе — за отсутствием постели» (Migne, PG, t. CXI, col. 201 D — 204 A.; ср. также Н. П. Попов, *Император Лев VI Мудрый,* стр. 126 и сл.).

[15] Имеются в виду церковные реликвии — частички так называемого «креста господня», на которых следовало приносить клятвы в особо ответственных случаях.

[16] Протоспафарий — видный титул, следовавший за магистром и патрикием (J. B. Bury, *The imperial administrative system...,* p. 21). В памятнике начала XI в. «Пире» (XXV. 17) указывается, что лица, имеющие титул протоспафария, а также лица, которым были присвоены более высокие титулы, являлись членами синклита.

[17] Секретарь, писец (F. Dölger, *Beiträge...* S. 128).

[18] Наум, 1 $_9$.

[19] Конъектура де Боора — в тексте πέντε „пять“ — но такой краткий срок невозможен (VE, S. 124).

[20] Собор был созван, по-видимому, не позднее 15 февраля 907 г. В «Анналах» Евтихия, патриарха Александрийского, мы читаем об этом: «И написал Лев патриарху Римскому и Михаилу, патриарху Александрийскому, и Илии, сыну Мансура, патриарху Иерусалимскому, и Симеону, сыну Зарнака, патриарху Антиохийскому, прося их приехать к нему, чтобы рассмотреть, можно ли ему жениться или нет. И не было желания ни у одного ехать к нему, но каждый отправил от себя посла. И собрались с послами многие епископы в Константинополь. И рассмотрели они дело царя и разрешили ему жениться. И женился царь Лев и получил сына и назвал его Константином. И свергнул он Николая патриарха с престола и сделал на его месте Анфима патриархом Константинополя» (русский перевод, см. А. А. Васильев, *Византия и арабы,* Приложение, стр. 21).

[21] Ἐπιλέγοντός τε καθ' ἑκάστην τὸ μήτε ἀέρα ἀναπνεῖν τὸν ὑπὸ τὴν βασιλείαν μου. Н П. Попов (*„Император Лев IV Мудрый“*, стр. 132) переводит: „Говоришь, чтобы и ветер не дул в мое царствование“. Перевод лишен смысла и филологически не обоснован. Ἀήρ означает именно „воздух“, но не „ветер“, а ἀναπνεῖν — это „вдыхать, дышать“, но не „дуть“.

Сохранилось послание Николая Мистика, адресованное Феоктисту, епископу Клавдиополя в Киликии, где патриарх, призывая Феоктиста явиться в столицу, жаловался, что «сложившиеся обстоятельства не дают ему возможности вздохнуть — „ἀναπνεῖν“» (Migne, PG, t. CXI, col. 329 A). Может быть, именно это письмо Николая и имел в виду император.

Глава 14

[1] Согласно хронике Логофета (Theoph. Cont., p. 370 $_{21}$) еще до ссылки Николая Мистика Самона — прежде протовестиарий — был назначен на важный пост паракимомена (начальника царской спальни). Константин Багрянородный рассказывает, что при императоре Васи-

лии I никто не занимал пост паракимомена, первым паракимоменом при Льве VI был назначен Самона, которого затем сменил патрикий Константин (De adm. imp., p. $244_{225-229}$). Паракимоменом называет Самону и «Житие Василия Нового» (С. Г Вилинский, *Житие св. Василия Нового...*, стр. 285_{20}); по мнению Р. Дженкинза (R. J. H. Jenkins, *The «flight» of Samonas*, p. 233, n. 96), Самона стал паракимоменом уже после низложения Николая.

О том, что Самона принимал активное участие (на стороне императора) в споре о четвертом браке, свидетельствует также Арефа (R. J. H. Jenkins, B. Laourdas, *Eight letters...*, p. 322_2).

Патрикий Константин, как сообщает Логофет, был ставленником Самоны, однако его влияние на императора и Зою сделалось настолько значительным, что стало казаться Самоне опасным; тогда он с помощью своего нотария Константина Родия [Константин Родий был вместе с тем поэтом: сохранились его стихи, в которых он резко критиковал Льва Хиросфакта (K. Krumbacher, *Geschichte der byzantischen Litteratur*, München, 1897, S. 725, а также P. Matranga, *Anecdota graeca*, vol. II, p. 555 sq.); впоследствии он получил должность асикрита и написал, прославляя Константина Багрянородного, поэму о храме св. Апостолов: Г П. Беглери, *Храм святых апостолов и другие памятники Константинополя по описанию Константина Родия*, Одесса, 1896; ср G. Downey, *Constantine the Rhodian, his life and writing* («Studies in honour of A. M. Friend», Princeton, 1955)] написал и подбросил императору оскорбительное письмо, полагая, что подозрение Льва падет на ненавистного Самоне Константина; однако Самоне не удалось сохранить свой замысел втайче, и в наказание он был пострижен в монахи (Theoph. Cont., p. 375_{24}); на первых порах он был заключен в монастырь Евфимия (Theoph. Cont., p. 713_9), т. е. в Псамафийский. Р. Дженкинз (R. J. H. Jenkins, *The «flight» of Samonas*, p. 234) относит отставку Самоны ко времени между 20 марта и 13 июня 908 г.

После низложения Самоны паракимоменом стал Константин; он занимал этот пост до воцарения Александра, по распоряжению которого большинство сановников Льва VI было удалено со своих постов; когда же в конце 913 г. Зоя Карбонопсида захватила в свои руки власть (гл. 21), он стал играть выдающуюся роль при дворе; Константина даже обвиняли в том, что он стремится короновать своего брата Льва. В 919 г. паракимомен Константин был арестован по приказу Романа Лакапина (S. Runciman, *The emperor Romanus Lecapenus...*, p. 45 f.).

К 914—919 гг. следует отнести послание Николая Мистика, адресованное паракимомену Константину, в котором патриарх выражает ему соболезнование в связи со смертью его сестры (Migne, PG, t. CXI, col. 236 sq.).

² Это могло быть сказано после того, как арабские войска Рустама совершили удачное нападение на отряд Ивирицы, осаждавший Дуку в Кавале: тогда византийцы должны были отступить, а Дука перешел к мусульманам. Это произошло в феврале или марте 907 г. (гл. 11, прим. 7).

³ Полный текст отречения Николая Мистика сохранился в мюнхенской рукописи № 277 [Sp. P. Lambros, *Die Abdankungsurkunde des Patriarchen Nikolaus Mystikos* (BZ. Bd. I, 1892), S. 553], а также в его послании, изданном А. Пападопуло-Керамевсом («*Varia graeca sacra*», стр. 255—259). Сопоставление текста послания Николая с „Псамафийской хроникой" свидетельствует, что анонимный автор точно — лишь с незначительными отклонениями — передал первую половину текста отречения; возможно даже, что эти отклонения лежат на совести переписчика. Однако последняя фраза отречения в нашей хронике значительно сокращена, а конец его опущен вовсе. В конце своего отречения Ни-

колай объяснял, почему он не хочет отказаться от епископской власти (V. Grumel, *Les regestes*... № 612; P. Maas, *Literarisches zu der Vita*... S. 437 f.).

[4] Здесь имеется в виду опека над императором в связи с его четвертым браком (гл. 13).

[5] Τὴν κατ' ἐμαυτὸν ἰδίαν καὶ ἀνακεχωρημένην προτιμήσας ζωὴν вместо рукописного ἰδίᾳ в соответствии с текстом А. Пападопуло-Керамевса («*Varia graeca sacra*», стр. 258₆; ср.: Sp. P. Lambros, *Die Abdankungsurkunde*..., S. 553 13). Нет оснований для принятия конъектуры де Боора (VE, p. 49): καθ' αὑτόν.

[6] Τῆς ἐν πράγμασιν ἀναστατούσιν ἀναστροφῆς вместо рукописного ἀστατούσης συναναστροφῆς (А. Пападопуло-Керамевс, *Varia graeca sacra*, стр. 258₇).

[7] Ἀρχιερωσύνης вместо рукописного ἱερωσύνης (А. Пападопуло-Керамевс, *Varia graeca sacra*, стр. 258₈ и ₉; Sp. P. Lambros, *Die Abdankungsurkunde*... S. 553 17, а также VE, p. 50 7).

[8] В письме Николая Мистика, изданном А. Пападопуло-Керамевсом, нарисована иная картина: патриарх упрекает митрополитов в том, что они вместе с императором выступали против него («*Varia graeca sacra*», стр. 257 6), забыв о своих клятвенных заверениях (там же, стр. 256 16), и потребовали от него отречения (παραίτησιν ἀπητήσατε — игра слов! — стр. 257 18), которое он был вынужден дать под угрозой насилия (стр. 257 25; ср. также: гл. 15, прим. 10).

Возможно, что именно известие о бегстве Андроника Дуки к арабам заставило Николая Мистика прекратить сопротивление, ибо теперь продолжение борьбы становилось бессмысленным.

[9] Следует отвергнуть предложение де Боора читать ἱερωσύνης „священство" вместо рукописного ἀρχιερωσύνης „епископский сан" (ср прим. 7).

[10] П. Карлин-Хейтер, давая в этом месте конъектуру, переводит: «Повинуясь скорее своему своенравию и упрямству, нежели нашим советам» и т. д.

[11] Βιβλίον ἀποστασίου — см. гл. 6. прим. 8.

[12] Имеется в виду крест, который ставили в начале грамоты или в конце, при подписи, для усиления значения документа.

Глава 15

[1] Имеется в виду филактон, т. е. ладанка или ковчежец со священными реликвиями, крест-складень (энколпий), который византийские императоры носили на шее.

[2] Это отречение могло быть написано только после решений собора. (Об этом соборе см. гл. 13, прим. 20).

[3] Н. П. Попов (*Император Лев VI Мудрый*, стр. 134—135, прим. 3) переводит: «Отчасти же потому, что я не знаю, какой человек, связавший себя любовию с царем, подвергся таким неблагоприятным обстоятельствам, что и мы его опечалили и восстановили против себя», — и видит здесь намек на Самону. Однако в тексте стоит глагол περιφέρω в первом лице аориста страдательного залога: ὑπὸ τῆς τῶν πραγμάτων περιηνέχθην ἀνωμαλίας, т. е. „я подвергся (испытал)" и т. д., а также возвратное местоимение первого лица ἐμαυτὸν ἀναδησάμενος, т. е. „я, связавший себя". Да и логически трудно считать перевод Н. П. Попова правильным, ибо Николай только о себе мог сказать, что он „испытал неблагоприятное течение событий", а отнюдь не о Самоне.

[4] От приведенного здесь текста отречения значительно отличается послание Николая Мистика епископам, сохранившееся среди его писем. В этом послании Николай говорит о расколе церкви (τῆς ἐκκλησίας διαρρήξεις) и о необходимости восстановить единство (Migne, PG, t. CXI,

col. 296 A—B). Кончается это послание следующими словами: „Итак, дети мои и братья, если вам трудно переносить меня, я готов избавить от этого бремени тех, кто обременен им, и передать бразды правления человеку, угодному вам; я готов уступить тому, кого вам будет угодно избрать своим главой — лишь бы только сохранить единство церкви" (ibid., col. 296 C).

[5] Реминсиценция Псал. 55 (54)$_{23}$ и 37(36)$_5$.

[6] В тексте Χοιροσφαγεύς (ср.: гл. 13, прим. 5).

[7] В июле 904 г. Фессалоника была взята арабскими войсками под командованием ренегата Льва Триполийского. Этому событию посвящена также гомилия Николая Мистика, изданная по Vatic. 172 греческим ученым Г Цара [G. Tsaras, Νικολάου πατριάρχου ὁμίλια εἰς τὴν ἅλωσιν τῆς Θεσσαλονίκης („Μακεδονικά", 1940), σελ. 236 — 246)]. О падении Фессалоники см. А. А. Васильев, *Византия и арабы*, стр. 138 и сл., а также любопытные дополнения у H. Grégoire, *La communique sur la prise de Thessalonique* (904) (Byz., vol. XXII, 1952), p. 373 sq., ср. также Р. А. Наследова, *Ремесло и торговля Фессалоники конца IX — начала X в. по данным Иоанна Камениаты* (ВВ, т. VIII, 1956), стр. 65 и сл. Точную дату (июль 904 г.) падения Фессалоники дают и Иоанн Камениата и арабские авторы.

По словам Николая Мистика, Фессалоника пала от того, что византийское правительство изо дня в день откладывало посылку флота для защиты города (Migne, PG, t. CXI, col. 277 B).

[8] Ср. параллельные свидетельства. «Кувикулярий Родофил был послан в Сицилию по каким-то делам; он имел с собою сто литров золота. Из-за своей болезни он остановился передохнуть в Фессалонике. Триполитанин арестовал его и, узнав, что он везет золото, подверг пыткам, но ничего не добившись, казнил. Родофил случайно оставил золото в пути, где его затем взял проезжавший мимо асикрит Симеон, который позднее стал протасикритом (т. е. первым асикритом. — *А. К.)* и патрикием. Когда Триполитанин хотел уничтожить город, Симеон предложил ему взять золото и воздержаться от разрушения. Так и произошло» (Theoph. Cont., p. 368$_6$). См. также рассказ Иоанна Камениаты, фессалоникийского писателя первой половины X в.: «Эти люди вместе с названным Симеоном, не зная, откуда взять такую сумму (какую требовали арабы), обещали два таланта золота, которые евнух, умерший затем под палками, успел отослать в Стримон (фема к северу от Фессалоники.— *А. К.*). Быстро доставив золото с помощью скороходов оттуда, где оно было спрятано, они передали его варварам и тем самым спасли город от сожжения» (Theoph. Cont., p. 576$_{16}$). Р. Браунинг (R. Browning, *The correspondence...* p. 431) предположительно отождествляет этого асикрита Симеона с адресатом письма № 115 изданной им переписки анонимного автора первой половины X в. Полный текст этого письма издан Р. Браунингом и Б. Лаурдой: R. Browning, B. Laourdas, Τὸ κείμενον τῶν ἐπιστολῶν τοῦ κώδικος BM 36749 („Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν", τ. 27, 1957), σελ 210 ἑξ.

[9] Эта фраза отсутствует в писании (см.: P. Karlin-Hayter, *Vita S Euthymii*, p. 107, n. 1).

[10] По видимому, в этой связи (если не раньше) было написано 49-е послание Николая Мистика, адресованное «митрополитам, оставшимся в церкви (ἔσω τῆς ἐκκλησίας ὄντες, в латинском переводе ошибочно: extra communionem)», где низложенный патриарх упрекает их в том, что они его оставили, хотя должны были защищать, словно дети своего отца — даже если бы он был виноват, а тем более, когда он был невиновным (Migne, PG, t. CXI, col. 241 A).

[11] Патриарх Николай в 32-м письме обвинял в незаконных дейст-

виях на соборе прежде всего римских епископов (Migne, PG, t. CXI, col. 201 C; 204B), ср. также письмо № 53 (ibid., col. 249 C).

[12] В тексте: δόμνε — звательный падеж от латинского dominus „господин".

[13] Ἐπὶ τῆς λυχνίας τεθείς. Слово λυχνία значит "подсвечник", „светильник", но в „Откровении Иоанна" (1 $_{20}$) оно метафорически употребляется в значении „церковь" (ср. о назначении патриарха в „Житии Игнатия" τῇ λυχνίᾳ ὁ λυχνὸς ἐπιτίθεται Migne, PG, CV, col. 501 B; ср. ibid., 544 A).

[14] Лука, 6 $_{27}$; Матф., 5 $_{44}$ (цитата не окончена).

[15] По своим политическим взглядам Арефа первоначально был близок к Николаю Мистику, и, видимо, своим назначением на Кесарийский архиепископский престол он был обязан Николаю (гл. 12, прим. 9). Естественно, что в начале спора о четвертом браке он решительно выступал против Льва VI и тех митрополитов, которые его поддерживали. В начале 907 г. он был сослан, и Николай Ксиломахерис вновь возбудил против него дело (R. J. H. Jenkins, B. Laourdas, *Eight letters...*, p. 328$_{28}$). В этот-то момент Арефа изменяет своим политическим убеждениям и переходит на сторону Евфимия; некоторое время спустя он выступил с разоблачением Льва Хиросфакта, обвинив его в двусмысленной игре во время посольства к восточным патриархам (А. П. Каждан, *Из истории политической борьбы...*, стр. 205), а также в увлечении язычеством и заигрывании с константинопольским плебсом. Аналогичные обвинения против Льва Хиросфакта выдвинул и Константин Родий, который был в это время тесно связан с Самоной (гл. 14, прим. 1). Лев Хиросфакт, по-видимому, действительно был замешан в заговоре Андроника Дуки и Николая Мистика: подобно последнему, он был учеником Фотия; в 913 г. принял участие в мятеже Константина, сына Андроника. В наказание Хиросфакт подвергся аресту и был отправлен в ссылку. В дальнейшем Арефа оставался последовательным противником Николая Мистика [см. его послание, изданное А. Пападопуло-Керамевсом (*«Varia graeca sacra»*, p. 260 sq.)].

[16] Гавриил Анкирский видный церковный деятель начала X в. (гл. 18).

[17] Омофор — иначе нарамник, наплечник — широкий и длинный «плат», надеваемый епископом поверх остальных одежд; он украшен изображением креста.

[18] Церковь отмечала память мучеников Климента Анкирского и Агафангела, пострадавших в начале IV в., 23 января. Неясно, к какому году нужно отнести перенесение реликвий (может быть, к 908 г.?).

[19] Κατάθεσις.

Глава 16

[1] Сакелларий — высокого ранга чиновник при патриархе, на обязанности которого было наблюдение за монастырями.

[2] Монастырь св. Фоки, основанный при Василии I, был расположен на европейском берегу Босфора (R. Janin, *La géographie ecclésiastique...*, p. 514).

[3] В Константинополе.

[4] Αὐτοῦ. Конъектура де Боора. В тексте ἑαυτοῦ „своего".

[5] В. Н. Златорский (*История...*, т. I, ч. 2, стр. 339 и сл.) считал, что болгаро-византийская война закончилась мирным договором 896 г, но что и после этого положение на границе оставалось напряженным: болгарский царь Симеон стремился использовать политические затруднения Византийской империи для расширения границ своего государства. В частности, после разграбления Фессалоники арабами в 904 г. Симеон предпринял попытку захватить оставленный Львом Триполийским город. В этот труд-

ный для Византии момент Лев VI послал к Симеону посольство, возглавляемое Львом Хиросфактом (F. Dölger, *Regesten...*, № 542). В результате переговоров Симеон отказался от притязаний на Фессалонику, но зато добился расширения болгарской территории: сохранилась датированная 904 г. надпись на пограничном столбе между Болгарией и Византией. Р. А. Наследова (*«Ремесло и торговля Фессалоники конца IX — начала X в...»*, стр. 66) полагает даже, что состояние войны продолжалось до 904 г., и только тогда был заключен мир. Как бы то ни было, хроника Логофета говорит о связи между действиями болгар и Льва Триполийского (Theoph. Cont., p. 366_{11}).

[6] Аналогичную историю рассказывает и «Житие Василия Нового» (С. Г Вилинский, *Житие св. Василия Нового...*, стр. 285_7). Василий был обнаружен в горах Каппадокии, и его заподозрили в том, что он арабский лазутчик. Тогда его доставили в Константинополь, где сам Самона подверг его жестокому допросу. Судя по тому, что Самона назван в «Житии» паракимоменом, этот эпизод можно отнести к 907—908 гг. Следовательно, он произошел в то же время, что и суд над Никитой. Впрочем. само «Житие» датирует это событие десятым годом правления Льва и Александра, т. е. 896 г., но это невозможно, так как возвышение Самоны следует отнести примерно к 900 г.

[7] Псал., 81_6.

[8] Поселение на северной границе Фракии.

[9] Константин Багрянородный упоминает «патрикия Константина, отца бывшего при нас логофетом дрома патрикия Фомы, человека сведущего в философии и совершенно неподкупного» (Theoph. Cont., p. 229_{10}). О логофете дрома см. гл. 2, прим. 2. Возможно, что логофета Фому следует отождествлять с патрикием Фомой, автором письма к Хиросфакту (I. Sakkelion, Λέοντος μαγίστρου ἐπιστολαί, p. 407 sq.). Сыном логофета Фомы К. де Боор считал историка Генесия [C. de Boor, *Zu Genesios* (BZ, Bd. X, 1901), S. 62f.].

[10] П. Карлин-Хейтер (P. Karlin-Hayter, *Vita S. Euthymii*, p. 115) переводит: „Наложил домашний арест". Но этот перевод противоречит последней части фразы.

[11] Так как в гл. 17 еще упомянут Самона, описанное здесь «дело Никиты» могло иметь место только в 907 или в начале 908 г Следовательно, он пробыл в проастии Агафов самое большее до начала 910

Никита Пафлагонский известен нам и по другим источникам; его, по-видимому, можно отождествить с Никитой-Давидом Пафлагонским, автором «Жития патриарха Игнатия». Наиболее резко против этого отождествления выступил Х. М. Лопарев (*Греческие жития святых...*, стр. 513 и сл.; ср.: F. Dvornik, *The Photian schism*, p. 274, n. 5). По его мнению Никита-Давид принадлежал к поколению (γενεά), следовавшему за поколением патриарха Игнатия; на основании этого он приходит к выводу, что Никита-Давид родился около 828 г и, следовательно, не может быть отождествлен с действовавшим в начале X в. Никитой. Однако К. Крумбахер (K. Krumbacher, *Der hl. Georg*, München, 1911, S. 182) показал, что Никита-Давид Пафлагонский по поручению императора Константина Багрянородного (т. е. не ранее 20-х годов X в.) составил „Житие Иоанна Златоуста" Следовательно. предложенная Х. М. Лопаревым хронология жизни Никиты-Давида оказывается сомнительной. Действительно, и в самом „Житии Игнатия" мы встречаем упоминание „преемников Фотия" (Migne, PG, t. CV, col. 573 C): следовательно, оно было написано не ранее конца IX в. Ф. Дворник (F. Dvornik, *The Photian schism*, p. 273) отнес его составление ко времени патриаршества Стефана (886 — 890); Д. Моравчик (Gy. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, Bd. I, Berlin, 1958, S. 565) полагал, что оно было написано до 890 г., когда

будто бы Никита Пафлагонский умер [ср.: G. da Costa Louillet, *Saints de Constantinople aux VIIIe, XIe, Xe siècles* (Byz., v. XXIV, 1954) p. 461], но в таком случае непонятно, почему речь идет о „преемниках" во множественном числе.

Еще В. Г. Васильевский [«*В защиту подлинности жития патриарха Игнатия и принадлежности его современному автору, Никите Пафлагону*» (ВВ, т. VI, 1899), стр. 44] высказал мысль, что под этими «преемниками» разумеются не последовавшие за Фотием патриархи, а «последователи его в лицемерии». Однако необходимость в таком насильственном истолковании текста сразу же отпадает, если мы признаем тождество обоих Никит.

Де Боор (VE, S. 194 sq.), признавая желательность отождествления обоих Никит, отметил два обстоятельства, которые, по его мнению, делали это отождествление невозможным. Во-первых, автор «Жития Игнатия» не мог быть учеником Арефы, во-вторых, игнатианин Никита-Давид не мог выступить против игнатианина Евфимия. Однако оба эти соображения не выдерживают критики.

Теперь известно, что Арефа родился в середине IX в. (по С. Кугеасу и Р. Дженкинзу, около 850 г.); к моменту написания «Жития Игнатия» ему было лет сорок, и он вполне мог быть учителем Никиты-Давида; далее, ересиарх Никита выступал не против Евфимия, но против всей церкви, равно как и автор «Жития Игнатия», который обвинял преемников Фотия во всех бедах империи. Значит, оба возражения де Боора отпадают.

Итак, Никита (Никита-Давид) родился во второй половине IX в., получил хорошее образование и, в частности, учился у Арефы. Уже в «Житии Игнатия» он не столько прославлял своего героя, сколько рисовал картину неправедных действий Фотия; его сочинение было подлинным памфлетом на Фотия. Позднее он удалился из Константинополя, а сам в новом памфлете осмеял Льва VI и Евфимия. Все это хорошо гармонирует с рассказом «Псамафийской хроники» о «ереси» Никиты.

Сохранилась — частично еще не изданная — переписка Никиты (в том числе с его учителем Арефой). Одно из писем Никиты рисует его активным сторонником Арефы во время споров о четвертом браке (R. J. H. Jenkins, B. Laourdas, *Eight letters...*, p. 345). Ряд писем Арефы к Никите содержится в рукописи ГИМ № 315 (см. о Никите также P Karlin-Hayter, *Vita S. Euthymii*, p. 169 f.).

[12] Это свидетельство «Псамафийской хроники» позволяет нам сделать вывод, что Лев не получил полного прощения: хотя он и был допущен в церковь, но не имел права входить в алтарь, а только стоял у алтарной преграды (ср.: гл. 12, прим. 19).

Глава 17

Византийский флотоводец, который, по сообщению хроники Логофета, одержал над арабами морскую победу «в день св. апостола Фомы» (о дате этого сражения см. гл. 11, прим. 12). В 911 г. он возглавил крупную экспедицию против критских арабов, но потерпел в начале 912 г. поражение у острова Хиос [R. J. H. Jenkins, *The date of Leo VI's Cretan expedition* („Προσφορὰ εἰς Στ. Κυριακίδην", Θεσσ., 1953), p. 281]. Когда Имерий возвратился после неудачного похода, новый император, Александр, сослал его в монастырь, где он и умер шесть месяцев спустя (Theoph. Cont., p. 380 $_{3}$; ср. также: De cerim., p. 230).

[2] Друнгарий — командующий императорским флотом [J. B. Bury, *The imperial administrative system...*, p. 109 f.; C. Neumann, *Die byzantinische Marine* («Historische Zeitschrift», Bd. XLV, 1898), S. 5; L. Bréhier, *La marine de Byzance du VIIIe au XIe siècle* (Byz., vol. XIX, 1949), p. 4, и особенно R. Guilland, *Les chefs de la marine byzantine* (BZ, Bd. 44,

1951), p. 212 sq.] Другие источники называют Имерия не друнгарием флота, но логофетом дрома (Theoph. Cont., p. 371_{20}; ср.: ibid., p. 376_{23}; см. об этом: R. Guilland, *Les chefs de la marine*..., p. 216). В „Житии Феоктисты Лесбосской" он назван архонтом дрома (AASS, Novembris, t. IV, p. 225 E).

[3] Зоя Карбонопсида (буквально: „Черноокая") — четвертая жена Льва VI.

[4] Возглашение в церкви (ἐπ' ἐκκλησίας ἀναγορεύεσθαι) было бы официальным признанием Зои императрицей. Эта аккламация согласно ритуалу была частью церемонии венчания императрицы.

[5] По словам Theoph. Cont. (p. 370_{17}), „императора Льва с Зоей обвенчал священник Фома, за что и был лишен сана (καθῃρέθη)". Издатель хроники И. Беккер (ibid., p. 950) замечает, что Фома был лишен сана патриархом Николаем; за И. Беккером следует И. Хергенрэтер (J. Hergenröther, *Photius*..., Bd. III, S. 657) и некоторые другие исследователи. Однако это предположение не опирается на какие-либо источники и прямо противоречит словам Евфимия в нашей хронике, приписывавшего себе заслугу лишения Фомы сана (καθῃρήσαμεν); наоборот, Николай позднее разрешил Фому от церковного наказания (Н. П. Попов, *Император Лев VI Мудрый*, стр. 107, прим. 1; V. Grumel, *Les regestes*..., № 625)

По свидетельству канониста XIV в. Матвея Властаря (Migne, PG, t. CXLIV, col. 1157 B), Евфимий и окружавшие его епископы воспрепятствовали попытке Льва VI признать четвертый брак допустимым и настояли на сохранении старого правила, согласно которому даже третий брак не считался законным. Тем самым снятие эпитимьи с Льва VI рассматривалось как акт милости.

[6] Следовательно, эти события имели место до середины 908 14, прим. 1)

[7] Γενήσονται τὰ ἔσχατα χείρονα τῶν πρώτων (ср. Матф. 12_{45}; Лук. 11_{26}; II Петр. 2_{20}).

[8] Константин был рожден в Порфирной (Багряной) палате Большого дворца — отсюда его прозвище. «Порфирородными» именовались также и некоторые другие императоры X в.: Лев VI, Роман II и др. (De adm. imp., p. 112_{67} и p. 206_{43}).

[9] См. Лук., 16_{25}.

[10] Навощенные таблички (церакулы), на которых писали в древности, скреплялись вместе по две (диптихи) или по нескольку штук (полиптики). Впоследствии диптихами назывались списки, которые хранились в церквах; на них заносили имена благодетелей церкви, чтобы возглашать их во время службы. В случае необходимости эти имена вычеркивали.

[11] Ср. Матф. 16_{19}.

Глава 18

[1] Название главы условно восстановлено де Боором.

[2] Πολὺς τοῦ λέγειν. Арефа был одно время придворным ритором (гл. 12, прим. 9).

[3] Мистий (или мистот) — наемный работник; особенно часто мистиями были пастухи [А. П. Каждан, *Рабы и мистии в Византии IX—XI вв.*, стр. 79 и сл.; М. Я. Сюзюмов, *О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону* (ВВ, т. X, 1956), стр. 40 и сл.]. Никита-Давид Пафлагонский говорит о Фотии: «Ведь был он мистий, а не пастырь, поэтому не имел он никакой заботы о гибнущих овцах» (Migne, PG, CV, col. 528 C). Слова Арефы — реминеценция Евангелия Иоанна, 10_{13}.

[4] Μετὰ ἀγυρτῶν λαῶν — слова, важные для характеристики социальной опоры Николая Мистика (см. предисловие, стр. 14).

[5] Потеря целой тетради препятствует восстановлению картины возвращения Николая на патриарший престол. Остальные источники расходятся между собой в описании этих событий. Мало достоверные «Анналы» Евтихия (А. А. Васильев, *Византия и арабы,* Приложение, стр. 21) рассказывают: «Что касается до царя Льва, то он сильно заболел; и когда боялся, что умрет, то послал за патриархом Николаем, которого он изгнал; и ублажил он его и снова посадил на престол, а Анфима патриарха удалил и велел ему пребывать в одном константинопольском монастыре, и прожил он в монастыре два года и умер. И жил после него царь Лев с болезнью, которою он болел, несколько месяцев и умер. И царствовал после него над греками брат его Александр 7 лет (!) и умер». Хроника Логофета в отличие от этого повествует, что Николай был возвращен Александром лишь после смерти Льва: «Он послал, чтобы привели Николая из Галакрин и, низведя с патриаршего престола Евфимия, посадил вторично Николая. Созвав собор в Магнавре, Александр привел Евфимия из Агафова и, восседая вместе с Николаем, низложил его» (Theoph. Cont., p. 377_{20}). В то же время рассказ самого Николая подтверждает известие Евтихия: «Благой император, уже почувствовав руку божию и находясь на краю жизни..., осознав свой грех и добиваясь прощения и разрешения от обвинения, которому мы его подвергли, вернул нам пастырство, которого мы были лишены, и поручил нам всем управлять, что́ нам кажется угодным богу и соответствует священным божьим канонам» (Migne, PG, t. CXI, col. 217 D). О том, что Николай был восстановлен императором Львом, свидетельствует также и патриарший каталог Фишера (F. Fischer *De patriarcharum Constantinopolitanarum catalogis,* p. 292, n. 14).

Лев VI умер 11 мая 912 г. Н. П. Попов (*«Император Лев VI Мудрый»*, стр. 167) относит восстановление Николая ко времени незадолго до этой даты; В. Грюмель (V Grumel, *Chronologie*... p. 8) датировал его восстановление 15 мая 912 г.; С. Рэнсимен (S. Runciman, *The emperor Romanus Lecapenus*..., p. 45), Ж. Гэй (J. Gay, *Le patriarche Nicolas le Mystique*..., p. 92) и Г. Острогорский (G. Ostrogorsky, *History*..., p. 231, p. 2) отвергают свидетельство Николая и считают низложение Евфимия первым актом императора Александра.

[6] Александр (912—913), брат Льва VI. По словам Константина Багрянородного, он, придя к власти, сместил вельмож, назначенных Львом (De adm. imp., p. 242_{197}). Отрицательно отзываются об Александре и Симеон Логофет и Арефа (А. Пападопуло-Керамевс, *Сборник греческих и латинских памятников*, вып. 1, стр. 32_{16}).

[7] Интересную картину рисуют многочисленные послания Николая Мистика, относящиеся к этому времени. Из них ясно, что Николай понимал опасность преследования сторонников Евфимия и опасался возникновения новых смут; однако многие близкие к Николаю митрополиты энергично принялись смещать и отлучать от церкви своих врагов. В послании № 94 (оно датируется примерно концом 912 г.— см. прим. 16), адресованном одному из самых близких его соратников, Григорию Эфесскому [Григорий Эфесский был противником Арефы: это следует из его письма, написанного при Романе Лакапине (С. П. Шестаков, *К истории греко-болгарских отношений в третьем десятилетии X века* («Byzantinoslavica», v. III, 1931), p. 99—101], Николай писал, что многие иерархи (οἱ προϊστάμενοι τῶν ἐκκλησιῶν), презрев гарантированный собором порядок (ἀσφάλεια), принялись хиротонизировать кого им заблагорассудится (Migne, PG, t. CXI, col. 301B). О порядке хиротонизации, установленном на соборе, он подробно говорит в другом послании Григорию Эфесскому: преимущественные права имели священники, издавно зани-

мавшие свои места; затем шли те, кто во время церковных споров были поставлены епископами — сторонниками Николая; наконец, в последнюю очередь назначались священники, рукоположенные сторонниками Евфимия (ibid., col. 293 D). Один из сторонников Николая, Лев, епископ Силейский, едва только был восстановлен на престоле, как начал преследовать своих врагов (ibid., col. 333B), — Николай советует ему умерить свой пыл, памятуя, что врагов много (ibid., col. 336A). В. Грюмель (V. Grumel, *Les regestes...*, № 746) отказывается датировать это послание, но, по-видимому, оно, как и письма Григорию Эфесскому, было написано после собора 912 г., на котором был низложен Евфимий.

Аналогичную картину рисует и послание Никите Афинскому (Migne, PG, t. CXI, col. 329 C), написанное несколько позднее: на основании парфенонской надписи, позволяющей датировать рукоположение Никиты концом 921 г., В Грюмель (V Grumel, *Les regestes...*, № 706) отнес его к началу 922 г. Следует признать, что внутри церковная борьба не улеглась и после синода 920 г.

[8] Ἐν ὑπερῴοις (гл. 11, прим. 4).

[9] О епископах, бывших сторонниками Евфимия, мы кое-что знаем и из других источников. Николай Мистик в послании Никите Афинскому сообщал о низложении Димитрия, Гавриила и Григория, т. е. как раз тех митрополитов, которых называет наша хроника; кроме того, Николай говорит о низложении Косьмы, которому вменяется в вину «клевета» в Риме (Migne, PG, t. CXI, col. 329 C; ср.: Н. П. Попов, *Император Лев VI Мудрый,* стр. 170). Петр Сардский принимал активное участие в споре о четвертом браке, выступая против Арефы: в рукописи ГИМ № 315 сохранилось письмо Арефы Петру Сардскому (л. 114 об. — 115); из этого письма видно, что Петр осуждал позицию, занятую Арефой.

[10] Διὰ λόγου πλήττειν. В Деяниях апостолов (15_{27}) διὰ λόγου означает „словесно“. Но слово λόγος может означать также и „заговор“. Поэтому возможно διὰ λόγου понимать также „за участие в заговоре“ Правда, в таком случае естественнее было бы ожидать винительный падеж, но неправильное употребление предлогов характерно для нашей рукописи.

[11] Реминеценция из Евангелия Иоанна, 7_{34}.

[12] Τῷ τῆς σῆς βασιλείας ταμιείῳ. О термине ταμιεῖον см. F. Dölger, *Beiträge...,* S. 24 f. Ф. Дэльгер считает, что этот термин имел специальное значение, и отождествляет его с сакеллой (ведомство сакеллы должно было снабжать флот и войско провизией и снаряжением, управляло страннопримными домами, больницами и т. п.); в действительности же термин ταμιεῖον обозначал все финансовое ведомство в самом широком смысле: например, сборщики налогов, которые никакого отношение к сакелле не имели, именовались πράκτορες τῶν δημοσίων ταμιείων (E. Dvornik. *Vie de S. Grégoire le Décapolite,* Paris, 1926, p. 55_{22}). И в данном случае речь идет не о сакелле, а о царской казне вообще (ср. еще: Theoph. Cont., p. 173_{11}; Migne, PG, t. CXI, col. 272 D).

[13] Кентинарий — крупная денежная единица, составлявшая 100 литр (фунтов), или 7200 номисм.

[14] Αὐτῶν ἐνορίας — конъектура де Боора вместо рукописного ἑαυτῶν.

[15] Ἀναγραφόμενοι — это terminus technicus. Анаграфевсами называли в Византии чиновников, ведавших розыском лиц, не внесенных в податные списки и не платящих в силу этого податей (*„Акты Русского на св. Афоне монастыря св. Пантелеймона“,* Киев, 1873, стр. 156_{1}; ср.: Lavra № 32_{10}. См. об анаграфевсах: F. Dölger, *Beiträge...,* S. 82).

[16] Николай Мистик в трех посланиях (№ 58, 92 и 94) также говорит о чрезвычайном налоге (συνεισφορά), который должны были уплатить все церкви. В послании епископу Икония Николай писал: «Этот налог, сыне мой духовный, который взимается со всех божьих церквей, сильно

тебя печалит — и печаль твоя справедлива... Но что же делать? Такова необходимость (ἀνάγκη), порожденная нашими грехами, и мы, хоть и против воли, будем нести это бремя» (Migne, PG, t. CXI, col. 257 D). Более подробно другое послание, адресованное Григорию Эфескому, где мы читаем: «Угодно было правителям государства установить побор с каждой церкви в пределах ее возможностей. Царские люди посланы во все епархии. Мы, заботясь о благе церквей, добились указания, чтобы царские люди не действовали без епископов. Поэтому тебе, сын мой, нужно обследовать твою епархию (как епископии, так и монастыри) и установить, сколько сможет внести каждая церковь. Ты соберешь это и позаботишься, чтобы либо ты сам, либо пригодный для этого человек привез собранное золото до марта месяца» (ibid., col. 301 C).

Наконец, послание № 92, адресовано неизвестному. Оно посвящено тому же событию, как и два других письма, и говорит о введении чрезвычайного налога — о взимании с церквей определенной суммы золота, которая должна была быть обращена на «общую пользу»; устанавливается тот же срок уплаты (март), упоминаются «царские люди» (Migne, PG, t. CXI, col. 297 C). Однако в отличие от других писем послание № 92, объясняет причину побора, которая в послании епископу Икония выступала под туманным наименованием ἀνάγκη. „По грехам нашим,— пишет здесь Николай Мистик,— произошли ужасные события — восстание варваров и болгар“ (τῆς βαρβάρου καὶ Βουλγαρικοῦ ἐπαναστάσεως — ibid., col. 297 B).

Уже В. Грюмель (V Grumel, *Les regestes...*, № 688—690) правильно отметил, что эти три письма связаны между собой, однако, не учитывая рассказа нашей хроники, он отнес составление этих писем к лету 921 г. Он исходил при этом из того, что до собора 920 г. патриарх Николай вряд ли мог решиться на такое мероприятие, как взимание чрезвычайного налога с церквей.

Против датировки В. Грюмеля можно высказать следующие соображения. Следует отметить параллелизм между «Псамафийской хроникой» и посланиями Николая: в обоих памятниках идет речь о чрезвычайном налоге с церквей, об отправке императорских чиновников в епархии, об участии в сборе налогов самих митрополитов. Далее, письмо Григорию Эфесскому упоминает о правителях во множественном числе; в Византии начиная с 6 июня 913 г. был один император — Константин VII и только в августе 921 г. Роман Лакапин стал его соправителем (R. J. H. Jenkins, *The date of the slav revolt...*, p. 206); следовательно, это письмо не могло быть написано летом 921 г., как предлагал В. Грюмель. Оно относится либо ко времени до июня 913 г., либо же к периоду начиная с осени 921 г.

Независимо от В. Грюмеля и не учитывая его выводов, эти письма Николая Мистика анализировал Ив. Дуйчев [*«Из писмата на патриарха Николая Мистика»* («Сборник в паметь на П. Ников». София, 1940), стр. 213—216], который отнес их составление к 919 г. Однако датировка, предложенная И. Дуйчевым, не может быть принята, ибо она опирается на ошибочное представление о составе сборника писем патриарха Николая. Исходным моментом рассуждений И. Дуйчева является гипотеза о том, что находящиеся в сборнике рядом послания Николая написаны примерно в одно и то же время; так как рядом с посланиями № 92 и 94 находится послание № 95, адресованное кесарю Роману (Лакапину), которое И. Дуйчев датирует 919 г. [В. Грюмель (V. Grumel, *Les regestes...*, № 674) датировал его концом 920 г.], то и интересующие нас письма он также относит к этому году. Такая гипотеза является неприемлемой; ей противоречит, в частности, тот факт, что послание епископу Икония, бесспорно связанное с письмами № 92 и 94, помещено в сборнике совершенно в другом месте. Следовательно, у нас нет оснований считать, что

письма № 92 и 94 были написаны в то же самое время, что и письмо № 95.

Противоречит датировке И. Дуйчева также и упоминание правителей во множественном числе (в послании Григорию Эфесскому), а также не замеченное ни им, ни В. Грюмелем сходство рассказа «Псамафийской хроники» о событиях 912—913 гг. с известием, которое имеется во всех трех посланиях патриарха Николая.

Можно было бы, наконец, предположить, что письмо № 92 имеет в виду те события, о которых упоминает также византийский хронист XI в. Скилица, когда он рассказывает, что в правление Романа Лакапина болгарский правитель Симеон, мечтая подчинить себе империю ромеев, вступил в переговоры с «правителем африканцев» (Cedr., vol. II, p. 356 6-13) эти переговоры обычно относят к 924 г., а в „правителе африканцев" вилят фатимида ал-Махди (S. Runciman, *The emperor Romanus Lecapenus...*, p. 90). В таком случае мы пришли бы к выводу, что интересующие нас послания Николая были написаны им накануне смерти. Однако поскольку он пишет о „восстании" болгар и варваров и вместе с тем ничего не упоминает о претензиях Симеона на императорскую корону,— о чем он постоянно говорит во многих посланиях, адресованных самому Симеону,— естественно предположить, что послание № 92 было написано в самом начале болгаро-византийского конфликта. Этот конфликт начался при императоре Александре.

Попытаемся датировать письма Николая Мистика и события, о которых в них рассказывается, более точно. Так как Николай предлагал собрать золото к марту, можно, очевидно, допустить, что эти послания были составлены в самом конце 912 г. Трудно предполагать, что Николай в мае 913 г. (6 июня умер Александр), когда обстановка в стране была весьма напряженной, мог откладывать сбор денег до марта 914 г. Отнести же составление посланий к концу 911 г. невозможно, потому что в то время императором был Лев VI, а Николай находился в изгнании.

В качестве гипотезы мы могли бы высказать предположение, что чрезвычайный налог был введен в связи с необходимостью уплатить дань болгарам, угрожавшим войной, которую они хотели начать в союзе с арабами. Однако когда в Константинополь явились послы болгарского царя Симеона, Александр отказался платить (Theoph. Cont., p. 380_5), быть может, потому что в казне не было денег. Тогда войска Симеона пошли походом на Константинополь, но это уже было после смерти Александра, в августе 913 г. [В. Златарский, *Первый поход болгарского царя Симеона на Константинополь.* («Сборник статей, посвященный памяти Н. П. Кондакова», Прага, 1926)].

[17] Ἐπὶ βήματος. Βῆμα первоначально: „ступень", „трибуна"; „вимой" так же называли алтарь в церкви (гл. 19, прим. 10).

[18] Магнавра — большая тронная палата; в восточной стороне ее находилась площадка, к которой вели ступени из зеленого мрамора; на площадке стояли императорский трон и кресло патриарха, а сзади находились четыре колонны (J. Labarte, *Le Palais...*, p. 84; Д. Ф. Беляев, *Byzantina*, кн. I, стр. 120 и сл.; кн. II, стр. 250 и сл.).

[19] Из сообщения арабского историка Танухи известно, что в Константинополь были направлены послы арабского халифа для переговоров о судьбе пленных сарацин [R. J. H. Jenkins. *The emperor Alexander and the Saracen prisoners* («Studi bizantini e neoellenici», vol. VII, 1953), p. 389 f.]. В составе этого посольства находились сирийцы-христиане, представители Антиохийского и Иерусалимского патриархов; это обстоятельство объясняет, почему послы арабского халифа («измаилиты»), упоминаемые нашей хроникой, могли быть привлечены для суда над Евфимием. Трудность отождествления сообщения Танухи и «Псамафийской хроники» состоит в

том, что посольство халифа было отправлено, по словам Танухи, визирем Али ибн-Иса, занявшим свой пост не ранее августа 913 г., т. е. уже после смерти Александра. Однако Р. Дженкинз полагает,— хотя он и не привлекает нашу хронику,— что описанные Танухи переговоры имели место при Александре, так как арабский историк упоминает «двух молодых императоров», а ими в начале X в. могли быть только Александр и его племянник Константин Багрянородный.

Эд. Курц (Ed. Kurtz, *Kritisches und Exegetisches...,* II, S. 20) видит в похвальном слове Арефы (А. Пападопуло-Керамевс, *Сборник греческих и латинских памятников...,* вып. 1, стр. 29 29-30 также намек на участие в соборе, низложившем Евфимия, членов арабского посольства.

Глава 19

[1] См. гл. 15, прим. 17

[2] Ср. известие хроники Логофета: «Сразу же, как дикие звери, они набросились на достойного священного мужа, рвали честную бороду, толкали его в шею и причиняли ему другие невыносимые мучения, ругая его жеребцом (ἐπιβάτης), развратником и любовником чужой жены. Но этот святой и достойный муж все перенес с кротостью и спокойствием. Он был сослан в Агафов, а когда умер, то был похоронен в городе, в своем монастыре» (Theoph. Cont., p. 378 4).

[3] Трифиллии играли значительную роль в конце VIII в. (комментарий де Боора — VE, S 199 sq.).

[4] Здесь сказывается влияние агиографической традиции; авторы житий постоянно прославляют покорность и непротивление злу (ср., например, F. Dvornik, *La vie de S. Grégoire le Décapolite,* p. 54 12). Как подчеркивается в «Мученичестве Савваитов», аскеты должны терпеливо сносить зло, чтобы тем самым способствовать торжеству Христа над дьяволом [изд. А. И. Пападопуло-Керамевсом («Православный Палестинский сборник», вып. XIX, ч. 3, 1907, стр. 10 29)].

[5] «Буду обуздывать уста мои, доколе нечестивый предо мною» (Псал. 38 2).

Н λεωφόρος — имеется в виду Меса.

Здесь разумеется Форум Августеон, центральная площадь города, на которую выходили Большой дворец и церковь св. Софии (R. Janin, *Constantinople byzantine,* p. 65 sq.).

[8] Δημώδεις καὶ ἀγυρτώδεις (гл. 18, прим. 4.)

[9] Литургия — церковное богослужение, во время которого совершается «таинство» евхаристии.

[10] Алтарем (βῆμα) в православной церкви называют часть храма, отделенную высоким иконостасом и предназначенную исключительно для священнослужителей. В алтаре находится престол, покрытый священными одеждами; на него кладут крест и Евангелие. В алтаре находится также жертвенник, на котором священник совершает проскомидию — первую часть литургии, начинающуюся с того, что вырезают из просфоры частицы кубической формы (так называемого «агнца»); это символизирует рождение Христа.

[11] Псал., 78 1.

[12] Все эти действия Николая (обмывание престола, помазание миром, т. смесью оливкового масла, белого виноградного вина и благовоний) объясняются тем, что он считал богослужение патриарха Евфимия осквернением храма и стремился при помощи мистических обрядов очистить его от «скверны». П. Карлин-Хейтер переводит: «Вылить святое миро» (P Karlin-Hayter, *Vita S. Euthymii,* p. 129), но в слове χεθῆναι такого оттенка нет.

[13] Священник Фома (прим. 5 к гл. 17).

[14] Πῶλος. В вербное воскресенье патриарх из церкви св. Софии отправлялся в храм Сорока мучеников (на Месе? R. Janin, *La géographie ecclésiastique...*, p. 499 sq.) верхом на осле — в память „входа господня в Иерусалим" на осле (πῶλος — Матф. $21_{2, 5, 7}$). [А. Дмитриевский, *Хождение патриарха константинопольского на жребяти в неделю ваий в IX и X веках* («Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского», Л., 1928), стр. 69 и сл.]

[15] Τῶν πενήτων (ср. также: VE, p. 63 17—19). Под этим термином, постоянно встречающемся в новеллах императора Романа Лакапина, современника автора нашей хроники, не всегда скрываются действительные бедняки. Так Григорий, автор «Жития Василия Нового» (С. Г. Вилинский, *Житие св. Василия Нового...*, стр. 319_{10}), называет себя бедняком и в то же время рассказывает, что у него был проастий, который обрабатывал мистий Александр (там же, стр. 320_{13}). Видимо, «бедняка», спасшего патриаршего ослика, нельзя смешивать с теми «нищими», которые поддерживали Николая, о чем с презрением говорит автор. Об этом термине см. также С. Шестаков, *Речи Либания*, т. II, Казань, 1912, стр. 556.

Глава 20

[1] Текст испорчен. Арефа, конечно, был хорошо известен Николаю.

[2] 'Αδάμας — традиционный агиографический образ [ср.: L. Petit, *Vie de S. Euthyme le Jeune*, p. 183_2; AASS, Novembris IV, p. 631 A; A. Vogt, *Vie de S. Luc le Stylite* (Analecta Bollandiana, vol. XXVIII, 1909), p. 15_{11}; ср. у самого Арефы: ἀδαμαντίνως ἔχω (А. Пападопуло-Керамевс, *Varia graeca sacra*, стр. 254_8)]. Другие примеры стилистической близости этого письма к произведениям Арефы были приведены П. Маасом, который считает его вне всяких сомнений подлинным произведением кесарийского митрополита (P. Maas, *Literarisches zu der Vita...* S. 440).

[3] Согласно библейскому мифу (Быт., 4_8), Каин увел Авеля в долину («на поле») и там убил.

[4] Илиада, VI, 448. Автор «Псамафийской хроники» употребляет это выражение не только при передаче письма Арефы, но и в других местах (VE, p. 21_5, 39_{20}).

[5] Поговорку «тогда запоют лебеди, когда галки умолкнут» употребляет Григорий Назианзин, добавляя: «Увидишь, что мое безмолвие лучше твоего многогласия» [Migne, PG, t. XXXVII, col. 212 B; ср. L. Sternbach, *Dilucidationes Nazianzenicae* («Eos», vol. XVI, 1910), p. 19 sq.].

[6] Τῶν καπήλων καὶ μαγειρισκαρίων. Ср. гл. 18, прим. 4.

[7] Референдарий — видный чиновник при патриархе, ведавший перепиской; вместе с тем он играл важную роль во всевозможных церемониях, например подводил высших духовных лиц к императору для совершения обряда целования [R. Guilland, *Le décanos et le référendaire* (REB, vol. V, 1947), p. 97 sq.].

[8] Ср. Theoph. Cont., p. 378 18: «Александр, хотя давно уже имел эту (царскую. — *А. К.*) обязанность, из-за подозрений своего брата Льва совершенно не занимался царскими делами, вел изнеженный образ жизни, увлекался охотой и предавался неге и разврату; когда он стал править один, то не совершил ничего благородного или достойного упоминания».

[9] Упоминается только здесь (R. Janin, *La géographie ecclésiastique...* p. 344).

[10] В тексте: ἀφροδισίου αὐτοῦ ἔρωτος κωλυθεὶ καὶ ἀνενεργήτου ἐπὶ τούτῳ μένοντος.

[11] Κάθισμα — императорское кресло на ипподроме.

[12] Ирод (40—4 гг. до н. э.), царь Иудеи, — согласно христианской легенде тиран, умерший от тяжелой болезни. Эд. Курц (Ed. Kurtz, *Kritisches und Exegetisches...*, II, S. 21), указав, что Арефа в

похвальном слове Евфимию также сравнивает смерть Александра со смертью Ирода, видел в этом свидетельство влияния Арефы на анонимного автора. Однако подобное сравнение вполне могло быть «общим местом» агиографической литературы.

[13] Ср.: Theoph. Cont., p. 380$_{14}$: «Он был поражен божьим мечом, и кровь хлынула из ноздрей и срамного органа; он умер через два дня, 6 июня, в воскресенье».

Глава 21

[1] После бегства Андроника Дуки к арабам Лев пытался вернуть его обратно, однако Самона подкупил араба, доставлявшего Андронику письма от императора, и побудил его выдать переписку визирю. Андроник был арестован и, по-видимому, погиб в тюрьме. Константин, который находился вместе с ним у арабов, избежал ареста и вернулся на родину (R. Janin, *Un arabe ministre à Byzance*, p. 314). Дуки были одним из могущественнейших родов в Византии начала X в., они прославлены, в частности, в византийском героическом эпосе «Дигенис Акрит» (J. Mavrogordato, *Digenes Akrites*, Oxford, 1956, p. XXXVIII f.).

[2] Функции ректора неясны: Ш. Лекривен без достаточных оснований видит в нем председателя синклита (Ch. Lécrivain, *Le Sénat romain...*, p. 229); Р. Гийан предполагает, отмечая, впрочем, гипотетичность этого суждения, что ректор был управителем дворца и советником императора [R. Guilland, *Le réctorat* («Memorial L. Petit», 1948), p. 187]. В 973 г. ректор Василий занимал должность логофета геникона (финансового ведомства) — Lavra, № 11$_6$ [дата этой грамоты — 994 г., см. F. Dölger, *Zur Testgestaltung der Lavraurkunden* (BZ, Bd. XXXIX, 1939), S. 33 f.] и Lavra № 12$_{46}$; о печати ректора Василия см. G. Schlumberger, *Mélanges d'archéologie byzantine*, Paris, 1895, p. 243 sq. По-видимому, ректор был титулом, а не должностью.

Упомянутый здесь ректор Иоанн тождествен Иоанну Лазарю, который был назначен ректором при Александре (Theoph. Cont., p. 378$_{23}$); по сообщению Логофета, он был членом регентского совета в малолетство Константина VII; императрица Зоя изгнала его из дворца, и вскоре он умер в результате несчастного случая на ипподроме (R. Guilland, *Le réctorat*, p. 187).

[3] Хроника Логофета называет в числе опекунов еще Василицу и Гавриилопула (Theoph. Cont. p. 380$_{17}$), разбогатевших и выдвинувшихся в кратковременное правление Александра. Василица был по происхождению славянином (Βασιλίτζην τὸν ἀπὸ Σχλαβισίαν) (Theoph. Cont., p. 379$_{3-5}$); В. Златарский (В. Н. Златарский, *История...*, т. I, ч. 2, стр. 358) и С. Рэнсимен (S. Runciman, *The emperor Romanus Lecapenus...*, p. 46) считают славянами обоих. Согласно „Житию Василия Нового" (С. Г Вилинский, *Житие св. Василия Нового...*, стр. 291$_{26}$) управление перешло к Николаю Мистику и магистру Иоанну Гариде. Ж. Гэй (J. Gay, *Le patriarche Nicolas le Mistique...*, p. 93) полагает, что власть была сосредоточена в руках Николая Мистика.

[4] 6 июня 913 г. (гл. 20, прим. 13); он правил, таким образом, с мая 912 до июня 913 г.

[5] Церковная служба по умершему, которая справлялась на третий день после смерти (P. Karlin-Hayter, *Vita S. Euthymii*, p. 137, n. 2).

[6] Халка — вымощенный мрамором вестибюль, который вел с площади Августеон в Большой дворец; от площади он был отделен железными «большими вратами» (μεγάλη πύλη) (J. Labarte, *Le Palais...*, p. 61; Д. Ф. Беляев, *Byzantina*, кн. 1, стр. 131 и сл.).

[7] Ἔνδοθεν τῆς χαλκῆς πύλης. Де Боор справедливо предлагает вычеркнуть πύλης.

[8] Хроника Логофета рассказывает, что после смерти императора Александра доместик схол Константин Дука был призван некоторыми константинопольскими вельможами для того, чтобы захватить власть. Он явился с отрядом отборных воинов и остановился в доме своего зятя Григоры. Сторонники Константина Дуки — патрикий Константин и монах Эладик — собрались у него на совет. Было решено немедленно начать восстание. Ранним утром, когда ночная мгла еще не рассеялась, сторонники Дуки с факелами, окруженные вооруженной толпой (λαοῦ πολλοῦ καὶ ὅπλων) (Theoph. Cont., p. 719 8; в другом варианте вместо ὅπλων—ὄχλου ibid., p. 382 17), собрались у ворот ипподрома и провозгласили Дуку императором.

Затем восставшие отправились к Большому дворцу и через «Железные врата Халки» (Theoph. Cont., p. 383 3 — см. выше, прим. 6) проникли в него. В Халке и завязалось сражение; противники Дуки во главе с Иоанном Эладой оказали упорное сопротивление. В битве пали Григорий, сын Константина Дуки, Михаил, его брат, армянин Куртикий. Сам Дука пытался бежать, но его сбросили с коня и отрубили голову. После подавления восстания наказанию подверглись зять Дуки магистр Григора, Константин Эладик, известный уже нам Лев Хиросфакт и др. От Хрисополя до Левкаты (на азиатском берегу Босфора — R. Janin, *Constantinople byzantine,* p. 456) были установлены виселицы, на которых казнили участников восстания [διδύμοις ξύλοις πάντας ἀνεσκολόπισαν (Theoph. Cont., p. 384 19; в тексте — ἀνεσκολόπισεν; исправляю в соответствии с параллельным местом (ibid., p. 721 3); Δίδυμα ξύλα — „деревянные вилы" — и есть орудие казни, furca].

В ватиканской рукописи Георгия Монаха (В. М. Истрин, *Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха,* т. II, Пг., 1922, стр. 39 20) содержится любопытная вставка в текст хроники Логофета: «Как передают некоторые, патриарх Николай, не зная еще, что Александр вручил ему управление, передал Артавасду письмо... и послал его к Константину Дуке, призывая явиться в столицу и захватить власть».

Подробный рассказ об этих событиях, написанный, несомненно, на основании личных впечатлений, содержится в «Житии Василия Нового» (С. Г Вилинский, *Житие св. Василия Нового...,* стр. 291—294). Там рассказывается, что тяжелое положение Константинополя, страдавшего от набегов «варваров» (имеются в виду болгары), заставило население города взбунтоваться против патриарха Николая, который и написал письмо Константину Дуке (он назван здесь стратигом Анатолика). Дука сперва отказался выступить претендентом на престол. Николай вновь и вновь пишет ему, утверждая, что все царство ромеев призывает его править; патриарх даже принес клятву на кресте, и только после этого Дука отправился в Константинополь. Он разбил свой лагерь на ипподроме, и собравшаяся там знать провозгласила его императором. После этого Николай (автор «Жития» относится к нему крайне отрицательно) выступил против Дуки. Начались военные действия: сторонники Дуки, окружив дворец, пытались проникнуть в него; при этом автор «Жития» утверждает, что Дука будто бы даже приказал не обнажать оружие. Он потерпел поражение, был разбит, и «стратиоты, или, лучше сказать, палачи», отнесли его голову Николаю. Многие патрикии и магистры были казнены, а число трупов доходило до трех тысяч.

Автор «Жития» явно сочувствует Дуке, рисуя его образ чуть ли не в сказочных тонах; он заставляет пленных агарян говорить о Дуке: «Когда он мчится на нас во время битвы, мы видим, как из ноздрей его коня вырывается огонь, равно как и с его оружия, и он, сжигая, повер-

гает нас». Имя Константина Дуки долгое время было популярным в народных массах империи; в начале 30-х годов X в. это имя принял вождь восставшей бедноты в феме Опсикий — Василий по прозвищу «Медная Рука» [А. П. Каждан, *«Великое восстание» Василия Медной Руки* (ВВ, т. IV, 1951), стр. 81].

Возможно, что именно о восстании Константина Дуки идет речь в письме патриарха Николая к болгарскому царю Симеону, где патриарх говорит о «тиране», который «вчера или позавчера» восстал против царей и вскоре получил наказание за свои нечестивые поступки (Migne, PG, t. CXI, col, 52 B—C).

Социальные и политические корни событий 913 г. пока еще не выяснены. С. Рэнсимен (S. Runciman, *The emperor Romanus Lecapenus...*, p. 49) сводит все к личным интригам Николая Мистика и других деятелей, но с этим трудно согласиться. Николай Мистик, продолжавший политическую линию Фотия, отражал интересы провинциальной феодальной знати. Вместе с тем он, подобно Льву Хиросфакту, заискивал перед константинопольским плебсом, о чем неоднократно сообщает «Псамафийская хроника». По-видимому, недовольство константинопольского плебса (о волнениях в городе упоминает «Житие Василия Нового») и заставило Николая обратиться к кумиру плебса — доместику схол Константину Дуке. Однако двойственная природа константинопольского плебса [А. П. Каждан, *Социальный состав населения византийских городов в IX—X вв.* (ВВ, т. VIII, 1956), стр. 90] обусловила непоследовательность политики Николая Мистика и его разрыв с Дукой.

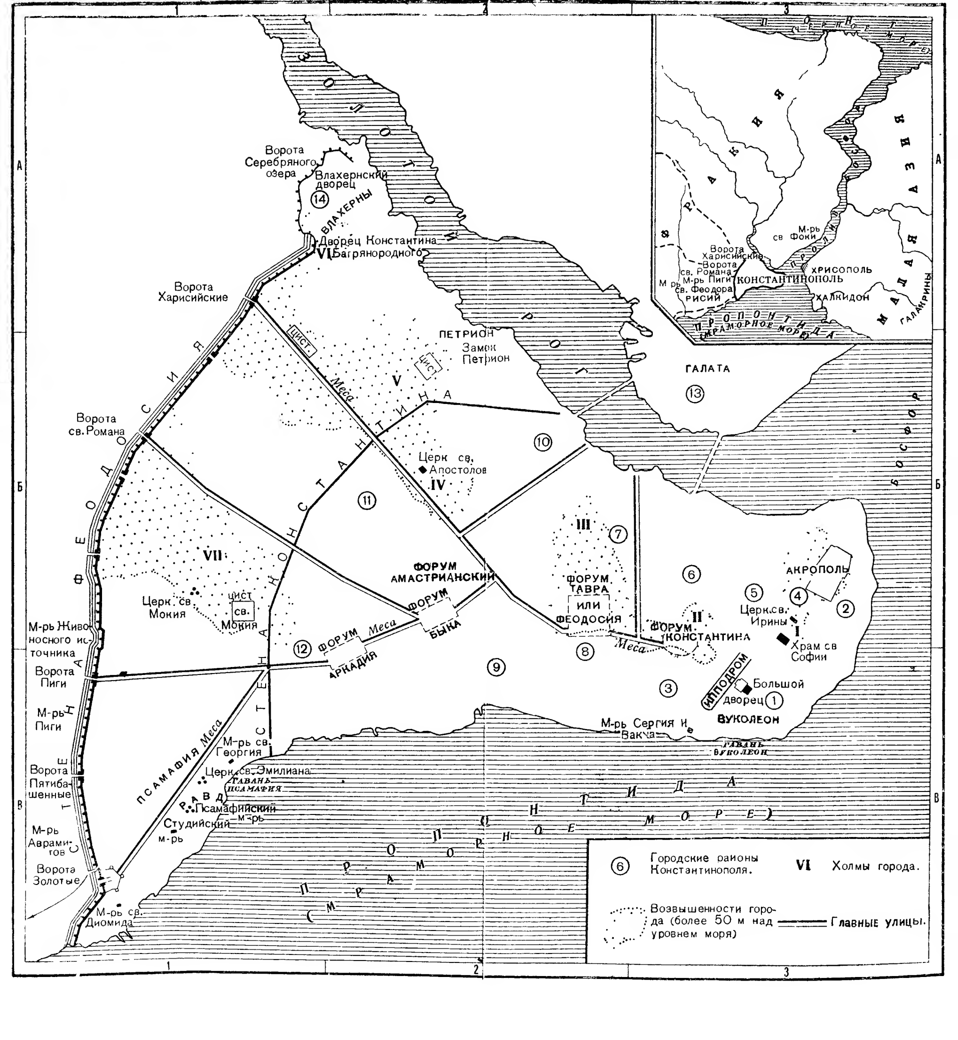
Волнения 913 г. затронули, видимо, и провинцию. В одном из писем Николай жаловался на то, что в городе Неаполе (?) после смерти императора (речь может идти только об Александре) жители изгнали архиепископа, рукоположенного Николаем, и поставили на его место нового (Migne, PG, t. CXI, col. 373 A).

9 Хотя насильственное пострижение в монастырь было нарушением канонических правил, это не мешало считать его действительным; лишь в редких случаях удавалось отменять пострижение, ссылаясь на нарушение канонов и обычаев. Употребление мясной пищи в день пострижения могло быть использовано как основание для отмены пострижения.

10 Бегство Николая Мистика приходится примерно на февраль 914 г., если считать со времени смерти Александра. Автор «Псамафийской хроники» ничего не говорит о важнейших политических событиях, как поход болгарского царя Симеона на Константинополь и мирные переговоры между болгарскими послами и византийскими сановниками; с византийской стороны в этих переговорах участвовал Николай Мистик (август 913 г.) (В. Златарский, *Первый поход болгарского царя Симеона на Константинополь*). Во время переговоров на Симеона была возложена кесарская корона [G. Ostrogorsky, *Die Krönung Symeons von Bulgarien durch den Patriarchen Nikolaos Mystikos* («Известия на Българския археологически институт», т. IX, 1935)].

11 Церковь в средние века повсеместно имела право убежища; о применении этого права в Византии IX—X вв. свидетельствует ряд источников. Так, Фотий рассказывает об асикрите Христодуле, который искал спасения в храме (Migne, PG, t. CII, col. 624); во время событий 963 г. в храме св. Софии искали убежища родственники Никифора Фоки, опасавшиеся мести всесильного временщика паракимомена Иосифа Вринги (De cerim., p. 435; Leo Diaconus, *Historia,* Bonnae, 1828, p. 45 sq.).

12 Евфимий имеет в виду патриарха Игнатия, низложенного в 858 г. и восстановленного при Василии I; между сторонниками Игнатия и Фотия шла ожесточенная борьба, прекратившаяся лишь в самом конце

ПЛАН КОНСТАНТИНОПОЛЯ

IX в. (гл. 10, прим. 17). Автор нашей хроники сдержанно, но недоброжелательно относится к Фотию.

В этой связи следует отметить, что среди писем Фотия имеется одно послание, адресованное «монаху Евфимию»; Фотий резко порицает Евфимия, считает его дерзким и подчеркивает, что ни желание достигнуть царствия небесного, ни страх перед неизбежным наказанием, ни пример других, пребывающих в подобном же нечестии, не заставили его принять трезвое решение и отказаться от дерзости; Фотий даже готов предположить, что у Евфимия под человеческим обликом скрывается демоническая природа (Migne, PG, t. CII, col. 885 D—888 A). Конечно, нельзя утверждать, что этот упрямый противник Фотия, о котором мы знаем так мало, действительно будущий патриарх Евфимий, однако отождествление этих лиц следует признать возможным.

[13] Автор хроники имеет в виду собор, созванный в июле 920 г., на котором состоялось примирение между сторонниками Евфимия и Николая. При этом было подтверждено — как и требовал Николай Мистик — запрещение четвертого брака (G Ostrogorsky, *History...*, p. 240 f.). Решения собора были закреплены в изданном Николаем «Томе единения» (V. Grumel, *Les regestes...*, № 669). Коронация Константина VII состоялась 9 июня 911 г.

Глава 22

[1] Точнее: „подвергнутого эпитимье" (ἐπιτιμώμενος).

Возможно, что именно к этому времени относится послание Николая Мистика «монаху Евфимию», где патриарх говорит о своей духовной близости с Евфимием вопреки разделяющему их расстоянию (Migne, PG, t. CXI, col. 376 B).

[3] Может быть, монастырь св. Пантелеймона, который стоял на северном конце моста св. Пантелеймона, построенного через Золотой Рог в районе Влахерн? (A. van Millingen, *Byzantine Constantinople,* p. 174 f.; R. Janin, *La géographie ecclesiastique...* p. 402 sq.). День св Пантелеймона — 27 июля (здесь 917 г.).

Глава 23

День обретения его тела, ибо день мученичества св. Стефана — 27 декабря.

[2] Эконом — один из наиболее влиятельных монахов, управлявший имуществом церкви или монастыря. Здесь экономом назван представитель игумена, ведавший подчиненным монастырьком, так называемым метохом.

[3] Τύπος — устав, или типикон, т. е. сборник правил, регулировавших жизнь монастыря. Большое число таких типиконов дошло до нас [Pl. de Meester, *Les typiques de fondation* («Atti del V Congr Intern. di Studi Biz.», vol. II, 1940), и указанную там литературу]. В списке потерянных типиконов (ibid., p. 504 sq.) П. де Мэстер не упоминает устав Евфимия для Псамафийского монастыря. Словосочетание τύπος καὶ κανών см. также Lavra, № 14 $_{12}$. Встречается и выражение κανονικὸς τύπος (Pl. de Meester, *Les typiques...*, p. 489, n. 1).

[4] Ἡ οἰκειόγραφος ἐμοῦ αὐτοῦ ἕνωσις.

[5] Ср. описание смерти патриарха Игнатия в его житии (Migne, PG, t. CV, col. 557 B sq.). Трактовка перехода к смерти здесь принципиально отлична от той, какую мы находим в эпосе «Дигенис Акрита», сохранившем элементы языческого мировоззрения и рассматривающем смерть не как начало свободной жизни, а как конец ее (предисловие, стр. 17 и сл.).

[6] Конъектура де Боора.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

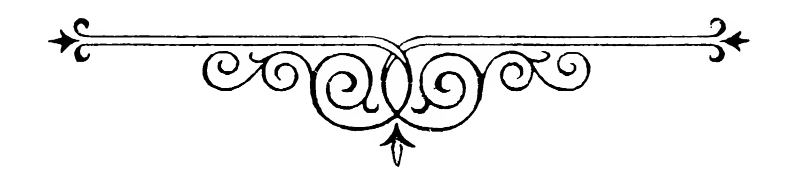
866, 19 сент.	— рождение Льва VI.
870, 6 янв.	— провозглашение Льва соправителем.
881—882	— свадьба Льва и Феофано.
882—883	— смерть Евдокии Ингерины, матери Льва.
883—885	— арест Льва по приказу Василия I.
886, 29 авг	— смерть Василия I. Начало самодержавия Льва VI.
886	— арест Сантаварина. Низложение и ссылка Фотия.
886, дек.	— избрание патриархом Стефана, брата Льва.
888—889	— назначение Стилиана Заутцы василеопатором.
889—893	— перенос торговли с болгарами в Фессалонику.
893	— начало войны с Болгарией.
893, 17—18 мая	смерть патриарха Стефана.
893, август	— избрание патриархом Антония Кавлея.
895? ноябрь	— смерть императрицы Феофано.
896	— поражение византийцев в битве при Болгарофигоне.
896—898	— заключение Евфимия в монастырь Диомида.
898—900	— переписка Стилиана Мапы с папой Иоанном IX по вопросу об объединении церквей.
898	— коронование Зои Заутцы.
899, начало	— смерть Стилиана Заутцы.
899—900	— смерть Зои Заутцы.
900?	— возвышение Самоны.
900	— коронование Евдокии Вайаны.
900	— заговор Александра, брата Льва VI.
900, лето	— начало военных действиий Абv-л-Аббаса в Сицилии.
901, 12 февр.	— смерть патриарха Антония Кавлея.
901, 1 марта	— речь Арефы, в которой упоминается о недовольстве знати правлением Льва VI.
901, 1 марта	— избрание Николая Мистика патриархом.
901, 12 апр.	— смерть Евдокии Вайаны.
901, 17 окт.	— торжественная процессия в Константинополе по случаю перенесения мощей св. Лазаря.
902	— отвоевание Федосиополя у арабов отрядом Льва Катакила.
902	— падение Таормины, последнего византийского города в Сицилии. Выступление Николая Мистика в защиту Евстахия Аргира, командовавшего византийскими войсками на западе.

902, конец	— избрание Арефы архиепископом Кесарии.
903, 11 мая	— покушение Стилиана на императора в храме св. Мокия.
904, июль	— захват Фессалоники войсками Льва Триполийского.
904	— посольство Льва Хиросфакта к болгарскому царю Симеону.
904, конец	— мнимое бегство Самоны. Арест его Константином Дукой.
904, ноябрь — декабрь	— победа Андроника Дуки в битве при Мараше.
905	возвращение Самоны к власти.
905, 17—18 мая	— рождение Константина VII Багрянородного.
906, 6 янв.	— крещение Константина.
906, июнь — июль	— четвертый брак Льва VI (с Зоей Карбонопсидой). Наложение эпитимьи на Льва.
906, 9 авг.	— предложение Николая Мистика снять эпитимью.
906, 6 окт.	— победа Имерия над арабами.
906, осень	— мятеж Андроника Дуки.
906—907	— посольство Льва Хиросфакта и асикрита Симеона к римскому папе и восточным патриархам.
906, 26 дек.	— отказ Николая Мистика снять эпитимью.
907, 6 янв.	вторичный отказ Николая Мистика снять эпитимью.
907, 1 февр.	— ссылка Николая Мистика в Галакрины. Ссылка Арефы во Фракию.
907, февр.	— синод по вопросу о четвертом браке Льва VI.
907, февр.	— бегство Андроника Дуки из Кавалы к арабам.
907, февр.	— отречение Николая Мистика.
907	— избрание Евфимия патриархом
907	— нападение русских на Константинополь. Заключение первого договора.
908	— отставка Самоны.
911, 9 июня	— коронация Константина VII.
911, сент	— договор русских с Византией.
912	— поражение Имерия в битве с арабами у Хиоса.
912	— восстановление Николая Мистика на патриаршем престоле.
912, 11 мая	— смерть Льва VI. Начало самодержавия Александра.
912—913	— начало войны с Болгарией.
912—913	— ссылка Евфимия в проастий Агафов.
913, 6 июня	— смерть Александра.
913, июнь	— восстание под руководством Константина Дуки.
913	— регентство Николая Мистика.
913, конец	— возвращение Зои Карбонопсиды во дворец.
917, 5 авг.	— смерть Евфимия.
920, июль	— примирение сторонников Евфимия и Николая.
925, май	— конец патриаршества Николая Мистика.

ИОАНН КАМЕНИАТА

ВЗЯТИЕ ФЕССАЛОНИКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Р. А. НАСЛЕДОВОЙ

ПЕРЕВОД

С. В. ПОЛЯКОВОЙ и

И. В. ФЕЛЕНКОВСКОЙ

КОММЕНТАРИЙ

Р. А. НАСЛЕДОВОЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сочинение Иоанна Камениаты „Взятие Фессалоники“ (Ἰωάννου κληρικοῦ καὶ κουβουκλεισίου τοῦ Καμενιάτου εἰς τὴν ἅλωσιν τῆς Θεσσαλονίκης) впервые было издано и переведено на латинский язык в середине XVII столетия книгохранителем Ватиканской библиотеки греком Львом Аллацием по рукописи, хранящейся в Cod. Vat. 172[1]. В 1685 г. оно было переиздано в Парижском собрании византийских писателей с „Писателями после Феофана“[2]. Этот том Парижского собрания подготавливал к печати Франциск Комбефиз, однако ему не удалось завершить начатое дело: книга вышла в свет уже после его смерти без научного аппарата и даже без общего к вошедшим в нее византийским источникам предисловия.

Ф. Комбефизу принадлежит перевод сочинения Камениаты на латинский язык, которое разделено им на 79 глав (в издании Аллация — 45 глав), на полях сделаны ссылки на Новый и Ветхий Завет к цитатам из Библии, а в отдельных случаях — правка греческого текста.

Последующие издания сочинения Камениаты — в 1838 г. Беккера в Боннском корпусе византийских историков[3] и в 1863 г. Миня в «Греческой патрологии»[4] — явились, по существу, повторением издания Комбефиза: Беккер отметил лишь разночтения между изданиями Аллация и Комбефиза и внесен-

[1] «*Leonis Allatii* Σύμμικτα» vol. II, Coloniae Agrippinae, 1653, p. 179 sq.

[2] «*Corpus Byzantinae historiae. Historiae Byzantinae scriptores post Theophanem*», Parisiis, 1685, p. 317 sq.

[3] «*Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus*», Bonnae, 1838, p. 487 sq.—Далее сноски на сочинение Камениаты даются по этому изданию.

[4] Migne, PG, vol. CIX, col. 525 sq.

ные последним поправки, Минь ограничился дословным воспроизведением боннского издания.

Сочинение Иоанна Камениаты уже давно привлекало внимание исследователей. В работах, посвященных истории Фессалоники, а также византийско-славянским и византийско-арабским отношениям в начале X столетия, неизменно использовались ценные сообщения, содержащиеся в труде Камениаты [5]. Однако автору и его произведению в целом уделялось до сих пор незначительное внимание: если не считать кратких сведений, приведенных Мартином Ганке в «De Byzantinarum rerum scriptoribus» работе, вышедшей в свет почти триста лет назад [6], то небольшая заметка К. Крумбахера в его «Истории византийской литературы» [7] да статья А. Штрука, приуроченная к тысячелетию со дня взятия Фессалоники арабами в 904 г. [8], — это, пожалуй, и все, что можно назвать.

Всестороннее использование труда Камениаты затруднялось в известной мере отсутствием снабженного соответствующим комментарием перевода на какой-либо из новых языков [9]. Авторы предлагаемой работы поставили перед собой задачу

См., например: Th. L. Fr. Tafel, *De Thessalonica ejusque agro dissertatio geogrphica,* Berolini, 1839; O. Tafrali, *Topographie de Thessalonique,* Paris, 1913; Епископ Филарет, *Св. великомученик Димитрий и солунские славяне* («Чтения...», М., 1848, кн. 6), стр. 24 и сл. А. А. Васильев, *Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии,* СПб., 1902; В. Н. Златарски, *История на Българската държава презъ средните векове,* т. I, ч. 2, София, 1927; Ch. Delvoye, *Salonique, seconde capitale de l'Empire byzantin, et ses monuments* («Revue de l'Université de Bruxelles», 1950, № 5), p. 391, sq. Р. А. Наследова, *Ремесло и торговля Фессалоники конца IX — начала X в. по данным Иоанна Камениаты* (ВВ, т. VIII), стр. 61 и сл.; Р. А. Наследова, *Македонские славяне конца IX — начала X в. по данным Иоанна Камениаты* (ВВ, т. XI), стр. 82 и сл.

6 *«Martini Hankii de Byzantinarum rerum scriptoribus»,* Lipsiae, 1677, p. 403 sq.

7 K. Krumbacher, *Geschichte der byzantinischen Litteratur, 2-te Auflage.* München, 1897, S. 265—266.

8 A. Struck, *Die Eroberung Thessalonikes durch die Sarazenen im Jahre 904* (BZ, Bd. XIV, Heft 1, 2, Leipzig, 1905), S. 535 sq.— Попытк извлечь и критически проанализировать исторические сведения, имеющиеся в сочинении Иоанна Камениаты, а также дать характеристику его социального положения и мировоззрения сделал автор настоящей статьи в кандидатской диссертации «Город Фессалоника и македонские славяне по данным Иоанна Камениаты», Ленинград, 1954 (рукопись).

9 До настоящего времени были переведены лишь отдельные незначительные отрывки из сочинения Камениаты на немецкий язык К. Дитрихом [K. Dieterich, *Byzantinische Quellen zur Länder-und Völkerkunde* («Quellen und Forschungen zur Erd- und Kulturkunde», Bd. V, Teil 1, 2, Leipzig, 1912), S. 109—111] и на сербский М. Райковичем [М. Pajkobuħ, *Јован Каменијат* („Византиски извори за историју народа Југослави е", т. I, Београд, 1955), стр. 2 65—272].

восполнить по мере сил имеющийся пробел, чтобы сделать это ценное и оригинальное произведение византийской литературы более доступным широкому кругу историков.

Сочинение Иоанна Камениаты посвящено описанию захвата и ограбления в 904 г. Фессалоники, второго по величине и значению города Византийской империи, арабскими корсарами.

Действия арабских пиратов в конце IX — начале X в. приняли для Византии весьма опасный характер. Столь прославленная буржуазными учеными завоевательная политика императоров Македонской династии (867—1056) достигла наибольшей активности позднее, при императорах Никифоре Фоке (963—969) и Василии II (976—1025). При первых же представителях этой династии экспансионистские планы византийских феодалов встречали сильное противодействие со стороны арабов и болгар, главных в то время врагов империи. В царствование Льва VI (886—912) Византийская империя нередко терпела поражения и на суше и на море. Недальновидная политика этого императора привела к тому, что болгарский царь Симеон начал против Византии войну [10], в результате которой империя была вынуждена пойти на новые уступки. Начавшийся еще в начале IX в. процесс постепенного распада Аббасидского халифата, хотя и значительно ослабил его мощь, однако военные действия, предпринимаемые правителями местных эмиратов, причиняли большой ущерб пограничным областям и прибрежным районам Византии. Особенно тяжелые удары на море в первые годы X в. наносили империи флоты сирийских и критских арабов, часто действовавшие совместно. С Крита, ставшего со времени завоевания его испанскими арабами в царствование Михаила II (820—829) опорной базой арабских пиратов, они предпринимали опустошительные набеги на острова и побережье Эгейского моря [11].

В июле 904 г. предводитель мусульманского пиратского флота греческий ренегат Лев Триполийский [12] задумал даже нападение на столицу империи Константинополь. Его флот вступил в Геллеспонт, захватил Абидос и подошел к гавани Парий. Однако, то ли не желая вступить в бой с высланным против него императорским флотом, то ли устрашившись узкого фарватера Геллеспонта, Лев неожиданно повернул назад, вы-

---

[10] См. коммент., гл. 6, прим. 12.

[11] Обстоятельное описание разбойничьих действий арабских пиратов в первые годы X столетия на основе византийских и арабских источников имеется в кн.: А. А. Васильев, *Византия и арабы*, стр. 132 и сл.— Материалы по этому вопросу, содержащиеся в житийной литературе, собраны А. П. Рудаковым (*«Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии»*, М., 1917, стр. 163 и сл.).

[12] См. коммент., гл. 24, прим. 1.

шел в Эгейское море, обогнул полуостров Халкидику и направился к Фессалонике. После трехдневной осады арабы ворвались в город и подвергли его страшному опустошению.

Это событие и явилось темой сочинения Иоанна Камениаты — его непосредственного очевидца и участника, попавшего вместе со своей семьей в плен к арабам[13]. Определить точно, в каком году написан им этот труд, не представляется возможным. Предположение Филарета и М. Дринова о том, что Камениата закончил свое сочинение в 905 г., не подкреплено какими-либо доказательствами[14]. Несомненно только то, что оно было написано вдали от Фессалоники, во время пребывания Камениаты в плену: заканчивая свое повествование, он пишет: «Здесь (в Тарсе. — *Р. Н.*) мы живет в ожидании, что либо освободимся благодаря давно обусловленному обмену (Лев Триполийский обещал Камениате и его родственникам, что они получат свободу по предстоящему обмену пленными между греками и арабами у Тарса. — *Р. Н.*), либо будем призваны смертью... всегда близкой для того, кто живет в неволе»[15]. Согласно сообщению Табари, обмен пленными между арабами и греками на реке Ламусе, близ Тарса, где обычно производились такие обмены, был начат в конце сентября 905 г.[16]. Однако из свидетельства того же Табари и других арабских историков известно, что обмен этот продолжался

Помимо сочинения Камениаты, кратких сообщений византийских хронистов (Leon. Gram., p. 277_{5-20}; Georg. Cont., p. 863_{4-17}; Theoph. Cont. p. 368_{1-15}; Ps.-Sym., p. 707_{19} — 708_{3}; Cedr.., II, p. 362_{16}—363_{7}) и некоторых арабских источников, указанных А. А. Васильевым (*Византия и арабы*, стр. 141, прим. 2), о нападении Льва Триполийского на Фессалонику сообщают, как это недавно показал А. Грегуар (H. Grégoire, *Le communiqué arabe sur la prise de Thessalonique (904)*, Byz., XXII, 1952, p. 373 sq.), Табари и Сибт ибн аль-Джаузи; их свидетельства о нападении Льва на Антакию (Anṭākiya) А. А. Васильев (*Византия и арабы*, стр. 138—139) и вслед за ним некоторые другие историки [см., например, В. Н. Златарски, *История...*, стр. 326; M. Canard, *Deux épisodes des relation diplomatiques arabo-byzantines au X-e siècle* (Institut français de Damas. «Bulletin d'études orientales», vol. XIII, 1951), p. 55 sq.] ошибочно относили к Атталии, в то время Anṭākiya является искаженной формой написания слова Фессалоника (в арабских источниках — Salūnīkiya, Sālūkiya).

[14] Епископ Филарет, *Св. великомученик Димитрий...*, стр. 24; М. С. Дринов, *Заселение Балканского полуострова славянами* («Чтения...», М., 1872, кн. 4), стр. 167.

[15] Cam., p. 598_{21}—599_{4}; см. А. А. Васильев, *Византия и арабы*, стр. 151, прим. 3; ср. Ch. Delvoye, *Salonique...*, p. 417, который совершенно произвольно указывает, что Камениате удалось вернуться на родину. Об этом у нас нет никаких сведений.

[16] Табари, III, p. 2254 (А. А. Васильев, *Византия и арабы*, стр. 154, прим. 3; приложение, стр. 15).

всего четыре дня, а затем внезапно был прерван греками [17]. Таким образом, утверждать, что именно тогда Камениата получил свободу и, следовательно, уже к этому времени написал свое сочинение, нельзя. Следующий обмен пленных, известный под названием «дополнительного к обмену 905 г.», происходил на реке Ламусе в 908 г. [18]; эту дату, очевидно, и следует принять за terminus ante quem написания «Взятия Фессалоники». Единственным источником, из которого мы можем почерпнуть сведения об авторе, является его труд. Мы узнаем, что Камениата был клириком, принадлежавшим к составу чтецов [19], занимал должность «кувуклисия святейшей фессалоникской митрополии» [20] и являлся «одним из тех клириков, которые служат в царских палатах» [21]; отец его был экзархом Эллады [22].

Иоанн Камениата принадлежал к весьма состоятельному фессалоникскому семейству: стремясь добиться от одного из предводителей арабов обещания сохранить жизнь себе и своим близким, он предложил выкуп, «равного которому не найти ни у кого другого во всем городе» [23]. Вряд ли можно заподозрить его в слишком большом преувеличении: арабы тотчас согласились на поставленные условия и получили обещанные драгоценности [24].

---

[17] См.: А. А. Васильев, *Византия и арабы*, стр. 155, прим. 1.— В описании этого обмена А. А. Васильев (стр. 154—155) допускает некоторые неточности. По его предположению, неожиданное прекращение обмена греками объясняется разорением Атталии и Фессалоники, «после чего в первый момент византийское правительство решило порвать мирные переговоры». Однако более чем годичная давность нападения арабов на Фессалонику (июль 904 г.) никак не могла сыграть роль «первого момента» в действиях византийского правительства, к тому же самые переговоры об обмене пленными были начаты, как указывает А. А. Васильев, в середине 905 г., когда разорение Фессалоники было таким же свершившимся фактом, как и в сентябре. Непонятно также замечание А. А. Васильева о том, что обмен 905 г. «был тот самый обмен, переговоры о котором были известны Льву Триполитянину; последний... обещал солунским пленникам, что они будут выкуплены и возвратятся на родину по предполагавшемуся обмену у Тарса». Но каким образом могли быть известны Льву Триполийскому летом 904 г., во время захвата Фессалоники, переговоры, начатые только в середине 905 г.? Очевидно, ему были известны переговоры по этому вопросу, происходившие между послами Льва VI и халифом аль-Муктафи в 903 г. (см.: А. А. Васильев, *Византия и арабы,* стр. 137).— О возможной причине прекращения обмена пленными в 905 г. ср. M. Canard, *Deux épisodes...*, p. 55.

[18] А. А. Васильев, *Византия и арабы*, стр. 163.

[19] Cam. p. 547 $_{5-8}$, см. коммент., гл. 55, прим. 2.

[20] Ibid., p. 600 $_{4}$, см. там же.

[21] Ibid., p. 563 $_{17}$, см., там же.

[22] Ibid., p. 563 , см. там же, прим. 1.

[23] Ibid., p. 553 $_{16-18}$.

[24] Ibid., p. 553$_{18}$—559$_{3}$, 562$_{3-7}$, 564$_{5}$

Попав в плен к арабам, Иоанн Камениата и его родственники вместе с остальными пленниками были доставлены на Крит, где значительная часть фессалоникийцев была продана в рабство[25]. Камениата с женой и двумя детьми[26], его отец, мать, три брата, сестра и брат отца[27] согласно договоренности с Львом Триполийским были отправлены в Триполи[28], а затем в Тарс, где должны были ожидать обмена пленными.

Как уже было отмечено в свое время К. Крумбахером[29], Камениата не был профессиональным писателем и дошедшее до нас сочинение является, очевидно, его единственным литературным трудом. Приняться за такое непривычное дело заставила его, «человека неискушенного и непривычного к сочинительству»[30], лишь беда, стрясшаяся с Фессалоникой, и упорные просьбы его друга Григория Каппадокийского.

Повествование открывается вступлением, где автор прославляет достоинства Григория Каппадокийского, в форме обращения к которому и ведется рассказ, объясняет обстоятельства, побудившие его написать сочинение, и вкратце сообщает, о чем он намеревается поведать (гл. 1—2). Непосредственно произведение свое он начинает восхвалением благочестия Фессалоники (гл. 3), а затем обстоятельно описывает окрестности города (гл. 3—7). Рассказав о крепостных укреплениях (гл. 8), Камениата отмечает, что перед нападением арабов во всей прилегающей к Фессалонике области царил глубокий мир и жители наслаждались благоденствием; далее он сообщает об оживленной торговле, которая велась в Фессалонике, превозносит образованность городской молодежи, величие и убранство храмов и красоту церковных песнопений (гл. 9—12). Наконец, после довольно пространных рассуждений о том, что захват и разграбление Фессалоники пиратским флотом Льва Триполийского явились заслуженной карой за грехи ее жителей (гл. 12—15), он описывает приготовления к обороне, а также осаду города (гл. 16—34). Подробно рассказав о каждом дне осады, автор рисует картины грабежа и убийств, последовавших за взятием города, повествует о захвате жителей в плен

[25] На Крите была продана и золовка Камениаты (Cam., p. 590 $_{16}$).

[26] Третий его ребенок погиб во время переезда на Крит (Cam., p. 590 $_{18}$).

[27] Cam., p. 563, 577.

[28] В Триполи умер отец Камениаты (Cam., p. 598 $_{16}$); А. Штрук (A. Struck, *Die Eroberung Thessalonikes*..., S. 536) указывает, что младшие братья Камениаты сражались в рядах защитников Фессалоники против арабов. На это в сочинении нет, однако, ни малейшего намека; более того, Лев Триполийский, обращаясь к Камениате, его отцу и братьям, подчеркивает, что им удалось сохранить жизнь благодаря тому, что они были захвачены в плен безоружными (ἀόπλους — Cam., p. 564 $_{4}$).

[29] K. Krumbacher, *Geschichte der byzantinischen Litteratur*, S. 266.

[30] Cam., p. 599 $_{17-19}$.

(гл. 35—64), об их мучительном плавании в трюмах арабских кораблей на Крит и в Сирию и о продаже в рабство. Произведение заканчивается просьбой к Григорию Каппадокийскому помолиться о благополучном завершении всех бед, выпавших на долю Камениаты и его семьи (гл. 79).

79 глав сочинения Иоанна Камениаты весьма неравнозначны по своей исторической ценности. К наиболее интересным разделам следует отнести описание окрестностей Фессалоники. Мы узнаем, что земли, простирающиеся к востоку и западу от города, обильно орошенные водами источников и горных речек, были тщательно возделаны; при этом земли, лежавшие в непосредственной близости к городской черте, были отведены под сады и виноградники, а более отдаленные — под пашни. На равнине, расположенной к востоку от города, находились, помимо того, пастбища, а также озера, снабжавшие Фессалонику и ближайшие селения рыбой. Изобиловали рыбой и реки, протекающие по равнине западнее Фессалоники [31].

Обстоятельное описание фессалоникских окрестностей позволяет установить, что пригородное сельское хозяйство было весьма интенсивным и являлось той экономической базой, на которой основывалось процветание Фессалоники. Здесь сочетались основные отрасли сельского хозяйства: хлебопашество, скотоводство, садоводство, виноградарство и рыболовство.

В ряде глав содержатся весьма ценные сведения о судьбах некоторых славянских племен, участвовавших в VI—VII столетиях в неоднократных вторжениях «варваров» в пределы Византийской империи и осевших на территории Македонии, в районах, прилегающих к Фессалонике. Эти сведения представляют особый интерес не только потому, что их сообщает житель Фессалоники, современник описываемых событий, но еще и потому, что они относятся к началу X в., когда вооруженные столкновения между империей и славянскими племенами прекратились и сообщения об этих племенах почти исчезают со страниц источников. Свидетельства Камениаты показывают, что, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся в прошлом византийским правительством военные походы, переселения, христианизацию и другие мероприятия, имевшие цель покорить и ассимилировать славянские племена, еще в начале X в. они являлись самостоятельными этническими группами и отнюдь не находились в полном подчинении империи.

Описывая окрестности Фессалоники, автор указывает места расселения славянских племен другувитов, сагудатов и стримонцев. Из его рассказа видно, что они по-прежнему жили

---

[31] Ibid., p. 493_{20} — 496_{21}.

возле города и сохраняли свои старые племенные названия (Σαγουδάτοι, Δρουγουβῖται, Στρυμονίται)[32]. Показания Камениаты об окрестностях Фессалоники и участии славян в обороне города дают возможность уяснить конкретные взаимоотношения, существовавшие в то время между империей и славянскими племенами, а также проливают некоторый свет на занятия другувитов и сагудатов, живших на равнине между Фессалоникой и Верроей. Их основным занятием было, по-видимому, хлебопашество; кроме того, они являлись посредниками в торговле между фессалоникийцами и болгарами[33].

Во времена Камениаты другувиты, сагудаты и стримонцы, как и три столетия назад, когда они совершали нападения на империю, имели своих собственных вождей (ἄρχοντες), которым непосредственно подчинялись[34]. Отношения между империей и жившими в окрестностях Фессалоники славянскими племенами, как это явствует из термина „σύμμαχοι“, применяемого Камениатой, имели союзнический характер[35]. Эти племена должны были, по-видимому, в случае необходимости поставлять империи военные контингенты, однако в действительности эта обязанность оставалась в значительной мере пустой формальностью. Славяне резко противопоставляли свои интересы (τὸ οἰκεῖον) интересам фессалоникийцев, общеимперским (τὸ τοῦ κοινοῦ)[36]. Показания Камениаты об участии славянских воинов в обороне города свидетельствуют также и о том, что еще в X столетии они представляли собой значительную военную силу, состоявшую из многочисленных и искусных отрядов стрелков-лучников (τῆς τοξικῆς ἐμπείρων)[37]

Весьма ценны те разделы сочинения, в которых имеются сведения о ремесле и торговле Фессалоники. Мы узнаем, что до нападения арабов в городскую гавань прибывали торговые корабли «со всех концов земли» (ἁπανταχόθεν)[38]; в городе останавливались и закупали необходимые товары многочисленные путники, следовавшие по знаменитой Via Egnatia, соединявшей Фессалонику с Адриатическим побережьем на западе и с Константинополем на востоке; торговля между фессалоникийцами и приезжими купцами шла весьма оживленно: «легче было пересчитать песчинки на морском берегу, чем людей, проходивших по рыночной площади и занятых торговыми

---

32 Ibid., p. 496$_{4-7}$, 514$_{13-15}$, 546$_{3}$.
33 Ibid., p. 495$_{10}$—496$_{21}$.
34 Ibid. p. 515$_{2-3}$.
35 Ibid. p. 515$_{20}$.
36 Ibid., p. 514$_{19}$—515$_{7}$.
37 Ibid., p. 514$_{16}$.
38 Ibid., p. 500$_{1-2}$.

делами»[39]. Автор сообщает, что к X в. большое значение для Фессалоники приобрела торговля с Болгарией, причем товары доставлялись главным образом по рекам, пересекавшим западную равнину[40]. Не менее ценны сведения о наличии в городе больших запасов меди, железа, олова, свинца и стекла, «которые содействуют процветанию ремесел, связанных с применением огня»; металлов было так много, что «с их помощью можно возвести и отстроить целый город»[41]. Из описания грабежа Фессалоники арабами, захватившими там огромное количество тканей, можно сделать вывод, что в городе было развито также изготовление тканей[42].

Интересные данные об окружавших Фессалонику укреплениях и технических средствах, которые применяли арабы и фессалоникийцы в борьбе за город, содержатся в главах, где описывается подготовка к обороне города и его осада[43].

Обстоятельное описание организации обороны проливает некоторый свет на политическое устройство Фессалоники в начале X столетия. Мы узнаем, что обороной города руководили лица, присланные непосредственно из Константинополя (Петрона, а затем Лев и Никита). Ни о каких местных властях, которые руководили обороной города или хотя бы принимали в ней какое-то участие, Камениата не упоминает, его рассказ не содержит ни малейшего намека на наличие в Фессалонике городского самоуправления. Жители города совершенно не были подготовлены к обороне, не имели никакого воинского опыта, были безоружны и буквально не знали, «за что приняться»[44].

Весьма любопытные, а подчас и совершенно новые, неизвестные из других источников данные сообщает Камениата о положении на островах Эгейского моря, создавшемся вследствие разбойничьих набегов арабских корсаров. Так, например, мы узнаем, что жители острова Наксоса платили дань Криту[45].

Представляют интерес характеристика морального облика жителей Фессалоники, а также (имеющие, правда, библейский налет) показания Камениаты об острых социальных противоречиях, раздиравших фессалоникское общество накануне оса-

---

[39] Ibid., p. 500_{13-21}.
[40] Ibid., p. 496_{8-21}; см. коммент., гл. 6, прим. 10, 11, 12.
[41] Ibid., p. 501_{1-6}.
[42] Ibid., p. 568_{16-21}.
[43] Ibid., p. 509_{14}—537_{5}.
[44] Ibid., ср. работу Ш. Дельвуа (Ch. Delvoye, *Salonique...*, p. 414), который произвольно, без учета времени и обстоятельств, переносит данные о политическом устройстве Фессалоники, сообщаемые источниками XIV в., на IX—X вв.
[45] Cam., p. 583_{14-15}, 596_{3-5}.

ды. «Какие только пороки, говоря правду, нас не обуревали?»— восклицает он. «Разгул, прелюбодеяние, грязные побуждения, ненависть, ложь, воровство, распри, соперничество, злословие, ярость, корыстолюбие, несправедливость и мать всех пороков — зависть равно владели каждым и были присущи всем». «Всякий..., — продолжает он дальше, — вступал в тяжбу с ближним, чтобы приумножить свой достаток за счет чужого; люди... притесняли сирот, посягали на владения вдов...» [46]. Не лишены интереса и сообщения о городских церквах и монастырях, о засилье в городе духовенства и пр. [47].

В сочинении Иоанна Камениаты встречаются, однако, и главы, заполненные богословско-риторическими рассуждениями. Ценность всего труда в значительной степени снижается церковно-монашеской концепцией автора. В идейном отношении сочинение Камениаты весьма близко к произведениям византийской агиографии. Как уже отмечал К. Крумбахер, Камениата «всецело стоит на точке зрения византийского клирика» [48]. Ограниченность мировоззрения богатой и привилегированной прослойки духовенства, к которой принадлежал автор, наложила яркий отпечаток на все его сочинение.

Повествуя о ранней истории Фессалоники, Камениата считает нужным сказать лишь о том, что первым ее наставником в благочестии был апостол Павел, что в этом городе подвизался великомученик Димитрий и пастыри последующих времен всегда хранили в чистоте православное учение; первейшую славу и гордость Фессалоники он усматривает в ее ортодоксальности [49].

В истолковании событий автор не выходит из обычных рамок средневекового мировоззрения: он неустанно повторяет, что падение Фессалоники, так же как землетрясение в Веррое и захват арабами Димитриады, — это божье наказание, ниспосланное за грехи жителей этих городов [50]. В соответствии со своей церковно-монашеской концепцией, избавление Фессалоники от врагов в прошлом он объясняет заступничеством св. Димитрия. «Этот спаситель моей родины, — замечает он,—

---

[46] Ibid., p. 505 $_{1-13}$.

[47] Ibid., p. 502 $_{9-15}$, 547$_{3-5}$, 557$_{12-20}$.

[48] K. Krumbacher, *Geschichte der byzantinischen Litteratur,* S. 265.

[49] Cam., p. 490 $_{12}$—491 $_{13}$; см. K. Krumbacher, *Geschichte der byzantinischen Litteratur,* S. 266.

[50] Cam., p. 505 $_{16-19}$, 506 $_{3}$—507 $_{9}$, 517 $_{16-18}$, 518 $_{12-13}$ и др. Такое же объяснение постигшей Фессалонику катастрофы мы находим в „Псамафийской хронике“ (VE, p. 53$_{31}$) и у патриарха Николая Мистика (Migne, PG, vol. CXI, col. 156C). Наказанием за грехи объясняли взятие города в 1185 г. норманнами Евстафий и в 1430 г. турками Анагност A. Struck, *Die Eroberung Thessalonikes...,* S. 542).

избавлял ее от многих бедствий и не единожды, полный сострадания к ней, даровал Фессалонике победу еще до того, как она успеет испытать тяготы войны» [51].

Иоанн Камениата всячески превозносит стремление «познать множество вещей». Но и здесь он остается на позициях византийского клирика. По его мнению, особенно важно познать то, благодаря чему «душа исполняется страха божьего... учится чуждаться греха как виновника гибели, но следовать добродетели, венец коей — жизнь вечная для избирающих эту стезю» [52].

Камениата с насмешкой и презрением отзывается об Орфее и гомеровской поэзии. «Что значит по сравнению с этим песнопением, — восклицает он, восхваляя церковные псалмопения, — мифический Орфей, гомеровская муза или обманные песни Сирен, изукрашенные ложью вымысла, которые воистину не достойны хвалы, ибо это призрачные слова, совращающие людей и предающие их во власть заблуждения. Язычники обольщались ими попусту, ибо были лишены истинного знания и против самих себя вооружались суесловием своих суеверий» [53].

Подобные выпады против эллинизма мы встречаем у отдельных византийских авторов и в более позднее время [54]. Однако начавшееся в IX в. в Византии возрождение интереса к античной литературе постепенно охватывало все более широкий круг лиц. Деятельность Льва Математика, а затем его ученика патриарха Фотия (858—867; 877—886) была продолжена такими видными представителями византийской литературы конца IX — первой половины X в., как Арефа Кесарийский, Лев Хиросфакт, Анастасий Квестор [55]. По отношению

---

[51] Cam., p. 499 $_{11-13}$.—Ту же чудодейственную силу приписывает Димитрию в гомилии, посвященной взятию Фессалоники арабами в 904 г. и Николай Мистик: «Города опустели, — говорит он, — люди наподобие скота перебиты; жены насильственно отрываются от мужей... где св. Димитрий, непобедимый союзник! Как предал ты на разрушение свой город? Как подвергся стольким несчастьям находившийся под твоею защитою город, недоступный врагам с тех пор, как солнце смотрит на него!» (Migne, PG, vol. CXI, col. 25—26).

[52] Cam., p. 487 $_1$—488 $_3$.

[53] Ibid., p. 503 $_{4-10}$.

[54] Например, у анонимного автора «Жития Фотия Фессалийского», который в не менее острой, чем у Камениаты, форме обрушивается на лживые вымыслы болтливых эллинов (ὁ τῶν Ἑλλήνων ὕθλος). См: Епископ Арсений, *Похвальное слово Фотию Фессалийскому*, Новгород, 1897, стр. 7—8, 21—22; ср.: K. Krumbacher, *Geschichte der byzantinischen Litteratur*, S. 266, Anm. 1.

[55] М. А. Шангин, *Византийские политические деятели первой половины X в.* („Византийский сборник", М.—Л., 1945), стр. 228—248.

к этому прогрессивному течению Иоанн Камениата — современник Фотия и его учеников — занимал самую враждебную позицию. Слепая приверженность к церковному учению, ставившему мудрость священного писания превыше всех знаний и достижений человеческого ума, не позволила ему и здесь подняться до уровня передовых представителей своего времени.

Сочинение Камениаты проникнуто идеей полного смирения человека перед постигшей его судьбой. В соответствии с традиционным церковно-богословским мировоззрением он считает, что все в мире подчинено богу, его божественному промыслу; никто, кроме бога, не может избавить человека от постигшего его несчастья [56]; бог милостив и справедлив, — если он ниспосылает наказания, то делает это в соответствии с прегрешениями людей и к их же пользе [57]; божеское возмездие надо переносить безропотно и терпеливо, уповая на потустороннее блаженство. «Если суждено пострадать за веру, пусть не вырвется у нас ни единого стона, пусть не убоимся мы плотской смерти...» — наставляет отец Камениаты своих родственников. И дальше: «Расставаясь с жизнью, да возблагодарим бога, дабы умереть с надеждой на загробное блаженство» [58].

Камениата при всяком удобном случае превозносит «удивительную добродетель» монахов [59]. Критика фессалоникского общества дается им в чисто евангельском духе, причину всех зол он усматривает... в зависти (!) [60]. Сетуя на то, что фессалоникийцы «привыкли к изнеженному и роскошному образу жизни» и «проводили дни в суетных и пышных забавах», он не делает никакого различия между теми или иными социальными слоями населения [61]. Церковно-монашеская концепция, а также принадлежность к привилегированной социальной прослойке не позволили ему дать объективный анализ причин, обусловивших падение Фессалоники. Хотя Камениата и убежден в том, что проводимые первоначальным руководителем обороны работы по защите Фессалоники, не будь они прерваны присланным ему на смену из Константинополя преемником, обеспечили бы полную безопасность города [62], мы напрасно станем искать у него слова осуждения действий константинопольского правительства, произвольно менявшего руководителей обороны в такой ответственный для города момент, или

---

56 Cam., p. 547_{1}, 549_{14-16}, 551_{1-2}, 583_{7-9}, 594_{4-5}, $595_{14}-596_{2}$.
57 Ibid., p. 506_{1-5}, 507_{8-9}, 542_{15-20}, 549_{7-14}.
58 Ibid., p. 549_{16-22}.
59 Ibid., p. 542_{7-8}, 495_{17}, 542_{12}, 542_{18-20}, 544_{1-2}.
60 Ibid., p. 505_{1-13}, 505_{19-20}.
61 Ibid., p. 516_{15-16}, 505_{20-21}.
62 Ibid., p. 510_{15-17}.

действий вновь прибывшего стратига, немедленно отменившего остроумный и многообещающий план работ своего предшественника. Вместо этого мы находим рассуждения о том, как могло случиться, что монахи, эти «святые души», оказались не в состоянии вымолить у господа бога избавления Фессалоники от стрясшегося с ней несчастья [63].

К. Крумбахер, давая общую оценку сочинению Иоанна Камениаты, отмечал узость политического кругозора автора, а также ограниченность его исторических познаний [64]. На ограниченность исторических и географических познаний Камениаты указывал также А. Штрук [65]. Мы не располагаем какими-либо прямыми указаниями на образование нашего автора. Его лексикон, частые цитаты из Нового Завета и других церковных произведений [66], а также встречающиеся в сочинении риторические отступления свидетельствуют только о хорошей библейской начитанности автора и о некоторых познаниях в области риторики [67] Выпад Камениаты против эллинизма, о котором мы говорили выше, хотя и свидетельствует о некотором его знакомстве с античной литературой, не позволяет еще судить о его образованности. Тем не менее замечания Крумбахера и Штрука требуют некоторых пояснений и оговорок.

Необходимо прежде всего отметить, что Иоанн Камениата не рассматривал свое сочинение как исторический труд. Его главной целью было принести «духовную пользу» своим соотечественникам, показав, что захват и разграбление Фессалоники арабами были возмездием за «распри и порочность нашей жизни» [68], а также оставить назидание для будущих поколений, чтобы «потомки на нашем примере научились... избегать всего пагубного, дабы и они... прегрешениями, подобными нашим, не навлекли на себя божьего гнева» [69].

Мы уже указывали, с другой стороны, что Камениата преподносит свое сочинение как ответ на настояния Григория Каппадокийского. О чем же просил написать его Григорий? «В своем письме ты выразил желание узнать,— говорит Камениата, обращаясь к Григорию,— как я, попав в руки варваров, томился в неволе, как сменил родную землю на чужие

---

63 Ibid., p. 542 $_{6-20}$; ср. также Cam., p. 518 $_{12-14}$, 518 $_{19-2}$.

64 K. Krumbacher, *Geschichte der byzantinischen Litteratur*, S. 266.

65 A. Struck, *Die Eroberung Thessalonikes...*, S. 537.

66 Cam., p. 488 $_{17-18}$, 499 $_{17}$ — 500 $_{3}$, 504 $_{20-2}$ 505 $_{21-22}$, 507 $_{16-18}$, 518 $_{14-18}$, 587 $_{9-15}$.

67 „Умудренный искусством говорить речи" был и отец Камениаты (Cam., p. 547 $_{1-13}$).

68 Cam. p. 504 $_{5-}$

69 Ibid., p. 504 $_{1-5}$.

края, какова моя отчизна и ее обычай»[70]. В намерения автора входило, «поведав о великолепии (Фессалоники.— *Р. Н.*), рассказать затем о великой беде этого города...»[71].

Узость политического кругозора Камениаты в значительной степени обусловливалась, как мы видим, рамками его сочинения. В то же время можно заметить, что ему известно состояние общеимперских дел, сложившееся в результате арабских набегов. Он рассказывает о захвате арабами многолюдного фессалийского города Димитриады и истреблении его жителей[72], о разграблении арабами многих островов и приморских городов и чинимых ими там зверствах и кровопролитиях[73], о византийском войске, которое вело «постоянные войны с африканскими варварами» в Сицилии[74].

Указания на ограниченность исторической эрудиции Камениаты, проявившейся, по словам Крумбахера, в его легковерном отношении к народным сказаниям и в явных анахронизмах[75], также нуждаются в пояснении. К. Крумбахер обращает внимание на рассказ Камениаты о приморской стене города. Приведем это место: «Южная стена... совсем низкая и отнюдь не приспособлена для обороны... Существует старинное, сохранившееся до наших дней, предание, что город здесь долгие времена вовсе не был укреплен до тех пор, пока тот, кто в ту пору правил державой ромеев, в страхе перед Ксерксом, царем мидян, который на море воздвиг сушу и с неисчислимым войском пошел на Элладу войной, не обнес город с этой стороны невысокой, как позволяли обстоятельства, стеной»[76].

Никакой «державы ромеев» с единым властелином во главе во время знаменитого похода Ксеркса (486—465 до н. э.) на Грецию, как известно, не существовало, как не существовало и самой Фессалоники, основанной лишь в конце IV в. до н. э. царем Македонии Кассандром (ок. 355—297 до н. э.). Однако, если признать достоверным свидетельство Страбона о том, что Фессалоника была основана на месте небольшого македонского города Термы[77], то сообщение Камениаты о постройке

[70] Ibid., p. 489 $_{5-8}$.

[71] Ibid., p. 497 $_{23}$—498 $_{2}$.

[72] Ibid., p. 506 $_{16}$—507 $_{1}$.

[73] Ibid., p. 504 $_{13-15}$, 511 $_{20}$—512 $_{1}$; 512 $_{5-13}$.

[74] Ibid., p. 569 $_{12-13}$.

[75] K. Krumbacher, *Geschichte der byzantinischen Litteratur*, S. 266.

[76] Cam., p. 498 $_{11-20}$.

[77] Strab., t. II, p. 81.— Некоторые ученые склонны считать это показание Страбона неточным, полагая, что Терма была расположена несколько юго-восточнее Фессалоники (см., например, Δήμιτσα, Ἡ Μακεδονία ἐν λίθοις φθεγγομένοις καὶ μνημείοις σωζομένοις, Ἀθῆναι, 1896, σ. 403, 404, 422). О Тафрали (O. Tafrali, *Topographie*..., p. 5—7; O. Tafrali, *Thessalonique*..., p. 1) оставляет этот вопрос открытым.

здесь во время похода Ксеркса приморской стены не будет выглядеть столь фантастичным. Ксеркс, начав в 480 г. свой поход, перейдя Стримон, двинулся с армией вглубь Македонии, а флоту приказал плыть в Термейский залив. В 481 г. Терма, где была назначена встреча персидских армии и флота, была оккупирована Ксерксом [78]. Нет, таким образом, ничего невероятного в том, что жители города в ожидании персидского флота и, возможно даже, по тайному приказу македонского царя Александра I (495—450), известного в истории под прозвищем Филэллин («друг эллинов»), наскоро возвели здесь приморскую стену, сохранившуюся в полуразрушенном виде вплоть до начала X в. [79].

Небезынтересно здесь также указать, что в крупнейшем агиографическом памятнике Фессалоники — знаменитых «Чудесах св. Димитрия» при описании осады города в 597 г. объединенными силами аваров и славян говорится, что в подступившем к городу огромном войске горожане видели как бы «новую армию Ксеркса» (Νέον Ξέρξου στρατόν) [80].

Не вполне обосновано и указание А. Штрука на неточность географических познаний Камениаты. Он, действительно, называет полуостров Паллину (Кассандры) островом [81]. В этом нет, однако, ошибки, так как через перешеек (шириной около 1 *км*), соединяющий Паллину с основным массивом полуострова Халкидика, был прорыт канал, фактически превративший Паллину в остров [82].

Что касается сетований Камениаты на то, что предпринятый им труд превышает его силы [83] и он не в состоянии выполнить свою задачу по причине невежества и грубости [84], то их следует в значительной мере отнести за счет довольно обычного в византийской, особенно агиографической, литературе

[78] Herod., p. 171—174; ср.: O. Tafrali, *Thessalonique...*, p. 2.

[79] В некоторых местах стены, окружавшей Фессалонику с суши и построенной в византийское время, О. Тафрали еще в начале нашего столетия обнаружил незначительные остатки стены эллинистического периода (O. Tafrali, *Topographie...*, p. 30, 71—72, 122). Почти полное исчезновение следов приморской стены не позволяет установить первоначальное ее происхождение. О Тафрали (O. Tafrali, *Topographie...*, p. 42) и А. Штрук (A. Struck, *Die Eroberung Thessalonikes...*, S. 546), специально занимавшиеся изучением стен Фессалоники, принимают сообщение Камениаты о том, что приморская стена была построена в давние времена, без какого-либо уточняющего этот вопрос комментария.

[80] Migne, PG, vol. CXVI, col. 1288 A.

[81] Cam., p. 579 $_{16-17}$.

[82] См. В. Г. Васильевский, *Хрисовул имп. Алексея I Комнина Великой Лавре св. Афанасия на Афоне (август 1084 г.)* (ВВ, т. III, 1896), стр. 121.

[83] Cam., p. 592 $_{14-15}$.

[84] Ibid., p. 488 $_{9-11}$, 501 $_{19-22}$, 599 $_{15-16}$.

приема самоуничижения [85]. Наряду с извинениями за многословие [86], обещанием написать свое сочинение в соответствии с истиной [87] и т. п. прием этот свидетельствует лишь хорошем знании автором тех литературных схем, которые были распространены в византийской литературе [88]. Ему, несомненно, были хорошо известны произведения византийской и, в частности, местной, фессалоникской, агиографии. Возможно, что при описании осады Фессалоники он заимствовал изобразительные средства из «Чудес св. Димитрия», о которых, кстати, есть прямое упоминание в его сочинении [89].

Следование принятым в византийской литературе схемам и приемам отнюдь не лишает, однако, сочинение Камениаты оригинальности. Его труд, принадлежащий перу очевидца и непосредственного участника описанных в нем событий, выгодно отличается достоверностью фактического материала и живостью изложения от произведений компилятивного характера — хроник, энциклопедий, сборников житий, составляющих основной фонд византийской литературы. Несомненно художественно написаны Камениатой главы, посвященные описанию Фессалоники и ее окрестностей [90], очень ярко переданы диалоги и «плачи», а также сцены, которые он наблюдал после вступления арабов в город [91].

По своему историческому значению, языку и стилю сочинение Камениаты принадлежит к числу интереснейших произведений византийской литературы и, несомненно, заслуживает самого большого внимания.

---

[85] Ср.: K. Krumbacher, *Geschichte der byzantinischen Litteratur,* S. 266.

[86] Cam., p. 508_1, 497_1—498_6.

[87] Cam., p. 502_{4-5}, 489_{2-4}.

[88] Известное композиционное и фабульное сходство между сочинением Иоанна Камениаты и письмом Феодосия, сиракузского монаха, поведавшего дьякону Льву о завоевании Сиракуз арабами в мае 880 г., объясняется, по-видимому, совпадением сюжета, принадлежностью обоих авторов к духовному сословию и тем, что в судьбе их было много общего. Как и Камениата, Феодосий попал в плен к арабам и был заключен в тюрьму (в Палермо), откуда и написал письмо Льву. Значительную часть своего повествования он, как и Камениата, посвятил описанию осады и рассказу о своей участи. (См.: K. Krumbacher, *Geschichte der byzantinischen Litteratur,* S. 252.)

[89] Ср. напр.: Cam., p. 524_{2-7} и Migne, PG, vol. CXVI, col. 1329B.

[90] Cam., p. 491—496.

[91] Ibid., p. 537—577.

КЛИРИКА И КУВУКЛИСИЯ ИОАННА КАМЕНИАТЫ «ВЗЯТИЕ ФЕССАЛОНИКИ»

1. Сколь прекрасна ревность о благом, ибо она свидетельствует об обладании всяческой добродетелью! У тебя, Григорий, отличнейший и ученейший из людей [1], она сказалась, наряду с другими устремлениями твоего любомудрия, и в том письме, которое ты обращаешь к нам [2], домогаясь все узнать из наших ответов. Ведь немалые добродетели и ревность показывает желание познать множество вещей, в особенности те, благодаря коим душа исполняется страха божьего, обогащает благими побуждениями разумную сторону нашего существа и учится чуждаться греха как виновника гибели, но следовать добродетели, венец коей — жизнь вечная для избирающих эту стезю [3]. Доселе я по двум причинам откладывал исполнение твоей просьбы: с одной стороны, потому, что затруднялся писать о подобных вещах тебе, человеку, чьи слова управляют поступками, а последние в полном согласии со словами совершенно сочетаются между собой (ведь о твоих совершенствах уже идет великая слава, и, хотя сам ты молчишь, она достигла и нашего слуха); с другой же стороны, не чувствуя себя в силах складно рассказать то, о чем ты расспрашиваешь, я пользовался присущей мне простотой как благовидным оправданием, дабы не оскорбить и не умалить своей повестью величия будящих твою любознательность событий, которые едва ли не весь круг земной наполнили молвой о себе [4]. Но когда мне наряду с тем, о чем я уже упомянул, пришло на ум, как бы, ко всем прегрешениям, я не был привлечен к ответу за ослушание, грех по природе своей страшный и гибельный, во времена оны склонивший наших прародителей к презрению даже божеского закона, я приступаю ныне к исполнению твоей просьбы, вверившись твоему благосклонному и сочувственному расположению. Я уверен, что неумелость и несвязность моего рассказа, равно как и заключенная в нем суть, не встретят осуждения ни со стороны твоего искусства, ни со стороны

исполненных глубокого познания суждений твоей совершенной и великой мудрости, но, напротив, все, что я собираюсь поведать, правдивое и чуждое всяких прикрас и вымысла, не подвергнется хуле.

2. В своем письме ты выразил желание узнать, как я, попав в руки варваров [1], томился в неволе, как сменил родную землю на чужие края, какова моя отчизна и ее обычай. Ты уверяешь, что за время краткого общения, которое выпало нам на долю, когда ты был в Триполи [2], ты убедился, что история моя длинна, и все пережитое мною ранее и еще угрожающее в будущем ни с чем не сравнимо и превосходит все ужасы трагедий. Ибо и сам тогда, терпя одинаковое с моим несчастье, скитался с другими пленниками, которые, как ты говорил, были твоими соотечественниками-каппадокийцами [3], попал в Триполи, направляясь в Антиохию [4], не веря, что страданиям твоим настанет конец. Когда же ты увидел нас со следами недавних мучений и выражением пережитого ужаса на лицах, то самая бледность наша, по твоим словам, безмолвно вопияла о страданиях. Однако если бы я вздумал рассказывать все перенесенное подробно, повесть моя получилась бы бесконечной, и я, нарушив закон соразмерности, вышел бы за пределы необходимого. Пусть же мне не придется признать, что я злоупотребляю твоим и без того утомленным вниманием, хотя ты и стремишься меня выслушать. Итак, раз ты пообещал сочувственно отнестись к моим словам, я начинаю свой рассказ.

3. Родом я, друг мой, из Фессалоники [1], и с этим городом, где изведал многое, чего раньше не знал, я тебя и познакомлю прежде всего. Так как мы подружились совсем недавно, то я расскажу о своей родине; Фессалоника — первый в Македонии и обширный город — богата всем, что создает городам славу, и ни в чем — уже не говоря о красоте — не уступает ни одному из соседей [2], а особенно славна своим благочестием, которое, усвоив издревле, сохранила по сей день. Ведь Фессалоника гордится тем, что наставником ее в благочестии был сам апостол Павел [3], этот сосуд избранный [4], евангельской проповедью объявший все земли от Иерусалима до Иллирика [5], который здесь прежде, чем в других городах, посеял семена божественного познания и возревновал о получении обильных плодов веры [6]. Кроме Павла, Фессалоника славится и святым Димитрием мироточивым, удостоенным великомученического венца, также совершившим великий подвиг во имя веры [7] (помимо всех совершенств добродетели, он выдавался постижением божественного учения и был украшен великим знанием догматов, благодаря чему слава его и достигла пределов земли) [8], а затем всеми пастырями последующих вре-

мен, твердо отстаивавшими спасительное слово божие; пестуемый и руководимый их святым наставлением, город освободился от нечистых бесовских заблуждений и языческих вымыслов, в которые верят те, кто служит демонам. Приверженностью к учению истинному он доказал свою веру и, от века не примешав к божественным семенам никакой плевелы, никакого еретического или чужеродного плода, сохранил ее чистой и незапятнанной [9]. Множество у Фессалоники и других достоинств; черпая из их сокровищницы, молва прославляла ее имя, превознося как первое присущее ей свойство то, что она предана истинной вере, выдается ею и ею славится превыше, чем всем другим. Поелику ты стремишься услышать как можно больше о самом городе, а мне невозможно и едва ли уместно в настоящей повести охватить все, то я, прибавив немногое и лишь то, что поможет тебе составить впечатление о Фессалонике, обращусь к рассказу о своих собственных несчастиях.

4. Фессалоника, как я уже сказал, обширна и занимает большое пространство; она окружена стенами и надежными укреплениями [1] и, насколько благодаря им возможно, охраняет безопасность жителей. К югу от города лежит морской залив [2]; омываемая с одной стороны его водами, Фессалоника открывает прибывающим отовсюду кораблям удобный к себе доступ, ибо там образуется глубокая бухта, совершенно недоступная бурям, что позволяет мореходам безопасно причалить и спокойно стоять на якоре. Искусный строитель отрезал фессалоникийскую бухту от моря; преградив буйство волн воздвигнутым посередине молом, он вместе с тем защитил гавань от морских бурь. Море ведь, вздувая валы и обрушиваясь прибоем на землю, сдерживается этой преградой и, не находя применения своей ярости, расступается здесь, а дальше катит свои волны спокойно, так что гавань оказывается недоступной для бурь [3]. Залив отделен от моря мысом [4], подобно косе на большое расстояние врезающимся в воду. Из-за того что мыс уходит далеко в море, фессалоникийцы называют его Экволом [5]. Сужаясь из-за косы к противоположному берегу, залив создает вторую гавань [6]. От мыса до самых стен Фессалоники вода образует прекрасное подобие круга, широко простирающегося к обоим берегам и понемногу сужающегося у города. К югу от залива — открытое море, севернее залива — гавань, а город севернее гавани. Гавань имеет вид четырехугольника, залив кругл и весьма глубок, но изобилие его вод сдерживается далеко от берега.

5. Такова Фессалоника с юга; северная же ее часть, напротив, лежит на крутых холмах. Здесь возвышается господствую-

щая над окружающими холмами гора[1], на которой, поднимаясь над остальной равниной, расположена значительная часть города; половина Фессалоники, таким образом, лежит на равнине и удобна для жителей, а половина раскинулась в гористой и холмистой местности. Это, однако, городу не во вред, ибо подобное его расположение не позволяет врагам безнаказанно нападать с вершины и угрожать стенам; местность эта дает нападающим лишь малую возможность избежать противодействия, так как простирающаяся здесь равнина лишает их преимущества. Отсюда гора на большое расстояние простирается к востоку; недоступная благодаря своим утесам и ущельям, она возвышается и господствует над остальной местностью. Оба склона горы — я говорю о южном и северном — переходят в удобные цветущие равнины, дарующие жителям возможность всяческого благоденствия. Та, что лежит к югу от горы, к востоку от города, поистине прекрасна и сладостна[2]. Она изобилует тенистыми деревьями, всевозможными садами, щедрыми водами рек и источников, которыми горные чащи дарят равнину и оделяют также и самое море. Виноградные лозы густо покрывают землю и обилием своих гроздьев радуют жадный до прекрасного взор[3]. Бесчисленные обители монахов расположились по склону горы и у ее подножия и, раскинувшись в самых красивых местах, являют и путникам и здешним жителям прекрасное зрелище[4]. Равнина, которая простирается от левого склона горы, также тянется вдаль и вширь, так что достигает соседних гор[5]. Посреди нее ты увидишь два обширных озера[6], которые занимают бо́льшую часть равнины и тоже приносят немалую пользу. Ведь в них водится большое количество всевозможной мелкой и крупной рыбы[7], в изобилии потребляемой как окружающими деревнями, так и самой Фессало́никой. Озера словно состязаются с морем и соревнуют в том, кто из них даст более обильные дары. Побеждают то озера, то море, и победитель не знает поэтому, за кем признать поражение. Остальная равнина частично предназначена для землепашца, частично отведена под пастбища как для послушных человеку, так и для живущих на воле животных; олени, например, покидают горы, словно влекомые озерными водами, и, обретая в них обильное питье, соединяются здесь в одно стадо с коровами и пасутся вместе.

6. Теперь, когда местность к востоку, северу и югу от Фессалоники описана достаточно подробно, пора нам рассказать, как сумеем, и о пространствах, что лежат к западу. Есть еще одна равнина, начинающаяся от Эквола[1]; справа она примыкает к горе, а слева доходит до моря, в несказанной красе представая взорам[2]. Та ее часть, что может гордиться соседством

как с городом, так и с морем, орошается водами; она убрана венком из виноградников, густо разросшихся деревьев и садов, украшена множеством жилищ и святых храмов, большинство которых принадлежит монашеским общинам, подвизающимся во всяческих подвигах добродетели и живущим только богом, к которому устремляются и во имя которого, избрав единственную ведущую к нему стезю, они покинули житейские волнения. Далее равнина на большое расстояние становится безлесной; она покрыта травой, весьма пригодна для возделывания [3] и тянется на запад до других высоких гор, туда, где расположен город Верроя [4], славный своими жителями и всем, что обеспечивает городу цветущее состояние [5]. В средней части этой равнины разбросаны вперемежку различные селения; одни, занятые другувитами и сагудатами [6], подчинены Фессалонике [7], другие платят подати одному из скифских племен [8], живущему бок о бок с ними. Впрочем, все эти селения расположены в теснейшей близости друг к другу, и то, что фессалоникийцы благодаря торговле связаны со скифами [9], особенно когда они в мирных отношениях и не поднимают оружия, приносит, в добавление к другим преимуществам, немалые выгоды городу. К дружбе те и другие стремятся издавна и, сохраняя глубокий и прочный мир [10], в постоянном общении приносят друг другу пользу [11]. Многоводные реки, беря начало в скифских пределах и пересекая упомянутую равнину, сами доставляют Фессалонике изобилие рыбы и открывают доступ морским кораблям, благодаря которым вместе с речными водами прибывает множество товаров [12].

7. Однако неприметно для себя я растянул рассказ обо всем этом больше, чем сулил тебе вначале. Поступить так заставила меня прежде всего любовь к отчизне, сладостно предающаяся воспоминаниям и благодаря возникающим в памяти картинам словно живущая в самих словах, а также ревностность и настойчивость твоего любомудрого внимания, которое ты с самого начала пообещал подарить мне всецело, говоря, что ничто стороннее не отвлекает его и не стоит между ним и моей повестью. Вот что меня побуждало. Ведь обычно вещи, наиболее для нас желанные, нерасторжимыми оковами связывают и рассказчика и слушателя, ибо ни взор от сладостных картин, ни слух от любезных созвучий не отказываются легко и с готовностью, и доставляющая отраду речь не умолкает, пока не достигнет предела, к которому стремится изначально. Обратимся же к описанию самого города. Доколе нам словно в зеркале показывать Фессалонику или пытаться заимствованными извне красками живописать оригинал, когда надлежит в подобающем рассказе изложить события, дабы все, пока еще

окутанное для тебя туманом, проступило яснее. Ведь посулив вначале описать в меру сил моих Фессалонику, какой она была и во что обратилась впоследствии, я, словно отказавшись от описания города и столько времени — этот упрек сделал бы мне всякий — посвятив подробностям, своей медлительностью подвергаю опасности повествование о самом важном. Пора снова вернуться к Фессалонике и, поведав о великолепии, рассказать затем о знаменитой беде этого города, дабы, сколько он превосходит все другие своей блистательностью, стольких удостоился слез и сожалений.

8. Мы уже сказали, как раскинулась Фессалоника и вдаль и вширь и сколь обширное пространство она заключает в своих стенах. Обращенная к равнине часть городской стены благодаря толстой кладке весьма надежна и крепка; она защищает город своим передним укреплением с множеством выступов и брустверов [1], так что жители совершенно избавлены от страха. Южная стена, напротив того, совсем низкая и отнюдь не приспособлена для обороны. Думается мне, что в стародавние времена строитель пренебрег ее укреплением, не предвидя нападения со стороны моря. Существует древнее, сохранившееся до наших дней, предание, что город здесь долгие времена вовсе не был укреплен, пока тот, кто в ту пору правил державой ромеев, в страхе перед Ксерксом, царем мидян [2], который на море воздвиг сушу и с неисчислимым войском пошел на Элладу войной [3], не обнес город с этой стороны невысокой, как позволяли обстоятельства, стеной [4]. С тех самых пор вплоть до настоящего времени стена так и стоит, и он думал, что никогда и никому даже не придет на ум, что опасность будет грозить отсюда. Да, город перевидал на своем веку не одну тяжелую битву — и с варварами и с теми же соседними скифами, насмотрелся на всевозможные вражеские хитрости и на всяческие племена, подступавшие к его стенам полчищами, неисчислимые, как морской песок, и ревновавшие о том, чтобы город не выдержал их нападения (а ведь они были воистину необоримы в своем натиске и превосходно вооружены) [5].

Однако столкновения происходили на суше [6], и город благодаря надежной стене отражал нападения и избежал всех опасностей, вверяя свою защиту тому, кто постоянно и ревностно оборонял его — я говорю о преславном мученике Димитрии [7]. Этот спаситель моей родины избавлял ее от многих бедствий и не единожды, полный сострадания к ней, даровал Фессалонике победу еще до того, как она успеет испытать тяготы войны. Но предоставим все это книгам, повествующим о чудесах святого Димитрия [8], и продолжим наш рассказ.

9. Итак, по названным мною причинам Фессалоника не стра-

шилась никаких опасностей. С тех пор как купель божественного крещения обратила скифское племя и ему, наравне с христианами, уделено от млека благочестия, прекратился мятеж городов, опустился меч, привыкший к убийству[1], и сбылось воочию некогда предреченное громогласнейшим из пророков — Исайей. Мечи наши перекованы на серпы, копья — на орала[2], война исчезла отовсюду, и мир воцарился в соседних пределах; не было таких благ, которых мы не вкушали бы до пресыщения,— обильны были плоды земледелия, разнообразны предметы торговли. Ведь и земля и море, наши давние слуги, щедро одаряли нас великим изобилием благ. Если же был в чем-нибудь недостаток или земля чего-нибудь не родила, море мудро приходило ей на помощь и в избытке доставляло все, в чем была нужда.

Какие же из кораблей, приходивших со всех концов земли, мне назвать в первую очередь, что упомянуть из тех товаров, которыми они услаждали моих сограждан, получая взамен наши?

Большая государственная дорога[3], ведущая с запада на восток, проходила через Фессалонику и поневоле склоняла путников остановиться и здесь закупать все необходимое. Поэтому мы оказывались обладателями всевозможных, каких только ни назовешь, благ. Улицы города всегда наполняла пестрая толпа фессалоникийцев и проезжих гостей, так что легче было пересчитать песчинки на морском берегу, чем людей, проходивших по рыночной площади и занятых торговыми делами. У многих здесь накопились несметные сокровища — золото, серебро и драгоценные камни, а шелковые ткани шли наравне с шерстяными[4]. Обо всем остальном — меди, железе, свинце, олове и стекле, т. е. тех материалах, которые содействуют процветанию ремесел, связанных с применением огня, я считаю излишним упоминать, потому что в Фессалонике их столько, что с их помощью можно возвести и отстроить целый город.

10. Неужели же при подобном благоденствии и изобилии Фессалоника, блиставшая искусством своих мастеров и гордившаяся пышностью построек, уступала другим городам в соблюдении законов и гражданских установлений или в образованности? Никоим образом! Ибо она лелеяла науки, как зеницу ока, а благозаконие,— как самое жизнь. Ты мог бы видеть, что юношество здесь предается одному постижению мудрости; здесь черпают силы науки и искусства. Сумею ли я словами дать представление о мелодическом богатстве песнопений или о сладостных напевах певцов и усердии клира? Как мне описать все это? Ведь до сих пор, сам не пойму как, увлеченный потоками речи, словно не замечая своего невежества, будто

и не принадлежа к людям, вовсе неумудренным в науках и неотесанным, я смиренно тщился поведать о том, чего жаждало твое любомудрие. Теперь же, поелику я упомянул о мелодическом сладкогласии песнопений, дух мой смятен, и я не знаю, о чем поведать, о каком умолчать из сладчайших и стройных напевов, в которых смертные сливали свои голоса с силами небесными и коими сопровождали праздничные торжества. Если бы кто пожелал эти звуки, в общем праздничном песнопении согласно воссылаемые всевышнему всеми устами, уподобить гласу ангелов, прославляющих бога в обители блаженных, он не ошибся бы!

11. Храмы, величественные и прекрасные своим богатым убранством, разбросаны по всему городу [1], как всенародные искупительные дары всевышнему. Самые выдающиеся среди них — храм всемогущей и божественной премудрости всевышнего слова [2] и церковь святой приснодевы богородицы [3]; не уступает им и храм упомянутого уже мною достославного и победой венчанного мученика Димитрия [4], поставленный там, где он свершил святые подвиги и восприял победную награду. Собирая народ по чередою наступающим праздникам в своих стенах, храмы эти даруют прихожанам несказанное блаженство и духовную усладу. В каждом — свои чины священников, совершающих богослужение, и корпорации чтецов, исполняющих служебные песнопения [5]. Попеременно затягивая слова гимнов и сопровождая эти звуки движениями рук, этот многоголосый и сладостный сонм и чарует взор великолепием сверкающих риз, и услаждает слух искусным псалмопением. Что по сравнению с этим песнопением значит мифический Орфей [6], гомеровская муза [7] или обманные песни Сирен [8], изукрашенные ложью вымысла, которые воистину не достойны хвалы, ибо это — призрачные слова, совращающие людей и предающие их во власть заблуждения. Язычники обольщались ими попусту, ибо были лишены истинного знания и против самих себя вооружались суесловием своих суеверий. Мы же почитали истинное и истинному возносили песнопения.

12. Поэтому меня охватывает дрожь, трепет и изумление при мысли о том, как случилось, что столь величественное пение, несравнимое по своему благолепию ни с одним из наших приношений всевышнему, сразу смолкло, исчезло, отлетело, как сновидение. Я думаю, что мы, будучи грешниками, проповедовали божественные, по слову псаломопевца, уставы, и наша греховность сделала бесплодным это преславное и святое богослужение, ибо всевышний отверг прославление и почитание грешных и нечистых уст [1].

Доколе же нам молчать об истинной причине обрушившего-

ся на нас бедствия? Пусть потомки на нашем примере научатся служить богу живому и истинному и избегать всего пагубного, дабы и они не сошли со стези праведной и прегрешениями, подобными нашим, не навлекли на себя божьего гнева. Ведь то великое отмщение, о котором страшно даже вспоминать, мы познали не за что другое, как за свою неправедную и греховную жизнь, за распри и зло, возникшие потому, что в Фессалонику стекались люди всякого племени и всякой земли и каждый приносил с собой присущие ему пороки, которыми щедро награждал ближнего; из-за здешнего изобилия, о нем я уже говорил, жители ближайших местностей и городов селились в Фессалонике; особенно охотно те, кому удалось спастись с островов, уже захваченных погаными агарянами [2], в надежде, что они тут не испытают тревог войны [3]. Познали мы отмщение также за безудержную роскошь, беспечность, за изобилие и доступность всего, что доставляет наслаждения; мы были словно забыты господом, вступив на ложный и безысходный путь; по слову апостола, каждого влекли собственные страсти, каждый необузданно поддавался любому искушению, пренебрегая стезей добродетели.

13. Какие только пороки, говоря правду, нас не обуревали? Разгул, прелюбодеяние, грязные побуждения, ненависть, ложь, воровство, распри, соперничество, злословие, ярость, корыстолюбие, несправедливость и мать всех пороков — зависть равно владели каждым и были присущи всем.

Не было среди нас человека, кто на деле радел бы о ближнем, но всякий коварно замышлял причинить ему вред. Никто по душевному состраданию не желал уделить нуждающемуся от своего добра, но, напротив того, вступал в тяжбу с ближним, чтобы приумножить свой достаток за счет чужого; люди лукавили друг с другом, рукоприкладствовали, клеветали, предавались всевозможным порокам, притесняли сирот, посягали на владения вдов, затевали ссоры. И каков конец всего этого? Я не решаюсь говорить о столь огромных бедствиях и не мог бы, кажется, вернуться вновь к воспоминаниям о том, что мы все перенесли. Но поелику нельзя молчать о событии, благодаря коему мы оставили всему миру великое и страшное назидание, я начну свою повесть об этой знаменитой беде, дабы ты сам увидел, каково воздаяние за грехи.

Когда мы роскошествовали, проводя дни в суетных и пышных забавах, когда, по словам псалма, все уклонились, сделались равно непотребными, и не было человека, который искал бы бога [1], тогда-то нас и поразило это страшное бедствие, говоря точнее, катастрофа, или справедливое воздаяние.

14. Подумай, как и в этом милосерд всевышний, желающий

не смерти грешника, но чтобы грешник сошел с пути своего и жив был [1]. Зная, сколь неудержимо наше мерзостное стремление ко злу, что делает он, дабы отвратить нас от греха и заставить раскаяться? Прежде всего поразив землетрясением уже упомянутый мною соседний Фессалонике город — я говорю о Веррое — вместе со всей округой, так что многие жители погибли, какую цель преследовал господь этим? Чтобы мы, увидев воочию кару, постигшую других, хотя и поздно, воздержались от греха и направили свои поступки в лоно добродетели. Но поелику мы и после этого бедствия не отступились от присущего нам с давних пор обычая, господь избирает иной путь наставления, являя на примере ближних, бедствие, предстоящее и нам, буде мы не раскаемся. Другой греческий город, Димитриада, расположенный недалеко от нас и превосходящий соседние города количеством своих жителей и всем другим, в чем обычно состоит гордость городов, незадолго до захвата Фессалоники оказался во власти варваров [2]. Когда город после осады пал, едва ли не все его жители погибли от меча; это привело нас к мысли, что и мы претерпим такое же бедствие, если не расстанемся со своими пороками, и мы узнавали в испытаниях этого города, словно от одаренного речью надгробия, заслуженную нами судьбу.

15. Но пусть никто не заключит из моих слов, будто эти города ради нас изведали такие ужасы. Несчастия, я полагаю, явились для них, как впоследствии и для нас, карой за их собственные пороки, ибо всевышний каждому определяет возмездие в меру его прегрешений. В этих бедствиях, если бы мы обратили их себе во благо, нам легко было обрести путь для собственного вразумления и спасения. Но раз господь, испытующий сердца [1], узрел, что дух наш объят гибельными стремлениями и чужд спасительных заповедей и наставляющих истине побуждений, благодаря коим мыслящая и разумная часть души обращается к добру, избегая скверны, порождающей, по слову апостола, гнев против сыновей ослушания [2], должно было уничтожить зло, дабы оно, распространясь, не осквернило и других; всевышний для того поразил нас этими приводящими в трепет невероятными бедствиями, чтобы мы, поелику горе ближних нас не наставило, выстрадали свое и послужили примером остальным людям.

16. Но к чему это многословие? Пора приняться за свою повесть и рассказать о том, как мы вынесли тяжелую осаду, дабы потомки наши почерпнули в этом предупреждение и красноречивое поучение. В один прекрасный день прибывает посланец благочестивейшего императора Льва [1], правившего державой ромеев, с вестью о нашествии варваров (я имею в

виду поганых агарян) и приказом тотчас вооружаться. Он рассказывает, что перебежчики открыли императору намерения варваров и сказали, что удар будет направлен на Фессалонику, ибо многие захваченные в плен осведомили варваров о том, что со стороны моря город уязвим и не выдержит натиска. Когда ужасная весть была объявлена, в городе поднялся крик, всех охватили страх и смятение,— ведь впервые ушей наших достигло предупреждение о столь невероятной и тревожной опасности; мы решили — увы нам! — бороться за свое спасение, позаботиться об отпоре врагу и вдохновить дух свой на битву. Однако по неопытности в делах войны, не зная, за что приняться, всякий мучился разнообразными заботами. Особенно мы тревожились за городские стены, негодные как раз в том месте, откуда мы ожидали нападения: ведь положение воистину могло внушить страх не только нам, незнакомым с войной и безоружным, но и людям бывалым и имеющим опыт в такого рода делах.

17. Наконец мы решили, если уж обороняться, то под защитой стены, приведя ее в порядок, и на нее преимущественно уповать. Однако императорский посланец (он звался Петрона, имел чин протоспафария [1] и получил приказание некоторое время пробыть в Фессалонике, оказывая необходимую в подобных обстоятельствах помощь) не одобрил нашего плана и сказал, что придумал другой, более остроумный, который окажется спасительным, если только грехи горожан, уготовившие нашу погибель, не предрешили и падения города. Петрона, человек умный и многоопытный, рассудив, что он, если займется возведением стены, не добьется для города блага и принесет не больше пользы, чем те, которые до него стремились действовать таким образом, придумал другой способ защиты. (Обрати внимание, сколь мудр и удобен его план!) Приняв в расчет, что вся южная часть города омывается морем и что при нападении с этой стороны варвары с легкостью осуществят свои замыслы и ничто не помешает им завладеть стеной,—она ведь чрезвычайно низка, а корма кораблей выше ее уровня, так что сверху можно поражать прячущихся за брустверами людей,— Петрона задумал скрыть в море некое защитное средство, хитро придуманную ловушку, которая стала бы городу защитой, а врагам помехой. В восточной и западной части Фессалоники было множество могильных плит из цельного камня, под которыми жившие здесь древле греки хоронили своих покойников; Петрона собрал их и при помощи им самим придуманного остроумного способа рядами погрузил в море на небольшом расстоянии друг от друга; так он создал удивительное подводное укрепление, воистину более надежное

и крепкое, чем возведенная здесь стена. Мысль эта воплотилась бы в жизнь, обеспечив городу полную безопасность, и вражеские корабли не имели бы возможности приблизиться и нанести ему ущерб, если бы прегрешения наши не воспрепятствовали и тут и не обратили это начинание в прах.

18. Когда подводные укрепления были доведены уже до середины опасного места и улеглись наши страхи и тревога, прибывает второй посланец от императора, немедленно отзывает Петрону и берет управление городом в свои руки. Имя ему было Лев; он был назначен стратигом округи[1] и принял на себя заботу обо всех военных делах. Лев решил приостановить сооружение подводных укреплений и взяться за возведение стены. Сразу по прибытии он потребовал, чтобы все занятые прежде на оборонительных работах люди доставляли строителям все необходимое, дабы его план выполнялся при возможно большем числе рабочих рук и обилии материалов. Так снова закипела работа над возведением стены. Но насколько надстраиваемая ее часть, казалось, способна была остановить вражеский натиск, настолько остальная вселяла в нас тревогу. Ведь не было возможности исправить всю стену, протянувшуюся на большое пространство, так, чтобы мы не опасались за ее надежность, тем более что время появления врагов близилось, а в том месте, откуда мы ожидали их нападения, постройка не была еще доведена даже до половины. Бесчисленные вести, много страшнее полученных нами прежде, терзали наш слух, вести о том, что варвары приближаются и проделали уже большую часть пути. И действительно, нигде они не могли задержаться даже на короткое время, так как почти все острова были уже раньше разграблены ими, а жители приморских городов в ужасе от одного слуха об их приближении обратились в бегство, и не оставалось никого, кто был бы в силах сопротивляться их натиску[2]. Мы были предупреждены, что на нас идет флотилия из 54 кораблей, каждый из которых величиной своей не уступал целому городу[3], команду их составлял пестрый сброд самых потерянных и на все готовых людей — измаилитов, населяющих Сирию[4], и соседних с египтянами эфиопов, отличающихся кровожадностью и звериной жестокостью, искушенных во всяческих убийствах, имеющих на совести множество разбойничьих нападений, так что человеку страшно слушать даже рассказы об угрозе их нашествия, и, настигнутый этим сбродом, каждый спасается бегством, предпочитая жить в горах с дикими зверьми, чем попасть в руки этих варваров и быть преданным мучительной смерти.

19. И вот, когда город был в таком положении, снова прибывает посланец с известием еще более тревожным,— он пре-

дупреждает всех, что варвары совсем близко. Звали этого посланца Никита, он был стратигом по званию и настоящим полководцем по своему опыту. Никита обещал помочь горожанам (он сказал, что прибыл с этой целью) и выказал готовность, если нужно, приступить к делу. Но пока мы ожидали врагов, по воле злобного демона, возмущающего дела людские, случилось нечто ужасное: когда упомянутый прежде стратиг, впервые встретившись с только что прибывшим Никитой в том месте, где шли работы по возведению стены, и собираясь, как принято при дружеской встрече, объятием приветствовать его, выронил поводья (и тот и другой были на конях), произошло большое, достойное слез несчастие. Кони испугались, особенно тот, на котором сидел Лев; объятый ужасом, с взъерошенной шерстью, заломив шею, он взвился на дыбы и выбил всадника из седла; стратиг, ударившись о землю, раздробил себе правое бедро и оказался в жалком и безнадежном состоянии. Стратиоты из свиты[1] сейчас же подняли его на руки и унесли домой; более он, естественно, не мог предаваться заботам о городе. Он лежал, терзаемый непереносимыми муками, не зная, к чему обратить свои мысли. С одной стороны, его ум занимали размышления о грозящем бедствии, о том, каким способом спасти Фессалонику от нападения варваров, с другой же — его с еще большей силой отвлекала от них острая боль; перелом, угрожавший ему гибелью, заставлял забыть обо всем, кроме собственного выздоровления. Так наш стратиг, страдая от той и другой беды, ничего не мог сделать для города. Однако под давлением нависшей над Фессалоникой опасности мы сделали деревянные башни и поставили их у недостроенной части стены, проникшись некоторой надеждой, что с их высоты мы отобьем наступающих с моря врагов, не позволим им приблизиться к стене и осуществить свои губительные замыслы. Такие шаги мы в спешке предприняли, ибо вопреки словам мудреца, что теснимый бедой — изворотлив, опасность порождала несбыточные планы. Среди нас не было никого, кто был бы уверен в будущем или в благополучном исходе того, к чему стремился душой.

20. Поскольку, однако, попечение о нашем городе после несчастного случая со Львом всецело перешло к Никите, он в свою очередь стремился делать для нашей безопасности все от него зависящее. Он говорил, что приняты меры к тому, чтобы искусные лучники из числа соседних славян, которые подвластны Фессалонике[1] или подчиняются стратигу Стримона[2], в достаточном количестве собрались в городе, дабы мы не оказались беспомощными перед лицом хорошо вооруженных варваров, но смогли при содействии славян отразить первый вра-

жеский натиск[3]. Никита всячески старался осуществить это решение: он разослал письма по всей округе, добиваясь, чтобы в город как можно скорее пришли соседние славяне, должным образом вооруженные[4]. Но собрались немногие, далеко не лучшие; их было не настолько много, чтобы они могли принести пользу, но, наоборот, до такой степени мало, что их можно было без труда сосчитать, и вдобавок они были недостаточно хорошо снаряжены для битвы. Все это произошло из-за своенравия и низости самих облеченных властью архонтов[5], ибо они пеклись больше о собственной выгоде, чем об общем благе, привыкли злоумышлять против ближнего, гнались за мздой и превыше всего ставили обогащение[6]. Хотя и дважды, и трижды, и множество раз Никита пытался письмами устрашить стратига Стримона, упрекая его в медлительности и предупреждая, что, если случится несчастие, он один будет в ответе перед императором, тот, исполненный обычной злокозненности, держался не менее самоуверенно, чем прежде. Стратиг этот презрел божий страх и повиновение и, ни во что не ставя даже гибель столь великого города, не пожелал ни прибыть самолично, ни разрешить кому-нибудь из подвластных ему людей прийти нам на помощь в столь бедственном положении: напротив того, этот коварный человек до самого последнего дня осады вводил нас в заблуждение постоянной надеждой на свою поддержку и, коварно обманув, вволю смеялся над нашей злой погибелью[7].

21. Так были обмануты наши надежды на помощь союзных славян[1]; хотя нас было немало, вполне в нашем положении достаточно, а численностью мы значительно превосходили варварское войско, отсутствие опыта в делах войны и незнакомство с ее тяготами заставляли нас трепетать и страшиться нападения. Кроме того, мы не успели придумать надежного способа защиты, и это представлялось роковым. И все же пока было непереносимо думать о бегстве: ведь если бы мы покинули Фессалонику, город был бы захвачен, похищены золото, серебро и прочие драгоценности святых храмов или эти божьи храмы были бы преданы пламени; вместе с тем, пытаясь уклониться от сопротивления, мы не миновали бы гнева императора. Решение обороняться было осуществимым и единственно спасительным, хотя для нас, еще не знакомых с бременем войны, одна мысль об этом казалась страшнее самой смерти; поразившее нас великое бедствие внушало нам смятение и ужас, поскольку мы привыкли к изнеженному и роскошному образу жизни и до сих пор были далеки от ратных дел.

22. В спорах о преимуществах того и другого из возможных для нас выходов мы жили следующие дни, прибегая к един-

ственному, что остается людям в нашем несчастном положении,— призывали неизреченное милосердие божие и заступничество всех святых. В упомянутом уже мною преславном храме святого мученика Димитрия собрались все мы, жители Фессалоники, и все, кто пришел сюда из чужих краев, люди всякого звания и возраста, и, составив печальный хор, молили о заступничестве в грозящей беде варварского нашествия, говоря: «О великий святой, ты уже являл нам свое вспомоществование в годины бед, не однажды угрожавших твоему городу, ты рассеивал злоумышления врагов и спас его от погибели. Яви и ныне, милосердный, свое безмерное о нас попечение, да не восторжествуют над нами враги иноплеменные, не ведающие бога, да не осквернится храм сей, врачеватель и прибежище всей вселенной, руками нечистых и безбожных людей, насмехающихся над нашей верой и презирающих нашу службу, вменяющих нам в вину наше благочестие и угрожающих нам ужасной и преждевременной гибелью. Но, буде мы за содеянные на земле прегрешения и достойны несчетных кар и сами повинны в надвигающемся на нас бедствии, мы не знаем другого бога, кроме увенчавшего тебя, ради коего ты свершил святой подвиг, коего ты прославил, подражая его страданиям, благодаря коему ты получил благодать чудотворства и был дарован нам в качестве стены крепкой и опоры незыблемой, ибо неустанно ты молишь его за нас и испрашиваешь нам благо. И ныне взгляни на наше смятение и беспомощность, внемли нашей мольбе, встань верной заступой за своих рабов, избавь от грозящего утеснения, да не насмеются над нами сыновья служанки Агарь и да не скажут: „Где их защитник?“ Ибо сам ты, всеблагой, знаешь, что спасение свое мы видим не в мечах, а в твоем всемогущем заступничестве и вновь уповаем на твою помощь». Мы ожидали врагов, в страхе сердца своего денно и нощно вознося мученику подобные молитвы и обливая слезами пол храма, но необоримой преградой воздвиглись наши прегрешения и не дали заступничеству святого склонить к нам милость божию. Ведь и Димитрию справедливо можно было сказать, как некогда сказано было пророку Иеремии, молившему бога за Израиль, недостойный милосердия всевышнего: «Не проси за народ сей, ибо не услышу тебя» [1]. До́лжно, воистину до́лжно было, чтобы уготованная нам погибель восторжествовала над нами, дабы все погрязающие в грехе узнали, что ничто так не склоняет бога к мольбам святых, как праведная жизнь и стремление к добру.

23. Между тем, пока мы обращали к небу свои тщетные мольбы, появляется человек с вестью о том, что корабли варваров уже подошли к Экволу [1]. Это было в воскресенье, июля

месяца 29 дня 6412 года[2]. Молва сразу облетела весь город и вселила во всех смятение, испуг и ужас; всякий что-то кричал, искал совета в несчастии, вооружался, как мог, спешил к городской стене. Не успели люди добежать до ее брустверов, как вражеские корабли с распущенными парусами появились из-за мыса. Их тогда подгонял попутный ветер, так что многим даже мерещилось, что корабли не движутся по воде, а летят по воздуху. Ведь стоял, как я уже сказал, июль месяц, когда чаще, чем в другое время, дует с моря ветер, рождающийся на вершинах Олимпа в Элладе[3]. В эти жаркие дни с самой зари и до девятого часа он устремляется на город и освежает его своим дыханием. Враги, найдя себе в нем союзника, ранним утром подходят к Фессалонике. Достигнув ее стен, они первым долгом спускают паруса и принимаются внимательно рассматривать город; таким образом, они не сразу начали битву, но дали себе срок, узнав наш дух и силу, приготовиться к сражению. Некоторое время варвары стояли в растерянности, так как ни с чем не могли сравнить то, что представилось их глазам, — перед ними лежал широко раскинувшийся город, и вся стена была заполнена народом. Весьма встревоженные этим зрелищем, варвары еще некоторое время не решались начать битву, мы же благодаря их промедлению несколько ободрились и пришли в себя.

24. Тут Лев — предводитель варварского войска — решил осмотреть обращенную к морю часть стены. Был он человеком коварным и исполненным злобы; дела его в полной мере соответствовали его имени, и кровожадностью нрава и безудержностью устремлений он не уступал льву[1]. Ты, конечно, и сам наслышан о нем, ибо молва не устает говорить о его злобности, и знаешь, что никто из величайших на земле нечестивцев не доходил, подобно этому человеку, до того, чтобы с ненасытной жадностью любоваться потоками человеческой крови и более всего жаждать гибели христиан. Некогда, приняв в святом крещении свое второе рождение, и наставленный в таинствах нашей веры, он был человеком достойным, но, попав в руки варваров, сменил истинное вероучение на их безбожие[2]. И ничем этот человек не мог сильнее выказать им свою преданность, как деяниями оправдывая свое имя и поступая, как отступник и вор, гордиться и возноситься этим. Итак, этот необузданный и вероломный Лев, плывя вдоль стены, осматривал ее и с коварством обдумывал, куда он направит свой удар; остальные же его корабли в боевой готовности стали на якорь в восточной части бухты. Вооружались и наши сограждане, заняв свои места на стене и собравшись с духом для предстоящего состязания. Ведь это было подлинно состязание, славное среди вели-

ких, приносящее не хвалу зрителей силе одного противника и дарующее победителю не награду на кратковременную утеху, а побежденному — не поражение, наказывающее его одним только стыдом; оно сулило городу, если он останется невредим в столь грозной опасности, небывалую славу, а если пострадает от ков врага, — неутешное страдание.

25. После того как этот зверь в образе человека осмотрел стену и вход в гавань, прегражденный железными цепями и остовами потопленных кораблей [1], он утвердился в решении напасть на город с той стороны, где подводные западни, т. е. погруженные в море камни, не могли, по его мнению, помешать кораблям приблизиться и где фессалоникийцы не окажутся способными наносить им урон со стены, к этому времени еще недостроенной. И вот, указав место у низкой части стены, где море достаточно глубоко, он обращается к своим воинам и приказывает им построить корабли для боя. Они быстро подплывают и с пронзительными варварскими выкриками устремляются на веслах против нашей стены, зловеще ударяют в кожаные тимпаны [2] и разными способами устрашают защитников. Те в свою очередь отвечают еще более мощным и громким криком, призывая в помощь против супостата заступу животворящего креста; варвары, услышав столь многоголосый и леденящий кровь воинский клич, пришли в замешательство и перестали верить в свою победу; услышав этот крик, они сделали заключение о количестве защитников и решили, что нелегко им будет, сражаясь с таким множеством готовых к битве [людей], овладеть этим обширным городом, равного которому им не доводилось видеть. Однако, дабы мы не заметили, что первое же столкновение их устрашило, варвары, еще не поборов страха, без той ярости, которую они проявляли впоследствии, в бешенстве, смешанном с испугом, приблизились и стали осыпать город дождем стрел. Потом, отваживаясь на более решительные действия и стремясь подойти еще ближе к стене, они, подобно кидающимся на человека псам, разжигали свою злость и еще больше свирепели, когда в них со стены летели стрелы. Ведь защитники Фессалоники не пренебрегали этим оружием и пользовались им весьма широко и охотно, поставив всех пришедших в город славян на такие места, откуда удобно целиться и где можно укрыться от вражеских стрел.

26. Некоторое время противники стреляли из луков и победа не склонялась ни в ту, ни в другую сторону. Тут горстка варваров отделяется от остальных сражающихся (это были, разумеется, самые бесстрашные и дерзкие), бросается в море с деревянной лестницей, плывет, подталкивая ее вперед, чтобы

по ней подняться на стену, не обращая внимания на летящие сверху стрелы. Ведь до тех пор, пока пловцы не приблизились к берегу, тела их были скрыты водой, головы защищены щитами; достигнув же берега и выйдя из воды, они мужественно держались под градом стрел, только головы прикрывая щитами, быстро поставили лестницу и пытались подняться на стену и проникнуть в город. Однако их гибель опередила осуществление этого замысла, и, прежде чем обдумать, как привести его в исполнение, варвары расстались с жизнью: едва они ступили на лестницу, полетевшие, подобно частому граду, камни предали их разом морю и смерти. После этого варварские корабли отступают, не отваживаясь более на подобного рода смелые действия, и только издали посылают на город страшный, застилающий дневной свет дождь стрел. Но и сами они подвергаются такой же участи, ибо защитники Фессалоники метко стреляют в них из луков, почти не зная промаха, забрасывают из камнеметов [1] камнями, самый свист которых вселяет в варваров ужас.

27. Посланец императора Никита обходил стену и ободрял сражающихся такими словами: «До сих пор, фессалоникийцы, я иначе думал о вас и не знал, что вы столь отважны и бесстрашны в ратном деле, хотя доныне не упражнялись и были чужды ему; теперь же час тягчайшей опасности рождает надежды на ваше мужество. Я вижу, что все вы сильны телом, мужественны духом, готовы к сопротивлению, презираете врага и доблестно противостоите его коварным замыслам. Вы держитесь как подобает, ибо сражаетесь за самих себя, мужей сильных и телом и духом, и за всю Фессалонику, с которой не может соперничать в блеске ни один из самых знаменитых городов. В случае победы над супостатом вы удостоитесь хвалы, а если сбудутся угрозы варваров, ни с чем тогда не сравнятся ваши беды и горечь вашего унижения. Поэтому стойте мужественно, завоевывая победу своей отчизне и себе самим; да не обратитесь вы перед врагом в бегство, да не оставите миру неподобающей по себе памяти, предпочтя столь грозной опасности кратковременное облегчение». Так Никита, совершая свой обход, всех воодушевлял и наполнял сердце каждого бесстрашием и твердостью. Сам стратиг, точно забыв о болезни, хотя она была весьма, как мы рассказывали, тяжелой и доставляла ему невыносимую боль, объезжал укрепления, сидя на муле боком (как позволяло ему недавнее повреждение ноги); в самых ответственных местах он расставил наиболее отважных лучников с тем, чтобы они своим примером вдохновляли на подвиги сотоварищей.

28. В течение этого дня варвары не однажды пытались на-

ступать, но, устрашенные больше прежнего, всякий раз отходили назад, пока не получили приказа прекратить осаду с моря и, покинув поле сражения, пристать у берега к востоку от города. Тут они сошли с кораблей и опять принялись стрелять по тем, кто находился под прикрытием высокой стены, у ворот, расположенных вблизи моря и называемых Римскими [1]. Здесь сражение длилось до поздней ночи, пока варвары, устав от битвы, не замолкли на своих кораблях, обдумывая, разумеется, планы завтрашнего нападения и готовя новые козни. Едва мы после целого дня ратных трудов успели перевести дух, появилась новая забота: всем защитникам стены надлежало быть на страже и следить, чтобы варвары не ухитрились под прикрытием ночи подняться на стену и добиться успеха. Ведь они славятся военными хитростями и, задумав подобное коварство, сейчас же берутся за его исполнение, презирая всякую опасность, одержимые одной-единственной мыслью — приступить к осуществлению своего замысла. И если, паче чаяния, затеянное ими дело принимает иной, чем надеялись, оборот, они видят для себя славу в том, что дерзостно стремились к недостижимому. Поэтому всю ночь мы бодрствовали и не сетовали на себя за то, как сражались накануне; ведь мы проявили столь большую смелость, что даже предводитель вражеского войска был удивлен и позже допытывался, как мы могли так мужественно отражать его натиск. С этих пор мнение варваров о нас изменилось.

29. Но когда наступил рассвет, вестник второго дня войны, и варвары обрушили на нас еще более тяжкие, чем прежде, удары, стратигам вновь пришлось ободрять дух сражающихся и показывать им пример твердости. Ведь с первыми лучами солнца враги покинули корабли и опять принялись осаждать стену; разделившись на отряды и нападая таким образом на отдельные ее участки (особенно много их сосредоточилось у выходов), варвары обратили против нас всю мощь своего разнообразного оружия: одни стреляли из луков, другие метали камни, третьи посылали своими камнеметами тяжелый град снарядов. Многолика была грозящая нам смерть, и, обрушиваясь на нас отовсюду, она жестоко поражала того, кто попадался ей на пути. Ведь возле одних только Римских ворот стояло семь хорошо прикрытых камнеметов, которые варвары забрали для осады нашего города, проходя мимо Фасоса [1]. Кроме того, они прислонили к стене деревянные лестницы и пытались вскарабкаться по ним наверх под прикрытием летевших из камнеметов снарядов, ибо, падая беспрестанным градом, они не позволяли защитникам показываться на стене. Варварам удалось бы осуществить этот замысел,— они ведь успели уже приставить

лестницу к брустверам переднего укрепления,— если бы по божьему соизволению несколько смельчаков не спрыгнули сюда со стены и, ранив варваров копьями, не заставили отступить. Увидев, что эта попытка не увенчалась успехом и варвары, обратившись в бегство, бросили свою лестницу, мы исполнились такой дерзости духа, что насмехались над врагами и успешнее, чем в первый день, стреляли из луков и камнеметов, не позволяя варварам даже на краткое время приблизиться к стене, хотя они в своей безумной ярости и точили на нас клыки, наподобие диких кабанов и, если бы только могли, растерзали бы нас живьем. О, сколь жутко было глядеть, как они неистовствуют! Кипение их неукротимой злобы видно было по тому, что они страшно скрипели зубами и, одержимые злым духом, извергали изо рта пену, в течение всего дня ничего не ели и не желали прекратить битву, хотя стоял палящий зной, совершенно не чувствовали ни своей одежды, ни тяжести ратного труда, ни того, что их сжигает стоящее над головой солнце. Они были охвачены единственной мыслью: либо захватить город и насытить свою ярость, а поелику им этого не достичь, — проститься с жизнью и умертвить себя своими руками. Ведь варвар, однажды распалившись гневом, в своей ярости будет бушевать до тех пор, пока не прольется его собственная или вражеская кровь.

30. Но так как приблизиться к стене было небезопасно, они доверили успех дела лукам и камнеметам. Построившись рядами на таком расстоянии, чтобы стрелы и каменья ни на минуту не ослабевающим градом попадали в цель, они, прикрытые щитами и целиком поглощенные боем, стояли, словно изваяния из меди или из другого еще более твердого металла, и выдерживали множество тягчайших трудов, бросая вызов опасности. А в полдень, когда солнце жжет особенно сильно, словно зной воспламенил их природное бешенство, дерзкой отвагой распалив свою безумную ярость, враги придумали другой (посуди сам, сколь страшный) способ осады. В восточной части города четыре пары ворот[1]; варвары решили две пары, упомянутые уже Римские и Кассандрийские, предать огню, рассудив, что если смогут, когда внешние ворота загорятся, прижавшись к высокой стене, проникнуть в переднее укрепление, то нетрудно будет сокрушить внутренние ворота[2] и постепенно впустить в город всех остальных, тем более что их поддержат меткие лучники, чьи стрелы не позволят защитникам появляться из-за прикрытий.

31. Варвары следующим образом приступили к делу: нашли повозки, днищами вверх поставили на них лодки, какими у нас пользовались раньше рыбаки, и наложили туда множе-

ство всякого дерева и хвороста. Все это они облили смолой и серой, а сами, пригнувшись, стали вращать колеса; таким образом они руками двигали повозки, пока не достигли ворот. Тут варвары подожгли свой груз и под прикрытием щитов отступили к стоящим здесь лучникам; свой замысел они привели в исполнение незаметно для нас. Охвативший повозки огонь благодаря действию серы и смолы вырос в огромное пламя и, докрасна накалив внешнюю, снизу доверху обитую железом сторону ворот, перебросился внутрь; теперь ворота были целиком охвачены пожаром и вскоре рухнули, внушив всем нам несказанный ужас. Лишь только весть об этом разнеслась по городу, точно острый нож прошелся по сердцу каждого,— в таком все были страхе и трепете, так изменились в лице и потеряли надежду на спасение; те, кто незадолго перед этим бесстрашно появлялись на стене и воодушевляли друг друга на битву, стали поистине трусливее зайцев. Ибо то, что хитрость врагов успешно осуществилась, заставило всех опасаться поражения. Когда внешние ворота сгорели, мы поспешно укрепили внутренние тут же возведенной стеной и заготовили воду,— ведь и с этой стороны мы ждали натиска,— чтобы, если враги повторят свою коварную выдумку, мы могли бороться с огнем и сохранить ворота. Они же, узнав о наших приготовлениях, уже больше не применяли таких способов осады, но угрожали нам другими, еще более ужасными и тяжелыми, от которых ничем нельзя было обороняться, столь они были страшны и злокозненны. Когда пожар улегся, варвары стреляли в нас из камнеметов и луков всю остальную часть дня, пока ночная темнота не заставила их против воли прекратить сражение.

32. После того как сражение окончилось, варвары возвратились на корабли и вскоре стали претворять в жизнь свой хитроумный план. Их вдохновляла мысль, что цель будет достигнута, если удастся взять город этим способом; ведь никакой другой, как казалось, не мог с ним сравниться, особенно в условиях нападения с моря, когда суша не препятствует кораблям подойти вплотную к стене; в противном случае, если и этот способ, подобно всем другим, которые они уже успели испробовать против нашего города, не приведет ни к чему, они умертвят виновников войны, необдуманно увлекших их в столь дальний поход, и покинут эти места. Придя к такой мысли, варвары еще ночью приступили к выполнению своего коварного и сложного плана. Они зажгли повсюду огни и, связав свои корабли попарно, так, чтобы один вплотную подходил к другому, и для большей надежности скрепив по бортам крепкими канатами и железными цепями, подняли на укрепленных на носу талях утолщающиеся в середине бревна,

которые моряки зовут реями[1]. Затем варвары высоко подтянули при помощи веревок рулевые брусья на каждом корабле и выставили на носу и по бортам мечи, создав таким образом удивительное и невиданное сооружение. Брусья, как я сказал, были подняты вверх; на них варвары ровными рядами положили длинные бревна и засыпали промежутки землей; все это они обшили досками, а концы брусьев закрепили в кормовой части крепчайшими канатами. Таким образом получились лучшие башни, чем те, которые были у нас на берегу[2]. Сюда с оружием в руках взошли наиболее сильные телом и дерзкие духом варвары, чтобы направить против нас последний решающий удар. Одни должны были стрелять из луков и метать камни по тем, кто находился под защитой стены, другие — забрасывать огнем людей, идущих в открытом бою против них, ибо и такое оружие было предусмотрено, а огонь на этот случай сохранялся в специально заготовленных глиняных сосудах. Все это варвары без труда могли сделать, так как стояли не на земле, но благодаря изобретенным ими ужасным башням оказались выше уровня стены и их снаряды, обрушиваясь с высоты, попадали без промаха.

33. Поскольку неверные все сделали в одну эту ночь, ничто не укрылось от наших глаз; ведь они, как я говорил, зажгли множество огней и находились неподалеку от места, куда хотели направить свой удар; всех объял страх и ужас, и люди не знали, как оборониться. Народ был испуган и растерян, всякий час тревожился новыми заботами и терял надежду на жизнь. Никто не думал больше о том, как отразить надвигающуюся беду, а предавался размышлениям о муках, в которых ему предстоит умереть. Ведь спасаться бегством было уже и крайне затруднительно, и небезопасно, так как варвары окружили стену плотным кольцом и караулили ворота; оставаться нельзя было из-за грозившей опасности. И вот те, кто изверился в спасении, как безумные, стали метаться взад и вперед по стене, потрясенные великим бедствием. Однако некоторые, в ком еще теплился огонь мужества, решили до того, как начнется сражение, заготовить кое-что для защиты: смолу, факелы, негашеную известь и запасти в глиняных сосудах все то, что разжигает пламя, чтобы воспользоваться этим как метательными снарядами, когда приблизятся корабли, и таким образом вывести их из строя.

34. Пока эти несчастные приводили в исполнение свой план, ночь сменилась рассветом, и вот в новом облике появились вражеские корабли, рассеялись вдоль стены и во многих местах наносили удары, являя собой удивительное и невиданное для всех зрелище. Ведь каждая пара связанных между собой ко-

раблей несла на себе хитро сооруженную из дерева башню, намного превышающую своей высотой уровень нашей стены; на ее вершине, словно разъяренные быки, сея вокруг себя гибель, бесновались варвары. Тогда те фессалоникийцы, кто презрел неизбежную, как говорят, перед глазами стоящую смерть, очертя голову бросились в бой, самую злую опасность сделав мерилом мужества, храбро сражались, и каждый выказывал отвагу. Они не позволяли кораблям вплотную подходить к стене, но тучей стрел и морем огня лишали их возможности приблизиться и завладеть городом. А те, чьи сердца поразил испуг, не могли от великого ужаса даже глядеть на то, что творилось перед их глазами, и, мало-помалу покидая стену, бежали на холмы, в более высокую часть города; этим они внушали немалую дерзость врагам. Когда те заметили, что в одном месте (там, где мы возвели деревянные башни) стена более доступна,— им было известно, что море здесь весьма глубоко,— они направились сюда на одном сдвоенном корабле, медленно работая веслами до тех пор, пока не достигли брустверов. В ответ на попытку горожан, сидящих здесь в деревянных укреплениях, отразить их каменьями варвары, находящиеся на площадках своих диковинных сооружений, о которых мы подробно рассказали, испустив громкий воинственный крик, стали в свою очередь метать большие каменные глыбы, удара которых человек не может вынести, выдувать через сифоны огонь [1] и метать в нашу стену снаряды, тоже наполненные огнем, чем и ввергли защитников в такой страх и трепет, что они, оставив стену совершенно пустой, обратились в бегство. Лишь только замысел варваров увенчался успехом (ведь горожане, подстегиваемые страхом, словно листья при порыве ветра, попадали на землю), забыв о лестницах, они приказали какому-то дерзкому эфиопу, разъяренному, кажется, более других, вскарабкаться на стену. Размахивая мечом, он бросился наверх и стоял там, стараясь понять, обратились ли горожане в настоящее бегство или покинули укрепления только для того, чтобы обмануть врагов. Ведь варвары подозревали, что фессалоникийцы устроили засаду, чтобы расправиться с ними, когда они рассеются по улицам, поэтому опасались без предосторожности войти в город и грабить его. Когда же все кругом засверкало от вражеских мечей и стало ясно, что враги ворвались в Фессалонику (был третий час дня) [2], люди поняли, что настало великое бедствие, и бежали кто куда, ибо смертельная опасность подгоняла их. Она была рядом и не позволяла родиться ни одной мысли, которая могла бы ее победить.

35. Когда же варвары убедились в том, что стена пуста и что неудержимое бегство фессалоникийцев сулит им безопас-

ность, они поспешно вышли на берег, спрыгнув вниз, проникли внутрь укреплений, отперли ворота и оповестили о победе остальные корабли; те сейчас же причалили сюда, и обнаженные варвары, едва прикрытые короткой набедренной повязкой, с мечами в руках ворвались в город. Они начали с того, что перебили тех, кого нашли неподалеку от стены, ибо некоторые были поражены ужасом и не могли двигаться, так как испуг отнял у них силы, а другие, отчаявшись найти спасение в бегстве, разбились, упав, как я рассказал, со стены вниз; потом варвары разошлись по улицам города, где фессалоникийцы кричали и плакали, не зная, куда укрыться и чем оборонить себя от беды. Люди тогда — жалостное зрелище! — бросались из стороны в сторону, словно челн без кормчего, мужчины, женщины, дети наталкивались друг на друга, обнимались и целовали один другого горьким прощальным поцелуем. Иногда какой-нибудь престарелый отец припадал к плечу сына и громко причитал, не в силах пережить разлуки, и, обхватив своего любимца, до того как почувствовать меч убийцы, пронзаемый естественным чувством боли, сам себе говорил такие плачевные слова: «Увы мне, дитя мое, как мы ужасно страдаем! Что видят мои глаза? На то ли, чтобы пережить эту ужасную гибель и горестную разлуку с тобой, я любовно тебя вырастил, на то ли поручал наставникам и радел, чтобы ты отличался среди сверстников разумностью, верил, что благословлен отцовством, что все завидуют моей родительской гордости, что я счастливее других, ибо имею такое дитя — милое прелестью тела, милее того лицом и премного милее свойствами души. На то ли жалкая старость сохранила меня до сего дня, чтобы я увидел, как тебя терзают нечестивые, как меч палача безжалостно убивает твое дорогое и любезное мне тело? Увы, что мне делать? Какими глазами я буду глядеть на это? Какой похоронный плач затяну над тобой? О, если б нам встретился такой палач, который убил бы меня первым, чтобы мне не пришлось, пережив тебя, вынести страдания более острые, чем удары меча! Такому убийце я буду благодарен, который начнет с меня, старика. О, если б твоей кровью он окропил мою и тем уменьшил бы мою боль!»

36. Так он стенал. Немного дальше кто-то другой, увидев свою супругу, глубоко вздыхал, качал головой, изменялся в лице и, подбежав к ней, заключал в объятия и принимался оплакивать свое несчастие: «Прощай, жена, не забывай супруга. Ныне ведь расторгаются узы великой любви, которую мы питали друг к другу в браке; меч разбивает наш союз, и преждевременная смерть нарушает его. Не жить нам впредь бок о бок, одной семьей, не рождать больше детей. Лучше бы

глаза наши никогда не видели и тех, что теперь окружают нас! Лучше бы они нашей рукой были преданы земле и не дожили до жалкого рабства у нечестивых зверей». К родителям присоединялись дети, и все вместе затягивали плач в предчувствии близкой разлуки. Если брат встречал брата и друг своего друга, один оплакивал родство, другой — давнишнюю привязанность. Коротко сказать, из-за беспрерывных стенаний все было исполнено какого-то неразборчивого гула; казалось, громко блеяли согнанные на убой овцы. Кто спешил домой, кто думал о дороге, некоторые искали спасения в святых храмах, другие старались пробраться к воротам, третьи хотели вскарабкаться на стену, но не могли, так как обессилели от страха,— люди не знали, как спастись, и, так как всюду, где бы ни оказывались, они видели перед собой смерть, все способы ее избегнуть стали казаться им бесполезными.

37. Какими словами описать тебе, ученейший Григорий, беду, которая случилась с нами позже, или, вернее, наши беспрестанно следующие друг за другом несчастия? Какое из них назвать прежде и каким уделить вторые места? Зачем, впрочем, мне рассказывать и брать в руки перо? Ведь воспоминание о пережитом тревожит мой ум: мне кажется, что я снова вижу перед глазами то, о чем собираюсь говорить, и чувствую, сколь прискорбно мне этого касаться. Прошлое, при помощи памяти как бы запечатлевая пережитую опасность и вверяя события разуму, убивает желание говорить. Чего только тогда не происходило! Одни, страшась не столько телесной, сколько душевной погибели, трепетали, ибо считали обособление [души] от тела преддверием загробных мук. Другие, упав на колени и источая потоки слез, молили бога, чтобы за столь мучительную смерть счел их достойными и призвал к себе; некоторые, терзая свою совесть воспоминаниями о содеянных грехах мучительнее, чем острым мечом, в своем покаянии звали назад напрасно растраченное время. Были и такие, кто совершенно потерялся; страх затуманил их ум, и они стояли в ужасе перед гибелью, как не одаренные разумом деревья. Некоторые люди, подстегиваемые испугом, точно стрекалом, метались по городу; большинство их, потеряв голову, бросились вниз со стен и либо кончили свою жизнь, разбившись о камни, либо попали в руки стоявших там варваров.

38. С чего мне начать рассказ о женщинах, которые самый воздух кругом заставляли вторить своим стенаниям: рассказать ли прежде всего об их жалобных призывах и рыданиях или о прощании с детьми? Сраженные горем, они не желали сдерживать себя и прятаться от глаз мужчин, но, не испытывая смущения, носились по городу с распущенными волосами, пре-

зрев всякое приличие, громко причитая и оплакивая свое несчастие. Нередко и девица-затворница, строго лелеемая для брака и приученная к скромности, еще не будучи женщиной, в страхе присоединялась к матерям семейств и, отбросив стыдливость, металась по улицам вместе с ними, причитая и испуская громкие крики. Монахи и монахини, которые в молодые годы оставили соблазны мирской жизни, прельщенные добродетелью и живущие только для себя и для всевышнего, покинули свои обители и рассеялись по городу, жалобно оплакивая общую для всех беду. Меня схватывает ужас, когда я думаю о том, что удивительная добродетель этих назареев [1], которую они упражняли, всенощное псалмопение, девственность, непрестанные молитвы и слезы не [вымолили] [2] нам божьего милосердия, не спасли город, и в награду за святую жизнь им не было дано избегнуть опасности, но, напротив того, они были пойманы, как овцы, пасущиеся без присмотра, и, закланные мечом, разделили участь грешников! Думается мне, однако, что смерть их, как говорит псалмопевец, была любезна перед лицом господа [3], и ею он мудро удостоил возлюбленных рабов своих, дабы их славная жизнь увенчалась мученической кончиной, и щедро излилась на них награда за долготерпение и воздаяние за несказанную добродетель. Множество прегрешений наших сделало бесполезными не только их мольбы, но и заступничество святых, чтобы на примере наших мук все, презирающие заповеди божьи, увидели, что никакая сила не сможет спасти сопричастных злу от гнева всевышнего.

39. Когда враги проникли в город и разбрелись повсюду, тотчас же начались убийства людей всякого возраста и звания. Ведь варвары, уже давно кипевшие гневом и жаждавшие нашей погибели, не знали жалости: и старик, и муж еще в расцвете сил, и юноша,— одним словом, каждый встречный становился жертвой злодеев, которые нарочно не наносили смертельных ран, но заставляли людей терпеть долгие страдания и обрекали мучительной смерти, поражая нижние части тела. Но обуявшая варваров ярость не успокоилась даже от этого, и они не могли смириться с тем, что человек умирает только один раз. Чтобы удовлетворить свою дикую и необузданную жажду убийства, они вначале не щадили ни женщин, ни детей, нежный возраст которых нередко способен внушить сострадание даже лесному зверю, но косили всех без различия, как косят на лугах траву, так что недавно еще столь многолюдный и густонаселенный город пустел на глазах. Многие, как я уже говорил, спаслись на высотах у акрополя [1] или в ограде святого Давида (эти места расположены высоко сравнительно со всем остальным городом, и здесь пребывает множество слав-

ных добродетелью и удостоившихся блаженной жизни монахов), а некоторые устремились к тем двум воротам, которые обращены на запад [2], обуреваемые стремлением таким образом избегнуть вражеских мечей. Но им посчастливилось не больше, чем всем остальным, ибо варвары караулили ворота; не имея возможности иначе выбраться из города, фессалоникийцы стали теснить друг друга и сами себе закрывали выход.

40. Сколь великое горе случилось у Золотых ворот! Как ужасно поплатились за попытку их открыть сбежавшиеся сюда горожане! Ведь едва только они развели немного створки ворот, как варвары своим натиском заставили их отступить. Зажав их таким образом, враги поражали мечами по нескольку человек зараз и, видя, что люди, сбитые в кучу, стоят друг к другу вплотную и не могут двинуться с места, рубили наотмашь на уровне человеческих лиц, так что голова летела с плеч какого-нибудь несчастного вместе с членами его соседей; мертвые не падали на землю, так как их поддерживали тела живых; казалось, для того чтобы они причастились общей крови и общей смерти, кто-то не давал им упасть, пока все не были перебиты и не испустили последний вздох.

41. То же самое творилось и у вторых ворот, называемых Литейскими. Как мы уже рассказали, варвары еще раньше заняли ворота, которые вели к морю; те же, которые были на востоке, мы сами закрыли, опасаясь хитрости с огнем, испытанной ранее у ворот переднего укрепления; впоследствии напуганные горожане, не имея здесь возможности бежать, толпились на улицах и гибли на каждом шагу. Лишь немногие, считанное количество наших, спрыгнув в залив с западной части стены, избегли опасности. Сохранил себе жизнь также кое-кто из тех, кому удалось незаметно, до того как случилась беда, спастись через ворота акрополя, в первую очередь предводители славян, давно задумавшие бегство и заблаговременно завладевшие ключами от этих ворот. Им, видевшим самые ужасные страдания нашего города, следовало выпустить наружу каждого, кто им встречался: ведь таким образом многие, стоящие поблизости, могли бы бежать до того, как варвары ворвались в город. Славяне ни о чем подобном не хотели даже и думать; всегда преследуя только собственную выгоду, они и в этом случае заботились, как бы отвести от себя опасность, поэтому лишь немного приоткрыли ворота и покинули город, оставив здесь одного человека, чтобы после их бегства он снова запер эти ворота. Так эти люди злоумыслили против общего блага, но придумали хитрую отговорку, что ушли не с целью спасения, а для того, чтобы встретить союзников — стримонитов, так как стратиг будто бы приказал им это [1].

42. Немного времени спустя вооруженные варвары стали караулить и эти ворота, так что уже невозможно было безнаказанно даже выглянуть наружу, не то что бежать. Я, мой отец и братья (у меня двое младших братьев, которые по сей день разделяли со мною и плен и все остальные невзгоды) были тогда вместе со многими другими у этих ворот. Когда нам стало известно вероломство славян (мы узнали о нем после их бегства), все врассыпную бросились назад в город, и каждый бежал, как только мог, быстро, словно несчастие подхлестывало его призраком ужаса. Мы с отцом решили, пока варвары не успели нас настигнуть, укрыться в какой-нибудь башне внутренней стены и не смешиваться с остальной толпой горожан, чтобы при появлении врагов, обособленные ото всех, мы одни попались им на глаза, смогли договориться с варварами и спасти себе жизнь. Так оно по божьей воле и вышло. Я сейчас расскажу тебе, как все было и какой невероятной настойчивостью мы этого достигли.

43. Быстро поднявшись на стену, мы добежали до какого-то укрепления напротив обители святого Андрея Первозванного [1]. Нас было пятеро: мой отец, я с двумя братьями (о них уже шла речь) и еще один наш родственник, все клирики и все принадлежащие к составу чтецов [2]. Некоторое время мы молчали, раздумавшись о грозящей нам страшной смерти, а потом начали стенать; каждый оплакивал свою душу и разлуку друг с другом. Отец первый стал причитать, как человек пожилой и умудренный искусством говорить речи. «Увы мне, чада многострадальные,— говорил он,— сколь жалостна моя судьба! Неужели суждено мне, горькому и злосчастному, в один день увидеть кончину тех, кого я родил и кому в разное время даровал жизнь. В отличие от прочих, сраженных бедствиями, я даже не могу — так торопит меня время — подобающим образом оплакать свое несчастие. О, я охотно созвал бы в час этого общего безутешного страдания даже не одаренных душой тварей, чтобы они приняли участие в моем горе и разделили со мной мою печаль. То же чувствуют и все жители нашего города, ибо каждый нуждается в ком-нибудь из близких и испытывает потребность в сочувствии другого человека. Мне разом грозят два несчастия: погибель души (ибо жизнь свою я провел в грехе) и эта нечаянная разлука с вами; я никогда не думал, что лишусь вас столь нежданным образом, но постоянно молил бога, чтобы вы закрыли мои отягченные печалью глаза и ваши руки положили меня в гробницу отцов, чтобы я оставил вас невредимыми, опорой матери и заботливыми опекунами двум малолетним братьям. Теперь на это больше нет надежды: застигнутый бедой, я вместе с вами до времени жду смерти.

Из-за множества своих прегрешений я сохранен невредимым и дожил до того, чтобы на моих глазах возлюбленные дети стали жертвой вражеских мечей и их милые тела достались безжалостным палачам; увы, я не уверен даже в том, что убийца сразит меня, злосчастного, первым. Но в час общей беды я сумею вытерпеть свою; ибо ваш юный возраст и ваши цветущие лица позволяют думать, что враги сначала познакомятся с вашим оружием, а потом уже я, помнящий много смертей, сражаясь рукой каждого из вас, смешаю свою кровь с вашей.

44. Но неприметно для себя самого я, возлюбленные дети, далеко отклонился от подобающего в таких случаях и примешал к своему плачу многое, что совсем сюда не идет. Ведь я сражен горем, и общая для всего города погибель побуждает меня против воли оплакивать этот злой час и нашу беду. Кто, если бы он и обладал каменным сердцем, в горестях, подобных нашим, не оплакивал бы себя и своих близких, раздавленных тяжестью несчастия? Однако бог всегда желает и дает людям только то, что устрояется к их же благу. Нам, наверное, за прегрешения наши предназначен такой плачевный конец,— и вот заслуженная расплата уже у всех перед глазами и жестоко разит мечом наши сердца. Но справедлив допустивший это и уготовивший нам вынести насильственное расставание с телом и претерпеть кару за прегрешения по всей строгости грядущего суда. Будьте поэтому стойки духом, уповая только на него, ибо он один может отпускать грехи, совершенные на земле. И, если суждено пострадать за веру, пусть не вырвется у нас ни единого стона, пусть не убоимся мы плотской смерти, которую, если и не в таких муках, каждому все равно суждено претерпеть, исполняя предначертанное природой. Расставаясь с жизнью, да возблагодарим бога, дабы умереть с надеждой на загробное блаженство». Такими словами мой отец приуготовлял всех нас к страшной смерти и внушал нам решимость.

45. Пока все это говорилось и мы, обнявшись, прощались друг с другом, появилась большая толпа врагов; эфиопы, совершенно голые, с обнаженными мечами в руках, неслись вперед, оскаливая зубы, подобно диким кабанам. Остановившись здесь, они начали с того, что зарубили тех, кто вместе с нами бежал от коварно запертых ворот и находился теперь вблизи стены. Им не оставалось ничего другого, как подставить голову под меч палача и приготовиться к удару, мы видели это страшное злодеяние. Если убийцу трогала покорность человека, не сопротивлявшегося гибели, он наносил смертельный удар и этим скорее освобождал его от мучений, если же его каменное сердце не смягчалось и он желал насытить свою

ярость, еще больше распаляясь при виде мучений своего пленника, постепенно отрубал ему члены и заставлял несчастного пережить ужас множества смертей. В этой густой толпе ничего не было слышно, кроме звона мечей и бульканья крови, льющейся из ран.

46. Вскоре все эти люди лежали бездыханные — зрелище, достойное стенаний и плача. Когда же очередь дошла до нас (варвары заметили, что мы притаились в укреплении), все они как один бросились туда, предвкушая легкую добычу. Приблизившись к нам, они, однако, замедлили свой бег. Ведь мы были отделены от них упомянутой уже мною башней, через которую следовало пройти, чтобы добраться до нас; ее пол был некогда выстлан бревнами, а теперь прогнил от времени, провалился, и ступать по нему было опасно, потому что в целости остались только два средние бревна, по которым варвары могли пройти лишь с величайшим риском. Наши враги, увидев это опасное место, убоялись, как бы, когда они будут на середине пути, не обнаружилось, что мы устроили здесь ловушку, чтобы сбросить их вниз, так как башня была высокой и падение грозило тяжелыми последствиями. Творящий чудеса господь внушил им такие мысли. Ведь если бы эфиопы сразу, как только они приблизились к нам, без колебания отважились перейти по бревнам на нашу сторону, мы погибли бы так же, как и те, кто пал на наших глазах. Пока враги стояли в нерешительности, мы побороли страх и стали думать, нельзя ли чем-нибудь помочь делу. Я, как только мог, быстро выскочил из своего укрытия, презирая смерть и забыв о том, что мгновенье назад свершилось на моих глазах, бросился к входу в башню, собираясь по бревнам перейти туда, где стояли варвары. Увидев, что я, безоружный, смело приближаюсь к ним и спешу что-то сообщить, они в свою очередь подошли и, став друг за другом рядами, движением протянутых вперед рук показывали, что готовы мечом поразить меня. Когда и это не заставило меня оробеть (ум мой был занят только тем, что я собирался сказать), один из эфиопов, самый бесстрашный и дерзкий, превосходящий их всех ростом, приблизился ко мне и пытался ударить мечом по голове. Я поднял руки и сказал: «Не делай этого, потому что лишишь и себя и своих товарищей больших денег».

47. С этими словами я свободной рукой отразил движение эфиопа, чтобы он не мог нанести удара, и, сунув за пазуху левую руку, быстро вынул кое-какие золотые украшения, положил ему в ладонь и сказал: «Пусть это будет тебе наградой за мое спасение; если же ты желаешь получить большую, обещай сохранить жизнь моему отцу и братьям, а также дяде,— при

этом я повернулся, показывая пальцем на то место, где они находились,— и я дам тебе сокровища, которые мы в страхе перед вашим приходом спрятали в тайнике, известном нам одним. Мы охотно откроем его вам, едва окажемся в безопасности, если же погибнем, эти ценности также погибнут, не попав вам в руки; с нашей смертью пропадут для вас и они». Этими словами я смирял гнев эфиопа, а обещанное золото заставляло его задуматься над тем, что я успел сказать, пока на разные лады старался его умолить. Однако, будучи варваром, он не понимал, что я ему говорю, и, казалось, только удивлялся моему спокойствию и с трудом обретенному напускному хладнокровию.

48. В это время подошел какой-то человек и сказал: «Зачем ты пытаешься уговорить этого эфиопа, когда надо обратиться ко мне, и я тебе помогу во всем». Я окончательно осмелел и, успокоившись благодаря его присутствию, воскликнул: «Кто бы ты ни был, в этих несчастиях посланный нам всевышним, спаси нас и избавь от погибели! За это ты получишь достойный благодеяния выкуп, равного которому тебе не взять ни у кого другого во всем городе». Он ответил: «Будьте спокойны, не думайте о смерти, не падайте духом, ибо,— так он сказал,— я сумею уговорить эфиопов и отведу вас к самому предводителю, чтобы и он заверил вас в этом. Сговоритесь только друг с другом о том, чтобы выполнить свои обещания. Ведь если что-нибудь из того, что вы посулили, не будет исполнено, вот этими мечами осуществится расправа». Не успел он кончить, как приблизились мой отец с двумя братьями, о которых я уже упоминал, и, пав к его ногам, молили о спасении, подтверждая, что готовы выполнить все, о чем я говорил. Мой собеседник быстро передал наши слова остальным и прежде всего тому, кого я встретил первым и кому уже обо всем сказал. Убедив их дать клятвы, он стал увещевать нас не бояться за свою участь.

49. Едва мы попали в плен, варвары заставили нас покинуть стену, окружили тесным кольцом и повели к морю, шагая прямо по трупам. Миновав внутренние ворота, мы шли дальше не по прямой дороге, но повернули к лежащему здесь холму и поднялись по его склону. Вскоре показались другие идущие сюда эфиопы, тоже вооруженные мечами. Заметив среди пленников нас, они исполнились прежнего гнева и бросились вперед, еще издали выказывая необузданную ярость. Однако, приблизившись и увидев, что те, кто нас захватили, обходятся с нами бережно, они поспешно рассеялись и отступили; лишь один, как видно, самый бессовестный и дерзкий, злобно преследовал нас по пятам, как бешеная собака, и упор-

но старался пронзить кого-нибудь своим мечом. Выдав себя за одного из тех, кто нас пленил, он каким-то образом отвел меня в сторону и хотел убить. Я закричал, и отец в тревоге обернулся (он находился тут же), увидев, что мне грозит смерть и что свирепый палач схватил меня за волосы и собирается пронзить мечом горло, толкнул давешнего нашего спасителя, шедшего рядом, и, торопливо показывая на меня, воскликнул: «Что же это такое? Почему вы, забыв собственные обещания, осудили на смерть моего сына? Если он погибнет, жизнь и для меня станет ненужной. Отними его у палача, если ты хоть немного думаешь обо мне, а не то пролей и мою кровь, ибо мы не можем умереть порознь!» Человек этот, испуганный словами отца, тотчас бросился бежать и отвел руку варвара, уже протянутую для удара и держащую меч наготове. Злодей же, которому помешали, не позволив осуществить его намерение, пришел в еще большую ярость: дико вращая глазами, стиснув зубы и скрежеща ими (как обычно делают варвары), с видом свирепым и кровожадным, он пытался вырваться и вновь броситься на меня. Однако тот, кто в те дни самим богом был послан нам спасителем, не допустил до этого, но пытался всячески улестить его. Когда же он ничего этим не достиг и варвар, пришедший в полное неистовство и жаждавший крови, неожиданно и незаметно для всех занес над моей спиной меч и вонзил его движением, исполненным огромной силы (до сих пор у меня на теле сохранился шрам), этот достойный удивления человек возмутился, с силой оттолкнул эфиопа, схватил меня, уже поникшего к его ногам и обливающегося кровью, и быстро вернулся к товарищам.

50. Когда я снова оказался в толпе и, избежав опасности, возносил благодарность всевышнему и принялся думать о своей ране, внезапно последовал новый удар, который причинил мне еще более острую боль. Все тот же безумец, неизвестно откуда появившийся, со страшным криком, выдававшим его неудержимую ярость, сзади вонзил мне меч в ребра. Тогда я обратился к защитившему меня человеку, который, как я говорил, шел рядом: «Почему, скажи, только мою жизнь вы не хотели пощадить и,— тут я обернулся и указал на эфиопа,— отдали меня ему на расправу? Знайте, что лишь если избегнем смерти все мы, кого вы обнадежили своей клятвой, наши обещания будут исполнены; если же хотя бы один из нас погибнет по вашему недосмотру, все мы из-за этого простимся с жизнью, и вы ничего не получите. Так что, если данная вами клятва истинна, всеми средствами защитите нашу жизнь и будьте уверены, что и мы в свою очередь исполним все, что обещали». Выслушав мои слова и передав их всем, кто находился рядом,

он склонил их напасть на моего врага и подальше отогнать его. Варвары окружили нас кольцом и стали двигаться медленнее.

51. Наконец мы пришли туда, где находится монастырь посвятивших себя служению господу девственниц, издревле зовущийся Акруллион[1]. Натолкнувшись у входа в него на другой варварский отряд, наши стражники немного постояли с ним, а потом вошли внутрь, надеясь, что там найдутся какие-нибудь ценности. Мы, глядя на всех с подозрением и не оправившись еще от пережитого испуга, последовали за ними. Войдя в преддверие храма святого Георгия[2], мы увидели сидящего на скамье варвара с насупленными бровями и обнаженным мечом; рядом с ним стояли люди, которые не спускали с него глаз и всем своим видом выражали готовность выполнить любое его приказание.

Когда мы подошли, он спросил наших стражей, кто мы такие и почему нас помиловали. Они коротко все ему объяснили и, взяв нас сзади за плечи, заставили пасть к его ногам. Тогда он повернул меч, что держал в руке, тупой стороной его коснулся головы каждого из нас, а затем велел нам подняться с колен, приободриться и добавил: «Получив такое доказательство безопасности, вы впредь не должны — я ручаюсь вам в этом — тревожиться за свою жизнь».

Окружавшим его варварам нечестивец приказал отворить двери храма, до того запертые, и, поднявшись со своего места, взял левой рукой моего отца, а правой — одного из братьев и ввел их в святой храм, полный захваченных ранее пленников; их, как мы узнали впоследствии, было свыше трехсот человек.

52. Вместе с этим нечестивцем туда вошло много варваров; одним прыжком он очутился на святом алтаре, где священнослужители совершают таинства. Скрестив, по обычаю варваров, ноги, он сидел, исполненный гнева и злобы, оглядывая толпу людей перед собой и обдумывал свои коварные планы. Он по-прежнему держал моего отца и брата, нас велел сторожить у входа, а всех остальных кивком головы приказал умертвить. Варвары, словно свирепые волки, напавшие на добычу, быстро и безжалостно перебили всех несчастных и, еще не остыв от гнева, глядели на этого грозного судью, ожидая, как он распорядится нашей судьбой. Однако он не позволил им схватить нас, и мы, томясь под стражей, решили, что отец и брат убиты в храме вместе с другими пленниками и мы одни удостоились помилования. А они в свою очередь, стоя у алтаря, то же самое думали о нас, и не было предела нашему страху друг за друга. Когда закончилось истребление несчастных и весь пол покрылся телами убитых, между которыми текли реки крови, изверг, не имея возможности выйти, приказал сложить трупы

друг на друга вдоль стен храма. Когда это было сделано, он спрыгнул с алтаря и, вновь взяв за руки отца и брата, подошел к нам. Настолько велик был охвативший нас теперь ужас (лица наших близких были смертельно бледны, и сами мы, вероятно, были не краше), что мы, единственные уцелевшие среди этого всеобщего уничтожения, печальные и потрясенные, смотрели друг на друга, не решаясь произнести ни слова. А наш надменный знакомец, покинув варваров, сел на подведенного ему коня и исчез, приказав вновь взять нас под стражу и, как можно быстрее, двигаться к гавани. Туда же, по его словам, направляется и он.

53. Итак, они повели нас очень быстро, тщательно охраняя и обезопасив со всех сторон. Много раз в пути мы сталкивались с огромными толпами варваров, причем все они пылали жаждой убийства. Нелегкое было дело спастись от них, хотя наши эфиопы и отличались исключительной телесной силой, и ничто не могло их ни испугать, ни отвратить от раз принятых намерений. С немалым трудом и тревогами мы достигли гавани. Там оказался и предводитель вражеского войска; сопровождавшие нас варвары доложили ему обо всем и объяснили, по каким причинам именно нас из всех захваченных в плен греков они пощадили. Выслушав их, он приказал одному из своих приближенных присоединиться к отряду и отдал ему следующее распоряжение: если все, что мы посулили варварам на городской стене, будет исполнено и мы действительно выполним уговор — пощадить нас и вновь привести к нему; если же окажется, что наши слова не соответствуют истине и мы в страхе перед смертью солгали, уже давно лишившись своих ценностей, или, вынужденные обстоятельствами, сочинили все это ради того, чтобы отвратить первую угрозу опасности, он велел, поразив каждого из нас мечом, лишить таким способом жизни.

Тут варвары вновь окружили нас и приказали вести их туда, где спрятаны обещанные нами ценности; они сообщили также и о вынесенном нам приговоре, о том, что, если хоть что-нибудь из того, что мы пообещали, не обнаружится, мы погибнем от меча.

Сильнее прежнего нас мучил страх, как бы кто из слуг [1] или знавших тайник людей, попав в такое же, как мы, безысходное положение и также желая избегнуть смерти, не упредил нас, отдав варварам наши богатства, и как бы не оказалось, что мы напрасно прибегали к стольким ухищрениям, тщась сохранить свою жизнь.

54. Итак, не зная о судьбе нашего клада, мы поспешили к тайнику; застали мы его в том же виде, в каком оставили,

когда прятали свое добро. Однажды все мы, сколько было нас близких родственников, словно провидя будущее, благоразумно решили спрятать свои богатства в общем тайнике. Теперь, показав варварам ход, который был завален каменной плитой, мы все стояли вокруг, облегчив душу от бремени тягостных сомнений: ведь благодаря обещанию пощадить нас, нам нечего было больше страшиться, более того, размер выкупа сулил нам даже расположение варваров.

Как только они добрались до тайника, гнев их сменился радостью, и варвары призывали нас воспрянуть духом: «Этими сокровищами, — сказали они, — вы купили себе помилование и благодаря им вам сегодня дарована жизнь! Отправимся же к предводителю, чтобы вы уверились в своей полной безопасности». Нас опять повели к нему; по пути мы были свидетелями неслыханных и невиданных ужасов: в лужах крови лежали тела убитых (страшное зрелище) — здесь были люди всех возрастов, общим приговором осужденные на смерть от меча и, в довершение всего, лишенные даже погребения. По улицам рекой лилось вино и, смешиваясь с кровью, пропитывало землю. Подойдя ближе, мы стали внимательно вглядываться и, если замечали среди убитых кого-нибудь из близких или друзей, сдавленными стонами указывали на него друг другу; не было времени ни оплакать покойника, ни сделать для него что-нибудь во имя прежней дружбы. Беспомощно погоревав над убитым, мы вновь возвращались к своим заботам.

55. Достигнув гавани, мы предстали перед тираном в то самое время, когда он, собрав начальников кораблей, исполнял нечестивый обряд, который они называют молитвой. По окончании его он велел привести нас и стал расспрашивать отца: «Не епископ ли ты этого города?» (по одеянию он заключил, что таков его сан). Отец ответил: «Нет, я клирик, нуждающийся в епископском благословении». Некто, стоящий поблизости, предводительствовавший другим отрядом, сказал: «Этот человек не епископ, но облечен саном ничуть не ниже. Я знаю, что он экзарх всей Эллады и достоинством не уступает епископам»[1] — «А кто это?» — спросил тиран, указывая пальцем на меня. «Это сын его, — вновь вмешался тот же предводитель, — тоже клирик, притом из числа служивших в царских палатах[2]. А это его братья, — добавил он, указывая на моих младших братьев, — оба сыновья экзарха, рожденные им позже и не сверстники друг другу». — «А кто этот сопровождающий их старик?» — вновь спросил наш грозный судья. «Мой брат», — прервав его, ответил отец, знаком призывая дядю подтвердить его слова. После того как предводитель вы-

слушал это, он приказал всем сесть и, выйдя вперед, спокойным голосом обратился к нам: «Я хочу, чтобы вы были далеки от дурных подозрений. То, что вы безоружными встретили тех, кто захватил вас в плен, и сейчас у меня на глазах отдали большие ценности, сохранило вам жизнь (что для большинства безнадежно); в будущем вам не грозит опасность погибнуть от злого умысла, и вы не претерпите какой бы то ни было обиды со стороны моих людей. Идите теперь, подумайте о своих делах и исполнитесь добрых надежд. Ведь мы спешим в Сирию, и я очень скоро отправлю вас в киликийский город Тарс[3]; в ожидании обмена вы будете содержаться вместе с тамошними пленниками[4]. Выкупом за вас будут агаряне, захваченные в разное время ромеями, и, как только их доставят, вы будете освобождены от оков и вернетесь на родину». Вновь обратившись к своим, он стал говорить о нас, изъясняясь преимущественно на варварском языке. От нас, однако, ничто не укрылось, так как человек, пощадивший нас вначале, все еще был здесь и мы от него все узнали.

56. Предводитель велел надежно охранять нас, поместив невдалеке от моря. Лишь оказавшись там, мы впервые освободились от страха смерти и вверили свое будущее господней воле. Тут, словно мы лишь теперь познакомились с бедой, нашими помыслами овладела тревога за близких, ранившая сердца больнее, чем обнаженные мечи, думы о том, при каких обстоятельствах и какой смертью они погибли, и кто из них, избегнув казни, был, подобно нам, осужден на разлуку с отчизной. Однако мы ничего не могли узнать о них, ибо варвары недавно ворвались в город, и там все еще гудело и волновалось: гавань была забита варварами и взятыми в плен горожанами; одни из агарян хвалились добычей, другие силой влекли из каждого угла и из каждого дома женщин и грудных младенцев, жалобно рыдавших и горестно оплакивавших потерю матерей; иные безжалостно тащили архонтов[1] и известных в городе богачей, избегнувших гибели по тем же причинам, что и мы. Сам императорский посланец Никита и даже стратиг округи были схвачены и находились под стражей на варварских кораблях. Поэтому мы нисколько по сравнению с прежним не преуспели в розысках близких.

57. Вдобавок ко всему происходившему невиданный зной палящего солнца усиливал наши страдания, так что лица за короткое время почернели и изменились; все одинаково нуждались хотя бы в капле воды — и люди зрелого возраста, и совсем еще юные; и все думали только о том, как бы утолить непрестанную жажду, но никто не мог этого сделать. В таких мучениях и прошел весь день, причем по приказу злобного

изверга все пленники были группами размещены в разных местах, и приставленные к ним стражники всю ночь напролет следили, чтобы никто не мог бежать. Туда, где мы находились, тиран велел привести еще человек пятьдесят пленников, большинство которых оказались ранеными; лица их уже были отмечены печатью смерти, и несчастные не надеялись остаться в живых.

Выбрав человек десять раненых, варвары прикончили их; остальных не было уверенности в своей судьбе, и они метались в полном бессилии, ожидая такой же участи. А когда ночь прервала их горестные размышления, варвары подняли шум, стали расхаживать взад и вперед, ударяя в кимвалы [1] и испуская крики. Это длилось вплоть до рассвета, возобновившего тягостное ожидание людей, трепетавших за свою судьбу. Но гибельная жажда уносила пленников так же, как смерть от меча; нестерпимо страдая от нее, мы просили стражников позволить нам зачерпнуть протекавшей поблизости воды и получить хотя бы краткую передышку от своих мучений. Варвары согласились на это не потому, что почувствовали к нам жалость (да и как могли испытывать ее те, кто наслаждался убийством и дышал смертью), но потому, что вода эта, неся с собой нечистоты со всего города, сама по себе могла погубить всякого, кто ее пил. Однако каждый с наслаждением, какое доставляют только прозрачные и свежие потоки растаявшего снега, пил эту грязную воду, наслаждаясь глотком такой жижи, как глотком меда.

58. В это время от тирана вновь пришло распоряжение: если кто-нибудь из пленников имеет спрятанные где-либо деньги, пусть объявит об этом и купит себе спасение. Если же выяснится, что он лжет, такой человек должен быть обезглавлен [1].

Тиран отдал этот приказ, узнав, что варвары с того часа, как вошли в город, не пощадили никого, за исключением людей, утверждавших, что они имеют в тайниках деньги, которых не обнаружат никакие поиски.

Итак, те из пленников, кто точно знал о судьбе спрятанных денег, тотчас об этом объявили, торопясь отдать их как выкуп за сохранение жизни.

Те же, кто знал, что денег у него нет, и брал на себя подобные обязательства только под влиянием тщетных надежд, ожидали неминуемой казни, сужденной всем, кто был беден.

Тут некоторым варварам было дано приказание отвести пленников, которые выразили желание выдать свое имущество, в их дома, и, если оно на опытный взгляд окажется достаточным, сохранить им жизнь и вновь вернуть к остальным; если

же скудным, так что не сможет, по мнению посланных, удовлетворить предводителя, — предать пленников казни. В этом таилась новая опасность, ибо многие сомневались в ценности своего имущества. Поиски выкупа растянулись на целых десять суток, причем из города непрерывно доставлялись в гавань груды денег и разного добра: дорогих шелковых тканей и льняных, которые по тонкости соперничали с паутиной; кучи этих вещей, сваливаемых друг на друга, покрывали всю землю, образуя целые горы. Медной и железной утварью, а также шерстяными тканями варвары пренебрегали, не стремясь к их приобретению. Если же кто тайно приносил что-нибудь подобное, они бросали в море, тем самым карая и тех, кто избегнул опасности, чтобы и они, познав все возможные наказания, изведали вкус зла.

59. Среди прочих пленников был захвачен также евнух императора, видный при дворе человек по имени Родофил [1]. Незадолго до нападения варваров он был послан на запад и, оказавшись по делам в Фессалонике [2], попал в плен и вместе с нами терпел все невзгоды. При нем было много денег [3], которые он, по его словам, вез для нужд сицилийского войска, постоянно воевавшего с африканскими варварами и нуждавшегося в значительной поддержке [4]. И вот Родофил ночью накануне того дня, когда все мы впервые изведали горе, не знаю, каким образом, сам со своими слугами тайно переправил деньги из Фессалоники к стратигу Стримона с письмом, в котором просил сохранить их до окончания войны [5]. Взятый в плен, он был приведен к тирану. Последний, изменившись в лице и с бо́льшей против прежнего суровостью, обратился к Родофилу и стал его расспрашивать: «Где деньги императора, те два таланта, которые тебе было приказано отвезти в Сицилию?» — Родофил в ответ: «Они там, куда я их спрятал, опасаясь осады города и полагая, что оказавшись здесь, не смогу во время такой опасности бежать и скрыть доверенные мне деньги, ибо все будут следить за мной, как за человеком, который может в подобных обстоятельствах доставить им выгоду. По этим соображениям (ведь заранее было неизвестно, как все обернется) я переправил деньги императора из Фессалоники; сейчас я твой пленник и предлагаю тебе большой выкуп из собственных средств, если ты сохранишь меня целым и невредимым». Разгневанный такими словами, наш надменный повелитель, и взглядом и голосом выдавая обуревавшую его ярость, грозно закричал: «Раз этого прислужника гинекея все происходящее не приучило к мысли, что смерть неминуема для всякого, кто не отдаст свое имущество как выкуп, и он вопреки собственной пользе ломается, словно в театре, и разы-

грывает героя, пусть его спина отведает ударов, чтобы он прежде всего понял, перед кем стоит и о чем рассуждает, и перестал, споря о чужих деньгах, подвергать опасности собственную жизнь».

Исполнители неправедных приговоров, как только увидели, сколь грозным голосом и в каком неистовстве тиран отдал этот приказ, тотчас повалили Родофила и подвергли таким побоям, которые несчастный недолго мог выносить; тело его, иссеченное в клочья, обагрило землю потоками крови, и Родофил, обессилев от нестерпимых мук, испустил дух.

Когда он стих и жестокие палачи, не переставшие избивать его и после смерти, убедились, наконец, что он мертв, этот чудовищный злодей, едва справляясь со своим бешенством, крикнул: «Пусть он сгинет вместе со своими деньгами! Они, кажется, не пошли бы нам на пользу, если бы и нашлись! [6]»

60. Начальникам кораблей предводитель приказал готовиться к отплытию, взяв в первую очередь самых молодых пленников, как мужчин, так и женщин, отнюдь не считаясь с родством, чтобы они понесли необычное наказание — разлуку друг с другом. Затем он велел перенести золото и остальную ценную добычу и нагрузить каждый корабль в соответствии с его размерами. Тут повели всю молодежь, единственная вина которой состояла в цветущем возрасте и красоте. Если даже непрестанные несчастия омрачали какое-нибудь из этих лиц, присущие каждому свойства сообщали им благородство. Для многих красота была причиной обрушившихся на них бедствий.

О чем же мне рассказать прежде всего? Что считать самым жалостным? Поднялся общий отчаянный вопль, словно разделяли единое по природе, родные взывали друг к другу, оплакивая расставание. Можно было видеть сломленных страданиями мужчин, женщин, цветущих юношей, издававших жалобные крики и терзавших свое тело, бессильных далее переносить отчаяние и столь великие горести и плачем выражавших муку сердец, которые словно сгорали в огне этих испытаний.

Пленников, насильственно разлученных друг с другом, как попало посадили на корабли; хотя последние были просторны и могли вместить много народа, никто не имел, как следовало бы думать, места, достаточного для человеческого тела, но каждый оставался там, куда случайно был помещен, не находя возможности в течение всего плавания добыть себе местечко даже с ладонь, чтобы прилечь и хотя бы немного отдохнуть.

61. Так были нагружены все пятьдесят четыре корабля. Кроме того, оставалось еще много пленников, достойных, по

суждению варваров, отправки. Поэтому пошли в дело и корабли, принадлежавшие городу, на которых у нас купцы прежде возили хлеб[1], и были подняты из воды те, которые мы затопили у входа в гавань[2]. Это варвары сделали, использовав весьма удачное приспособление — блоки, которые приводились в движение и при помощи канатов поднимали со дна корабли. Получив, таким образом, дополнительно много кораблей, они погрузили всех пленников, не оставив в городе никого из предназначенных к отправке. Я не знаю, сбрил ли хоть один из всех этих юношей первый пух и достигла ли зрелости хотя бы одна девушка. Все они были еще очень юными, а большинство — даже совсем младенцами.

Думая о каждом из них, хотелось плакать, ибо невозможно было вынести зрелища их страданий.

62. Относительно же нас, т. е. тех, кто по разным причинам избег смертного приговора, было вновь объявлено решение тирана: чтобы всех, в особенности тех, кто, по его мнению, в силах был вынести трудности пути, начальники разделили между собой и, группами по пять человек посадив на корабли, содержали там под охраной перед отправкой в Тарс с целью уже упоминавшегося обмена. Остальных же, кто не мог доставить никакой выгоды, и, будучи отправлен, составил бы лишний и бесполезный груз, он решил оставить в Фессалонике не из милости и не по обету, какие необдуманно любят давать варвары, но с известным расчетом и коварным умыслом: чтобы ни в чем не показаться непредусмотрительным и не допустить поступков, которые бы не сулили ему прибыли. Предвидя, что через короткий срок в результате обмена все пленники получат свободу, предводитель варваров измыслил хитрость, чтобы и эти не обрели ее безвозмездно. Подумай, Григорий, как подло он поступил. Среди людей, которым удалось бежать и которые возвращались в город после его захвата, чтобы выкупить из плена своих родных, находился некто Симеон, человек редкого ума и умудренный житейским опытом[1], незадолго до того посланный императором в Фессалонику по важному делу, о котором сейчас нет нужды говорить.

Этим людям, прибывавшим ежедневно вплоть до самого отплытия, злобный Лев и сообщил свое решение относительно упомянутых уже пленников, обратясь к ним с такой речью:

63. «С самого начала настроенный к вам враждебно, я не намеревался сохранять жизнь никому из пленников. К чему это божеское благодеяние: одержать победу и не наказать врагов смертью, которую они еще более усердно уготовляли нам? Но, поскольку мне нужно, чтобы они, если все кончится благополучно, остались в живых, подумайте о моих словах.

Мне недосуг здесь медлить, так как время призывает меня отплыть на родину. Вы можете взять этих двести пленников под залог письменного поручительства, что при обмене мы получим за них равное число агарян, и склонить императора ромеев подтвердить ваши действия. Может быть, вы боитесь взять обязательство, не имея на то права и сомневаясь, согласится ли на это император или нет? Или вы ни во что не ставите столь великую беду и своей нерешительностью обрекаете гибели сограждан? Скажите же, какое решение вы принимаете, чтобы и я вынес свое, назначив им жизнь или смерть».

Упомянутый мною Симеон, который был на голову выше всех, ответил: «Я один беру на себя это поручительство, ибо хорошо знаю и человеколюбие нашего императора, и то, что он без колебаний освободит ради этих людей столько же находящихся у него в плену агарян, сколько здесь окажется фессалоникийцев. Я самолично доставлю агарян в Тарс, чтобы условия поручительства опять выполнялись в моем присутствии и чтобы ты не имел оснований за что-нибудь пенять мне, когда все будет выполнено. Пусть только эти люди будут освобождены, чтобы общими усилиями предать погребению тела погибших, которые разбросаны по всему городу и самый воздух побуждают к сочувствию».

Выслушав это, низкий Лев заставил Симеона дать письменное, скрепленное клятвой поручительство и приказал затем освободить пленников, которые не попали на корабли [1].

64. После того как к удовлетворению Льва этот план увенчался успехом, он замыслил нечто новое, не уступающее прежнему в коварстве: велел поджечь весь город, чтобы и из этого поступка тоже извлечь выгоду. Он ведь был уверен, что люди, выкупавшие пленников, никоим образом не допустят до этого и скорее предпочтут сами сгореть, чем перенесут хотя бы угрозу пожара для Фессалоники.

И действительно, не успели еще варвары донести пламя до центра города (горели только расположенные вблизи моря дома), как горожане уже решили уплатить выкуп.

Вскоре во все концы было разослано новое распоряжение: остановить пожар, так что и этот замысел осуществился к выгоде Льва. Горожане, не располагая нужным количеством денег, вместе с Симеоном пообещали варварам те два таланта, которые забитый насмерть евнух послал в Стримон. Фессалоникийцы быстро достали деньги (к тайнику, где они хранились, были посланы скороходы) и, отсчитав варварам, таким образом спасли город от пожара.

65. К тому времени, когда и эта хитрость принесла плоды и не осталось больше ничего, что не стало бы для алчных глаз

варваров предлогом к вымогательству, они не могли дольше задерживаться в Фессалонике, памятуя об опасностях, с которыми сталкиваются те, кто в такую пору пускается в путь; и вот в полдень на десятый день после захвата города мы покинули гавань и поплыли к уже названным Римским воротам, чтобы там провести остаток дня. Нас было пятеро, как и в день пленения, и мы находились на одном из кораблей предводителя египетского флота. Отец через переводчика (так как сам предводитель не понимал нашего языка) попросил его дать приказ, чтобы привели наших рассеянных повсюду родственников; это осуществилось бы, если бы бесчисленные несчастия и нерадивые слуги не оказались помехой и тут: подчиненные этого предводителя привели к нам только мою мать и одного из братьев, который не был с нами, когда мы сдались в плен, а вскоре также жену брата; мою же супругу с тремя детьми, младшую сестру и многочисленных других родственников не то не пожелали разыскивать, не то, разыскав, не захотели привести к нам. Они были затеряны в толпе и горько оплакивали разлуку с нами. Однако, как всегда бывает в несчастиях, мы перенесли и расставание друг с другом, хотя наше горе и превосходило самые тяжелые испытания.

66. Еще перед тем как отправиться в путь, варвары сковали нам ноги колодками и, словно кули́, одного за другим бросили на корабли, не давая даже воздухом дышать вволю и вынуждая постоянно задыхаться. Мы были посажены так тесно друг к другу, что наша толпа походила на единое тело, неспособное разделиться и разорвать свою нерасторжимую связь. Когда солнце стало приближаться к закату и дневной свет сменился вечерней темнотой, варвары затянули победную песнь, стали ударять в кимвалы и тимпаны, прорезая мрак взмахами своих сверкающих мечей, и с наступлением ночи под громкие и нестройные клики подняли якоря и отчалили от берега. Слышно было, как все мы тихо оплакивали отчизну, и каждый в глубине души возносил всевышнему мольбу, чтобы, изведав горести, какие господь пожелает послать нам в назидание, он позволил вновь возвратиться на вскормившую нас землю, не покинул и не лишил надежды на избавление от печалей.

67. Уже на рассвете нас стали одолевать многие тяготы: голод, жажда, ломота в теле вследствие тесноты (ведь на одном только корабле, на котором плыли мы, было восемьсот пленных, не считая двухсот варваров); к этому присоединялся жалобный плач малых детей, которые не в силах были вынести сразу столько лишений, ничего, кроме преждевременной гибели, им не суливших.

Самыми мучительными были для всех, однако, потребности желудка, с которыми ничего нельзя было поделать, так как природа настойчиво требовала своего. Многие считали это постыдным, но, не в силах воздерживаться, подвергали себя постоянным мучениям.

Когда занялся день, мы миновали Эквол[1] и поздним вечером причалили к Волвону[2]; мы тут увидели скачущих нам навстречу всадников; они уже были в Фессалонике и теперь хотели выкупить нескольких женщин. Варвары сразу же сняли их с кораблей и выдали всадникам за большие деньги.

Отчалив от Волвона, мы пристали к оконечности острова Паллина[3]; здесь мы немного отдохнули, а к вечеру, когда подул попутный ветер, вновь подняли паруса; надутые мощным напором ветра, они быстро несли нас до тех пор, пока на рассвете следующего дня мы не достигли места, которое мореплаватели зовут Диадромами[4]. Два длинных острова лежат здесь один против другого, и море, словно река, узкой лентой протекает между ними, отделяя друг от друга расстоянием всего в один стадий[5].

Попав сюда, мы так внезапно столкнулись с каким-то злосчастным кораблем, груженным хлебом, что команда его из-за неожиданного появления врагов не смогла ничего предпринять для своей защиты. Хотя она и решила пристать к близлежащему острову и спастись бегством, попытка эта ни к чему не привела, ибо варвары, мгновенно сойдя с кораблей, захватили их и всех, за исключением одного-единственного человека, перебили. Пустившись снова в путь, мы через двое суток дошли до большого острова Евбея[6] и, держась северного берега моря, в сильную бурю достигли оконечности Андроса[7].

Мы плыли кружным путем и не имели постоянного направления, но по решению начальников наших кораблей от времени до времени меняли свои планы и курс, ибо варвары на море избегали встречи с ромеями, боясь, как бы они не предприняли враждебных действий. Поэтому-то мы, как скитальцы, блуждали от одного острова к другому.

68. Продолжая свой путь, мы причалили к острову, носящему имя Патмос[1]. Там мы пробыли шесть дней, терпя всяческие лишения: место это совершенно безводно, всех изнуряла жажда, а пить нам давали так мало, что мы могли не столько поддержать свою жизнь, сколько отсрочить наступление близкой смерти. Отхлебнув этой воды, человек, если только он сразу же не зажимал носа, чтобы уберечься от зловония, не мог к ней прикоснуться, ибо, едва взглянув на нее, еще не пригубив, естественно, отвращался. Пищей нам служил только кусок хлеба, и то испорченный и совершенно несъедобный.

Ведь большие запасы продовольствия, которое враги много дней назад захватили с собой, протухли, так что даже животные не стали бы на них глядеть; варвары, однако, кормили нас этой несказанно зловонной и отвратительной, кишащей червями, гнилой и совершенно непригодной для поддержания наших сил пищей. Можно себе представить, какое бесконечное число людей каждый день уносила смерть из-за последствий голода и жажды, сколько умерших сбрасывалось в море и долгое время носилось по волнам; несчастные дети, вследствие своей нежности страдали больше остальных, да и взрослые, кто остался в живых, лишь немногим отличались от мертвецов, и видели перед собой тот же конец.

Больше всего пришлось вынести нам, скованным колодками. Брошенные, словно мешки, друг на друга, на скамьи, израненные и стесненные своими колодками, мы терпели невыразимые, несказанные муки, не будучи в состоянии ни подвинуться, ни дать себе отдых; мы могли лишь слегка приподнять головы и вдохнуть немного свежего воздуха, чтобы, в добавление ко всему этому ужасу, не задохнуться от тяжелых испарений.

69. Другим мучением были вши; ползучие твари буквально съедали нас, и из-за этого мы так изменились, что совершенно перестали походить на живых. А сколько побоев враги в исступленном ожесточении нам наносили, какими упреками и бранью осыпали нас всечасно, сколькими способами показывали нам, что в них еще не остыл гнев; чей рассказ сумеет это передать, и чьи уши в состоянии выслушать? Меня по крайней мере всякий раз, как я вспоминаю неисчислимые муки, которым мы подвергались на протяжении этого плавания, охватывает изумление перед тем, как у нас достало сил вытерпеть столько испытаний, ибо жизнь наша протекала дотоле в роскоши и неге и мы не были знакомы с пленом; как мы снесли этот нестерпимый двойной жар — жгучую жажду и летний зной, иссушающий всю природную влагу? Еще более жалостного удивления достойно то, как мы выдержали все это и остались в живых; по ночам враги весь корабль закрывали кожами, так что вдобавок ко всему остальному нас пытали и лишением света, дабы мы окончили жизнь из-за двух безысходных зол — мрака и зноя.

Я думаю, что воля всевышнего, пекущегося обо всем, закалила нас сверх всякого человеческого разумения, чтобы впоследствии, поняв, от каких несчастий, вопреки надежде, спаслись, мы не только себя самих, но и других наставляли на путь истинный своим примером.

70. Так как время торопило варваров с возвращением, мы

вновь отправились в путь и причалили к острову Наксосу[1], жители которого платят дань Криту[2].

Они встретили начальников кораблей подношениями, главным образом вещей, нужных в плавании. Пробыв на острове всего два дня, мы продолжали свой путь на Крит (к этому побуждал попутный ветер), пока не причалили к местности, которую здешние жители зовут Зонтарием[3]; нам, напротив, она показалась не соответствующей своему названию[4], ибо многих этот Зонтарий лишил жизни и обрек смерти. Из-за того что корабли не должны опасаться здесь дующих с юга и юго-запада ветров, наши варвары также предпочли пристать тут, а не в городской гавани. Только когда мы подошли, критяне узнали варваров; они видели нас еще далеко от берега и сначала решили, что на остров идет флот ромеев, и испугались, ибо не были готовы к обороне. Но лишь только мы приблизились, и можно было разглядеть корабли, они радостно высыпали на берег и приветствовали своих ликованием. Ведь, как говорит пословица, подобное всегда стремится к подобному.

Тут все варвары впервые сошли на землю, позволили нам немного отдохнуть от тесноты и дали воды, так как она здесь была в изобилии и щедро изливалась в море.

Всю эту ночь, освобожденные от обычных тягот, мы ждали, что утром чего-нибудь поедим, — ведь Крит богат и обладает великим изобилием продовольствия. Мы не знали, что здесь нам предстоят те же лишения, что и раньше, если не большие, и что мы терпели прежние страдания лишь для того, чтобы сохранить себя для новых.

71. Когда ночная мгла рассеялась и занимающийся рассвет возвестил наступление утра (это было воскресенье)[1], со всех кораблей послышался шум, — варвары в один голос радостно кричали и били в кимвалы, и казалось, что все вокруг было встревожено и взволновано этими звуками. Затем, когда нестройный и наводящий ужас гул смолк, принялись выгружать свой груз; для этого они разделили на участки по числу кораблей всю прилежащую полосу земли; сюда они стали сносить весь груз; имущество каждого корабля должно было храниться отдельно, не смешиваясь с грузом остальных.

Весь этот день варвары употребили на разгрузку, а на следующий начальники кораблей сошли на берег, чтобы вновь разделить и всех пленных и добычу, размерам которой критяне беспредельно дивились, не в состоянии ни с чем сравнить то, что увидели перед собой[2].

Когда варвары впервые пришли к мысли смешать всю толпу несчастных, чтобы все, кто были связаны каким-либо род-

ством, могли повидать друг друга, послышался громкий и страшный общий плач; люди словно из одного источника лили реки слез и тихими голосами спрашивали, нет ли кого из их близких, дабы этот отведенный на розыски день не миновал и они не лишились надежды на встречу с родными.

Повсюду бродили женщины, несчастные, с распущенными волосами, лихорадочно озираясь мокрыми от слез глазами, в ожидании, кого из детей найдут раньше. Дети же, кто не погиб на море, словно молодые бычки, отторгаемые от маток и жалобно ревущие, неутешно и горько плакали, бродя в этой толпе и разыскивая матерей.

Бедные матери, встречаясь с ними, изливали на них свою любовь, обнимали, покрывали их тела поцелуями и обливали потоками слез, считая великим и удивительным благом, что дети, вопреки всякой надежде, спасены и вновь возвращены им живыми. Так было с теми, кто уже держал своих детей на руках или хотя бы точно знал, что они целы. Что же сказать о других, чьи младенцы погибли в море, и кто ничего не знал об их участи? Какими словами описать, как они разрывали на себе одежду, не в силах вынести сердечной муки, как, нигде не находя себе места и напрасно гонимые своим страданием, то в одну то в другую сторону обращали взоры в надежде увидеть, кого искали, или хотя бы услышать о них, чтобы этим утишить пожирающее душу пламя? Так они томились иногда два или три дня, пока кто-нибудь из знакомых не рассказывал им, уже вконец измученным, о гибели разыскиваемых, о том, что их любимые дети стали жертвой голода или жажды. С этих пор, отчаявшись еще больше, они громкими рыданиями и стонами выражали свою любовь к погибшим.

Но зачем я тщетно принимаюсь рассказывать об этом? Ведь все равно невозможно передать хотя бы ничтожную часть того, что мы пережили. Нужен сам Иеремия, написавший плач по Иерусалиму [3], чтобы пролить неутешные слезы над множеством людей, мучимых столь тяжкими бедствиями. Ведь и Рахиль, по слову писания, когда оплакивала разлуку с детьми, не столь громкий вопль испустила в Раме [4], какой слышался в долине, где мы томились, громким гулом отзывавшейся на стенания пленных.

72. Какое ужасное зло было вновь содеяно этими нечестивцами! Варвары с самого начала знали, что пленные, если смогут соединиться с родственниками, перестанут так убиваться и с большим спокойствием перенесут грозящее им рабство; теперь, когда эти изверги увидели, сколь неразрывной цепью связывает несчастных кровная близость и сколь им невыносима разлука, они в согласии со своим решением по-новому распреде-

лить добычу и пленных между кораблями замыслили постыдное и противное природе дело: велели, чтобы все воссоединившиеся родственники вновь были разлучены, и только, если в числе пленных была мать, имеющая грудного младенца, позволили оставить ребенка с ней, так как он был неприспособлен к жизни. Всех же остальных родственников приказали снова как попало распределить по кораблям.

Какие слова в состоянии выразить всю неизмеримость этого бедствия? Какая, даже самая искусная, речь может передать эти разнообразные несчастия? Новым, бессмысленным в своей жестокости приказанием варваров разрывались самой природой созданные связи, разделялись люди, единственной виной которых была общность крови и родственная близость; ведь отрывали сына от отца, дочь от матери, брата от брата!

Что же могли они чувствовать, когда их угоняли в рабство в чужие края, где попирается наша святая вера, чтятся неслыханные пороки, где превозносится позор и прославляется исступление, бесстыдство удостаивается великой почести, где мужская сущность насильственно обращается в женскую и оскорбляется природа, где все противоестественно и все обращено ко злу?

Каким из всех несчастий больше всего были потрясены пленники? Какому они не предпочли бы петлю? Однако мы переносили все, ибо бог даровал нам стойкость и смягчал все наши муки.

73. Пленники, согласно приказанию разлученные с родными, находились под стражей в разных местах, пока не пришло новое распоряжение: пересчитать их всех и в равном числе, согласно красоте и возрасту рассадить по кораблям, чтобы ни на одном не оказалось ни избытка, ни недостатка, но чтобы каждый корабль в соответствии с числом находящихся на нем варваров получил свою долю и нигде не было бы народу больше или меньше, чем следует.

И вот прежде всего пересчитали всю толпу. Она составляла двадцать две тысячи человек; за исключением нас, которых держали для обмена, здесь не было никого, кто уже брил бы бороду, и ни одной пожилой женщины. Все отличались молодостью и красотой и словно стремились превзойти друг друга цветущим возрастом или привлекательностью, несмотря на то что тяжелые телесные страдания изменили их облик [1].

Когда пленники, разбитые на группы, были вместе с добычей погружены на корабли (ведь одновременно была разделена и добыча), критяне купили многих из них, не торгуясь, заплатили большие деньги, но не по простоте своей, а в предвидении выгод, ибо знали, что выручат значительно больше,

как только наступит срок, и они будут обменивать их на своих соплеменников, захваченных ромеями. Обмен пленными в этих местах происходит не так, как в Сирии: здесь господствует старинный, освященный временем обычай, согласно которому критяне получают варваров любого племени в обмен на тех, кого держат в плену, из расчета двух человек за одного. По этой причине критяне и купили многих пленников, обращая наши бедствия к своей выгоде.

Все это длилось целых десять дней, причем корабли критян непрестанно отвозили купленных людей на берег. Среди них оказалась и жена моего брата, что доставило нам немалое горе. А моя мать и супруга с двумя детьми (третий стал добычей морских волн), а также несчастный брат и младшая сестра по божьей воле попали на один сидонский корабль [2] для отправки в Сирию.

Нас же всех, предназначенных для обмена и содержавшихся прежде в разных местах, варвары соединили, поместив на одном из военных кораблей, которым они завладели, и приставили для нашей охраны надежных людей.

74. Варвары готовились на следующий день отправиться в путь: дело шло к зиме, и это подгоняло их, не позволяя задерживаться.

Начальники кораблей вместе с предводителем флота сели на коней и поскакали в город, чтобы рассказать критянам, как они обошлись с нами, выполнить свои гнусные обряды и передохнуть, погостив на Крите.

Проведя следующий день в городе, они быстро возвратились, торопясь отплыть при попутном ветре. Итак, на рассвете двенадцатого дня с той поры, когда мы прибыли сюда, варвары пустились в путь по направлению к расположенному напротив Крита острову Дия [1] и бросили якорь у самой его оконечности; здесь мы запаслись водой и после недолгой стоянки, увидев, что дует попутный ветер, отчалили, держа курс в открытое море. Я уже рассказывал, что мы находились на военном корабле ромеев; так как корабль этот был диерой [2], варвары заняли верхние скамьи, предназначив нам нижние, где было темно и зловонно. Как иначе назвать это наше помещение, как не плавучим гробом?

Если бы я захотел рассказать все, что мы перенесли за время этого плавания и в какой тесноте находились, многие, конечно, подумали бы, что я рассказываю сказки и уклоняюсь от истины, в полном соответствии с которой я обещал писать. Поэтому я сознательно опускал большинство событий, останавливаясь до сих пор только на том, что у меня доставало умения передать, чтобы поведать тебе, ученейший и любомуд-

рый Григорий, только самое вероподобное; так же я буду поступать и впредь, ибо мой рассказ и без того сможет тронуть даже черствое сердце, а не то что твое, которому более всего присуще сострадание. Ведь оно побуждало тебя просить, чтобы я приступил к этой повести и против воли отважился на дело, превышающее мои силы.

75. В то время как мы боролись со столь разнообразными горестями, внезапно поднялась сильная буря, взволновавшая море и грозившая нам гибелью. Неистовый ветер рассеял корабли, и, отнесенные далеко друг от друга, они сбились с пути. Не знаю, по воле какого злобного демона слева от нас очутился этот беспощадный изверг — Лев, сидевший на корме своего корабля и отдававший приказания кормчим. Позади Льва плыл еще один корабль, несколько меньших по сравнению с другими размеров; он был уже разбит бурей, и всем на нем находившимся грозила неизбежная смерть. Варвары с этого корабля кричали: «Подойди и спаси нас, повелитель, не дай погибнуть стольким агарянам, которых ты доселе оберег от многих опасностей!» и тому подобное — и в коротких словах объяснили ему, в чем дело. Лев тотчас приказал подплыть к ним и стал подробно обо всем расспрашивать. Терпящие кораблекрушение вновь в один голос закричали и, показывая на пробоину, требовали, чтобы всех нас бросили в море, а их приняли на наш корабль, говоря, что постыдно в час столь тяжелой опасности спасать врагов, а своих отдать произволу бури, предпочтя сохранение вражеских жизней их безопасности.

Лев сразу же согласился на это и велел остановить корабль, сбросить нас в море, а варваров принять на борт. Пока шли эти переговоры, мы оказались на довольно большом расстоянии, ибо корабль гнали мощные и высокие волны, так что оттуда, где мы оставили варваров, нельзя было слышать не только крика, но даже и более громких звуков. Заметив, что мы уже далеко, оставшиеся позади стали знаками приказывать варварам, которые были на нашем корабле, остановиться. Последние же то ли не понимали, для чего подаются знаки, то ли умышленно вводили своих в заблуждение, делая вид, что ничего не замечают, а может быть — и это самое вероятное — по внушению всевышнего, несказанно милостивого к нам, и продолжали путь, не обращая внимания на отставших и прилагая все усилия для спасения от неистовой бури как своего собственного, так и нашего.

76. Когда гибнущие увидели, что мы далеко и замысел их не может осуществиться, они, едва уже держась на поверхности, так как корабль постепенно стал погружаться в воду, об-

ратились к своему предводителю с другой просьбой, чтобы он взял их на свой корабль, а пленников со всей добычей разрешил бросить в море. Он и тут согласился, хотя обстоятельства этого не позволяли, общее отчаяние все возрастало и корабль Льва и без того был достаточно нагружен. Однако ему казалось невыгодным, сохранив жизнь варваров, бросить пленных, поэтому он, конечно, под влиянием своего корыстолюбия, а отнюдь не движимый состраданием к жестокой участи несчастных (да и как можно было ждать сострадания от того, кто только что упивался неправедными убийствами!), принял более человечное решение: вместе с варварами взять на корабль и пленных, чтобы увеличить свою прибыль и удовлетворить страсть к стяжательству, хотя предприятие это было тяжелым и в высшей степени рискованным.

После того как все очень быстро были переведены на корабль Льва, поврежденное судно затонуло на глазах варваров и наших стратигов, содержавшихся на корабле предводителя; они-то, изумленные спасительным человеколюбием всевышнего, и рассказали мне впоследствии обо всем. Оказывается, здесь было больше тысячи душ варваров и пленных, часть которых была посажена сюда еще на Крите, остальные же присоединились по названной мною причине позднее, так что корабль лишь на ширину ладони возвышался над водой.

Однако господь, ведающий скрытое и прозревающий тайное, не допустил его гибели; и, видя, что сердца всех отказались от какой бы то ни было надежды и ему одному, всесильному сделать все по своей воле, выплакали свое отчаяние, он обратил взоры на них и, сменив вихрь на мягкое дуновение и свирепость бури на затишье, спас от злой напасти, являя свое могущество во всем, так что дела его только голосом не говорили о том, каким удивительным образом бог чудес сохраняет тех, кто со страхом и от всего сердца призывает его.

77. Через пять дней мы причалили в пафосской гавани на Кипре[1]. Здесь был краткий отдых, чтобы варвары могли сойти на берег и помыться. Затем мы вновь снялись с якоря и по прошествии суток, в праздник крестовоздвижения[2], достигли Триполи, где нам впервые удалось отдохнуть от тягот плавания.

Когда мы подошли к городской стене, жители огромной толпой высыпали на берег, встречая своих и дивясь нам. Едва корабли успели причалить, с каждого из них стали выгружать столько золота и прочей добычи, словно это был целый город; все сносилось в заранее приготовленные помещения, так что вскоре весь Триполи был полон разного добра. Варвары и нас всех выставляли напоказ как победный трофей и глумились над нами, устраивая потеху из нашего несчастия. Как

они кричали и прыгали, упиваясь нашим унижением, когда достигли городских ворот! Это огорчало нас больше всего, ибо мы не в состоянии были дольше терпеть непрестанные муки и превышающий все позор.

Когда после этого было отведено помещение, где нас должны были держать под стражей до отправки в Тарс, найдя здесь отдых от тягот и пав на землю, мы со слезами молили всевышнего прекратить наши бедствия и сделать так, чтобы не повторились многочисленные несчастия; мысль о них была мучительной, ибо они превзошли всяческие пределы. Такова была судьба тех, кого держали для обмена, и пленных, которые вместе с нами очутились в Триполи.

78. Те же, кто плыли на других кораблях и расстались с нами на Крите, рассеялись по всему побережью Сирии. Некоторые купцы, купив их, вновь продали в разные места и до сих пор продолжают торговать ими, так что иные попали даже в Эфиопию и к варварам, живущим на крайнем юге.

Если бы кто пожелал описать их бедствия, он уподобился бы человеку, безрассудно пытающемуся исчислить морской песок. Во всяком случае и сам ты, любомудрейший из мужей, если встречал кого-нибудь из них в Дамаске[1] или в ближайших к нему городах, а ты — я знаю — видел там многих, так как тирские корабли[2] [доставили] своих пленников в эти места[3]... Я скажу, что и наша встреча в Триполи, когда я познакомился с тобой, впервые туда попавшим, достаточно убедила тебя в этом, и, несмотря на молчание, вид наш изобличал наше положение и душевные муки. Поэтому ты тогда сострадал нам и, познакомившись с нашими бедствиями, в стремлении узнать их все, исполнился скорби и сверх всякой меры горевал в своем сердце.

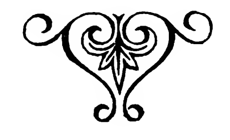
Однако нам, перенесшим столь многочисленные и тяжелые испытания, нисколько не легче пришлось и в Триполи, пока мы там находились; кажется, мы познакомились тогда даже с большими горестями (там я потерял своего дорогого отца, и это было для меня началом новых бедствий); однако вскоре после твоего отъезда по приказу тирана все мы вместе с частью сопровождавших нас варваров были посажены на прежний корабль и прибыли в Тарс, где должны были содержаться.

Здесь мы живем в ожидании, что либо освободимся благодаря давно обусловленному обмену, либо будем призваны смертью, ежедневно грозящей непрестанными болезнями и всегда близкой для того, кто живет в неволе. Однако нам не дано знать, что нам предстоит.

79. Итак, я исполнил свое обещание и неустанно дивлюсь твоей добродетели и тому, с какой ревностью ты к этому

относился, как в письме своем побуждал изложить тебе подробно все, что случилось в моем городе. И вот я решил исполнить твою просьбу только для того, чтобы описание моих бедствий напоминало тебе о твоей ко мне дружбе и, постоянно тревожа твое сердце картинами страданий, побуждало стремиться к добру. Ибо воспоминание о горестях обращает к добродетели ревностные души, и рассказ об ужасах внушает спокойствие духа. Но не презри из-за моей необразованности назидания, содержащегося в этом сочинении, и, памятуя, что правдолюбие свойственно человеку неискушенному и непривычному к сочинительству, вознагради наш труд молитвами, прося владыку всех оберечь нас от бедствий или удостоить мужественно их переносящих дара долготерпения в день своего суда.

Конец достопамятной повести кир-Иоанна Камениаты, кувуклисия святейшей фессалоникской митрополии, повести, которую всякий, в особенности же фессалонкиец, должен прочитать раздумчиво и внимательно, так как она послужит к величайшей духовной пользе.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОММЕНТАРИЙ

Глава 1

1. Григорий — друг Камениаты; они познакомились в Триполи (Cam., p. 489_{8-10}, 490_{7-8}, 598_{4-6}), где Камениата ожидал отправки в Тарс, а Григорий в это время проходил через город, направляясь в Антиохию с группой соотечественников каппадокийцев, плененных арабами (Cam., p. 489_{12-16}).

В ходе повествования Камениата неоднократно обращается к Григорию, превознося „присущее его сердцу сострадание" (Cam., p. 592_{12-13}), добродетель (Cam., p. 599_{7}) и совершенную и великую мудрость (Cam., p. 488_{21}). Он именует Григория отличнейшим, ученнейшим и любомудрейшим из людей (Cam., p. 487_{3-4}, 540_{11}, 592_{9}, 597_{21}), отмечает, что имя его пользуется широкой известностью (Cam., p. 488_{7-9}). Восхваление Григория следует, возможно, в значительной степени отнести за счет обычных в византийской литературе риторических приемов; во всяком случае, из имеющихся в нашем распоряжении источников ничего неизвестно о каком-либо Григории из Каппадокии. Эрудиция Григория, судя по представлению Камениаты о познании (Cam., p. 487_{5} — 488_{3}) и его преклонению перед мудростью и совершенствами своего друга (Cam., p. 488_{8}), имела богословский характер.

2. О переписке между Камениатой и Григорием см. также Cam., p. 489_{5}, 599_{6-9}.

3. Ср. Римл., VI, 23.

4. Захват и разграбление Фессалоники пиратским флотом Льва Триполийского действительно произвели сильное впечатление на современников; известно, что император Лев VI (886 — 912) посвятил этому событию стихотворение „Εἰς τὴν ἅλωσιν τῆς Θεσσαλονίκης" (A. Mai, *Spicilegium Romanum,* t. IV, Romae, 1840, p. XXXIX), а патриарх Николай Мистик (901 — 907; вторично 912 — 925) произнес проповедь в церкви св. Софии. Небольшой отрывок из этой гомилии (Cod. Vat., 172, Νικολάου πατριάρχου ὁμιλία εἰς τὴν ἅλωσιν τῆς Θεσσαλονίκης, ῥηθεῖσα ἐν ἄμβωνι τῆς μεγάλης ἐκκλησίας μετὰ τὴν εἴσοδον) был издан А. Маи с приложением перевода на латинский язык (A. Mai, *Spicilegium Romanum,* t. X, Romae, 1844, p. XXVI, XXVII) и перепечатан Минем (Minge, PG, vol. CXI, col. 26—27) и Саккелионом [Σακκελίων. Νικολάου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως ἐπιστολὴ πρὸς τὸν ἀμηρὰν τῆς Κρήτης (Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἑταιρίας τῆς Ἑλλάδος, t. III, 1889), p. 109]. В. Н. Златарский перевел этот отрывок на болгарский язык [В. Н. Златарски, *Писмата на цариградския патриархъ Николая Мистика до българския царь Симеона* („Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина", кн. 10, София, 1894), стр. 375], а А. А. Васильев (*„Византия и арабы. Политические отнсшения Византии и арабов за время Македонской династии"*, СПб., 1902, стр. 151)— на русский. Гомилия Николая Мистика имеет риторический характер и никакой исторической ценности, как это уже отметил А. Маи (A. Mai, *Spicilegium Romanum,* t. X, p. XXVI), не имеет.

Глава 2

1. Варварами, как известно, римляне и греки называли всех неримлян и негреков. Камениата имеет в виду арабов.

2. Речь идет о Триполи, расположенном в Сирии, на побережье Средиземного моря. При халифе Османе (644—656) этот город был захвачен у Византии войсками Моавии — арабского наместника в Сирии. Во времена Камениаты был одной из опорных баз арабских пиратов и постоянной резиденцией Льва Триполийского.

3. Каппадокия — местность в восточной части Малой Азии; в системе военно-административного деления Византийской империи являлась особым округом — фемой. Первое вторжение арабов в Каппадокию произошло в 40-х годах VII в. Арабские набеги на эту пограничную область Византии продолжались вплоть до середины X столетия. Григорий и его соотечественники, возможно, попали в плен при набеге 897 г., когда арабы захватили каппадокийскую крепость Курру (А. А. Васильев, *Византия и арабы*, стр. 112). Во всяком случае, это последнее известное нам из источников вторжение арабов на территорию Каппадокии перед 904 г.; замечание Камениаты, будто Григорий потерял надежду, что страданиям его когда-нибудь «настанет конец» (Cam., p. 489_{16}) также свидетельствует о том, что Григорий находился в плену длительное время. Из дальнейшего рассказа известно, что Григорий побывал в Дамаске и ближайших к нему городах (Cam., p. 597_{21} — 598_{2}).

4. Главный город Сирии. С 638 по 969 г. находился в руках арабов.

Глава 3

1. Θεσσαλονίκη, ныне Салоники. Название города имело несколько различных написаний. Древние и византийские авторы особенно часто употребляли формы Θεσσαλονίκεια, Θεσσαλονείκη и Θεσσαλονίκη. С IX в. в источниках можно встретить также сокращенную форму Σαλονίκη (Theoph., I, p. 456_{28}), которая получила широкое распространение в разговорном греческом языке, а также у соседних народов: „Солунь“, “Селунь“ — у болгар, сербов и на Руси; «Salunik» — у арабов и т. д. (Th. L. Fr. Tafel, *De Thessalonica ejusque agro dissertatio geographica,* Berolini, 1839, p. 18 sq.; O. Tafrali, *Topographie de Thessalonique,* Paris, 1913, p. 3—6, а также RE, s. v Θεσσαλονίκη, S. 143, 146, 152). О происхождении названия города см.. O. Tafrali, *Thessalonique des origines au XIV e siècle,* Paris, 1919, p. 1—3; Δήμιτσα, Μακεδονικά, 'Αρχαία γεωγραφία τῆς Μακεδονίας t. II, 'Αθῆναι, 1874, σ. 272.

2. Ср. также: Cam., p. 491_{19}, 498_{2-3}, 498_{5}. Величина и богатство Фессалоники, которая еще в эллинистическую эпоху соперничала с древними столицами Македонского царства Эдессой и Пеллой, а с возникновением Византийской империи стала одним из ее крупнейших торгово-ремесленных, военно-административных и культурных центров, неоднократно прославляются писателями как римского, так и византийского времени. По свидетельству Страбона, уже в I в. Фессалоника была многолюднейшим городом Балканского полуострова (городом, ἣ νῦν μάλιστα τῶν ἄλλων εὐανδρεῖ. Strab., t. II, p. 61). Антипатр Фессалоникийский называет Фессалонику „матерью всей Македонии“ (μήτηρ ἡ πάσης Μακηδονίης. Antip., t. II, p. 88) Церковный историк V в. Феодорит отмечает, что Фессалоника была „очень большим и многолюдным городом“ (μεγίστη καὶ πολυάνθρωπος. Migne, PG, vol. LXXXII, col. 1232 A) В «Чудесах св. Димитрия» она именуется, подобно столице, „великим городом“ (μεγαλοπόλις), к ней прилагаются многочисленные эпитеты, подчеркивающие ее исключительное положение [Migne, PG, vol. CXVI, col. 1204 A, 1213 C, 1256 C, 1264 B.-1285C

1333 B, 1337 A, 1340 A, 1357 C; H. Gelzer, *Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung* («Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften», Bd. XVIII, № 5, Leipzig, 1899), S. 43]. В житийной литературе IX столетия Фессалонику неоднократно называют „великим“ и „славным“ городом [«*Житие и подвиги св. Феодоры Солунской*», издание епископа Арсения, Юрьев, 1899, стр. 4 и 41; 11 и 49; 27 и 68; 33 и 75; Ed. Kurtz, *Des Klerikers Gregorios Bericht über Leben, Wunderthaten und Translation der Hl. Theodora von Thessalonich* («Записки имп. Акад. наук», ист.-фил. отд., т. VI, серия 8, № 1, СПб. 1902), стр. 43; *«Vie et office de Saint Euthyme le Jeune»*, publ. par L. Petit («Revue de l'Orient chrétien», Paris, 1903), p. 193].

«Житие Фотия Фессалийского» свидетельствует, что Фессалоника „стояла во главе фессалийских городов, а лучше сказать была расположена среди них и, как царица, окружена с обеих сторон их свитою“ (*«Похвальное слово св. Фотию Фессалийскому»*, издание епископа Арсения, Новгород, 1897, стр. 13 — 14). Византийские источники XII—XV вв. (Niceph. Chumn., II, 137, 142, 152; Cantac., II, p. 573_{6-7}; Georg Pachym., I, p. 477 $_{9-10}$; Niceph. Greg., I, p. 26 $_{4-5}$, 245 $_{20-21}$. См. Th. L. Fr. Tafel, Thessalonica..., p. 31—33; O. Tafrali, Topographie... p. 7—9) отмечают, что Фессалоника была богатым и великим городом, и указывают, что она занимала особое положение в империи.

3. Один из мифических христианских апостолов. Согласно церковному преданию, жил в середине I в. н. э.

4. Ср.: *«Деяния апостолов»*, IX, 15.

5. Ср.: Римл., XV, 19.

6. Согласно «Деяниям апостолов» Павел из Филипп через Амфиполь и Аполлонию пришел в Фессалонику (приблизительно в 50 г.), где пробыл несколько недель, проповедуя христианство. В результате его проповедей «великое множество» греков, а также некоторые иудеи приняли христианство (XVII, 1—4). Христианская церковь приписывает Павлу составление двух посланий к фессалоникийцам, вошедших в Новый Завет.

7. Димитрий — легендарный воин, защитник и покровитель Фессалоники. Согласно местному преданию он умер в этом городе мученической смертью за проповедь христианского учения в царствование императора Максимиана (285—305). Начиная с конца IV в. имя Димитрия неразрывно связывается с Фессалоникой. В начале V в. там была выстроена во имя его крупнейшая в городе церковь (гл. 11, прим. 4), в которой находился мраморный саркофаг «святого», якобы источавший целебное миро [отсюда и прозвище Димитрия — μυροβλύτης, мироточивый (Cam., p. 490 $_{18}$)]. Во время раскопок руин церкви Димитрия, производившихся греческим ученым Г Сотириу поле пожара 1917 г., была найдена скрытая в стене свинцовая трубка, из которой и истекало это особым образом приготовлявшееся благовонное масло (миро) [Ch. Delvoye, *Salonique, seconde capitale de l'empire byzantin et ses monuments* («Revue de l'Université de Bruxelles», № 5, 1950), p. 405]. Ко дню празднования памяти Димитрия (26 октября старого стиля) приурочивалась знаменитая фессалоникская ярмарка, красочно описанная в *«Тимарионе»* [*«Timarion»*, ed. Ellissen («Analekten der mittel-und neugriechnischen Literatur», Bd. IV, Leipzig, 1860), S. 46 sq. Русский перевод С. В. Поляковой и И. В. Феленковской (ВВ, т. VI, стр. 365 и сл.)]. Культ Димитрия в Фессалонике принял такие размеры и формы, что жителей города даже упрекали в том, что они почитали Димитрия больше, чем Христа (MM, I, p. 175).

Главными источниками, рассказывающими о жизни и смерти Димитрия, являются три Passiones, впервые изданные в 1780 г. в Брюсселе Корнелием Бийе вместе с Miracula этого «святого» (гл. 8, прим. 9)

Acta Sanctorum, Octobris, t. IV и перепечатанные в 1864 г. Минем в «Греческой патрологии» (PG, vol. CXVI, col. 1167—1202). Первое Passio принадлежит перу анонимного автора и является самым ранним (середина V или начало VI в.) и самым кратким; второе, более пространное и содержащее ряд новых подробностей, было написано, очевидно, архиепископом Фессалоники первой половины VII в. Иоанном; автором третьего был знаменитый компилятор X в. Симеон Метафраст, положивший в основу своего труда рассказы предшественников (Ch. Delvoye, *Salonique...*, p. 399).

Исследования ученых показали, что культ Димитрия зародился не в Фессалонике, а был занесен туда из Сирмия; в фессалоникских Passiones можно обнаружить следы первоначального сказания о жизни и смерти Димитрия. [H. Delehaye, *Les légendes grecques des saints militaires,* Paris, 1909, p, 103—108; H. Delehaye, *Les origines du culte des martyrs,* Bruxelles, 2e éd., 1933, p. 223—228; J. Zeiller, *Les origines chrétiennes dans les provinces Danubiennes de l'empire romain,* Paris, 1918, p. 81—83; A. Sigalas, Νικήτα ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης εἰς τὰ θαύματα τοῦ ἁγίου Δημητρίου („Ἐπετηρὶς τῆς Ἑταιρείας τῶν Βυζαντινῶν Σπουδῶν", t. XII, 1936), p. 319—320]; подробно о Димитрии см.: H. Gelzer, *Die Genesis...*, S. 53 sq.; Ch. Diehl, *La cité de S. Démétrius* («Dans l'Orient byzantin», Paris, 1917), p. 25 sq.; Ch. Delvoye, *Salonique...*, p. 399 sq.; Ф. Баришић, *Чуда Димитриjа Солунског као историски извори*, Београд, 1953, стр. 16.

8. Известно, что соседние христианские народы, особенно славянские — болгары, сербы и русские,— весьма почитали Димитрия. После взятия Фессалоники норманнами в 1185 г., когда гробница Димитрия подверглась надруганию, возникла легенда, будто Димитрий покинул Фессалонику и переселился к болгарам (Ch. Diehl, *La cité de S. Démétrius*, p. 31). В русских летописях Димитрий неоднократно фигурирует как помощник русских воинов в борьбе против врагов. Так, уже в «Повести временных лет» (XII в.), в рассказе о нападении киевского князя Олега в 907 г. на Константинополь, «святой» Димитрий выступает защитником русского князя от вероломства греков (ПВЛ, т. I, стр. 220); в числе других «небесных воинов» «славный Дмитрий» помогает русским войскам разгромить татарские полчища Мамая во время знаменитой битвы на Куликовом поле (ПСРЛ, т. XI, стр. 61); великий князь московский Иван III Васильевич, отправляясь в 1471 г. в поход против «отступников от православия» новгородцев, призывал на помощь себе «непобедимого Дмитрия Селуньского» (ПСРЛ, т. VI, стр. 8—9); с помощью «святого славного страстотерпца Дмитрия Селуньского Мироточца» псковским воинам удалось незаметно проникнуть в осажденный в 1611 г. шведами «пригород» Пскова — Гдов и совместно с жителями Гдова одержать победу над врагом (ПСРЛ, т. V, стр. 53) и т. д.

Во Владимире, Новгороде, Пскове и других древнерусских городах воздвигались соборы и церкви во имя Димитрия (см., например, ПСРЛ, т. I, стр. 184; т. III, стр. 96; т. IV, стр. 127, 296), где хранились якобы частички его «мощей». Димитрий Солунский считался покровителем великого князя Владимирского Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (1176—1212). В Третьяковской галерее хранится икона Димитрия, принадлежавшая некогда Всеволоду; там же находится мозаичное изображение Димитрия Солунского из Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (XI в.). [О культе Димитрия у сербов см.: K. Dieterich, *Zur Kulturgeographie und Kulturgeschichte des byzantinischen Balkanhandels* (BZ, Bd. XXXI, Leipzig — Berlin, 1931), S. 55—57].

9. Фессалоника, действительно, славилась своей ортодоксальностью. Однако не все ее „пастыри" были так безупречны, как об этом говорит Камениата. По сообщению Иоанна Мосха (Migne, PG, vol. LXXXVII,

col. 2896 D, 2897 A), в конце VI в. архиепископскую кафедру в Фессалонике занимал язычествующий аристократ, а в 843 г., в год восстановления иконопочитания, с архиепископской кафедры города был смещен за иконоборческую ориентацию знаменитый ученый того времени Лев Математик (Cedr., II, p. 166 $_{3-7}$). Камениата не упоминает, кто был духовным главой Фессалоники в его время. В списке архиепископов Фессалоники за эти годы у Лекьена (Le Quien, *Oriens christianus*, t. II, Parisiis, 1740, p. 46) также пробел. Имя архиепископа в период осады города арабами в 904 г. стало известно благодаря надписи, сделанной в ожидании нападения арабского флота и обнаруженной в 1874 г. на обломках приморской стены Фессалоники. Согласно этой надписи приморская стена была обновлена „ . ἐπὶ 'Ιω(άννου) ἀρχ(ι)επισκόπ(ου) Θεσσαλονίκης τοῦ ἐντοπίου". (Полный текст этой надписи впервые был опубликован у. Χατζῆ 'Ιωάννου 'Αστυγραφία Θεσσαλονίκης, Θεσσαλονίκη, 1881, σ. 17, 18. О работах, проводившихся в городе по укреплению приморской стены в ожидании врага, см.: Cam., p. 511 $_{3-17}$, 514 $_{1-6}$). Возможно, это был тот самый архиепископ Иоанн, о котором известно из «Жития Феодоры Солунской». В «Житии» (стр. 27 — 28) говорится, что Феодора скончалась „в царствование Льва и Александра, в шестой год их самодержавного правления (т. е. в 892 г.), при святейшем Иоанне, занимавшем тогда архиепископский престол в Фессалонике" [Ср. L. Petit, *Les évêques de Thessalonique* (EO, 1901, № 3—4), p. 220 sq.].

Глава 4

1. Фессалоника была обнесена стенами еще в эллинистическое время. В период римского господства и в средние века стены города неоднократно подвергались перестройке. Подробно об оборонительных сооружениях Фессалоники см.: O. Tafrali, *Topographie...*, p. 30 sq.

2. Термейский, ныне Салоникский, залив.

3. Фессалоникская гавань была благоустроена в IV в. н. э. Константином Великим во время его пребывания в Фессалонике (Zosim., p. 86 $_{15-17}$). Подробные сведения о фессалоникской гавани в византийское время приведены у Тафеля (Th. L. Fr. Tafel, *De Thessalonica...*, p. 208 sq.) и у Тафрали (O. Tafrali, *Topographie...*, p. 14 sq.).

4. Имеется в виду северо-восточная часть Термейского залива, непосредственно прилегающая к Фессалонике.

5. ''Εκβολον — ошибочно. Следует, как уже в свое время отметил Тафель (Th. L. Fr. Tafel, *De Thessalonica...*, p. 214, n. 42), читать ''Εμβολον [см., например, письмо Феодора Студита Платону (Migne, PG, vol. XCIX col. 918C) и «*Житие св. Давида Фессалоникийского*» («*Leben des hlg. David von Thessalonique*», ed. V. Rose, Berlin, 1887, S. 13), где дано правильное написание]. Эмвол — название двух мысов (Большой Эмвол и Малый Эмвол) на северо-восточном берегу Термейского залива (в древности — Αἰνεῖον; на итальянских картах XVI и XVII столетий — Lembolo; в настоящее время — Кара-Бурну). Камениата говорит о мысе Большой Эмвол.

6. Помимо искусственно сооруженной гавани, Фессалоника имела еще естественную гавань, расположенную к северу от Малого Эмвола (O. Tafrali, *Topographie...* p. 14).

Глава 5

1. Хортаит (Χορταΐτος; в древности Κισσός; в настоящее время Хортиат или Хортач), 1200 *м* над уровнем моря.

2. В византийское время эта равнина называлась Каламария (от Καλὴ μερία или Καλὴ Μάρα). Название это сохранилось и в наши дни. О его происхождении см.: Th. L. Fr. Tafel, *De Thessalonica...*, p. 254; P. N. Papageorgiou (BZ, VII), p. 57; O. Tafrali, Topographie..., p. 25.

3. Виноградарство было развито здесь издавна; об этом свидетельствуют некоторые древние надписи, а также изображение кисти винограда на фессалоникских монетах, относящихся ко времени, предшествовавшему установлению римского господства (168 г. до н. э.) (O. Tafrali, *Topographie...*, p. 23).

4. По сохранившимся преданиям, на горе Хортаит некогда, еще до заселения Афона, было 24 монастыря (П. Успенский, *Первое путешествие в афонские монастыри и скиты в 1845 г.*, Киев, 1877, стр. 9).

5. Лагодинская равнина. Ср. описание этой равнины у Никифора Хумна (XIII в.)]: Niceph. Chumn., II, p. 140.

6. Озера Вольве (Βόλβη), ныне Бешик, и Коронея (Κορονεία), ныне Лангаза. Эти озера сообщаются между собой и Орфанским (Рентинским, Стримонским) заливом.

7. Ср.: Niceph. Chumn., II, p. 140. Богатством и редкими сортами рыбы эти озера славились и в новое время (С. И. Веркович, *Топографическо-этнографический очерк Македонии*, СПб., 1889, стр. 36).

Глава 6

1. Следует читать: Ἐμβολῆς (гл. 4., прим. 5).

2. Камениата описывает здесь Кампанию—одну из самых больших равнин Македонии

3. Кампания славилась своим плодородием и в более позднее время. Никифор Хумн писал, что эта равнина была житницей для города и изобиловала всем, что только может давать земля [Niceph. Chumn., II, p. 139—140. Ср. также: *«Тимарион“ («Timarion»,* ed. Ellissen, S. 44), где говорится, что окрестности Аксия „дарят пахарю различные плоды земли“].

4. Βέρροια. Позднее назывался Βέρρι у турок ~ Караферия, в настоящее время — Верия.

5. Ср.: Cantac., II, p. 351_{10-11}, III, p. 120_{9-12}.

6. Δρουγουβῖταί τινες καὶ Σαγουδάτοι. Другувиты и сагудаты—славянские племена, о которых впервые сообщается в „Чудесах св. Димитрия“ (гл. 8, прим. 9) при описании происходившей в начале VII в. (согласно датировке Ф. Баришича, *Чуда...*, стр. 81 — 140, в 614 – 616 г. См. его сводную таблицу осад Фессалоники славянскими племенами в соответствии с датировкой различных ученых) осады Фессалоники объединенными силами славянских племен (Migne, PG, vol. CXVI, col. 1325A). Другувиты названы там Δραγουβῖται, Δρογουβῖται, сагудаты — Σαγουδάται (или Σαγουδατοί: название дано только в родительном падеже Σαγουδατῶν; см.: *„Византиски извори за историју народа Југославије“*, т. I, Београд, 1955, стр. 188, прим. 4.). Точное определение Камениатой мест, где жили эти племена, позволяет уточнить те отрывочные и косвенные данные, которые мы имеем по этому вопросу в других источниках. Как можно видеть из Acta Demetrii (Migne, PG, vol. CXVI, col. 1365C) другувиты уже в VII в. располагались где-то к западу от Фессалоники. В списке епископских кафедр, относящемся к 879 г., другувитское епископство (ὁ Δρουγουβιτίας) помещено между епископствами Верройским и Сервским (*«Hieroclis Synecdemus et Notitiae graecae episcopatuum»,* ed. G. Parthey, Berolini, 1866, Notitia 2.126. См. также: Notitia 3.200, 10.322, 13.181, где другувитское епископство названо ὁ Δρουγουβιτείων, Δρουγουβιτίων, Δουργαβιτίας, Δουργοβιτίας). В договоре крестоносцев от 1204 г.

о разделе Византийской империи Дрогувития (Drogoubitia) также названа рядом с Верроей [Th. L. Fr. Tafel, *Sumbolarum criticarum, geographiam byzantinam spectantium* («Abhandlungen ed. III. Cl. d. k. Akad. d. Wissensch.», Bd V, Abthl. II, 71]. Было бы неверным, однако, считать, исходя из совокупности приведенных данных, что другувиты занимали западную часть равнины, расположенной между Фессалоникой и Верроей, а восточную ее часть занимали сагудаты [М. С. Дринов, *Заселение Балканского полуострова славянами* („Чтения", М., 1872, кн. 4), стр. 186; L. Niederle, *Manuel de l'antiquité slave,* Paris, 1923, p. 106; F. Dvornik, *Les Slaves, Byzance et Rom au IXe siècle* («Travaux publiés par l'Institut d'Etudes Slaves», vol. IV, Paris, 1926), p. 36]. Камениата не делает подобного разграничения, а в копии запродажной 897 г., сохранившейся в архивах Лавры на Афоне (Lavra, I, № 1), χωρίον τῶν Δραγοβούντων упомянута рядом с Фессалоникой [исследование данных, приведенных в этом документе, имеется в статье Е. Э. Липшиц, *Из истории славянских общин в Македонии в VI — IX вв. н. э.* (Сборник статей „Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия", М., 1952), стр. 49—55. Ср. P. Lemerle, *Philippes, et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine,* Paris, 1945, p. 116]. Поселения другувитов не ограничивались районом Фессалоники. В одном афонском документе 1085 г. упоминается о существовании какого-то местечка Δραγοβιτζοῦ, из-за которого шел спор между Лаврой и Ивироном и которое находилось, по-видимому, севернее Афонской Горы (Lavra, I, № 40). Другувиты жили, как это видно из сообщения Димитрия Хоматиана (начало XIII в.), и где-то на верхнем или среднем Вардаре, вблизи Полога, где он помещает ἡ Δρουγουβιτική (Dem. Chomat., ed. J. B. Pitra, p. 410). В 80-х годах прошлого столетия А. Пельц нашел следы другувитов на Родопах: на реке Кричма, где сохранились развалины крепости Драговет, и к юго-востоку от Филиппополя, где находится гора Драговина (статья А. Пельца опубликована в «*Památky archaeologické*» X, v Praze, 1877, str. 773, 774.). Небольшая речка, протекающая в районе соединения Родоп с Балканами, также носит характерное название „Драговица" (K. Jireček, *Cesty po Bulharsku,* v Praze, 1888, str. 287, 288, 360, 376, 392, 664; L. Niederle, *Slovanské starožitnosti,* II, Praha, 1906—1910, str. 425). По мнению Д. Оболенского (D. Obolensky, *The Bogomils,* Cambridge, 1948, p. 157—167), именно в районе Родоп находилась и ecclesia Dugunthiae, названная Рейнаром Саккони в составленном им около 1250 г. списке 16 катарских церквей, которую еще П. Шафарик идентифицировал с Δραγοβιτίας. Известно также, что филиппопольский архиепископ в XIV в. имел титул экзарха Драговитской Фракии [(ἔξαρχος Θράκης Δραγοβιτίας). C. Jireček, *Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe,* Prag, 1877, S. 72. Ср. также: Th. L. Fr. Tafel, *Thessalonica...,* p. 59]. Константин Багрянородный (De adm. imp., p. 62), перечисляя племена, жившие в его время на Руси и платившие ей дань (πακτιῶται τῶν 'Ρῶς), упоминает другувитов (τῶν Δρουγουβιτῶν). Это были те дреговичи, о которых в „Повести временных лет" говорится, что они жили севернее древлян, за Припятью и вплоть до Западной Двины (ПВЛ, I, 1950, стр. 11). По вопросу о родстве русских, македонских и фракийских другувитов (дреговичей, драгувитов, дрогувитов) до сих пор нет единого мнения [См., например: Епископ Филарет, *Св. великомученик Димитрий и солунские славяне* („Чтения...", М., 1848, кн. 6), стр. 26, 27, 31; М. С. Дринов, *Заселение...*, стр. 169; L. Niederle, *Manuel de l'antiquité slave,* p. 106.]. Об этимологии их имени см. L. Niederle, *Slovanské Starožitnosti,* II, str. 425; O. Tafrali, *Thessalonique...,* p. 109; M. Vasmer, *Die Slaven in Griechenland* («Abhandlungen d. Berliner Akad. d. Wissenschaften», 1941), S. 177; „*Византиски извори...*", стр. 187, 188].

Поселения сагудатов в пределах Византийской империи также не ограничивались равниной между Фессалоникой и Верроей. Один афонский документ, изданный Порфирием Успенским, констатирует присутствие сагудатов (Σαγουδάτοι) во времена императоров-иконоборцев на Халкидике (П. Успенский, *История Афона*, т. III, Киев, 1877, стр. 311). Поселения сагудатов находились и во Фракии: в уставе монастыря Богородицы Мироспасительницы (XII в.), расположенного во Фракии, назван τὸ ἐμπόριον ἡ Σαγουδάους (ИРАИК, XIII, 1908, стр. 52; см. также договор о разделе империи в 1204 г.: τὸ ἐμπόριον Σαγούδης **Th. L. Fr. Tafel**, ***Symbolarum...***, S. 57). Рядом с этим эмпорием упомянута деревня (χωρίον) Δραγάβαστα. В ней жили, без сомнения, другувиты, которых мы снова встречаем по соседству с сагудатами. Точное местонахождение монастырских владений (монастырь находился близ Эноса) трудно определить, но вряд ли мы имеем здесь дело с теми же самыми другувитами, которые жили в районе Филиппополя. Сагудаты встречались также в Малой Азии. Анна Комнина упоминает в Вифинии κωμόπολίν τινα Σαγουδάους (Anna Comn., II, р. 315_{1-2}), в котором жили, по мнению Л. Нидерле (L. Niederle, *Slovanské starožtnosti*, II, str. 425), сагудаты, переселившиеся сюда из Фессалоникской области. Об этимологии имени „сагудаты" см.: O. Tafrali, *Thessalonique...*, p. 109; „*Византиски извори...*", стр 188.

7. Буквально: πρὸς τῇ πόλει τελοῦσι, т. е. „платят городу".

8. τῶν Σκυθῶν ἔθνει. Скифами византийские историки и хронисты называли готов, гуннов, славян, болгар и вообще все народы, жившие к северу от империи. Младший современник Камениаты Константин Багрянородный (De thematibus, р 50_{13-15}) называет скифами славянское население фемы Стримон; анонимный эпитоматор Страбона говорит о скифах-славянах (Σκύθαι Σκλάβοι), населявших Эпир, Элладу, Пелопоннес и Македонию (Müller, *Geographi Graeci Minores*, t. II, Parisiis, 1861. Excerpta ex Strabone, p. 574); в житии Илариона Грузина скифами именуются славяне, жившие в окрестностях Фессалоники (Х. М. Лопарев, *Греческие жития святых VIII и IX вв.*, Пг., 1914, стр. 61); византийский поэт X в. Иоанн Геометр называет скифами болгар [В. Г. Васильевский, *Русско-византийские отрывки* (ЖМНП, 1876, март), стр. 174, 176]. О том, кого следует понимать под скифами у Камениаты (Cam., p. 496_{10-11}, 499_{2-3}, 499_{17-18}, а также гл. 6, прим. 9; гл. 8, прим. 5.; гл. 9, прим. 1) мнения ученых не совпадают. Ф. Дворник (F. Dvornik, *Les slaves...*, p. 235) считал, например, что Камениата подразумевает под скифами славянские племена, жившие в окрестностях Фессалоники, в первую очередь стримонцев, которые сохраняли до этого времени известную независимость и которым византийские села (у Камениаты: „другие селения") платили дань. Трудно, однако, согласиться с таким толкованием. Стримонцев, как и другие славянские племена, жившие в окрестностях Фессалоники, Камениата совершенно определенно называет славянами (Σκλαβήνοι. Cam., p. $514_{13-15. \, 19-21}$, 515_{20-21}, 523_{5-6}, 545_{13-14}), да и жили стримонские славяне не „бок о бок" с селениями, о которых говорит автор, а совсем в другом месте — по берегам Стримона. Кроме того, несколькими строками ниже (p. 496_{16}) Камениата рассказывает, что лежащую к западу от Фессалоники равнину (Кампанию) пересекают „многоводные реки, беря начало в скифских пределах" (ἐκ τῆς Σκυθῶν ἐξορμώμενοι), а истоки этих рек (Галика, Вардара, Луды, Быстрицы) находились, как известно, в Болгарском государстве. Самая большая из них река — Вардар — вытекала, как указывает анонимный автор „Тимариона", „из болгарских гор" («Timarion», ed. Ellissen, p. 44). В. Н. Златарский (*История на Българската държава презъ средните векове"*, т. I, ч. 2, София, 1927, стр. 229, 230) совершенно правильно, на наш взгляд, понимает под скифами, упоминаемыми Камениатой, болгар. Он допуска-

ет, однако, другую неточность в истолковании этого места: под словами „другие селения" В. Н. Златарский разумеет славянские племена смолян, ринхинов и стримонцев, что никак не согласуется с действительным положением дел, так как эти племена жили к востоку от Фессалоники. М. Райкович тоже считает, что скифами Камениата в данном случае называет болгар (*„Византиски извори...*", стр. 267).

9. Златарский (В. Н. Златарски, *История...*, стр. 329), понимая под скифами Камениаты болгар, считал, что здесь говорится о торговле Фессалоники при посредничестве славянских сел со скифами-болгарами. А. Штрук (A. Struck, *Die Eroberung*..., S. 540, 548, n. 2) полагал, что речь идет о торговле между славянскими (скифскими) селами и Фессалоникой. М. Райкович (*„Византиски извори...*", стр. 267, прим. 4) разделяет толкование А. Штрука, отмечая, что если под скифами подразумевать болгар, то указание Камениаты на прочный мир, царивший в отношениях между скифами и Фессалоникой (Cam., p. 496_{1-15}) противоречит фактам, так как даже после заключения в 896 г. официального мира между Болгарией и Византией Симеон (893 — 927) неоднократно нападал на византийские области. М. Райкович упускает, однако, из вида одно обстоятельство: Камениата сообщает, что, с тех пор как скифы приняли крещение, „война исчезла отовсюду, и мир стал править соседними пределами" (Cam., p. 500_{1-3}), а это значит, что перед нападением Льва Триполийского на Фессалонику в прилегающей к ней области никаких военных действий не происходило. Следовательно, нет причины считать, что вторжения Симеона на византийскую территорию препятствовали торговле Фессалоники с болгарами (гл. 6, прим. 10).

10. θαυμασίαν τινὰ καὶ βαθεῖαν εἰρήνην ἐν ἑαυτοῖς συντηρούμενοι. Указание Камениаты на существование прочного мира между фессалоникийцами и скифами (болгарами, гл. 6, прим. 8 и 9) представляет большой интерес.

Дружественные отношения между Византийской империей и Болгарией, установившиеся после смерти Крума (815 г.) и особенно после мирного договора 864 г., не прерывались вплоть до смерти болгарского царя Бориса I Михаила (852—889). Но уже в 893 г., когда сбор торговых пошлин с болгарских купцов был отдан Львом VI на откуп двум византийским торговым людям и перенесен из Константинополя в Фессалонику, Симеон (893—927) начал против империи войну. [В. Н. Златарски, ***Известията за българите в хрониката на Симеона Метафраста и Логотета*** («Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина», кн. 24, I, София, 1908), стр. 93]. Однако военные действия, неоднократно прерывавшиеся в результате дипломатических переговоров сторон, проходили, как показывают источники, вдали от Фессалоники (De adm. imp., p. 142; Georg. Cont., p. 772_3 — 774_{15}; Theoph. Cont., p. 357_{22}—30_{14}; Cedr., II, p. 254_{14}—257_{16}).

Рассказ об этой войне византийские хронисты заканчивают сообщением о битве при Болгарофиге, не указывая ни года сражения, ни года заключения мирного договора. В. Н. Златарский, опираясь на известие арабского историка Табари о том, что летом 896 г. подошедшие к Константинополю болгары нанесли большой урон грекам (что связывается обычно со сражением при Болгарофиге; см. В. Н. Златарски, *Известията за българите*..., стр. 144; ср. стр. 99, 100; F. Dvornik, *Les slaves*..., p. 305) но были оттеснены войском, укомплектованным Львом VI из арабских пленников, приходит к выводу, что именно в 896 г., непосредственно за отступлением болгар, и последовало заключение мирного договора между Византией и Болгарией [В. Н. Златарски, *Известията за българите...*, стр. 101; ср.: М. С. Дринов, *Южные славяне и Византия в X в.* („Чтения...", М., 1875, кн. III), стр. 9]. Однако подобная датировка недостаточно убедительна и затрудняет объяснение последующих

событий из истории болгаро-византийских отношений, в частности касающихся Фессалоники.

Заключение мира произошло, очевидно, только в 904 г. и притом уже после нападения арабов на Фессалонику [Ср.: G. I. Bratianu, Le commerce bulgare dans l'empire byzantin et le monopole de l'empereur Léon VI à Thessalonique («Известия на Българското историческо д-во, XVI—XVIII, Сборникъ в паметь на проф. Петъръ Никовъ», София, 1940), p. 32]. Продолжавшееся до 904 г. состояние войны между Византией и Болгарией объясняет и оправдывает как действия болгар в районе Драча, повлекшие за собой второе посольство Льва Хиросфакта в Болгарию (оно имело место в период между 896 и 904 г. См.: В. Н. Златарски, *История...*, стр. 324), так и попытку Симеона заселить Фессалонику болгарами после разграбления ее Львом Триполийским, вызвавшую третье посольство Хиросфакта [I. Sakkelion, Λέοντος Μαγίστρου ἀνθυπάτου πατρικίου, Συμεὼν ἄρχοντος Βουλγαρίας καὶ τινων ἄλλων ἐπιστολαί (Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἑταιρίας τῆς Ἑλλάδος, t. A, Athen, 1883), σ. 396. Ср.: G. I. Bratianu, *Le commerce bulgare...*, p. 32; F. Dvornik, *Les Slaves...*, p. 305 — 306]. Если принять эту датировку, становится понятным, что пограничный столб между Болгарией и Византийской империей был установлен в 904 г. в результате заключения мирного договора между обеими странами [Ф. И. Успенский, *Пограничный столб между Византией и Болгарией при Симеоне* (ИРАИК, III, София, 1898), стр. 184 и сл.]. При такой датировке получает, наконец, объяснение и сообщение некоторых византийских хронистов о том, что, «когда болгарские вторжения тревожили ромеев (τῶν δὲ Βουλγαρικῶν ἐφόδων Ῥωμαίους ἐπετριβόντων), арабы, узнав об этом, предприняли морской поход (имеется в виду движение флота Льва Триполийского к Константинополю, предшествовавшее его нападению на Фессалонику. — *Р. Н.*), во главе которого поставили Льва Триполийского...» (Georg. Cont., p. 783, под чертой; ср. Theoph. Cont., p. 366 11—15. Geadr., II, p. 261 19—22). А. А. Васильев, принимая датировку М. С. Дринова, относившего заключение мира между Византией и Болгарией к 893 г. [М. С. Дринов, *Южные славяне и Византия в X в.* («Чтения...», 1875, кн. 3), стр. 6—8], вообще объявил это сообщение неправдоподобным (А. А. Васильев, *Византия и арабы*, стр. 138—140).

В. Н. Златарский, считая 896 г. годом заключения мирного договора, придавал сообщению источников о вторжениях болгар несоответствующее действительности толкование. Он исходил из тех соображений, что вряд ли Лев Триполийский мог в короткий срок узнать о нападении болгар, если б оно произошло на отдаленной западной границе; вторжение же со стороны Фракии явилось бы нарушением мира между Болгарией и Византией. Поэтому В. Н. Златарский приходит к выводу, что болгары могли вторгнуться в Византию только с юго-запада, где-то в районе Фессалоники (В. Н. Златарски, *История...*, стр. 327—328). Подобное толкование находится, однако, в явном противоречии с показаниями Камениаты, жителя Фессалоники и современника этой войны, который совершенно определенно свидетельствует о том, что перед нападением Льва Триполийского на город (июль 904 г.) во всей прилегающей области царил прочный мир (гл. 6, прим. 9). После битвы при Болгарофиге враждебные действия болгар приняли, по-видимому, местный характер, причем Симеон, по вполне понятным причинам, стремился не приближать их к Фессалонике, ставшей центром сбыта болгарских товаров. Бережное отношение Симеона к Фессалонике видно и из его писем к патриарху Николаю Мистику (G. I. Bratianu, *Le commerce bulgare...*, p. 32).

11. Дословно: κοινότητα ζωῆς τὰς χρείας ἀλλήλοις ἀμείβουσι. Камениата умалчивает, к сожалению, о предметах болгаро-византийской о говли. Из других источников известно, что болгары торговали скотом

(А. Я. Гаркави, *Сказания мусульманских писателей о славянах и русских*, СПб., 1870, стр. 126), медом, льном («Книга эпарха», IX, 6; С. Лишев, *За стоковото производство във феодална България*, София, 1957, стр. 25, 41), а также вели торговлю рабами [Д. Ангелов, *Робството в средневековна България* («Ист. Преглед», т. II, 1946), стр. 143, 151; I. Sakâzov, *Bulgarische Wirtschaftsgeschichte*, Berlin—Leipzig, 1929, S. 66]. В Фессалонике болгары покупали, по-видимому, различного рода ткани, металлическую утварь, украшения и т. п. (ср.: Cam., p. 500 21—501 6 568 16—569 1). Судя по тому, что Камениата употребляет глагол ἀμείβω (обменивать, выменивать), торговля между болгарами и Фессалоникой происходила на основе обмена. Современники Камениаты также подтверждают обменный характер болгарской торговли: арабский хронист Аль-Масуди (20—50-е годы X в.) указывает, что болгары не имели ни золотых, ни серебряных монет и рассчитывались за покупки коровами и овцами (А. Я. Гаркави, *Сказания...*, стр. 126). «Книга эпарха» также свидетельствует о том, что торговля между Болгарией и Византией производилась на основе обмена товарами («Книга эпарха», IX, 6). Следует, однако, отметить, что формулировка интересующего нас места в «Книге эпарха» позволяет предположить, что такое положение не было правилом: «...если покупка может производиться лишь в порядке обмена на другие товары...», говорится там, следовательно, допускается возможность и таких случаев, когда покупка совершалась за деньги. Хотя болгарские монеты в это время еще не чеканились (С. Лишев, *За стоковото производство...*, стр. 45), археологические раскопки обнаружили на территории Болгарии византийские монеты VII—IX вв. (ИБАИ, т. VI, 1930—1931, стр. 314; В. и К. Шкорпил, *Някои бележки върху археологическите и историческите изследвания в Тракия*, Пловдив, 1885, стр. 92). Позднее, с развитием ремесла и ростом внутренней и внешней торговли, денежные расчеты приобретают у болгар все большее значение. Источники сообщают, что когда в 1018 г. византийские войска вступили в болгарскую столицу, император Василий II (976—1025) захватил там, помимо золота, драгоценных камней и одежд, большое количество денег (Cedr., II, p. 468 13). Но и в это время денежные отношения в Болгарии были развиты еще слабо: известно, что после победы над Болгарией Василий II приказал, чтобы подати с болгар, как и прежде, взимались натурой — пшеницей, просом и вином (Cedr., II, p. 530 13—14). О болгарской торговле, а также о развитии товарного производства в Болгарии см.: И. Сакъзов, *Външна и вътрешна търговля на България през VII—XI в.* («Списание на Българското икономическо дружество, год XXIII», 1924); С. Лишев, *За стоковото производство...*

12. По равнине (Кампании), расположенной к северо-западу от Фессалоники, протекали реки: Галик (Эхейдорос), Вардар (Аксий), Луда (Людиас) и Быстрица (Галиакмон). Самой большой и важной по своему торговому значению была река Вардар, на судоходность которой в средние века указывают, помимо Камениаты, Никифор Григора (Niceph. Greg., I, p. 380 19) и Феофилакт Болгарский (Theophyl. Bulg., Migne, PG, vol. CXXVI, col. 472D). По Вардару проходил путь, связывавший Фессалонику с Дунаем (ср. De adm. imp., p. 182: «От Фессалоники до реки Дунай, на котором стоит город, называемый Белград, восемь дней пути, если кто идет не спеша, а с остановками»). Он шел вверх по Вардару до Скопле (Ускюба), а затем по долине Моравы, где начиная от Ниша (Наисса) — узлового пункта скрещения шести различных дорог — соединялся с древней римской дорогой, связывавшей Белград (Сингидун) с Константинополем (Византием); об этой дороге см.: C. Jireček, *Die Heerstrasse...*; ср.: A. Philippson, *Das byzantinische Reich als geographische Erscheinung*, Leiden, 1939, p. 94 sq. Торговые связи между Фессалоникой и Болгари-

ей, помимо Вардара, могли осуществляться также по рекам Луде и Быстрице (Cantac., III, p. 118_{22}—119_{1}).

Глава 8

1. Обращенная к равнине часть городской стены, как наиболее уязвимая в случае нападения врагов, была двойной: помимо большой стены, опоясывавшей весь город, здесь имелась еще внешняя, передняя стена (προτείχισμα). Подробное описание стен Фессалоники и ее укреплений дано О. Тафрали (O. Tafrali, *Topographie*..., p. 30 sq.).

2. Ксеркс — персидский царь (486—465 гг. до н. э.). В 550 г. до н. э. царек Персиды Кир II захватил в свои руки власть в Мидийском государстве, в состав которого входила область Персида, населенная персами. После этого персов стали называть мидянами.

3. Камениата имеет в виду два плавучих моста, сооруженных по приказанию Ксеркса. По свидетельству Геродота (Herod., p. 55), через эти мосты переправлялось из Азии в Европу огромное войско Ксеркса.

4. См. предисловие, стр. 156, 157.

5. На протяжении двенадцати столетий со времени основания Фессалоника не раз видела врагов у своих стен. В I в. до н. э. на город нападали фракийцы. В 250 г. готы, перейдя Дунай, вторглись во Фракию и Македонию и впервые попытались захватить Фессалонику. В 253 г. они повторили свою попытку. Потерпев неудачу, они спустя 15 лет снова осадили город, но и на этот раз вынуждены были отступить. Последний раз готы пытались овладеть Фессалоникой в царствование императора Зинона (475—491), но также безрезультатно (O. Tafrali, *Thessalonique*..., p. 41 sq.). Пришедшие на смену готам славяне начиная с середины VI в. и на протяжении всего последующего столетия предпринимали упорные и настойчивые попытки захватить город. Действуя иногда в союзе с аварами, они не менее пяти раз осаждали Фессалонику. В VIII в. появился новый опасный враг — болгары. Их нападение на город в 837 г. с трудом было отражено византийским войском (O. Tafrali, *Thessalonique*..., p. 139). Камениата, говоря о многочисленных врагах, нападавших в прошлом на Фессалонику, как показывает его ссылка на «Чудеса св. Димитрия» (Cam., p. 499_{14-15}; гл. 8, прим. 8) имел в виду в первую очередь славян. Славянские племена, нахлынувшие в VI в. в византийскую Македонию и неоднократно осаждавшие Фессалонику, были, действительно, наиболее опасными ее врагами. Но это отнюдь еще не дает оснований заключить, как это делает М. Райкович (*«Византиски извори»*..., стр. 267, прим. 4), что под «соседними скифами» Камениаты в данном случае можно понимать только славян. Город подвергался нападениям и со стороны болгар, которых Камениата здесь, как и в предшествующих случаях (гл. 6, прим. 8, 9), называет скифами.

6. Камениата не совсем точен. Известно, что еще в 269 в. Фессалоника осаждалась с моря готами (O. Tafrali, *Thessalonique*..., p. 62). После первых неудавшихся попыток захватить город с суши, славяне, как сообщают «Чудеса св. Димитрия», построили флот и неоднократно подвергали город осаде с моря (Migne, PG , vol. CXVI, col. 1325 A sq.).

7. В 904 г. Фессалоника, действительно, была взята врагом в первый раз [ср. гомилию Николая Мистика, посвященную взятию Фессалоники арабами: «Как подвергся стольким несчастьям ... город, недоступный врагам с тех пор, как солнце смотрит на него!» (Migne, PG, vol. CXI, col. 25—26)].

8. „...ταῖς τῶν θαυμάτων αὐτοῦ βίβλοις...“ Камениата имеет в виду „Чудеса св. Димитрия“, являющиеся наиболее значительным памятником фессалоникской агиографии. Известны главным образом три сборника „Чудес“, впервые изданных в 1780 г. болландистом К. Бийе (Acta

Sanctorum, Octobris, t. IV), а затем текстуально воспроизведенных Минем (PG, vol. CXVI, col. 1203—1398). Наиболее интересные разделы „Чудес“, благодаря которым этот источник получил широкую известность, составляют два древнейших сборника, повествующие о войнах Фессалоники со славянами в конце VI и в VII вв. Первый сборник был составлен архиепископом Фессалоники Иоанном (610 — 649), которому приписывают также авторство второго «Passio» (гл. 3, прим. 7); второй является трудом анонимного автора конца VII в.; третий сборник был составлен после взятия города Львом Триполийским (во второй половине X в. или позднее). В последующие столетия появились еще несколько „Чудес“ Димитрия. Обширный список агиографической литературы о Димитрии приведен Ф. Баришичем (Ф. Баришић, *Чуда*.. стр. 17—29).

Ценные сведения о византийской Македонии в период славянских вторжений в VII в., материальной культуре славян, а также о самой Фессалонике, содержащиеся в первых двух сборниках „Чудес св. Димитрия“, уже давно привлекали к себе внимание исследователей [Th. L. Fr. Tafel, *De Thessalonica...;* Епископ Филарет, *Св. великомученик Димитрий*...; H. Gelzer, *Die Genesis...;* Ф. И. Успенский, *О вновь открытых мозаиках в церкви святого Димитрия Солунского* (ИРАИК, т. XIV, 1, София, 1909) и др.]. Всестороннему и глубокому использованию этого источника препятствует неудовлетворительность имеющихся изданий. В 1874 г. **А. Тугар** (A. Tougard, *De l'histoire profane dans les actes grecs des Bollandistes,* Paris, 1874, p. 80—204) перепечатал наиболее ценные разделы этого источника и добавил к тексту болландистов еще 20 страниц извлеченных из той же Парижской рукописи № 1517, которой пользовался и К. Бийэ. Это начинание А. Тугара, несмотря на многочисленные пожелания, не было продолжено. Немало затруднений при использовании предоставляемых „Чудесами св. Димитрия“ материалов возникает из-за отсутствия в них точной датировки описываемых событий. Помимо упомянутых выше работ, хронологии этих событий посвящены труды: A. Pernice, *Sulla data del libro II dei Miraculo s. Demetrii Martyris* (Bessarione, VI, 1902), p. 181sq.; O. Tafrali, *Sur la date de l'église et des mosaiques de saint Démétrius* («Revue archéologique», 1909), p. 83 sq.; H. Delehaye, *Les recueils antiques de miracles de saints* («Analecta Bollandiana», 1925), p. 57; H. Grégoire, *L'origine et le nom des Croates et des Serbes* (Byz. XVII, 1944—45), p. 104 sq. Большой вклад в уточнение хронологии „Чудес“ и правильное понимание содержащихся в них данных в последнее время внесли: Ал. Бурмов, *Славянските нападения срещу Солун в „Чудесата на св. Димитра“ и тяхната хронология* („Годишник на филос.-истор. факульт. ун-та“, II, София, 1952), стр. 167 — 214 P. Lemerle, *La composition et la chronologie des deux premiers livres des Miracula S. Demetrii* (BZ, XLVI, 1953), p. 349—361; Ф. Баришић, *Чуда*. ср. также: *„Византиски извори*. “, стр 173 216.

Глава 9

1. На основании этого свидетельства Камениаты О. Тафрали (O. Tafrali, *Thessalonique...*, p. 137, 144; O. Tafrali, *Topographie...*, p. 42; ср.: Ch. Delvoye, *Salonique...*, p. 409) указывал, что македонские славяне были крещены в VIII в. Однако, как уже отмечалось (гл. 6, прим. 8, 9; гл. 8, прим. 5), Камениата называет славян совершенно определенно οἱ Σκλαβῆνοι, под скифами же он имеет в виду болгар. У него нет ни малейшего намека относительно того, когда именно произошло крещение; из текста можно лишь видеть, что оно было завершено к тому времени, о котором рассказывает Камениата, т. е. к концу IX в., что соответ-

ствует времени принятия болгарами христианства (865 г.). Именно после крещения болгар между Византией и Болгарским государством установился прочный мир (ср., например, Georg. Cont., p. 733₅—6: ἔκτοτε γενομένης εἰρήνης βαθείας), сохранявшийся вплоть до войны, начавшейся из-за перенесения центра болгарской торговли из Константинополя в Фессалонику (гл. 6, прим. 10). М. Райкович, хотя и относит время упоминаемого Камениатой крещения скифов к концу IX в., однако под „скифским племенем", как и О. Тафрали, понимает славян („*Византиски извори...*", стр. 268, прим. 6. Сведения о христианизации македонских славян даны стр. 186, прим. 3 и стр. 188, прим. 4).

2. Исайя, II, 4.

3. δημοσία λεωφόρος — византийское название знаменитой Via Egnatia. Эта дорога проходила через Фессалонику от так называемых Золотых ворот до ворот Кассандры и являлась главной городской магистралью. Via Egnatia — Via Regia македонских царей, заново отстроенная римскими императорами в военных и административных целях во II в. до н. э., после покорения Македонии, стала важнейшим торговым путем между Западом и Востоком. Она начиналась от Апполонии (или от Диррахия) и шла через Лихнид (Орхид), Гераклею (Битоль-Монастыр) и Эдессу (Водену) в Фессалонику, а оттуда вдоль побережья Эгейского моря в Константинополь. Фундаментальная работа о Via Egnatia написана Тафелем: Th. L. Fr. Tafel, *De via militari Romanorum Egnatia, qua Illyricum, Macedonia et Thracia jungebantur*, Tübingae, 1842. См. также W. Tomaschek, *Zur Kunde der Hämus-Halbinsel, II, Die Handelswege im 12. Tht nach den Erkundigungen des Arabes Idrîsi* («Sitzungsberichte der K. Akad. d. Wissensch.», Philos.-hist. Cl., Bd. CXIII, Wien, 1887), S. 353—360; O. Tafrali, *Topographie...*, p. 21, 121.

4. καὶ τὰ ἐκ Σηρῶν ὑφάσματα ὡς τὰ ἐξ ἐρίων τοῖς ἄλλοις ἐπινενόητο. В. Хейд комментировавший в своей „Истории Левантийской торговли" (W. Heyd, *Histoire du commerce du Levant au moyen âge*, Leipzig, 1923, p. 53, n. 3) это место из сочинения Камениаты, справедливо считает, на наш взгляд, что выражение „τὰ ἐκ Σηρῶν ὑφάσματα" употреблено здесь как противопоставление ὡς τὰ ἐξ ἐρίων, и его следует понимать не в том смысле, что шелковые ткани привозились из страны серов [Н. В. Пигулевская, *Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв.* (ВВ, т. I), стр. 205], а что их делали из нитей шелковичного червя (σῆρες). Ср.: Е. Э. Липшиц, *К вопросу о городе в Византии в VIII — IX вв.* (ВВ, т. VI), стр. 125.

Глава 11

1. По местной, несомненно преувеличенной, легенде храмов в городе было столько же, сколько дней в году [P. N. Papageorgiu, Θεσσαλονίκης ἱστορικὰ καὶ ἀρχαιολογικά („Πολιτικὰ Νέα", № 1237, 1911, 11/II)]. О фессалоникских церквах см.: Ch. Diehl, M. Le Tourneau, H. Saladin, *Les monuments chrétiens de Salonique* («Monde l'Art Byz.», IV, 1918); O. Tafrali, *Toporgaphie...*, p. 149—201].

2. ὁ τῆς παντουργοῦ καὶ θείας τοῦ ὑπερουσίου λόγου σοφίας οἶκος, т. е. церковь св. Софии. Это была одна из крупнейших церквей Фессалоники, представлявшая собой базилику с куполом. Самое раннее упоминание о ней имеется в письме Феодора Студита от 795 г. (Migne, PG, vol. XCIX, col. 918); она была построена, как это стало ясно после многочисленных споров по этому вопросу среди ученых (O. Tafrali, *Topographie...*, p. 166, 167), в первой половине VII! столетия (См. об этой церкви: M. Kalliga, *Die Haghia Sophia von Thessaloniki*, Würzburg,

1935; Ch. Delvoye, *Salonique...*, p. 410—412; ср. также: В. Н. Лазарев, *История византийской живописи*, т. 1, М., 1947, стр. 294, прим. 19).

3. Церковь Богоматери — ὁ τῆς ἀειπαρθένου πανάγνου καὶ θεομήτορος (οἶκος), как называет ее Камениата, является одной из самых древних городских церквей; она построена в V в. и представляет собой трехнефную базилику. С XIV в. известна под именем Ахейропойетос (Ἀχειροποίητος); после взятия Фессалоники турками в 1430 г. была превращена в мечеть и получила имя Эски-Джума; в настоящее время называется церковью св. Параскевы (Ch. Delvoye, *Salonique...*, p. 406—408; ср.: O. Tafrali, *Topographie...*, p. 160 sq.). В 1949 г. появилось новое исследование об этой церкви С. Пелеканидиса [*Древнехристианские памятники Салоники; Ахейропойетос и Лотомский монастырь"*, изд. Друзей визант. Македоиии, 1949 г. (на современном греческом языке; в нашем распоряжении этой книги не имеется)].

4. Церковь св. Димитрия была самым большим храмом в городе. Она представляла собой величественную пятинефную базилику длиной в 43 и шириной 33 *м*. Построена в начале V в. префектом Иллирика Леонтием. Долгое время считали, что эта церковь была уничтожена пожаром в царствование императора Ираклия (610 — 641) и на ее месте была построена другая церковь [Th. L. Fr. Tafel, *De Thessalonica...*, p. 115 sq.; V. Laurent, *Sur la date del'églises de S. Démétrius et S. Sophie à Thessalonique* (BZ, Bd IV, 1895), S. 432 sq.]. Позднее, однако, было принято высказанное впервые О. Тафрали предположение о том, что церковь, построенная Леонтием, пострадала от пожара незначительно, вскоре была восстановлена и просуществовала без каких-либо значительных изменений вплоть до начала XX столетия [O. Tafrali, *Topographie...* p. 170, 171; O. Tafrali, *Sur la date de l'église et des mosaiques de s. Démétrius de Salonique* («Revue Archéologque», 1909)]. В 1917 г. во время пожара церковь св. Димитрия была превращена в руины; в 1948 г., после восстановления, вновь открыта. Имеются хорошие репродукции и подробное описание великолепного внутреннего убранства церкви до пожара 1917 г. (см. Ch. Diehl, M. Le Tourneau, H. Saladin, *Les monuments...*, p. 94—114). Новейшее исследование об этой церкви см.: G. Sotiriou' Ἡ βασιλικὴ τοῦ Ἁγίου Δημητρίου Θεσσαλονίκης (Βιβλ. τῆς Ἀθήναις Ἀρχαιολ. ἑταιρ., XXXIV, Ἀθῆναι, 1952)].

5. О составе церковнослужителей в византийских церквах и об их обязанностях см.: J. Zhishmann, *Die Synoden und die Episcopalämter in der morgenländischer Kirche*, Wien, 1867.

6. Орфей — мифический древнегреческий певец. По преданию, его лира издавала такие чудесные звуки и сила его пения была так велика, что дикие звери выходили из своих логовищ и следовали за ним; деревья и скалы сдвигались со своих мест, чтобы послушать его игру (Aeschylus, Agamemnon, 1629; Euripides Bacchae, 564; Iphigenia in Aulis, 1211 sq.).

7. Гомер — легендарный эпический поэт древней Греции, автор знаменитых поэм „Илиада" и „Одиссея".

8. Сирены — в греческой мифологии морские музы, обладавшие чарующим голосом; своими песнями сирены заманивали на остров, где он жили, проплывавших мимо путников, которых там ожидала гибель (Homerus, Odyssea, 12, 39 sq.).

Глава 12

1. Псал., XLIX, 16.

2. Арабов обычно называли агарянами по имени библейского персонажа — рабыни-египтянки Агари, которую мусульмане почитают как свою родоначальницу. Об употреблении этого названия в византийских источ-

никах XI—XVI вв. см.: Gy. Moravcsik, *Byzantinoturcica,* t. II, Budapest, 1943, S. 62.

3. Ср. также: Cam., p. 511_{20}—512_{1}. Наглядную иллюстрацию к этим словам Камениаты дает «Житие Феодоры Солунской». В нем рассказывается, что после того как остров Эгина подвергся нападению арабов и был опустошен [в 20-х годах IX в. См.: В. Г. Васильевский, *Один из греческих сборников Московской синодальной библиотеки* (ЖМНП, ч. 248, 1886), стр. 87—89], Феодора вместе с отцом и мужем направилась в Фессалонику и поселилась там, узнав, что «охраняемая после бога своим защитником и покровителем всехвальным мучеником Димитрием, она является непреоборимой от всех наступающих зол» (*«Житие Феодоры Солунской»,* изд. епископа Арсения, стр. 4 и 40—41, 27 и 68). «Житие патриарха Игнатия» (Migne, PG, vol. CV, col. 529D) сообщает о переселении в Фессалонику в связи с нашествием арабов критского епископа Василия. Из-за арабских нашествий переселился из Сицилии в Пелопоннес. а затем в Фессалонику и Иосиф Песнописец со своей матерью и братьями (А. Пападопуло-Керамевс, *Сборник греческих и латинских памятников...,* вып. II, СПб., 1901, стр. 3, 15).

Глава 13

1. Псал., XIII, 3.

Глава 14

1. Иезек., XXXIII, 11.

2. Димитриада—город в Фессалии, на побережье Пегасейского залива; была захвачена арабским флотом под предводительством греческого ренегата Дамиана (Georg. Cont., p. 779 $_{18-20}$; Leon. Gram., p. 274_{1-2}; Ps.-Sym., p.703_{16-17}; Theoph. Cont., p. 364_{11-13}). Ни Камениата, ни другие известные источники не называют года взятия арабами Димитриады. А. Штрук (A. Struck, *Die Eroberung...,* S. 359) и Д. Ангелов (*„История на Византия“,* ч. 1, София, 1950, стр. 358) относили это событие к 896 г.; В. Томашек (W. Tomaschek, *Zur Kunde...,* S. 351) —к 904 г., т. е. к году взятия Фессалоники; А. А. Васильев (*„Византия и арабы...“*, стр. 136, прим. 2), как и де Боор (VE, p. 102—103), склонен был датировать нападение арабов на Димитриаду 902 г.

Глава 15

1. Псал., VII, 10.
2. Эфес., V, 6.

Глава 16

1. Лев VI Мудрый Философ (886—912) [см. о нем Н. П. Попов, *Император Лев VI Мудрый,* М., 1892; A. Vogt, *La jeunesse de Léon le Sage* («Revue hisaorique», vol. CLXXIV, 1943); V. Grumel, *La chronologie des événements du regne de Léon VI* (EO, vol. XXXV, 1936).

Глава 17

1. Протоспафарий — низший чин первого класса византийской табели о рангах. Его присваивали обычно военным высших рангов и константинопольским вельможам [Ф. И. Успенский, *Византийская табель о рангах* (ИРАИК, III, 1898), стр. 131—132].

Глава 18

1. Стратиг — правитель военно-административной области (фемы), в руках которого была сосредоточена военная и гражданская власть. В июле 904 г. во время приближения к Фессалонике арабского флота стратига Фессалоникской фемы, как это видно из сочинения Камениаты, по какой-то причине в городе не было. Лев «был назначен стратигом округи», а до него руководство оборонительными мероприятиями осуществлял «императорский посланец» Петрона, который должен был «пробыть в городе некоторое время» (Cam., p. 509_{9-10}), очевидно, до прибытия стратига. В дальнейшем мы узнаем, что в город приехал также «стратиг по званию» Никита (Cam., p. 512_{17}). Таким образом, в Фессалонике в это время было два человека, которых Камениата называет стратигами. Однако, если Льва Камениата именует στρατηγὸς τῆς περιχώρου, то Никита весьма отвлеченно называется στρατηγὸς τὴν ἀξίαν или просто ὁ πρὸς τοῦ βασιλέως σταλείς (Cam., p. 524_{11-12}, 565_{17-20}). То, что Лев нигде не назван стратигом Θεσσαλονίκης или τοῦ θέματος Θεσσαλονίκης, а только стратигом τῆς περιχώρου, вызвало у П. Лемерля (P. Lemerle, *Philippes et la Macédoine...*, p. 153) сомнения не были ли его функции случайными. Это предположение находит, казалось бы, подтверждение и в том, что Лев был назначен на эту должность в связи с нависшей над городом угрозой нападения арабов. Однако дальше предположения здесь пойти трудно, так как византийские хронисты (Theoph. Cont., p. 368_{3}; Georg. Cont., p. 784_{3-4}; Cedr., II, p. 262_{18-19}), говоря о взятии Фессалоники арабами в 904 г., отмечают, что стратигом города в это время был Лев Хаджилак (также Каджилак, Хаджилик), в надписи на приморской стене Фессалоники, сделанной во время восстановительных работ, которые проводились, как рассказывает Камениата, по распоряжению Льва (Cam., p. 511_{4-9}), также говорится, что эта стена „была восстановлена при Льве Хаджилаке, царском протоспафарии и стратиге Фессалоники..." (см.: Χατζῆ Ἰωάννου Ἀστυγραφία Θεσσαλονίκης, Θεσσαλονίκη, 1881, σ. 17, 18).

2. Разбойничьи действия флотов арабов, особенно усилившиеся в конце IX и в первые годы X столетия, опустошили многие византийские острова и прибрежные местности. После набегов арабских пиратов острова Эгина и Парос долгое время находились в запустении; в начале 90-х годов IX в. арабы подвергли грабежу остров Самос, а незадолго до нападения на Фессалонику напали на остров Лемнос, захватив там большое количество пленных (см. подробно об этом: А. А. Васильев, *Византия и арабы,* стр. 134, 135). Из рассказа Камениаты о плавании пленных фессалоникийцев на остров Крит видно, что в это время остров Патмос находился во власти арабов (Cam., p. 580_{21-23}), а жители острова Наксоса платили дань Криту (Cam., p. 583_{14-15}).

3. В ходе дальнейшего повествования Камениата приводит и цифровые данные о вместимости некоторых из этих кораблей (гл. 73, прим. 2).

4. Измаилитами называли арабов по имени сына Агари (гл. 12, прим. 2) Измаила, который считался родоначальником арабских племен. В XV—XVI вв. измаилитами называли также турок-османов (Gy. Moravcsik, *Byzantinoturcica,* t. II, S. 130).

Глава 19

1. οἱ τῆς στρατιωτικῆς τάξεως δορυφόροι. По-видимому, это были телохранители стратига (ср.: *«Timarion»,* ed. Ellissen, S. 48, 101). В сочинении Камениаты это единственное, да и то косвенное, указание на то, что в городе имелся какой-то отряд стратиотов.

Глава 20

1. τῶν τε ὑφ' ἡμᾶς τελούντων. По свидетельству Камениаты, это были славянские племена другувитов и сагудатов (гл. 6, прим. 7) Указание А. А. Васильева и О. Тафрали (А. А. Васильев, *Византия и арабы*, стр. 145; O. Tafrali, *Thessalonique...*, p. 147) на то, что Никита обратился за помощью только к славянам, подвластным стратигу Стримона, неточно.

2. Т. е. славяне Стримонской фемы. Ниже (Cam., p. 546 $_3$) Камениата называет их Στρυμονῖται. В Acta Demetrii о них говорится в описательной форме: (οἱ) ἀπὸ τοῦ Στρυμῶνος (Migne, PG, vol. CXVI, col. 1356A). Стримонские славяне жили по реке Стримону (Струме), по нижнему и среднему ее течению; на западе их селения доходили до озера Лангазы [L. Niederle, *Manuel...*, p. 106; F. Dvornik, *Les slaves...*, p. 13; F. Dvornik, *La vie de S. Grégoire le Décapolite et les slaves macédoniens au IX-e siècle* («Travaux publiés par l'institut d'études slaves», vol. V, Paris, 1926), p. 30, 31, 36; *„Византиски извори..“*, стр. 200 и сл.].

3. Рассказ Камениаты о намерении Никиты противопоставить славянских лучников арабам, имевшим большой опыт в применении этого рода оружия (*«Leonis Tactica»*, Migne, PG, vol. CVII, col. 952) показывает, что славяне, особенно охотно пользовавшиеся луком во время первых своих вторжений в пределы Византийской империи, прекрасно владели им и в X в. Несмотря на то, что в город явились лишь очень немногочисленные славянские отряды (Cam., p. 545 $_{13}$), из рассказа о ходе осады видно, что славяне, сражаясь на самых опасных и ответственных участках крепостной стены, до самой последней минуты стойко отражали натиск хорошо вооруженного противника (Cam., p. 523 $_{4-7}$, 524 $_{5-8}$, 528$_{9-10}$, 535 $_7$, 536 $_{11}$).

4. Это показание Камениаты, по-видимому, свидетельствует о том, что в начале X в. славяне должны были поставлять империи военные контингенты. П. Лемерль предполагал, что славяне, жившие во времена Камениаты в окрестностях Фессалоники, составляли ее фемное войско (P. Lemerle, *Philippes et la Macédoine...*, p. 153). Однако из дальнейшего рассказа видно, что на призыв Никиты откликнулись только немногочисленные отряды славян Фессалоникской фемы, а стримонские славяне не пришли совсем (Cam., p. 545 $_{13}$—546 $_4$). Почти полное игнорирование призыва Никиты свидетельствует о том, что обязанность славян нести воинскую повинность была в значительной степени формальной.

5. Свидетельство Камениаты о наличии архонтов у живших в окрестностях Фессалоники славян весьма ценно для представления о степени их зависимости от Византийской империи в начале X в. Оно показывает, что и в этот период славяне находились еще под непосредственной властью своих вождей [ср. также показания Лиутпранда (Liutprandi Antapodosis, Migne, PL, vol. CXXXVI, col. 843 D)].

6. Ср. также Cam., p. 545 $_{19}$, где Камениата снова обвиняет славянских предводителей в том, что они всегда думают только о своей собственной выгоде (ἀεὶ δὲ τὸ οἰκεῖον προορώμενοι). Эти упреки станут понятны, если учесть, что имеющиеся в нашем распоряжении источники с большей или меньшей ясностью свидетельствуют, что еще во втором десятилетии IX в., а также в царствование Михаила III (842 — 867) в прилегающей к Фессалонике области существовало какое-то полунезависимое славянское княжество. Как известно, автор „Жития Григория Декаполита“ сообщает, что в начале 20-х годов IX в. произошло „немалое восстание экзарха (ἔξαρχος) Склавинии“, которую издатель этого „Жития“ Ф. Дворник склонен локализовать к северо-западу от Фессалоники, в районе жительства другувитов (F. Dvornik, *La vie de S.*

Grégoire le Décapolite..., p. 35—36, 61). „Житие“ указывает также на тот знаменательный факт, что жители Фессалоники, желая пройти на территорию этой Склавинии, возглавляемой экзархом, должны были иметь особый документ — σφραγῖδος (F. Dvornik, *La vie de S. Grégoire le Décapolite...*, p. 62). Константин Багрянородный рассказывает о переговорах императора Михаила III со славянами Фессаликского княжества (Σκλάβοι Θεσσαλονίκης ἀρχοντίας. De cerim., I, p. 635_{2-6}). Очень возможно, что ἀρχοντία Константина Порфирородного как раз и была той Склавинией, упоминаемой в „Житии Григория Декаполита“, во главе которой стоял экзарх; Константин сообщает, что Михаил принял также и тех славян Субделитской земли, которые восстали, бежали в горы, но потом опять подчинились власти императора (De cerim., I, p. 634_{11-14}). Если принять весьма правдоподобное предположение, согласно которому Субделития (Σουβδελιτία) есть не что иное, как Сагудатия [впервые это предположение было высказано еще П. Шафариком (П. Шафарик, *Славянские древности*, т. II, кн. 1, М., 1848, стр. 368), а затем принято и другими учеными. См., например: М. С. Дринов, *Заселение...*, стр. 167)] — страна сагудатов, живших здесь в непосредственном соседстве с другувитами, то архонтию следует поместить именно здесь. Очевидно, где-то поблизости от Фессалоники располагалось и „славянское княжество“ (княжение словеньско) Мефодия (В. А. Бильбасов, *Кирилл и Мефодий*, ч. 2, СПб , 1871, стр. 257). В свое время Э. Дюммлер высказал мнение, что княжеский титул, который согласно „Паннонскому житию“ имел Мефодий, более всего соответствует должности стратига Стримона [E. Dümmler, *Die pannonische Legende vom heiligen Methodius* (Archiv für Kunde österreichischer Geschichts quellen», Bd. XIII, Wien, 1854), S. 165]. Ф Дворник также предполагал, что это княжество могло быть будущей Стримонской фемой, которая во времена юности Мефодия была еще архонтией [F. Dvornik, *Les légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance* («Byzantinoslavica supplementa», vol. I, Prague, 1933), p. 15—18]. Однако, как справедливо отмечает П. Лемерль, у нас нет никаких свидетельств, что Стримонская область в середине IX в. была княжеством, архонтией (P. Lemerle, *Philippes et la Macédoine...*, p. 128).

7. При существующем представлении о стратиге Стримона как о верховном греческом военачальнике этой фемы, поставленном для организации здесь фемного управления и обеспечения окончательного подчинения стримонских славян власти империи, обвинения Камениаты по адресу стримонского стратига выглядят совершенно непонятными. Едва ли можно удовлетвориться объяснением В. Н. Златарского, будто «при отказе славянских вождей стратиг оставался бессилен» (В. Н. Златарски, *История...*, стр. 331). Камениата с предельной ясностью говорит, что именно сам стратиг Стримона «не пожелал ни прибыть самолично, ни разрешить кому-нибудь из подвластных ему людей в столь бедственном положении прийти нам на помощь». Причину подобного поведения стратига, не пожелавшего предотвратить захват и разграбление арабами одного из крупнейших городов империи, следует искать, по нашему мнению, в том, что стратиг сам был славянином [Р. А. Наследова, *Македонские славяне конца IX — начала X в. по данным Иоанна Камениаты* (ВВ, т. XI), стр. 88 и сл.; стр. 91, прим. 73]. Как известно, вопрос о создании фемы Стримон в источниках почти не освещен и поэтому до сих пор не может считаться окончательно решенным. Учреждение Стримонской фемы относят не позднее чем к концу IX в., когда в «Клеторологии» Филофея появляется первое упоминание о стратиге Стримона (J. B. Bury, *The imperial administrative system in the ninth century. With a revised text of the Kletorologion of Philotheos*, London, 1911, p. 147). Согласно предполо-

жению П. Лемерля, создание фемы Стримон связано с пребыванием там чрезвычайной миссии Алексея Мозеле в период 831 и 832 гг. (P. Lemerle, *Philippes et la Macédoine...*, p. 128). Эта фема была создана во всяком случае вскоре после активизации стримонскими славянами в 20-х годах IX в. набегов на византийские земли; набеги стримонцев, как полагает Ф. Дворник (F. Dvornik, *La vie de S. Grégoire de Décapolite...*, p. 54), распространялись до берегов Эгейского моря. Возможно, что именно назначение правителем Стримонской области славянина было условием признания стримонцами власти империи. Известно, что фема Стримон называлась в источниках также фемой-клисурой (De them. p. 50) и занимала, очевидно, особое положение. Показательно также, что в XI в., когда стримонские славяне уже потеряли, по-видимому, остатки своей независимости, фема Стримон была ликвидирована (Н. С Скабаланович, *Византийское государство и церковь в XI в.*, СПб. 1884, стр. 223 — 224).

Глава 21

1. Здесь не совсем ясно, называет ли Камениата «союзниками» (σύμμαχοι) и фессалоникских и стримонских славян, или только стримонских. В дальнейшем (Cam., p. 546_3) данный термин он употребляет еще один раз и именно в отношении к стримонцам; это позволяет с уверенностью утверждать, что отношения между империей и стримонскими славянами основывались на каких-то союзнических договорах; по условиям договора стримонский стратиг должен был в случае необходимости оказывать империи военную помощь. В этом, по-видимому, и следует искать объяснения угрозы Никиты по адресу стримонского стратига, что если последний не окажет Фессалонике помощь, то «один будет в ответе перед императором» (Cam., p. 515_{10-11}). (Ср.: „*Византиски извори...*", стр. 270, прим. 13.

Глава 22

1. Иеремия, VII, 16.

Глава 23

1. Следует читать ''Σμβολον (гл. 4, прим 5).
2. От сотворения мира, т. е 29 июля 904 г н. э.
3. Олимп — горный массив на севере Греции, возле Салоникского залива.

Глава 24

1. Камениата не называет полного имени предводителя арабского флота. Из византийских хроник известно, что это был Лев Триполийский (Λέων Τριπολίτης), уроженец расположенного на южном берегу Малой Азии византийского города Атталии (Theoph. Cont., p. 366_{14}; Cedr., II, p. 261_{22}). Как было отмечено А А. Васильевым „*Византия и арабы*", стр 138, прим. 3), Марторана называет Льва правителем острова Триполи, никогда, как известно, не существовавшего (C. Martorana, *Notizie storiche dei saraceni siciliani*. vol. I, Palermo, 1832, p. 69). Свое прозвище „Триполийский" Лев получил по имени сирийского города Триполи, который был его постоянной резиденцией (Theoph. Cont., p. 366_{13-18}, Ps.-Sym., p. 705_{13-16}; G. Schlumberger, *Un empereur byzantin au byzantin au dixième siècle. Nicéphore Phocas*, Paris, 1890 p. 35). В арабских источниках он известен под именем гулям Зарафы (Табари, III,

p. 2250; см.: А. А. Васильев, *Византия и арабы*, Приложение, стр. 15). После нападения на Фессалонику Лев Триполийский еще почти в течение целых 20 лет продолжал совершать со своим флотом разбойничьи нападения на византийские владения. Лишь в 921 (или в 922 г.), когда Лев, высадившись на острове Лемносе, начал грабить его, патрикию и друнгарию византийского флота Иоанну Радину удалось неожиданно напасть на мусульманские суда и уничтожить почти весь экипаж (Theoph. Cont., p.405_{11-16}; Georg. Cont., p. 823, 824; Ps.-Sym., p. 735_{10-13}; Cedr., II, p. 303_{15-20}; Nic. Myst.; Ep. 23, Migne, PG, vol. CXI, col 156, 157). Льву посчастливилось скрыться, но с тех пор в источниках о нем не встречается никаких упоминаний.

2. Ср.: Theoph. Cont., p. 366_{14-15}; Cedr., II, p. 261_{22}, которые также отмечают, что Лев Триполийский был „отступником от христианского благочестия", т. е. отказался от христианского вероисповедания и принял мусульманство.

Глава 25

1. Преграждение входа в гавань цепями и судами было обычным способом защиты от нападения вражеского флота [см., например, в «Чудесах св. Димитрия» описание одной из осад Фессалоники славянами (Migne, PG, vol. CXVI, col. 1328 C, D)].

2. Тимпан (от греч. τύμπω — „ударяю, бью")—древний музыкальный ударный инструмент.

Глава 26

1. Неясно, что именно подразумевает Камениата под названием πετροβόλος — катапульты или баллисты (см.: *„Византиски извори..."*, стр. 180).

Глава 28

1. Происхождение названия этих ворот 'Ρώμη (Рим, Римские) неясно (Th. L. Fr. Tafel, *De Thessalonica...*, p. 99—101).

Глава 29

1. Остров в Эгейском море. Византийские хронисты также сообщают о том, что флот Льва Триполийского перед нападением на Фессалонику останавливался на острове Фасос. Высланный из Константинополя византийский флот под командованием протасикрита Имерия настиг здесь Льва Триполийского, однако Имерий не решился вступить в сражение с превосходящими силами противника. Обогнув полуостров Халкидику, флот Льва вступил в Термейский залив и направился к Фессалонике (Theoph. Cont., p. 367_{17-18}, Cedr. II, p. 262_{14-16}).

Глава 30

1. Римские, ворота Кассандры (Каламария, Константинопольские) и ворота Архангелов; название и местонахождение четвертых ворот, указываемых Камениатой, не установлено.

2. Римские ворота и ворота Кассандры были двойными. Помимо внутренних деревянных ворот, здесь имелись еще внешние, подвесные ворота, называвшиеся катарактой. Они были окованы железом и приводились в действие при помощи блока (O. Tafrali, *Topographie...*, p. 112).

Глава 32

1. Последний термин переведен по конъектуре Р. Доллей [R. H. Dolley, см.: Mel. Grégoire, vol. II, 1950 (Прим. перевод.)].

2. Сооружение башен на двух связанных попарно кораблях Камениата считает хитроумным изобретением арабов, однако в действительности это был обычный способ осады городов с моря, подробно описанный в греческих полиоркетиках [А. Мишулин, *Греческие полиоркетики об искусстве осады городов* (ВДИ, 1940, № 3—4), стр. 447, а также рисунки 25 и 26 на стр. 453. Ср. Cam., p. 527, 530, 532, 533, 536 и *«Греческие полиоркетики...»*, там же, стр. 386, 387, 395, 446, 447].

Глава 34

1. Сифоны — особым образом устроенные трубки для метания огня.

2. Осада Фессалоники согласно весьма точному и обстоятельному описанию Камениаты продолжалась три дня — с 29 по 31 июля; арабы ворвались в город 31 июля, в третьем часу дня. Однако Ф. Дворник (F. Dvornik, *Les slaves...*, p. 302) ошибочно указывает, что город был взят 29 июля, а де Боор (VE, p. 127) и Грегуар [H. Grégoire, *Le communiqué arabe sur la prise de Thessalonique* (Byz., vol. XXII, 1952), p. 374, 378] датируют это событие 30 июля; путаницу в датировке допускает и Ш. Дельвуа (Ch. Delvoye, *Salonique...*, p. 416).

Глава 38

1. Назареями (по имени городка Назарета в Галилее, где, согласно библейскому преданию, жил в детстве Иисус Христос) иудеи, не уверовавшие во Христа, называли всех иудеев, принявших христианство (*«Деяния Апостолов»*, XXIV, 5.). Камениата называет назареями монахов, желая подчеркнуть их особую приверженность христианскому учению.

2. В тексте лакуна (Прим. перевод.)

3. Псал., CXV, 6.

Глава 39

1. Фессалоникский Акрополь — небольшая укрепленная возвышенность в северо-восточной части городской стены.

2. А именно к Золотым (Вардарским) и Литейским воротам.

Глава 41

1. Камениата, очевидно, недостаточно осведомленный о мероприятиях руководителей обороны, а быть может, и движимый чувством вражды к славянам, изображает уход из города славянских предводителей для встречи стримонцев как «некий хитрый предлог» (πρόφασίν τινα δολίαν); он обвиняет их в том, что в самый критический момент они оставили город. Эти упреки несовместимы, однако, с его же указанием на то, что, выйдя из города, славянские военачальники заперли за собой ворота. Естественно, что таким образом они преградили выход из города не только фессалоникийцам, по поводу чего так негодует Камениата, но и своим же славянским воинам, остававшимся в городе. Это обстоятельство отчетливо свидетельствует, что они действовали не «как будто» (δῆθεν), а на самом деле по приказу фессалоникского стратига и что ни о каком бегстве здесь не могло быть речи. О. Тафрали (O. Tafrali, *Thessalonique...*, p. 152) совершенно неверно передает этот рассказ Камениаты, указывая, что через ворота Акрополя удалось спастись «стримонским славянам-лучникам».

Глава 43

1. Камениата первый из византийских авторов упоминает об этой церкви. Тафрали устанавливает ее местонахождение в северо-западной части города в районе Литейских ворот. Он исходит из того, что арабы напали на Камениату и его родственников неподалеку от Литейских ворот в момент, когда те укрывались в башне, находившейся против церквия Андрея Первозванного (O. Tafrali, *Topographie...*, p. 186—187). Но в действительности Камениата был захвачен в плен не у Литейских ворот, а вблизи ворот Акрополя (Cam., 545_{11}—547_8; ср. также p. 550_9—$_{10}$), и именно там должна была находиться церковь св. Андрея.

2. В Византии, в частности в Фессалонике, нередко целые семьи принадлежали к духовному сословию, что обеспечивало им спокойное и безбедное существование. Так, Феодора Солунская, жившая в Фессалонике в конце IX в., была дочерью протопресвитера и сестрой клирика и дьякона эгинской церкви. Ее старшая сестра тоже была монахиней. В одном монастыре с Феодорой жила и ее дочь (*«Житие и подвиги св. Феодоры Солунской»*, стр. 2 и 39, 4 и 40).

Глава 51

1. Монастырь Акруллион, как видно из нижеследующего рассказа Камениаты, находился при храме св. Георгия; по-видимому, он был расположен в одном из двух культовых зданий, построенных, как указывает Ш. Дельвуа (Ch. Delvoye, *Salonique...*, p. 398), к востоку и западу от храма св. Георгия

2. Церковь св. Георгия была некогда мавзолеем, построенным Галерием (293—311) в форме ротонды. Позднее, после превращения его в церковь (IV—VI вв.), вокруг здания была выстроена галерея. Храмы св. Георгия, св. Софии, Богоматери и св. Димитрия являлись самыми большими в городе. О храме св. Георгия см. E. Weigand, *Der Kalenderfries von Haghios Georgios in Thessalonike* (BZ, 39, 1939), p. 116—145, где указана литература об этой церкви. См. также Ch. Delvoye, *Salonique...*, p. 397.

Глава 53

1. τις τῶν οἰκετῶν. Речь идет, по всей вероятности, о рабах. Термин οἰκέτης употребляется в сочинении Камениаты дважды, однако в первом случае (Cam., p. 518_4) он не имеет никакого социального значения: жители Фессалоники, обращаясь с молитвой к „святому“ Димитрию, называют себя его рабами, М. Я. Сюзюмов, специально проследивший употребление этого термина в византийских источниках, пришел к выводу, что в это время термин οἰκέτης всегда обозначал раба [М. Я. Сюзюмов, *Производственные отношения в византийском городе-эмпории* (диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Рукопись, Свердловск, 1953), гл. VIII, стр. 12 — 14]. О применении труда рабов в Византии VIII — XI вв. см. М. Я. Сюзюмов, *Проблемы иконоборчества в Византии* („Ученые записки Свердловского пединститута“, т. IV, 1948); М Я. Сюзюмов, *Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в.* (ВВ, т IV, 1951); Е. Э. Липшиц, *Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII — IX вв.* (ВДИ, 1939, № 1) и особенно А. П. Каждан, *Рабы и мистии в Византии IX — XI веков* („Ученые записки Тульского пединститута“, вып. 2, Тула, 1951).

Глава 55

1. В христианской церкви экзархами называли послов римского папы и других патриархов, митрополита Фессалоники (с конца IV до начала VII в.) и др. (см подробно в Ἐλευθερ. Ἐγκυκλ. λεξικόν, t. V, Б. 629). Экзархами называли также тех представителей духовенства, которым патриархи, митрополиты и епископы передавали иногда часть своих административных прав по управлению монастырями, церковными округами или епархиями. Экзарх должен был следить за жизнью духовенства, улаживать различного рода споры и недоразумения, обследовать состояние церковных построек, литургической утвари и т. п (см. F. Dölger, *Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges*, München, 1948, S. 252, 253, документы № 95 и 96, где сообщаются любопытные сведения о вмешательстве патриарших экзархов в дела монастырских хозяйств). Настоятели и монахи должны были беспрекословно выполнять распоряжения экзарха. Срок его деятельности зависел от предоставленных ему прав (подробно о патриарших экзархах см.: J. Zhishmann, *Die Synoden und die Episkopalämter*..., S. 158—160). Возможно, именно таким экзархом в Элладе был отец Камениаты. Но допустимо и другое толкование, может быть, более близкое к истине. Отец Камениаты был известен как „ἔξαρχος τῆς Ἑλλάδος ἁπάσης“. Помимо уже названных случаев, титул „экзарх“ еще с V в. давался как особое отличие митрополитам и архиепископам константинопольскому, александрийскому, кесарийскому, каппадокийскому, эфесскому, антиохийскому; позднее, когда архиепископам константинопольскому, александрийскому, антиохийскому и иерусалимскому был присвоен титул патриарха, экзархами назывались епископы наиболее значительных митрополий, в частности афинской, епископ которой носил титул „ἔξαρχος πάσης Ἑλλάδος“ (см.: Ἐλευθερ. Ἐγκυκλ. λεξικόν, t. V, σ 629). Если понимать „ἔξαρχοϑ τῆς Ἑλλάδος ἁπάσης“ у Камениаты как титул, то следует прийти к заключению, что его отец занимал эту высокую церковную должность.

2. κληρικὸς καὶ αὐτός, καὶ τῶν ἐν τοῖς οἴκοις τῶν βασιλείων τεταγμένων εἷς. Помимо того, Камениата сообщает, что он принадлежал к составу чтецов (τῷ τῶν ἀναγνωστῶν τάγματι. Cam., p. 547_8). Ср. также: Cam., p. 600_4, где он назван „кувуклисием святейшей Фессалоникской митрополии“ (κουβουκλείσιος τῆς ἁγιωτάτης μητροπόλεως Θεσσαλονίκης). Определить с достоверностью место, которое занимал кувуклисий (κουβουκλείσιος или κουβούκλης) в византийской церковной иерархии, а также его функции не представляется возможным (Ducange, *Gloss.*, s. v.; J. Zhishmann, *Die Synoden*..., S. 175). В двух каталогах церковных должностей указывается, что кувуклий во время богослужения держал жезл архиерея: ὁ κουβούκλης, ἵνα βαστάζῃ τὸ δεκανίκιον τοῦ ἀρχιερέως, ὅταν περιπατῇ (J. Zhishmann, *Die Synoden*..., S. 175, Anm. 5). Судя по тому, что эту же обязанность выполняли остиарии, входившие в число церковнослужителей так называемого левого хора и принадлежавшие по своей должности к составу чтецов (J. Zhishmann, *Die Synoden*..., S. 174—175, а также табл. к S. 98), кувуклисии также являлись служителями левого хора и относились, как это свидетельствует и Камениата, к разряду чтецов (τῶν ἀναγνωστῶν). Анагносты принадлежали к числу низших клириков и занимали в иерархической лестнице православной церкви ступень, предшествующую иподьякону). Г Шлюмберже, имевший в своем распоряжении печати этих духовных лиц, отмечает, что кувуклисий мог быть дьяконом, иподьяконом, игуменом, хартофилаксом, монахом, хартулярием (G. Schlumberger, *Sigillographie de l'empire byzantine*, Paris, 1884, p. 386). Проф. Успенский, встретивший среди подписей под уставом Афонской Горы (составлен в 971 г.) подпись монаха игумена и кувуклисия Саввы, склонен был видеть в нем „быв-

шего блюстителя раки (кувуклии), вероятно, св. великомученика Димитрия“ (П. Успенский, *История Афона*, стр. 91, 276). И. Соколов также указывает, что кувуклисии являлись хранителями и блюстителями „святых мощей“ (И. И. Соколов, *Состояние монашества в византийской церкви с половины IX до начала XIII в.*, Казань, 1894, стр 376; ср также: F. Dölger, *Aus den Schatzkammern des Hlg. Berges,* S. 291, z. 43).

Титулу „кувуклисий“ в гражданской чиновничьей иерархии соответствовал титул „кувикулярий“. Константин Багрянородный неоднократно упоминает в „Церемониях“ о кувикуляриях, служивших в императорском дворце. Они были евнухами и выполняли обязанности спальничьих императора Императорские кувикулярии принимали участие в различных придворных церемониях и обрядах (Д. Ф. Беляев, *Byzantina,* кн. 1 и 2, СПб., 1891, 1893) и, помимо своих непосредственных обязанностей спальничьих, выполняли различные важные поручения императора.

3. Тарс—главный город Киликии. Находился возле горных проходов, через которые шел путь на Каппадокию; со времени захвата его арабами играл важную стратегическую роль в их нападениях на византийские владения.

4. Обмен пленными между византийцами и арабами происходил обычно на реке Ламус, немного западнее Тарса.

Глава 56

1. τῶν ἀρχόντων τινά. По-видимому, имеются в виду какие-то высшие сановники города.

Глава 57

1. Кимвалы — древний восточный ударный музыкальный инструмент, состоящий из двух металлических тарелок.

Глава 58

1. А. А. Васильев („*Византия и арабы*“, стр. 149) неточно передает это распоряжение Льва Триполийского, указывая, будто «населению было объявлено, что оно, если желает получить свободу, должно выдать мусульманам все деньги, обстановку, утварь». Несколькими строками ниже Камениата еще раз совершенно определенно пишет, что тех, у кого не было необходимого выкупа, «ожидала неминуемая казнь, сужденная всем, кто был беден» (Cam., p. 568_{7-8}); арабам был отдан приказ «предать казни» тех, у кого «имущество окажется скудным» (Cam., p. 568_{12-13}). Лев Триполийский прямо заявляет, что «смерть неминуема для всякого, кто не отдает свое имущество как выкуп» (Cam., p. 570_{12-14}). Речь шла, таким образом, не о получении свободы, а о сохранении жизни.

Глава 59

1. εὐνοῦχος τοῦ βασιλέως καὶ τῶν ἐξόχων εἷς, Ῥοδοφύλης οὕτω καλούμενος. Византийские хронисты в рассказе о захвате Фессалоники Львом Триполийским также упоминают о Родофиле (Ῥοδόφυλλος, Ῥοδοφύλλης, Ῥοδοφύλης), указывая при этом, что он был кувикулярием (Georg. Cont., p. 784_{11-12}; Leon. Gram., p. 277_{9}; Theoph. Cont., p. 368_{6}; Cedr. II, p. 263_{20}). О кувикуляриях см. гл. 55, прим. 2.

2. Камениата выражается весьма неопределенно: καί τινων χρειῶν ἕνεχεν πρὸς τῇ πόλει γενόμενος, Согласно сообщениям византийских хронистов, Родофил в пути заболел и заехал в Фессалонику (Georg. Cont., p. 784_{7-8}; Leon. Gram., p. 277_{11-12}, Theoph. Cont., p. 368_{8}; Cedr., II, p. 262_{22}.

3. Далее (p. 569_{22-23}) Камениата сообщает, что Родофил имел 2 та-

ланта золота (δύο τάλαντα. Талант — самая крупная мера веса; использовалась как денежная единица). Согласно указаниям византийских хронистов (Ps.-Sym., p. 708_{1}; Georg. Cont., p. 784_{7}; Leon. Gram., p. 277_{11}; Theoph. Cont., p. 368_{7-8}; Cedr., II, p. 262_{21-22}), Родофил вез с собой 100 литр золота (λίτρας ρ'; λίτρας ἑκατόν. Литра — основная единица византийского монетного веса; 1 литра = 12 унциям = 72 номисмам = 288 граммам; золотой грамм — 1/4 номисмы). А. Штрук (A. Struck, *Die Eroberung*..., S. 357) совершенно искажает рассказ Камениаты о деньгах, привезенных Родофилом в Фессалонику, и их дальнейшей судьбе.

4. Военные действия между Византией и сицилийскими арабами, находившимися под властью африканских Аглабитов, велись на протяжении нескольких десятилетий; преимущество, как правило, было на стороне арабов. К 904 г., после падения Таормины (902 г.), Сицилия, по сути дела, была потеряна для Византии. Деньги, которые Родофил должен был доставить в Сицилию, предназначались, по-видимому, для византийских войск, еще оборонявших остававшиеся за империей пункты (А. А. Васильев, *Византия и арабы,* стр. 130).

В отличие от Камениаты и других византийских хронистов, которые также указывают, что Родофил был послан в Сицилию (Georg. Cont., p. 784_{6}; Leon. Gram., p. 277_{9-10}; Theoph. Cont., p. 368_{6-7}; Cedr., II, p. 262_{21}) Псевдо-Симеон (Ps.-Sym., p. 707_{22}) сообщает, что он ехал πρὸς τοὺς Φράγγους. Это известие остается неясным (В. Г. Васильевский, *О жизни и трудах*..., стр. 413, 414).

5. Камениата не объясняет, почему Родофил отправил золото стримонскому стратигу, человеку, которого он сам же обвиняет во враждебном отношении к фессалоникийцам (Cam., p. 515_{7-10}). В ходе дальнейшего повествования становится известно, что, когда Лев Триполийский отдал приказ о сожжении города, некий Симеон (гл. 62, прим. 1) доставил это золото «оттуда, где оно было спрятано» (Cam., p. 576_{20}) и передал его предводителю арабов как выкуп за город. Византийские хронисты весьма неопределенно сообщают, что Симеон как выкуп за город отдал золото Родофила, которое тот «оставил по пути» (Georg. Cont., p. 785_{1-2}; Leon. Gram., p. 277_{16}; Theoph. Cont., p. 368_{12}; Cedr., II, p. 262_{3}). В „Житии Евфимия“ указывается, что Симеон, чтобы выкупить Фессалонику, использовал подарки и золото, предназначенные для болгар (VE, p. 53—54). Сопоставление данных источников приводит нас к выводу, что Родофил, желая ускорить прибытие в город стримонских лучников, отправил деньги стримонским славянам, которых автор „Жития Евфимия“ ошибочно называет болгарами Подробное обоснование см. Р. А. Наследова, *Македонские славяне конца IX — начала X в. по данным Иоанна Камениаты* (ВВ, т. XI), стр. 88 — 92.

6. Это восклицание Льва Триполийского не заключает в себе, по-видимому, какого-либо особого смысла. Из дальнейшего рассказа видно, что Лев все-таки сумел получить эти деньги (Cam., p. 576_{16-21}).

Глава 61

1. Камениата, к сожалению, умалчивает о том, для кого предназначался этот хлеб (τὸν σῖτον), с кем торговали фессалоникские хлеботорговцы. Возможно, что они вывозили хлеб из Македонии в Константинополь. Известно, что после потери Египта и Сирии, снабжавших столицу хлебом, Македония, так же как Фракия и некоторые другие провинции Византийской империи стали источниками снабжения Константинополя (Theoph. Cont., p. 479_{5-7}; Cedr., II, p. 516_{12-15}). На снабжение Константинополя македонским хлебом в XI столетии указывает Михаил Хониат (Mich. Acom., II, 83).

2. Согласно свидетельствам Табари и Сибт аль-Джаузи, которые А. Грегуар относит к захвату Фессалоники Львом Триполийским, число затопленных кораблей достигало шестидесяти. См.: А. А. Васильев, *Византия и арабы,* Приложение, стр. 15 и 124; ср.: А. Грегуар (H. Grégoire, *Le communiqué arabe...*, p. 374, 375), который, ссылаясь на Сибт аль-Джаузи указывает не 60, как А. А. Васильев, а 70 кораблей.

Глава 62

1. Византийские хронисты сообщают, что Симеон был асикритом (секретарем императора), а потом стал протасикритом (первым секретарем) и патрицием (Georg. Cont., p. 863_{12-18}; Leon. Gram., p. 277_{13-15}, Theoph. Cont., p. 368_{12-13}; Cedr., II, p. 262_{3-9}). В „Житии Евфимия" рассказывается, что позднее Симеон участвовал в посольстве, направленном императором Львом VI к римскому папе и восточным патриархам (VE, p. 53). Возможно, именно этот Симеон был также послом Льва VI; при обмене пленными между византийцами и арабами в 896 г. (А. А, Васильев, *Византия и арабы*, стр. 111 – 112). А. Штрук (A. Struck, *Die Eroberung...*, S. 559) ошибочно называет Симеона стратигом Стримонкой фемы.

Глава 63

1. А. А. Васильев неверно передает это место из рассказа Камениаты. Он пишет: «Часть населения, которая казалась лишь излишней обузой для арабов, была оставлена в городе, а относительно увозимых пленных Лев Триполитянин объявил, что жизнь их будет сохранена лишь в том случае, если на предстоящий обмен у Тарса император доставит такое же число пленных мусульман» (А. А. Васильев, *Византия и арабы,* стр. 149). Это условие ставилось по отношению к пленным, которых Лев оставил в городе (200 человек); для тех пленных, которых отправляли на кораблях, такого условия не требовалось, так как их предстояло обменять на арабов по обычным правилам.

Глава 67

1. Следует читать 'Εμβόλου. (гл. 4, прим. 5).

2. А. Грегуар (H. Grégoire, *Le communiqué arabe...*, p. 375) неправильно отождествляет Эмвол с Волвоном. Камениата совершенно точно указывает, что Эмвол они миновали не вечером, как пишет А. Грегуар, а утром (πλὴν τῆς ἡμέρας ἀρχομένης τὸν ἀγκῶνα παραπλεύσαντες τοῦ ῥηθέντος 'Εκβόλου), Волвона же они достигли поздним вечером (ἀνήχθημεν περὶ δείλην βαθεῖαν εἴς τινα τόπον Βολβὸν καλούμενον). Волвон находился где-то поблизости от оконечности полуострова Паллины (Cam., p. 579_{16-17}).

3. См. предисловие, стр. 157.

4. Одна из групп Спорадских островов.

5. Стадий (στάδιον) — мера длины, величина которой колеблется от 150 до 189 *м.*

6. Возможно, захваченный арабами корабль с хлебом шел с острова Евбея, расположенного по соседству со Спорадами. Известно, что этот остров был богат хлебом (*«Житие Христодула»,* изд. Σακκελίον, 'Ακολουθία ἱερὰ τοῦ ὁσίου Χριστοδούλου, 'Αθῆναι, 1884, σ. 151; А. П. Рудаков, *Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии*, М., 1917, стр. 170).

7. Один из Кикладских островов, отделен от о. Евбея проливом шириной в 15 *км.*

Глава 68

1. Один из Спорадских островов.

Глава 70

1. Самый большой из Кикладских островов.

2. После завоевания в 20-х годах IX в. Крита испанскими арабами этот остров стал одной из их опорных баз.

3. А.А. Васильев (*«Византия и арабы»*, стр. 150), а за ним и А. Грегуар (H. Grégoire, *Le communiqué arabe...*, p. 376) ошибочно отождествляют Зонтарий — местность, находившуюся на Крите, — с островом Санторино, самым южным из Кикладских островов, расположенным в 110 *км* к северу от Крита.

4. Непередаваемая этимологическая игра слов: Ζωντάριον неправильно связывается Камениатой со словом Ζωή — „жизнь“ (Прим. перевод.).

Глава 71

1. Если исходить из указания Камениаты, что арабский флот прибыл в Фессалонику в воскресенье 29 июля, и проследить дальнейшие события, то день, следовавший после прибытия кораблей на Крит, приходился, по-видимому, на воскресенье 26 августа.

2. Согласно мусульманским законам $^{1}/_{5}$ захваченной арабами военной добычи отчисляется в пользу государства, а остальное делится между участниками похода (см.: Коран, сура *«Добыча»*). Табари (III, p. 2250; А. А. Васильев, *Византия и арабы*, Приложение, стр. 15) сообщает, что Лев Триполийский установил долю каждого участника похода на Фессалонику (у Табари Фессалоника названа Anṭākiya. См.: H. Grégoire, *Le communiqué arabe...*, p. 375) в тысячу динаров. Ср.: Сибт аль-Джаузи (А. А. Васильев, *Византия и арабы*, Приложение, стр. 124), который называет ту же сумму.

3. «Плач Иеремии» — библейский рассказ о плаче второго из четырех «великих пророков» Ветхого завета Иеремии по поводу разрушения Иерусалима вавилонянами.

4. Иеремия, XXXI, 15. Рама — древнееврейский город, находившийся к северу от Иерусалима.

Глава 73

1. Основываясь на этих показаниях Камениаты, а также предполагая, что предназначенная для продажи в рабство молодежь составляла $^{1}/_{10}$ населения города, Дж. Финлей пришел к выводу, что в Фессалонике было в то время 220 тыс. жителей (G. Finlay, *A history of Greece from its conquest by the Romans to the present time*, vol. II, Oxford, 1877, p. 267, n. 1). Этот подсчет вызывает сомнение у некоторых ученых (см., например: A. Struck, *Die Eroberung...*, S. 542—543). Однако нет оснований слишком преуменьшать предлагаемую Дж. Финлеем цифру. Весьма вероятно, что 1/10 населения города составляла молодежь. По свидетельству арабского историка Сибт аль-Джаузи (конец XII—начало XIII в.), пользовавшегося ценными (утерянными в настоящее время) источниками, число захваченных арабами в Фессалонике пленных достигло даже 30 тыс. (А. А. Васильев, *Византия и арабы*, Приложение, стр. 24; H. Grégoire, *Le communiqué arabe...*, p. 375). Это свидетельство арабского историка находится в полном согласии с показаниями Камениаты, который рассказывает, что еще по дороге на Крит (где число пленных оказалось

22 тыс.) арабы уже продали часть пленных за большие деньги их богатым родственникам (Cam., p. 579 $_{12-15}$, H. Grégoire, *Le communiqué arabe*..., p. 375); многие вообще не доехали до Крита: во время мучительного плавания в трюмах арабских кораблей они погибали от недоброкачественной пищи и отсутствия воды (Cam., p. 581 $_{15-22}$). Чтобы проверить число захваченных арабами пленных, можно обратиться и к некоторым косвенным показаниям Камениаты. Так, он сообщает, что взявший Фессалонику флот Льва Триполийского состоял из пятидесяти четырех больших кораблей (Cam., p. 512 $_{2-5}$, 572$_{17-19}$). Есть у него и прямые указания о том, например, что на корабле, где находился Камениата, было 800 пленных и 200 арабов (Cam., p. 578 $_{22}$ 579 $_{2}$); на корабле Льва Триполийского после посадки пленных и арабов с другого получившего течь корабля оказалось „больше тысячи душ" (Cam., p. 595$_{9-10}$). Правда, Камениата замечает, что перегрузка его была так велика, что „судно лишь на ширину ладони возвышалось над водой". Если даже Камениата допускает преувеличение, то простая арифметика показывает, что для перевозки 22 тыс. пленных на пятидесяти четырех кораблях на каждое судно надо было посадить примерно 400 человек. Из показаний Камениаты видно, что корабли не имели и такой нагрузки: для перевозки пленных, помимо арабских кораблей, было использовано также большое число местных, фессалоникских судов (Cam., p. 573 $_{6-}$, гл. 61, прим. 2).

2. Сидон — город на побережье Средиземного моря. Возможно, этот сидонский корабль, как и тирские корабли (гл. 78, прим. 2), был построен в Триполи — резиденции Льва Триполийского, где имелись кварталы, населенные сидонянами и тирянами (Theoph. Cont., p. 366$_{15-17}$).

Глава 74

1. Остров Дия находится в 12 милях от Крита.

2. Диерой назывался военный корабль, имевший два ряда скамей для гребцов.

Глава 77

1. Пафос — город на юго-западном побережье Кипра.

2. Праздник крестовоздвижения отмечается православной церковью 14 сентября (старого стиля).

Глава 78

1. Крупнейший торгово-ремесленный центр Сирии. Завоеван у Византии халифом Омаром в 633 г.

2. Тир — город на побережье Средиземного моря.

3. В тексте — лакуна. Слово «доставили» восполняем по контексту (прим. перев.).

О НЕКОТОРЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ «ВЗЯТИЯ ФЕССАЛОНИКИ» ИОАННА КАМЕНИАТЫ

Как это нередко бывает с книгами, которым впоследствии суждено обратить на себя внимание, «Взятие Фессалоники» было написано по случайному поводу: Григорий из Каппадокии, подобно Камениате находившийся в арабском плену, встретился с ним, безвестным тогда фессалоникийским клириком, и, наслушавшись его рассказов об ужасах, пережитых во время осады города и после его падения, попросил описать все это. Так родилась небольшая книжка Камениаты, «человека неискушенного и непривычного к сочинительству» (гл. 79). Она поражает нас своей удивительной для византийской литературы непосредственностью и реалистичностью манеры, «лица необщим выраженьем».

Насколько нам известно, «Взятие Фессалоники» не являлось предметом специального литературоведческого исследования[1]. Поэтому мы считаем целесообразным поделиться некоторыми своими наблюдениями в этой области. Своеобразие сочинения Камениаты в значительной мере обусловлено мемуарными задачами автора. Это сказалось и в отборе материала и в его трактовке: героем произведения является автор, от его имени и ведется рассказ; исторические события не имеют для него самодовлеющего интереса и служат фоном, на котором развиваются его приключения и переживания. Эти непритязательные задачи Камениата подчеркивает неоднократно, с изложения их он начинает свое произведение и о них упоминает в конце: «В своем письме ты выразил желание узнать, как я, попав в руки варваров, томился в неволе, как сменил родную землю на чужие края,

---

[1] Отдельные замечания, связанные с художественными особенностями памятника, были, правда, высказаны К. Крумбахером, см.: K. Krumbacher, *Geschichte der byzantinischen Litteratur*, München, 1897

какова моя отчизна и ее обычай. Ты уверяешь, что за время краткого общения, которое выпало нам на долю, когда я был в Триполи, ты убедился, что история моя длинна, и все пережитое мною ранее и еще угрожающее в будущем ни с чем не сравнимо и превосходит все ужасы трагедий» (гл. 2). Завершается сочинение следующим характерным сообщением: «И вот я решил исполнить твою просьбу только для того, чтобы описание моих бедствий напоминало тебе о твоей ко мне дружбе и, постоянно тревожа твое сердце картинами страданий, побуждало стремиться к добру» (гл. 79, см. также гл. 3). Несмотря на задачи автобиографического характера, которые заставляли Камениату видеть только то, что лежало перед его глазами или с какой-то стороны непосредственно касалось его, — вопреки присущему мемуарному жанру эгоцентризму и эмпиризму памятник содержит также сведения, представляющие более широкий интерес и особенно ценные для историка.

В центре внимания, однако, находятся бытовые детали, так сказать «фессалоникийский микрокосм» и перипетии личной судьбы автора. Поэтому все события освещаются с точки зрения Камениаты и его семьи, без связи с социальными и политическими явлениями. Подобная ориентировка сочинения воскрешает перед нами множество культурно-исторических деталей, позволяющих представить себе повседневную жизнь большого средневекового города, деталей, искупающих другие, присущие этому произведению как историческому источнику недостатки[2]. Как верующий христианин, автор осмысливает все постигшие город, вернее его лично прежде всего, несчастья с традиционно-религиозной точки зрения, т. е. связывает нравственное поведение людей с участью, определяемой им богом. Камениата понимает разразившуюся катастрофу как возмездие бога за то, что фессалоникийцы отвернулись от него, как наказание, наложенное на грешников, чтобы вразумить их и наставить на путь истинный (гл. 12—15). Рассуждение не обходится без софизмов, когда Камениата пытается понять, за что же погибли свободные от грехов монахи, которые «были пойманы, как овцы, пасущиеся без присмотра, и, закланные мечом, разделили участь грешников» (гл. 38). Эти трезвые сомнения, правда, тотчас опровергаются ортодоксально христианским ответом: «Думается мне, однако, что смерть их, как говорит псалмопевец, была любезна перед лицом господа, и ею он муд-

---

[2] K. Krumbacher, *Geschichte der byzantinischen Litteratur,* S. 255 sq.; A. Struck, *Die Eroberung Thessalonikes durch die Sarazenen im J. 904* (BZ, XIV, 1905).

ро удостоил возлюбленных рабов своих, дабы их славная жизнь увенчалась мученической кончиной и щедро излилась на них награда за долготерпение и воздаяние за несказанную добродетель» (гл. 38). Живая, сейчас же благочестиво потушенная мысль рисует нам византийского человека, каким он, очевидно, был в действительности и каким мы, как правило, не видим его в официальных источниках.

Наивное объяснение беды, постигшей Фессалонику, и шаблонность оценки причин различных событий вполне понятны, если учесть, что Камениата — человек посредственно образованный (гл. 8, 11, 67 и сл.), ничем особо не примечательный, хотя и одаренный наблюдательностью и литературным талантом. Эти особенности умственного склада автора заставили его интересоваться теми сторонами жизни, которые обычно не освещались византийской литературой, писать, почти не ориентируясь на литературные образцы, и только о том, с чем ему приходилось вступать в непосредственное соприкосновение. Быт, в частности, мало привлекал внимание византийских писателей; у Камениаты, напротив, он вводится очень широко, и нередко даже в высоких трагических контекстах речь идет о самых прозаических, обыденных вещах (гл. 57, 67—69) и второстепенных деталях, которые почему-либо произвели на него впечатление.

Вследствие того, что Камениата интересуется событиями только в личном плане, нам, как уже отмечалось, открылась несколько неожиданная сторона византийской жизни, отсутствовавшая в большинстве исторических сочинений из-за стремления авторов обобщить факты и выдержать общепринятый нормативно-тенденциозный шаблон. В памятниках историографической литературы, особенно если речь шла о столкновениях византийцев с народами, не исповедовавшими христианства, события укладывались в определенный трафарет, согласно которому герои произведения, воплощавшие положительное начало, оказывали, как правило, успешное и во всяком случае решительное сопротивление носителям абсолютного зла — «неверным». В зависимости от политических установок писателя трафарет этот выдерживался с большей или меньшей последовательностью, но во всех случаях авторы противопоставляли врагам империи достойных ее представителей. Если критике подвергались сторонники определенных группировок, то основная масса воинства неизменно оказывалась на высоте. Несколько другую картину мы наблюдаем в воспоминаниях Камениаты, хотя он отнюдь не ставил перед собой критических или обличительных задач, а только давал фотографию виденного, не ретушируя во вкусе

привычного историографического шаблона. Поэтому защитники Фессалоники у него не только лишены героического ореола, но изображены растерянными и даже трусливыми. «Когда ужасная весть была объявлена, — пишет Камениата, — в городе поднялся крик, всех объяли страх и смятение, — ведь впервые ушей наших достигло предупреждение о столь невероятной и тревожной опасности» (гл. 16). Далее мы узнаем, что «горожане, подстегиваемые страхом, словно листья при порыве ветра, попадали на землю» (гл. 34), и оказались «поистине трусливее зайцев» (гл. 31). Немалое место уделяет автор и панике в городе после его захвата (гл. 36, 37). Психологически интересная деталь, отлично передающая атмосферу ужаса и растерянности в городе, описание картины, когда насмерть перепуганные горожане следят со стены за приближением вражеского флота, представляющегося их воображению почти сверхъестественным: «Многим даже мерещилось, что корабли не движутся по воде, а летят по воздуху» (гл. 23).

Таким образом человеческая личность вопреки литературной традиции представлена отнюдь не нормативно-героической, как это обычно принято было у византийских писателей; это особенно отчетливо заметно, если присмотреться к серии портретов отдельных людей. Так автор прежде всего изображает себя и своих близких. Как люди практические и трезвые, чтобы иметь возможность договориться с врагами, Камениата и его семья прячутся в каком-то укреплении отдельно от остальных (гл. 42) и, пообещав богатый выкуп, ведут арабов к тайнику, где закопаны сокровища (гл. 46 и сл.); обеспечив свое спасение, они с наивным эгоизмом смотрели на горы валяющихся на улицах трупов и, «если замечали среди убитых кого-нибудь из близких или друзей, сдавленными стонами указывали на него друг другу; не было времени ни оплакать покойника, ни сделать для него что-нибудь во имя прежней дружбы. Беспомощно погоревав над убитым, мы вновь возвращались к своим заботам» (гл. 54). Последняя ситуация при ином, обычном для произведений того времени, восприятии характера неизбежно привела бы к героической коллизии в духе, например, «Антигоны» Софокла. Камениата не боится показать себя и своих близких в будничном, обыденном свете: только когда опасность окончательно миновала, они вспоминают о ближайших родственниках (о матери, детях, женах, братьях, сестрах) «тут, словно мы лишь теперь познакомились с бедой, нашими помыслами овладела тревога за близких» (гл. 56).

В таких же принципах выдержаны и фигуры посланцев

императора, прибывших для оказания помощи Фессалонике, — Петроны, Льва и Никиты. Все они преимущественно пекутся о том, чтобы удовлетворить свое тщеславие, поэтому каждый следующий вопреки пользе дела отменяет решения предшественника и придумывает собственный план обороны города (гл. 17, 18, 19) — так последовательно создаются подводные барьеры, достраивается низкая южная стена, возводятся деревянные башни. Нельзя упускать из виду при этом, что лояльно настроенный Камениата (гл. 16, 17, 20, 21, 29) не имеет в виду критиковать высоких должностных лиц, более того, он относится к ним с симпатией и уважением. Несколько двусмысленная характеристика, которую императорские посланцы получают на страницах его книги, определяется только реалистическим, далеким от трафарета, используемого историографией при обрисовке положительных персонажей, принципом подхода к личности. Особенно это сказывается при изображении стратига Льва. Положительно оцениваемый автором (гл. 19, 27, 29), он показан без должностного ореола и героических черт. В этом смысле характерно, например, следующее описание: «С одной стороны, его ум занимали размышления о грозящем бедствии, о том, каким способом спасти Фессалонику от нападения варваров, с другой же, его еще с большей силой отвлекала от них острая боль; перелом, угрожавший ему гибелью, заставлял забыть обо всем, кроме своего собственного выздоровления. Так наш стратиг, страдая от той и другой беды, ничего не мог сделать для города» (гл. 19).

Врагов Камениата обычно изображает без соответствующей стилизации и преувеличений, как их мог видеть цивилизованный грек, столкнувшийся с невидимым, экзотическим миром (гл. 25, 35, 66) и испытывающий ужас перед жестокостью и алчностью арабских пиратов (гл. 35, 39, 40, 45, 48, 49, 52, 53, 54, 56, 58, 62, 64 65, 67, 69, 76). В некоторых местах он даже отдает должное отваге врага, его военным талантам и гуманности (гл. 26, 29—32, 48—49, 55). Следует отметить, что мемуары совершенно лишены столь, казалось бы, естественной (особенно для клирика) тенденции подчеркивать религиозное превосходство христиан и вообще акцентировать моменты религиозной розни; намеки на то, что граждане Фессалоники — мученики за истинную веру, встречаются крайне редко (гл. 24, 44, 72).

Но отход от трафарета, непосредственность восприятия человеческой личности, хотя и проявляются в портретах арабов, характерны для них в значительно меньшей степени, чем для греков. Оно и понятно, так как при всей терпи-

мости Камениаты его мировоззрение остается религиозно-клерикальным[3].

Особенно широко автор использует штамп, изображая центральные фигуры — Льва Триполийского и не названного по имени предводителя, действующего в гл. 51—52; они написаны без отклонения от шаблонной схемы, с отрицательными качествами, сгущенными до зловещих пределов. Оба — Лев Триполийский и этот безымянный герой — абсолютные злодеи, воплощение мирового зла.

Весьма характерно в связи с этим, что Лев почти не называется по имени, а именуется θήρ — «зверь» или чаще τύραννος (гл. 25, 55, 58, 59, 62, 78), а предводитель (главы 51—52), по-видимому, инициатор массового истребления греков в храме св. Георгия, и вовсе не получает имени: они воспринимаются автором как обобщенное и до предела схематизированное олицетворение зла, ярости и греха. О Льве мы читаем: «Никто из величайших на земле нечестивцев не доходил, подобно этому человеку, до того, чтобы с ненасытной жадностью любоваться потоками человеческой крови и более всего жаждать гибели христиан» (гл. 24).

Не удивительно, что традиционно мыслящий и воспитанный на церковной литературе клирик заимствует образы для описания злодеев из апокалиптики Нового и Ветхого Завета[4]. Лев Триполийский, подобно Антихристу, коварен, злобен и кровожаден наподобие льва, так что «дела его в полной мере соответствовали его имени» (гл. 24). В связи с такой концепцией образов главных героев даны и портреты некоторых второстепенных лиц — арабы предстают как одержимые злым духом (гл. 29), нередко сравниваются со зверьми (гл. 25, 29, 34, 36, 45, 49, 52), а описание их страны напоминает соответствующие картины антихристова царства, каких мы найдем немало в церковной литературе[5]: это место нечестия и скверны, где «попирается наша святая вера, чтятся неслыханные пороки, где превозносится позор и прославляется исступление, бесстыдство удостаивается великой почести, где мужская сущность насильственно обращается в женскую и оскорбляется природа, где все противоестественно и все обращено ко злу» (гл. 72).

---

[3] На это уже обратил внимание К. Крумбахер.

[4] W. Bousset, *Der Antichrist in d. Überlieferung d. Iudentums, d. Neuen Testaments u. d. alten Kirche,* Göttingen, 1895; E. Wadstein, *Die Eschatologische Ideangruppe: Antichrist, Weltsabbat, Weltende, Weltgericht,* Leipzig, 1896; см. также: Rubin, *Der Fürst d. Dämonen* («Ein Beitrag zur Interpretation von Prokops Anecdota») (BZ, 1951, Bd 44, Heft 1—2).

[5] W. Bousset, *Der Antichrist...*; E. Wadstein, *Die Eschatologische...*

Подобно тому как в произведении Камениаты сосуществует традиционное и индивидуальное восприятие событий и человеческих характеров, неоднороден в этом смысле и его стиль. Кое-где он индивидуален и реалистичен, кое-где, особенно в области лексики, весьма заметно влияние традиций религиозной литературы (Септуагинты, сочинений отцов церкви, Нового Завета) [6]

Вследствие малой начитанности Камениаты, только лишь религиозная литература оказала влияние, да и то весьма ограниченное, на манеру его и распространялась лишь на религиозно-философские рассуждения и общие места типа патетически приподнятого прооймия. В собственно нарративной части, где у более образованного автора можно было бы обнаружить следы воздействия светских литературных памятников, Камениата самобытен и интересен. Стиль здесь прост, реалистичен, не чужд иногда живой разговорной речи, иначе говоря, отмечен печатью авторской индивидуальности. Позволим себе привести примеры, иллюстрирующие характерные особенности этих двух стилей, не опосредствованного литературной традицией реалистического и книжно-витиеватого стиля церковной прозы. К первому относятся такие образцы разговорной речи, как: «Пусть он сгинет вместе со своими деньгами. Они, кажется, не пошли бы нам на пользу, если б и нашлись» (гл. 59) или: «Один из эфиопов, самый бесстрашный и дерзкий, превосходящий всех их ростом, приблизился ко мне и пытался ударить мечом по голове. Я поднял руки и сказал: Не делай этого, потому что лишишь себя и своих товарищей больших денег» (гл. 46); так же просто, но впечатляюще написан такой эпизод: «Когда мы подошли, он спросил наших стражей, кто мы такие и почему нас помиловали. Они вкратце все ему объяснили и, взяв нас сзади за плечи, заставили пасть к его ногам. Тогда он повернул меч, что держал в руке, тупой стороной, коснулся им головы каждого из нас, а затем велел нам подняться с колен и ободриться, добавив: „Получив такое доказательство безопасности, вы впредь не должны — я ручаюсь вам в этом — тревожиться за свою жизнь"» (гл. 51).

Напротив, не свободны от назойливой книжной традиции

[6] Обратив впервые внимание на лексическую близость Камениаты к памятникам религиозно-церковной литературы, К. Крумбахер («Geschichte der byzantinischen Litteratur», S. 266), однако, придает этому влиянию слишком большое значение, полагая, что его „словарный состав целиком покоится на Септуагинте, Новом Завете и других памятниках церковной литературы", обходя молчанием другую стилистическую линию, характерную для данного памятника.

такие, например, рассуждения: «С тех пор как купель божественного крещения обратила скифское племя, и ему, наравне с христианами, уделено от млека благочестия, прекратился мятеж городов, опустился меч, привыкший к убийству, и некогда предреченное громогласнейшим из пророков, Исайей, сбылось воочию» (гл. 9) или: «Но буде мы за содеянные на земле прегрешения и достойны несчетных кар и сами повинны в надвигающемся на нас бедствии, мы не знаем другого бога, окромя увенчавшего тебя, ради коего ты свершил святой подвиг, кого ты прославил, подражая его страданиям, благодаря коему ты получил благодать чудотворства и был дарован нам в качестве стены крепкой и опоры незыблемой, ибо неустанно ты молишь его за нас и испрашиваешь нам благо. И ныне взгляни на наше смятение и беспомощность, внемли нашей мольбе, встань верной заступой за своих рабов, избавь от грозящего утеснения, да не насмеются над нами сыновья служанки Агарь и да не скажут: „Где их защитник?"» (гл. 22).

Приведенные наблюдения над художественной манерой Камениаты свидетельствуют о том, что перед нами сложное и противоречивое литературное явление, еще ожидающее более подробного исследования.

С. ПОЛЯКОВА

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ — Византийский временник.
ВДИ — Вестник древней истории.
ИБАИ — Известия Болгарского археологического института.
ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе.
ПВЛ — Повесть временных лет, т. I. М., 1950.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
„Чтения" — Чтения в Имп. Обществе истории древностей российских.

* * *

Annae Comn., II — Annae Comnenae Alexias, Bonnae, II, 1878.
Antip., II — Antipatri Thessalonicensis epigrammata, Anthologia Palatina, II, Paris, 1888.
AASS — Acta Sanctorum Bollandina
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique.
BZ — Byzantinische Zeitschrift.
Byz. — Byzantion.
Cam. — Ioannes Cameniates, De excidio Thessalonicensi, Bonnae, 1838.
Cantac., II, III — Cantacuzenus, Historia, Bonnae, II (1831), III (1832).
Cedr., II — Cedrenus Georgius, Historiarum compendium, Bonnae, II, 1839.
De them. — Constantinus Porphyrogenitus. De thematibus, Bonnae, 1840.
De adm. imp. — Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, Budapest, 1949.
De cerim. — Constantinus Porphyrogenitus. De cerimoniis aulae byzantinae, Bonnae, 1829.
Dem. Chomat. — Demetrii Chomatiani opera, ed. J. B. Pitra, Analecta sacra et classica spicilegio solesmensi, t. VI, Romae, 1891.
EO — «Echos d'Orient»
Georg. Cont. — Georgius Monachus Continuatus, ed. Muralt, „Ученые записки II отделения Имп. Академии наук", СПб., 1861, кн. 6.
Georg. Pachym., I — Georgius Pachymeres, Bonnae, I, 1835.
Herod. — Herodotus, Historia, Lipsiae, 1864.
Joan. Anagn. — Joannis Anagnostae de excidio Thessalonicensi, Bonnae, 1838.

Jus — Jus Graeco-Romanum, ed. C. E. Zachariae a Lingenthal, Lipsiae, 1856—1884.

Lavra — Actes de Lavra, ed. G. Rouillard et P. Collomp, vol. I, Paris, 1937.

Leon Gram. — Leonis Grammatici Chronographia, Bonnae, 1842.

Mich. Acom., II — Michael Acominatus Choniates, Opera, ed. Lambros, t. II, Athen, 1880.

Migne, PG — J. P Migne, Patrologiae cursus completus, series graeca.

Migne, PL — J. P. Migne, Patrologiae cursus completus, series latina.

MM — Acta et diplomata graeca medii aevi, ed. F. Miklosich et J. Müller, Vindobonae, 1860—1890.

Niceph. Chumn., II — Nicephorus Chumnos, Opera, ed. Boissonade, Anecdota Graeca, t. II, Paris, 1830.

Niceph. Greg., I — Nicephorus Gregoras, Historia, Bonnae, I, 1829.

RE — Paulys — Wissowa, Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft, Stuttgart, 1894.

REB — Revue des études Byzantines.

Strab., II — Strabonis Geographica, t. II, Berolini, 1847.

Theod. — Theodoretus Cyrensis episcopus, Historia ecclesiastica, Migne, PG, vol. LXXXII.

Theoph., I — Theophanes, Chronographia, ed. C. de Boor, I, Lipsiae, 1883.

Theoph. Cont. Theophanes Continuatus, Bonnae, 1838.

Theopyl. Bulg. Theophylacti Bulgariae archiepiscopi epistolae, Migne, PG, vol. CXXVI.

VE — Vita Euthymii, ed. C. de Boor, Berlin, 1888.

Zosim. — Zosimus, Historia, Bonnae, 1837.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ, ТОПОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

СОДЕРЖАНИЕ

ДВЕ ВИЗАНТИЙСКИЕ ХРОНИКИ
X ВЕКА

*

Утверждено к печати
Институтом истории
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *Т. М. Ангора*
Художник *Л. Г. Ларский*
Художественный редактор *И. М. Русина*
Технический редактор *Л. Т. Цигельман*
Корректоры *М. М. Хасман* и *Л. Г Тумасова*

*

Сдано в набор 15/I-1959 г.
Подписано к печати 11/VII 1959
Т-08141 Формат 60×92 1/16.
Печ. л. 16,5 + 0,5 вкл. Уч.-изд. л. 18,35
Тираж 3000 экз. Зак. 95
Цена 12 руб.

*

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Тип. Издательства восточной литературы
Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
93	1 сн.	Васялий	Василий
95	11 св.	ἤσυχος	ἦσυχος
95	13 св.	εὐράμην	εὑράμην
99	25 св.	χρόνουςγ	χρόνους γ'
103	20 св.	γνῴ.,	γνῴ-
129	17 св.	ὑπερῴοις	ὑπερῴοις
143	1 св.	Ἰωάνυο	Ἰωάνου
222	1 сн.	о говли	торговли
227	8 сн.	он	они
228	14 сн.	бов	арабов
237	22 св.	τινςὰ	τινὰς
239	16 сн.	ἡμέρας	ἡμέρας
258	прав. кол. 18-19 сн.	Мироспасительни-ницы	Мироспаситель-ницы

Две византийские хроники X в.

Подписи: